

Академик В. М. Плоских

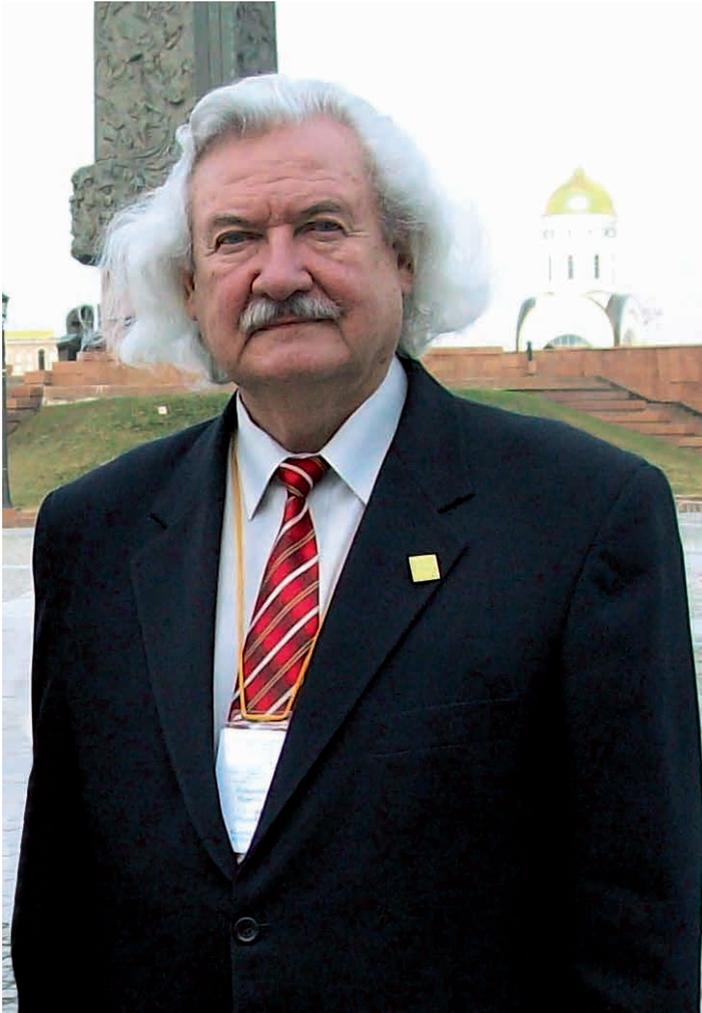
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

III

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Библия, Екклесиаст 3:5

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature is fluid and appears to be the name of the man in the photograph above.

Академик В. М. Плоских

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

III

Редакционная коллегия:

А. А. Асанканов, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук
А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Т. К. Койчуев, акад. НАН КР, д-р экон. наук
З. К. Курманов, д-р ист. наук, проф.

Составитель:

профессор В. А. Воропаева

Ответственный редактор:

академик НАН КР Т. К. Койчуев

Плоских В. М.

Собрание сочинений: в 15 т. / сост. проф. В. А. Воропаева; отв. ред. акад. Т. К. Койчуев. — Бишкек: Нео Принт, 2014–2021.

Владимир Михайлович Плоских — один из ведущих учёных Кыргызстана, внёсших значительный вклад в развитие исторической науки республики.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной академии наук Кыргызстана, действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, археолог, педагог, писатель, член Конфедерации подводной деятельности России, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области науки и техники, лауреат общественных премий им. Е. Д. Поливанова, А. П. Чехова, И. Бунина, Ататюрка, И. Ахунбаева.

В. М. Плоских — руководитель Центра источниковедения и рукописного наследия Института истории и культурного наследия НАН КР, директор Института мировой культуры, заведующий кафедрой истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета, главный редактор научного журнала «Диалог цивилизаций».

Награждён почётными грамотами КР, удостоен государственных наград КР — ордена «Манас» III степени, медали «Данк», имеет другие награды Кыргызской Республики, а также России, Казахстана, Украины, Туркменистана. Является автором ок. 500 научных трудов по истории, археологии, источниковедению, кыргызско-российским межгосударственным взаимоотношениям.

Основные научные проблемы, которыми более 50 лет занимается В. М. Плоских, обобщены и систематизированы в Собрании сочинений учёного.

**Национальная Академия наук Кыргызской Республики
Кыргызско-Российский Славянский университет
Госдирекция по подготовке и проведению года Курманджан Датки
Благотворительный фонд им. Курманджан Датки**

В. Плоских

**КУРМАНДЖАН —
АЛАЙСКАЯ ЦАРИЦА**

Эпоха глазами современников и потомков

Исследование, эссе, материалы, документы

Бишкек — 2015

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2 Ки)
П 39

*Рекомендовано к печати ученым советом
гуманитарного факультета КРСУ*

Ответственные редакторы:

А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук

Рецензенты:

А. А. Акматалиев, акад. НАН КР, д-р филол. наук
А. А. Асанканов, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук

Вводное слово:

Ж. Джолдошова, учредитель Благотворительного фонда
им. Курманджан датки

ПЛОСКИХ В.

П 39 **Курманджан – Алайская царица. Эпоха глазами современников и потомков:** *Исследование, эссе, материалы, документы* / отв. ред.: д-р филос. наук А. Ч. Какеев, д-р ист. наук Д. Д. Джунушалиев; вводное слово Ж. Джолдошовой; 2-е изд. – Бишкек: Нео Принт, 2015. – 432 с.: ил. (Собр. соч.: в 15 т. / В. М. Плоских; – Т. III).

ISBN 978-9967-12-195-9

В книге, посвященной Курманджан датке, приуроченной к 200-летию юбилею Алайской царицы, научно исследованы исторические события времени Кокандского ханства и Российской империи, жизнь, быт и культура кыргызского народа эпохи родоправительницы Алая. В научном ключе и художественно-публицистических этюдах трактуется жизнь Курманджан и окружавших её исторических лидеров Кыргызстана, Коканда и России. Приводятся воспоминания современников, архивные документы, иллюстрации.

Книга адресована всем, интересующимся прошлым своей Родины и её героев.

П 0503020911-11

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2 Ки)

ISBN 978-9967-12-195-9

© В. Плоских, 2011, 2015

*Автор выражает благодарность
Ж. Джолдошовой, учредителю
Благотворительного фонда
им. Курманджан датки
за помощь в подготовке
и издании монографии
«Курманджан – Алайская царица.
Эпоха глазами современников
и потомков: Исследование. Эссе.
Материалы. Документы»
Бишкек, 2011*

ВВОДНОЕ СЛОВО

Курманджан датка – владычица Алая, мудрый политик, правитель обширного горного края, явление, поистине уникальное для исламского мира XIX столетия. Большинство историков вполне справедливо считают эту личность национальной выразительницей чаяний и идей своего времени.

Впрочем, заслуженно высокая оценка исторической роли Алайской царицы подвергает ее образ риску быть погребенным под толстым слоем сентиментальных домыслов и легенд. И здесь перед исследователем стоит непростая задача – отделить зерна правды от плевел фантазии и народной молвы. Это проблематично, если не знаешь многого об эпохе, в которой довелось жить нашей героине и ее современникам. Так не поленимся поднять груды архивных документов, сохранившихся поныне исторических свидетельств эпохи Курманджан датки. Многие из них поведают нам о крупнейшей в Средней Азии XIX века цитадели средневекового деспотизма – Кокандском ханстве. Далеко не последнюю роль в становлении и последующем упадке этого ханства сыграли кыргызы.

Эпоха Курманджан – это переломный этап в истории, образе жизни и культуре кыргызского народа, время присоединения к России и перестройки всего общественно-экономического уклада.

Последующие события XX века стали новым этапом формирования советской модели государственности кыргызского народа – от автономной области в составе Российской Федерации до союзной республики СССР и, наконец, суверенного кыргызского государства.

200-летний юбилей Алайской царицы позволяет нам с высоты сегодняшнего дня еще раз посмотреть и оценить пройденный путь, чтобы уверенно строить новое светлое будущее народов Кыргызстана.

Ж. Джолдошова,
*учредитель Благотворительного фонда
им. Курманджан датки*

Часть первая

**ВО ВРЕМЕНА
КОКАНДСКОГО
ХАНСТВА
И РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДВЕ ЖИЗНИ КУРМАНДЖАН ДАТКИ

В 2011 году исполнилось 200 лет со дня рождения царицы Алая – Курманджан датки. Уникальная для восточной женщины XIX века судьба этого политического деятеля и поэтессы достойна того, чтобы про нее слагали поэмы, писали романы, снимали кинофильмы. Но однажды чуть не канула в Лету память о мудрой родопрavitельнице.

Свет доброго имени Курманджан, озарявший поколение кыргызстанских борцов против кокандского ига, едва не угас в советские времена. Не жаловали идеологи большевизма память о «манапско-бийском отроде». В итоге многое из того, что сегодня мы знаем о правительнице горного края, осталось лишь благодаря народной молве. Впоследствии кропотливый труд историков подтвердил достоверность рассказов потомков, сопроводив их слова сохранившимися документами. Но хранимые тремя поколениями сведения о легендарной царице собраны по крупицам, чтобы затем лечь в основу многочисленных научных трактатов и художественных произведений. Раз народ так чтит имя своей героини, оно для него свято. Даже того немногого, что мы знаем сейчас об этой женщине, достаточно, чтобы в почтении снять перед ней шляпу...

Но начнем по порядку. Надо сказать, непокорный характер будущей датки дал о себе знать, когда та еще ходила в невестах.

СТРОПТИВАЯ НЕВЕСТКА

Родилась Алайская царица в 1811 году в айыле Орок, расположенном в живописных окрестностях Оша. Едва девушке исполнилось 18 лет, как ее выдали замуж согласно местным традициям и шариату. Но вскоре произошло нечто, идущее вразрез с общепринятыми тогда местными обывательскими нормами «благочестия». Курманджан решила оставить нелюбимого мужа и вернуться в родные места к отцу Маматбаю. Такого здесь ранее никогда не бывало! Аксакалы, местные муллы и сородичи не знали, что поделывать: калым-то давно уплачен...

Здесь позволим себе историческую ремарку. Дело в том, что участь непослушной девушки могла бы быть весьма незавидной, если бы кыргызы в то время действительно следовали жестким канонам средневекового исламского права. Такого не наблюдалось, чему способствовали, как минимум, две причины. Во-первых, Кыргызстан издревле слыл узловым пунктом пересечения разных духовных культур – от зороастризма до буддизма. Душа кочевника, как губка, впитывала все веяния, привносимые извне странниками Шелкового пути. В итоге народ выработал известную широту взглядов – лучшее противоядие от жестокого законничества и религиозного экстремизма.

А еще местные жители были не слишком строгими мусульманами, поскольку мало понимали молитвы на незнакомом языке и каноны ислама. Известен, например, такой анекдотичный случай. Однажды манап племени сарыбагыш Ормон-хан по многочисленным просьбам своих соплеменников перенес священный пост ураза с лета на зиму на том лишь основании, что летний день длиннее зимнего. А вот что оставил в своих записках побывавший в Кыргызстане казахский политик, литератор и общественный деятель Чокан Валиханов: «Все дикокаменные киргизы исповедуют мусульманскую религию или, лучше, называют себя мусульманами, не зная ни догматов веры, ни ее требования. Все обряды их и поверья до сих пор сохранили полный оттенок шаманизма...».

Но даже с учетом «либерального» по тем временам отношения к шариату дальнейшая судьба строптивой невестки могла

бы сложиться печально. Вмешалось провидение. В месяце тэке 1247 года хиджры, то есть в июле 1831 года, проезжал по благодатному джайлоо Алая хаким – управляющий Андижанского вилайета (административная область Кокандского ханства), родоправитель южных кыргызов Алымбек из рода барчы, племени адыгине. Именитый путник направлялся в Алай для решения ряда запутанных дел. Нарушительницу спокойствия привели к хакиму. Невеста поклонилась и встала у входа в юрту.

– Ты и есть та самая непослушная Курманджан? – спросил хаким. Ответчица еще раз учтиво склонила голову. Длинные косы скользнули на грудь. Алымбек, покоренный красотой и благородством юной женщины, вскоре сделал ее своей женой. Так наша героиня стала верным сподвижником и советчиком знаменитого датки, верховного визиря и фактического правителя Алая в Кокандском ханстве.

Но идиллия продолжалась недолго. Летом 1863 года хаким стал жертвой очередного дворцового переворота. Но Курманджан, уже искушенная к тому времени в политике, не отдала власть в чужие руки. Фактически она сохранила независимость Алая, сумев получить фирман – документ от бухарского эмира Музаффера и кокандского хана Худояра, удостоверяющий законность наследственных прав и титула «датка». Но мира и спокойствия не было в Коканде: близилась агония ханства.

В ОГНЕ ВОССТАНИЙ И БЛЕСКЕ СЛАВЫ

В 1875 году народное движение кыргызов против кокандского ига достигло своего апогея. Хан бежал в Россию. Кыргызы провозгласили новым правителем своего ставленника – муллу Исхака Хасан-уулу, выдав этого самозванца за потомка кокандской династии Пулат-хана. Годом позже войска Российской империи под началом генерала Михаила Скобелева двинулись на Алай. Наступление закончилось разгромом бежавших туда соратников самозваного Пулат-хана. Среди сподвижников восставших был старший сын Курманджан датки, Абдуллабек. Он вместе со своими братьями Маматбеком и Хасанбеком возглавил движение повстанцев после гибели мятежного хана. При-

шел на помощь русским войскам со своим отрядом джигитов и знаменитый баатыр северных кыргызов Шабдан Джантаев. В горах скрывалась и Курманджан.

Вскоре удалось пленить Алайскую царицу. В ставку М. Д. Скобелева ее проводили с почетом, придавая значение сану и влиянию на алайских кыргызов. С тех пор царица Алая навсегда связала свою судьбу с Россией. Со многими из представителей военной и гражданской администрации у правительницы сложились добрые отношения. Она вела активную переписку с военным губернатором Ферганской области, неоднократно обмениваясь с ним и другими высокими чинами подарками и фотографиями. Есть архивные свидетельства, что сын датки Маматбек хранил целую пачку писем из этой переписки. Правда, отыскать эти бесценные документы пока не удалось.

Благодаря победе генерала Скобелева в Алай пришли мирные времена. А для Курманджан настал недолгий период относительного спокойствия, вознесший ее на вершину славы. Именно тогда народная молва дополнила титул «Алайская царица» почетным званием «мать народа». Мудрость правительницы ценили и туркестанские генерал-губернаторы. При каждом удобном случае, обычно во время визитов в область, одаривали ее богатыми подарками. А главный начальник края генерал-адъютант фон Кауфман в 1880 году добился Высочайшего соизволения государя на пожалованье ей пожизненной пенсии в размере 300 рублей в год. Большие, скажем вам, по тем временам были деньги: например, на 100 рублей в России тогда можно было купить небольшую деревню.

Но не только регалии, почетные награды покоряли сердца подданных и поклонников почтенной правительницы. По воспоминаниям современников, Курманджан прекрасно разбиралась и в европейской моде. Со вкусом носила изысканные заграничные платья, украшения. Превосходно умела танцевать и говорила на нескольких бытовавших в Кокандском ханстве языках, знала арабскую грамоту.

И в почтенном возрасте Курманджан датка оказалась окруженной всеобщим почитанием и славой. Но беда подкралась неожиданно, ранив царицу в самое сердце...

ПЛАЧ МАТЕРИ

Трагедия произошла в 1893 году. В пограничной полосе пропали объездчик и два стражника. Власти не на шутку встревожились, подняв войска и наняв осведомителей. Вскоре нашли виновных. Среди них оказались самый любимый младший сын алайской правительницы Камчыбек, другой сын Маматбек, внуки Арстанбек, Мырзапаяз и другие, всего 20 человек. Задержанных обвинили в контрабанде и убийстве таможенников.

К тому времени уже 82-летняя Курманджан датка бросилась спасать детей и внуков. Она поехала в Маргелан к военному губернатору Повало-Швыйковскому. Ничего не помогло. Следствие тянулось долго, почти два года. Военный суд вынес сыновьям Курманджан датки и их близким сподвижникам приговор: девяти – к смертной казни, среди которых был и младший сын Камчыбек. Шестерых – к ссылке на каторжные работы, в том числе и Маматбека, Арстанбека и Мырзапаяза. Причем одиннадцать подсудимых были оправданы.

Так престарелая датка познала, что значит выдержать бесконечные судебные тяжбы. Никакие обращения к царским властям, никакие напоминания о заслугах, ни вмешательство сановных друзей не повлияли на исход дела. Весной 1895 года, 3 марта, приговоренных к смертной казни вывели на площадь в старой части Оша, где и повесили в 11 часов 10 мин. Вот тогда, собрав все силы, Курманджан исполнила древний обряд своего народа – начала кошок, плач-причитание о гибели любимого сына. Люди в печали слушали и запоминали слова. Из толпы кричали: «Невиновен!». Но все уже было кончено. Сломленная горем Курманджан датка удалилась в небольшой кишлак на Алае оплакивать горькую судьбу своих детей.

Мало кому известно, что образованная, одаренная многими талантами Курманджан сочиняла лирические стихи, подписывая их именем Зыйнат. Современники высоко ценили совершенство стихотворных строк и ставили их в один ряд с творчеством других поэтесс Востока, современниц автора: Надиры, Дильшод, Махзуны. Причем царица сочиняла не только на родном кыргызском языке, но и на тюрки, фарси. Сохранилась лишь малая часть ее

поэтического наследия. Хочется верить, что еще можно восстановить затерянное. В свое время, лет 25 назад, мне удалось подержать в руках два тома дивана (сборника), в котором, как говорили хранители рукописей Института востоковедения Узбекской академии наук, имелись и стихи Зыйнат.

А в народной памяти остались поэтические строки из айтышей – состязаний поэтов, в которых участвовала правительница Алая. К тому же газели Зыйнат, известные узбекским историкам, ждут своего повторного перевода на кыргызский язык.

Трудно удержаться от того, чтобы не поделиться с читателем выдержкой из знаменитого кошока царицы Курманджан в час казни младшего сына Камчыбека:

*Сокол мой, сынок Камчыбек,
Покидаешь ты бренный мир,
Оставляешь неверный мир,
Сеть расставил жестокий век,
Захлестнули тебя петлей,
Растается душа с тобой.
Я скрутила горе свое,
Чтоб народ от беды сберечь,
В сердце скрыла горе свое,
Чтоб народ в беду не вовлечь.
Ты главы своей не склонил,
Честь джигита ты защитил.
Как в куреше, по пояс гол,
Смерть презревши, в расцвете сил,
Ты на схватку без страха шел.*

.....
*Сын мой верный, прощай, прости.
Ты шейит на святом пути!¹*

¹ Перевод проф. М.А. Рудова (Рудов М. Стихотворной строкой: Поэтический сборник. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2008. – С. 47–48).

Изучение творчества Курманджан-Зыйнат только начато, но уже в первых опубликованных стихах очевиден поэтический талант автора. Стараниями ряда историков, писателей, общественных деятелей и мастеров искусства имя легендарной Алайской царицы вернулось из забвения, вновь став путеводной звездой для поколения кыргызстанцев.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ЦАРИЦЫ

Мудрая правительница снова живет, но уже в другом измерении – в литературе, а также на театральной сцене. Воплощается Курманджан датка и в граните памятников в Оше, на Алае, в Бишкеке, а также на Иссык-Куле, где намечено возвести большой музейный комплекс ее имени.

Об этой царице в разное время писали царские офицеры Б.В. Тагеев, финляндский маршал Т. Г. Маннергейм, русская писательница К. Новоселова, узбекский ученый Х. Бобобеков, кыргызские прозаики и поэты Т. Касымбеков, М. Абылкасымова и С. Жусуев. Не обошли вниманием известную личность историки Т. Кененсариев, А. Газиев, Т. Омурзакова. Но официальная историография советского времени придерживалась принципа «умолчания». Лишь благодаря суверенитету Кыргызстана и проведенным в 1991 году торжественным мероприятиям по случаю 180-летнего юбилея Курманджан открылся свободный доступ к всестороннему исследованию жизни легендарной алайской правительницы.

Не так давно она начала жить и на киноэкране. В конце 2010 года в бишкекском кинотеатре «Ала-Тоо» прошла презентация полнометражного документального фильма «Тоо ханшасы» («Горная царица»). Кинокартина создана по инициативе кыргызстанского Благотворительного фонда им. Курманджан датки. Режиссер кинофильма З. Эралиев, сценарист Ю. Тойчубеков, продюсер Ж. Джолдошова. На презентации фильма Президент Кыргызстана Роза Исаковна Отунбаева предложила объявить 2011 год Годом Курманджан датки. Намечено также создать художественную киноленту, опубликовать фундаментальную научную монографию, проведен ряд республиканских и меж-

дународных конференций – и все в основном на внебюджетные средства. Воплощение замыслов координирует упомянутый фонд Курманджан.

Так пишется история новой жизни гордой царицы Алая. Слагаем ее мы с вами. А вот еще пару строк этой настоящей поэмы жизни. В июне 2011 года на Иссык-Куле прошла летняя школа для молодых историков стран СНГ по проблемам культурного наследия Востока. Речь шла о роли Курманджан в истории Центральной Азии и России. Участникам этой встречи предстояло найти ответ на непростой вопрос: «Какое будущее уготовим мы прошлому нашей страны?».

А сегодня современники и потомки, все жители Кыргызстана считают своим человеческим и гражданским долгом отдать дань памяти Курманджан датке – матери кыргызского народа.

Да святится ее великое имя в веках!

**Владимир Плоских,
академик, доктор исторических наук,
профессор;**

Глава I

КУРМАНДЖАН ДАТКА И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Как известно, чем больше мы делаем для блага своей страны, тем теснее обстоятельства нашей жизни вплетаются в ее судьбу. Что же говорить о людях, чьи имена стали достоянием истории, как, например, имя Курманджан датки... Если разобраться, наиболее важные политические решения Алайской царицы выражали суть многих сокровенных стремлений кыргызского народа. Понять их логику до конца невозможно, не проследив этапы становления этноса от древности до наших дней.

А сделать это непросто, поскольку даже слово «кыргыз» считается одним из древнейших этнонимов в Центральной Азии. Первые письменные упоминания об этом народе содержатся в китайских летописях 201 года до нашей эры. Поскольку письменность – сравнительно недавнее в исторической перспективе изобретение человечества, устные предания о кыргызах и их предках, думается, намного древнее.

Старожил Азии

Впрочем, сегодня невозможно назвать народность, в родословной которой было бы все ясно и отнесенительно чего ученые не ломали бы копья в спорах по поводу возможных гипотез. Но кыргызам повезло

в этом смысле намного больше, чем некоторым другим этническим группам. Поскольку сохранился шедевр народного творчества – эпос «Манас». Для опытного и пытливого исследователя это своего рода энциклопедия кыргызской жизни. Но и она не в состоянии дать исчерпывающий ответ о месте, откуда появился великий народ. В частности, юный Манас спрашивает отца Джакыпа о происхождении своего рода. Аксакал, в затруднении, ответил:

*О дитя мое, род твой навеки
Из тюрков-кыргызов.
Правил предок наш,
Потеснив род кытай.
Растеряли мы свой народ
Тогда, когда в разных местах
Каждый из нас правителем ходил¹.*

Прародина кыргызов в эпосе не указана, но многие события в их жизни происходят на Алтае, Тянь-Шане, Алае и в Восточном Туркестане. Как видим, Джакып помнит только деяния своего отца и лишь упоминает о времени более древнем. Но и в этом достаточно смутном упоминании есть свидетельство о былом величии этноса: «Кыргызы были правителями многих народов». Стало быть, у них было не просто собственное государство, а империя, подданными которой были представители множества этносов.

Первое в истории упоминание об этой державе содержится в летописях другого старожила Азии – Китая. Как отмечается в «Исторических записках» «китайского Геродота» Сыма Цяня, в III веке до нашей эры мощное государство гуннов во главе с Маодунем (Модэ) покорило на севере несколько владений, в том числе владение, или страну гэгуней. Как раз к этому времени и относятся упоминания «царства Гэгунь». Причем, что касается внешних связей, то в VIII веке Кыргызский каганат во внешней политике продолжал поддерживать связи с Тибетом и Китаем. В 722 году ставку Танской династии посетил кыргызский посол Иси-бо Шэйчжи Биши тегин

¹ Горная царица Курманджан и ее время / Ред.: акад. А. Какеев, акад. В. Плоских Благотворительный фонд им. Курманджан датки. – Бишкек: Илим, 2002. – С. 38.

² Том III. В. М. Плоских

(сын кагана), в 723 г. там побывал кыргызский посол – тегин Цзуйли Пинхэчжун. Известно также, что в 724, 747, 748 годах кыргызские послы тоже побывали в этой ставке. Надпись на памятнике, найденная в местности Бегре Енисея, выполненная руническими письменами, содержит сведения о высокопоставленном и уважаемом человеке по имени Тёр-апа (Торпе), который в 15 лет был направлен в распоряжение китайского императора, где получил воспитание. Памятник, найденный в местности Хербис-Баары Тувы, повествует о том, что принц Кулук-Йиге в 27-летнем возрасте был отправлен в народ Токуз татар. О том, что посол по имени Эрен Улуг был послан в Тибетское государство, енисейский письменный памятник описывает так: «Эрдем учюн тютют канка йала-бач бартым» – «Я пошёл послом в Тибетское ханство из-за своей смелости...».

Как впоследствии выяснили историки, термин «гэгунь» употреблялся для передачи труднопроизносимого для китайцев слова «кыргыз». Русский ученый Н.А. Аристов еще в 1893 году закончил свой знаменитый труд об усунях и о кыргызах, где прямо пишет: «Древнейшее упоминание о кыргызах и их стране относится к 209 – 201 гг. до Р.Х., когда в числе северных владений, покоренных шаньюем хуннов Модэ, названо Гэгунь наряду с Динлином».

На вопрос же, где находилось это кыргызское государство и где проживали кыргызы в древности – в Монголии, в верховьях Енисея или в Восточном Тянь-Шане, ученые до сих пор не пришли к единому ответу. Однако большинство склоняется к предположению, что впервые упомянутые кыргызы проживали на территории Восточного Туркестана, затем мигрировали через Монголию в верховья Енисея. Именно там прошел сравнительно недолгий, но весьма яркий период истории народа – время его великодержавия. Тогда кыргызы на Енисее получили для восстановления своей государственности удобные историко-географические условия. Они покорили малые народы тайги и стали называть их «кыштым», то есть «зависимые, подчинённые».

Просуществовавшая с VI по VIII век империя енисейских кыргызов имела достаточно развитую систему управления. Во главе государства стоял монарх. Его называли ажо, позже – каган. Он имел свою хорошо укрепленную ставку, знамя и личную гвардию. Государство также обладало четко отлаженной административно-

территориальной системой управления, располагало значительными по тем временам вооруженными силами – 80 тысяч строевого войска. Но не армия и административный аппарат сохранили дела государственных деятелей этой страны от забвения. Имена некоторых правителей стали бессмертными благодаря другому шедевру народного гения – руническому алфавиту. Благодаря ему кыргызы и в XXI веке помнят и чтут некоторых своих древних предков.

БАРС ЕНИСЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Но странные надписи, найденные на сибирских просторах, – орхоно-енисейские руны, так и остались бы немymi свидетелями старины, если бы не кропотливый труд историков и лингвистов. Один из них – русский исследователь С.Г. Кляшторный. Его успех в прочтении старых рунических текстов позволил идентифицировать одного из замечательных правителей государства енисейских кыргызов конца VII – начала VIII веков. Речь идет о кыргызском кагане Барс-беке. Это пока первое имя кыргыза, которое донесла история до наших дней. Он был выдающимся политическим, государственным деятелем и полководцем своего времени. Происходил из древней правящей кыргызской династии.

Род Барс-бека, как считалось, находился под особым покровительством богини Умай-эне. Потому родоправители носили титул умай-бег. Его имели управители всех шести округов Кыргызского каганата. Возможно, ажо, помимо светской власти, обладал и полномочиями жреца. В конце VII века Барс-бек, ощутив силу своего народа, совершил важный политический акт: принял титул кагана с тронным именем Ынанчу Алп Бильге. Он также добился создания военной коалиции против орхонских тюрков с табгачами (с китайцами), «с каганом десятистрельного народа» (с тюргешами), а также с тюркскими родами чик и аз. Но сыграло свою роль вероломство новоиспеченных «друзей»: предводители одного из якобы дружественных кыргызам народов родоправители Тонукёк и Кюл-тегин со своей дружиной начали боевые действия против своих союзников.

Зимой 710 – 711 годов вчерашние союзники, перевалив через Кёгменские (Саянские) горы, неожиданно напали на кыргызов. В этом сражении Барс-бек героически погиб, воюя с врагами

на лесистой местности Сунга. Впрочем, орхонские тюрки стали его уважать как достойного врага, а енисейские кыргызы в ряде своих памятников руническими письменами записали в его память слова поклонения, причитания о невосполнимой утрате. Причитание-текст, написанный руническими письменами на памятнике, найденном в местности Алтын-Кёл Енисейской долины, содержит такие строки: «Тёрт инелги бизни эрклиг адырти йыта. Эр эрдем учун иним эчим уйарын учун бенгумин тике берти», то есть: «Нас было четверо, дорогих братьев. Нас разъединил Эрклиг (Бог смерти). Как жаль! Поставили вечный памятник за нашу смелость и мужество, за благородство моих младших и старших братьев».

Рунические надписи подтверждают факт внутреннего единства кыргызского народа, названного в орхонских письменах «кыркыз бодун», то есть «кыргызский народ». Можно с полной уверенностью утверждать, что именно Барс-беку принадлежит идея гегемонии кыргызов в Центральной Азии, которая была осуществлена позже – в период так называемого Кыргызского великодержавия (IX век). Судя по сохранившимся руническим и китайским письменным источникам, именно в эпоху этого правителя в этническое самосознание кыргызов была вложена идея государственности. Спустя века это зерно дало благодатные всходы. В частности, на исходе XIX столетия плодом устремлений далеких енисейских предков стала четко осознанная их туркестанскими потомками необходимость создания суверенного государства. В то время она проходит красной нитью сквозь многие политические решения лидеров нации, в том числе и Алайской царицы. Но, чтобы пылкому желанию оформиться в хорошо обоснованную идею, потребовалось тысячелетие.

Мудрец из Барскауна и Баласагунский «СОЛОВЕЙ»

Енисейский каганат был не единственным результатом государственного строительства кыргызов в период раннего Средневековья. Другой державой, в основании которой участвовал и кыргызский этнос, стал существовавший на Тянь-Шане в X – XI веках Караханидский каганат. Государство основал правитель Сатук Карахакан. В 955 году он принял ислам суннитского толка. Наследник этого владыки Муса сделал мусульманскую веру государственной

религий. В то время ведущую роль в державе играла этническая группа «читали» – одно из родовых объединений кыргызов. Столицей каганата был город в Чуйской долине – Баласагун. В данном центре, руины которого исследовали в XX столетии кыргызстанские археологи, была создана первая в Центральной Азии поэма на тюркском наречии – «Кутадгу билиг» («Благодатное знание», 1069 г.). Создатель произведения – уроженец этих мест Юсуф Баласагунский – является современником другого незаурядного литератора и мудреца – Махмуда Кашгари. Последний – уроженец расположенного в те времена на берегу Иссык-Куля города Барскауна – создал жемчужину тюркской словесности «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь древнетюркских наречий») (1072 – 1074 гг.).

Юсуф Баласагуни в своих рифмованных звучных стихах изложил свое понимание идеи справедливого государя и благоденствующего государства, где все могут жить счастливо. Произведение было очень популярным, ряд его строк со временем превратился в народные пословицы и поговорки. Поэт из Баласагуна первым ввел в сферу словесного творчества Средней Азии, наряду с господствовавшим тогда арабским и персидским литературными языками, тюркский язык. Притом Юсуф Баласагуни прекрасно понимал значение своего творчества. В его произведениях есть такие строки:

*Я к знаниям стремился с желанием упорным,
Низал слово к слову я слогом узорным,
Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным.*

«Диван лугат ат-тюрк» ал-Кашгари – памятник тюркской культуры, запечатлевший этические ценности и нормы поведения, специфическое мировосприятие тюркских народов в XI в., впитавший в себя все предшествующее наследие предков. В книге наряду с древним зороастрийско-шаманистским миропредставлением запечатлены элементы новой идеологии – ислама и такой его ветви, как суфизм.

Махмуд ал-Кашгари, будучи младшим современником Юсуфа Хасс Хаджиб ал-Баласагуни, испытал на себе его влияние, в особенности во взглядах на роль и сущность языка. Махмуд ал-Кашгари писал: «Вместе с этими (словами) я собрал в книге

упоминаемые предметы и известные (употребительные) слова, и таким образом книга поднялась до высокого достоинства и достигла отличного превосходства». Автор представил жанры тюркоязычного фольклора – обрядовые и лирические песни, отрывки героического эпоса, исторические предания и легенды (о походе Александра Македонского в область тюрков-чигилей), более 400 пословиц, поговорок и устных изречений.

Поэма Юсуфа Баласагунского и «Диван...» его современника пережили века, оставив в сердцах потомков память о давно минувших веках. К слову, литературным талантом отличалась и дальняя наследница Юсуфа Баласагунского и Махмуда Кашгари Курманджан датка. Продолжив богатую поэтическую традицию своих предков, она прославила это наследие в XIX веке своими стихотворными сборниками под псевдонимом поэтессы Зыйнат.

МУХАММЕД ИЗ РОДА КЫРГЫЗОВ

Уже к XIII веку из земель каганата остались лишь Алтай и Джунгария как плацдарм для контроля над богатыми оазисами Восточного Туркестана. Затем кыргызское государство разделилось на несколько владений. А в 1293 году войска монгольского хана Хубилая вторглись в Минусинскую котловину и разгромили кыргызское ополчение. Правящая элита кыргызов была уничтожена, государство енисейских кыргызов ликвидировано окончательно.

В результате нашествия монгольских орд Тянь-Шань вошел в улус Чагатая, сына Чингисхана. С этого времени и позже государствами на Тянь-Шане правили Чингизиды. Но уже в 1269 году курултай монгольских князей, собравшихся в Таласе, объявил о полной независимости нового государства, во главе которого стал потомок Чингисхана Хайду. Это государство территориально охватывало львиную долю Средней Азии. Ставка Хайду находилась на Тянь-Шане. Несмотря на то что это была держава Чингизидов, кыргызы играли в нем важную военно-политическую и социально-экономическую роль. Последнее обстоятельство дало основание некоторым историкам считать государство кыргызским.

После смерти Хайду – в 1301-м или, по другим данным, в 1302 году, междоусобная борьба претендентов на престол при-

вела к развалу государства на две части. На Тянь-Шане возникло государство Моголистан, на западе, в Мавераннахре, – владения Тимура. Между двумя державами шли длительные войны с переменным успехом. Позже на историческую арену взошел другой кыргызский правитель – идейный предшественник Курманджан датки, Мухаммед Кыргыз. Его ставка находилась на берегу Иссык-Куля, в местности Барскаун.

Можно с полной уверенностью сказать, что свою жизнь этот смелый политик посвятил борьбе за независимость своего народа и создание независимого кыргызского государства. При этом он ориентировался на союз с Казахским ханством. При Мухаммеде кыргызы вновь выступили как самостоятельное, хотя и хрупкое государственное объединение. Мудрость и заслуга основателя государства состоит в том, что он, как писал современник Мухаммеда, летописец Мирза Хайдар, «собрал всех кыргызов» и вопреки желаниям монголов стал проводить самостоятельную политику. Недолговечное ханство официально именовалось «кыргызским улусом». По свидетельству того же Мирзы Хайдара, у узбекских эмиров в Туркестане, Ташкенте и Сайраме «не было сил, сумеющих оказать сопротивление при случае нашествия» Мухаммеда Кыргыза.

В 1517 г. монголы вошли на кыргызскую землю. Началась ожесточённая война. В итоге войско Мухаммеда Кыргыза в местности Барскаун Иссык-Куля потерпело поражение, а сам он был взят в плен. Султан-Саид, хотевший держать кыргызов в зависимом положении, в течение пяти лет держал Мухаммеда Кыргыза в Кашгарской тюрьме. Затем, чтобы перетянуть Мухаммеда Кыргыза на свою сторону, в 1522-м освобождает его из тюрьмы и, признав его вновь «эмиром кыргызов», отправляет на родину в сопровождении своего сына Рашида.

Мухаммед Кыргыз сразу же по возвращении на родину начинает тайно готовиться к войне против монголов и искать себе союзников в борьбе с ними. В 1524 г. он ведёт переговоры с казахским султаном Тахиром о союзе. Содержание этой тайной беседы становится известным Султану-Саиду, который вновь берёт в плен Мухаммеда Кыргыза и увозит в Кашгар. До 1533 г. Мухаммед Кыргыз находится в Кашгарской тюрьме, где и умирает. Несмотря на это, было положено начало созданию антимонольского

кыргызско-казахского союза. В 1523 – 1524 гг. кыргызские и казахские воины действовали вместе. Кыргызско-казахское соглашение о дружбе, несмотря на отдельные срывы, продолжалось до второй половины XVI века.

Но вскоре завоевательные походы Джунгарского и Кокандского ханств почти на четыре столетия лишили кыргызский народ возможности создать свое государство. Но его идея продолжала жить. Были ли в дальнейшем попытки восстановления кыргызской государственности? Безусловно. Правда, и они не увенчались успехом.

ОРМОН-ХАН – ХАН БЕЗ ХАНСТВА

Как известно, Кокандское ханство – этот колосс Ферганской долины – возникло в XVIII столетии, когда от Бухарского ханства обособилась в качестве самостоятельного владения Фергана. В нем первоначально власть захватили ходжи – представители клерикальных дервишских братств. Около 1710 г. узбекский феодал из племени минг Шахрух-аталык перехватил власть и положил начало новой ханской династии, правившей в Коканде до 1876 г.

В первой половине века ферганские правители номинально еще считались в подчинении бухарского хана, но фактически были полностью самостоятельными, выступали даже против Бухары. С середины XVIII века, с периода правления Ирданы-бия, на печатях кокандских владетелей он обозначен как суверенный правитель. Кокандское ханство, обретя независимость, стало соперничать с Бухарским эмиратом, бороться с ним за власть.

Что интересно, вполне самостоятельно на политической арене в то время выступали кыргызские феодалы. Имеется смутное упоминание в российских источниках, что в первой половине XVIII века у кыргызов было вполне суверенное владение по соседству с Бадахшаном.

В XVIII веке южные кыргызы представляли реальную силу, активно участвовавшую во внешнеполитических делах соседей. Восточные хроники намекают, что уже преемник Шахруха Абд ар-Рахим находился в союзе с кыргызами и выступал на их стороне в феодальных усобицах вокруг самаркандского владения.

Национальным героем XIX века стал манап северо-кыргызского рода сарыбагыш Ормон хан. Летом 1842 г. он созвал знаменитый курултай на западном берегу Иссык-Куля в местности Котмалда (ныне Балыкчы) с целью объединения кыргызских племен против Кокандского ханства. По предложению некоторых биев Ормон Ниязбеков был избран верховным ханом кыргызов. В 1847 г. он отразил нашествие казахского султана Кенесары Касымова.

К сожалению, не признали Ормона ханом его сородичи – родоправители других кыргызских родов и племен, и государство возродить не удалось. С начала 1850-х годов отношения Ормон-хана с бугинцами стали портиться, хотя он, желая упрочить свои связи, выдал свою дочь Кулан за сына главного бугинского манапа Боромбая – Омурзака. Бугинские манапы во главе с Боромбаем с приближением русских войск к Иссык-Кулю стали все более выходить из повиновения Ормон-хану. А саяки, во главе которых Ормон-хану удалось поставить своих сыновей Уметаалы и Чаргына (в Нарыне и Атбаша), довольно прочно находились под его властью. Он обдумывал пути и способы, которыми он мог бы сделать бугинцев более покорными. Его очень привлекали берега Иссык-Куля, стратегическую позицию которых он находил более удобной для своей ханской ставки.

В одном из междоусобных сражений Ормон-хан скончался после получения раны в результате столкновения племен сарыбагыш и бугу. Как описана гибель героя в одном из дневников российского путешественника и ученого Семенова-Тян-Шанского, смертельно раненный и сбитый копьем с лошади Ормон был перенесен в юрту сына Боромбая, Омурзака, и умер на руках его жены, своей любимой дочери. Так пережитки родоплеменного сознания помешали герою осуществить давнюю мечту своего народа – объединить кыргызов под сенью единого государства. К счастью, продолжатели дела сарыбагышского родоправителя, потомки многих других кыргызских родов впоследствии смогли преодолеть подобную узость политического мышления. Тому предшествовал ряд блестящих побед и досадных промахов. Но это уже была эпоха Курманджан и Кокандского ханства.

Глава II

КАК КЫРГЫЗЫ ВОШЛИ В СОСТАВ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Перед тем как детально рассмотреть эпоху, в которой довелось родиться и жить Алайской царице, нелишне проследить историю возникновения ее страны, вспомнив заодно зарождение и смену династий ее правителей.

Возникновение Кокандского ханства в начале XVIII века связано с узбекским феодалом Шахрух-бием. В 1709 году он основал царскую династию Минг, оттеснив от власти первоначально правившее здесь сообщество ходжей, – представителей клерикальных дервишских братств. Новоиспеченное государство, которое поначалу называлось бекством, включало в себя территории городов Коканда, Исфары и Маргелана и их окрестностей. Династия прервалась в 1876-м. О ее возникновении бытует следующая легенда. Знаменитый султан Бабур, правнук Тимура (Тамерлана), однажды направлялся из Самарканда в Индию через Ферганскую долину. Там одна из его жен разрешилась мальчиком по дороге между Ходжентом и Канибадамом. Ребенка, прозванного Алтун-башиком, приютили кочевавшие в той местности представители узбекского рода минг. От них пошло и название династии.

Когда же выяснилось происхождение пасынка, Алтун-башик был провозглашен бием и поселился в Ахсы. Один из его потомков, Абду-Раим, поселился в кишлаке Дыйкан-Орда. Впоследствии

главным местом пребывания родоначальника династии стал город Коканд. Арабские упоминания об этом селении известны, как минимум, с X века. В частности, путешественники Истахри и Ибн-Хаукаль упоминают о городе Ховакенде или Хоканде, который по расстоянию от Сырдарьи и от Ахсы соответствует нынешнему Коканду. «Основание» города Абду-Раимом, описанное в летописях Кокандского ханства, скорее всего, состояло в том, что новый правитель построил там урду и городские стены. Воспользовавшись междуцарствием в Бухаре, он предпринял поход на это ханство, занял Самарканд, Катты-Курган, добирался и до Шахрисябза. Затем заключил мир с тамошним правителем и женился на его племяннице, после чего вернулся в Ходжент. Там в 1740 году был убит своими приближенными¹.

В первой половине XVIII столетия ферганские правители номинально еще считались в подчинении бухарского хана, но фактически были полностью самостоятельными, выступали даже против Бухары. Эта независимость, почти столетия бывшая де-факто, стала таковой де-юре лишь в середине XVIII столетия, когда суверенитет правления кокандского властителя Ирданы-бия был подтвержден на его печатях.

Чтобы лучше понять логику стремительного восхождения Курманджан на политический Олимп этой многонациональной державы, упомянем еще один немаловажный момент. Дело в том, что в целях укрепления взаимоотношений с кыргызами ханы старались вступить в родственные отношения с ними путем женитьбы. Нарбото-бий был женат на кыргызке, его сын Алим-хан родных братьев своей матери Момунбека и Ырыскулбека (кыргызов) назначил командующими своего войска. Во время правления Мадали-хана кыргыз Нусуп (Юсуф) был назначен минбаши, Алымбек из кыргызского племени адыгине, Сейитбек из племени кесек, Полот из племени дөөлөс, Сатыбалды из племени аваат, Ажыбек из Таласского региона и другие влиятельные люди получили звание датки.

¹ История Средней Азии. Сборник исторических произведений / Сост.: А.И. Булдаков, С.А. Шумов, Р.А. Андреев. – М.: Русская панорама, 2003. – С. 104.

Они занимали высокое положение не только в пределах своих племен, но и в общественно-политической жизни ханства.

Преемник Мадали-хана, пришедший к власти с помощью кыргызов, Шералы-хан (1842 – 45), с малых лет жил среди кыргызов в Чаткальском, Аксыйском и Таласском регионах. Согласно историческим источникам, отец Шералы-хана Ажыбек и Нарбото-бий были родными братьями. Ажыбек был убит во время борьбы за ханский трон сыном Нарбото-бия Алим-ханом. Поскольку жена Ажыбека была кыргызкой, после смерти мужа она со своими сыновьями Улукбеком и Шералы находит прибежище у своих родственников в Аксы и Чаткале. Улукбек умер в пути. А Шералы рос у своих родственников по материнской линии. Обе его жены – Соно-айым (айым – титул знатных дам) и Жаркын-айым – были кыргызками. Его сыновья были: Сарымсак – амир ляшкером, Маллабек – ханом (1838–62), Кудаяр – ханом (1845–58, 1862–63, 1865–75), Сопубек – акимом Андижанского региона, Султан Мурад – акимом Маргеланского региона. В этот период в ханстве резко возросло влияние кыргызов и должность главного визиря (премьер-министра) занимал Алымбек датка (1858–62), минбаши – Нусуп (1842–44) и Касым (1853–56), должность аталыка занимал Алымкул (1863–65), Атабек был найибом (командующим пеших воинов и артиллерии), Шералы – ынаком, т.е. военачальником конной армии, а Кыдыр-бий занимал должность эшикага, т.е. руководил администрацией ханского двора. Все важные политические события, происшедшие в ханстве в 30–60-х годах XIX в., совершались при непосредственном участии известных вышеназванных кыргызских родоправителей, а также родовой знати – правителей кипчаков.

Итак, было ли случайным появление будущей Алайской царицы в близком кругу политической элиты Коканда? Разумеется, нет: с самого начала существования ханства заметную роль в нем играл ряд племен южных кыргызов, вошедших в число подданных ханства.

В одной из хроник, серия которых была подобрана в 1734 году для российской царицы Анны о казахах, кыргызах, туркменах, бухарцах и других среднеазиатских народах, упоминалось и некое кыргызское владение: «Еще есть в соседстве с Водокшанс-

кою (Бадахшан. – *Прим. авт.*) землю малая провинция киргис, где собственной их хан, откуда зачинаютца вершины реки Анда, текущей в великую Индию»¹. Обращает на себя внимание выделение независимой кыргызской «провинции», у которой был даже «собственный» хан.

Выходит, в XVIII столетии южные кыргызы представляли собой реальную силу, активно участвовавшую во внешнеполитических делах соседей. Восточные хроники намекают, что уже преемник Шахруха Абд ар-Рахим находился в союзе с кыргызами и выступал на их стороне в феодальных усобицах вокруг самаркандского владения.

Во всяком случае, Мухаммед-Вафа-Керминикий в сочинении «Тарихи Рахим-Хани», на которое ссылается А.З. Валидов, говорит, что, по преданиям, во время смут и междоусобиц в Средней Азии в первой половине XVIII столетия город Самарканд находился около шести лет в руках «киргизских» феодалов. В это же самое время кокандский правитель Рахим-бий держал сторону мятежников².

Рахим-бий выступал на политической арене Средней Азии уже как крупный ферганский правитель. Он овладел Ходжен-том, его власть признавала половина племен казахов Старшего жуза хана Джолбарса³. Тем не менее основное влияние Рахим-бия распространялось главным образом на Центральную Фергану, хотя временно в его подчинении был даже Ташкент⁴. Восточная и Южная Фергана в это время выступали, вероятно, независимо и управлялись кыргызскими феодалами. Мухаммед Хаким-хан, автор рукописи «Мунтахаб ат-Таварих», сообщает о борьбе между правителем Ходжента Акбуты-бием (на службе у которого был кыргызский отряд со своим пансатом) и кокандскими войсками

¹ АВПРИ. Киргис-кайсацкие дела (Большая орда). – Ф. 1774, оп. 122/3, д. 2, л. 12.

² Валидов А.З. Восточные рукописи в Ферганской области. – СПб., 1915. – С. 81.

³ Там же. – С. 81.

⁴ Там же. – С. 40–44.

Рахим-бия. Эти сведения подтверждаются и другими источниками – рукописью «Тухфат ат-Таварихи Хани», в которой также рассказывается о кыргызском отряде, находившемся на службе у ходжентского правителя Акбута-бия. Кстати, и сам Акбута-бий здесь назван кыргызом¹.

Абд ар-Рахим-бий правил менее 10 лет и был убит заговорщиками. Его преемником выступил родной брат Абд ал-Карим-бий, второй сын Шахруха. Это его под именем Абды-Карыма называет Г. Потанин «каким-то владельцем Западного Туркестана»².

Время правления Абд ал-Карима отмечено в источниках союзом с кыргызскими племенами и совместным отпором нападения джунгар. Агрессия этого народа, имевшего самоназвание ойраты, а по кыргызским источникам именовавшегося калмаками, инициировала кокандско-кыргызский политический альянс. Поначалу экспансивная захватническая политика джунгарских феодалов во многом отрицательно сказалась на историческом развитии кыргызского народа в XVII – середине XVIII в.³ Временно оттесненные из своих северных кочевий в Фергану, кыргызы не прекратили борьбу и не порывали связей с оставшимися в Семиречье и Восточном Туркестане отдельными племенами. Поэтому организацию совместного кокандско-кыргызского отпора джунгарам в Фергане можно оценить как крупный политический успех кыргызов и Коканда, приведший к вооруженной победе над джунгарами и сохранению независимости.

Столкновение произошло в 1745 г., когда правитель Джунгарии Галдан-Церен направил в Фергану (где в предгорьях сосредоточилось немало кыргызов – беженцев из северных районов) 20 тысяч войск под командованием своих полководцев Септена и Хотола. В войсках джунгар (этническое самоназвание народа –

¹ Ромодин В. А. и Кондратьев А.А. Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов // Советское востоковедение. – 1958. – № 4. – С. 130. Прим. 36.

² Потанин Г. О караванной торговле. – М., 1973. – С. 25.

³ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635 – 1758). – М., 1964. – С. 3 и др.; История Киргизской ССР. Т. 1. – Фрунзе, 1984. – С. 240–242.

«ойрат», кыргызы их называли «калмак»¹) было десять малых чугунных пушек, навьюченных на верблюдов, которые представляли серьезную силу против нерегулярного войска кокандцев и всадников, – кыргызских кочевников. В борьбе участвовала тысяча «дымов» кыргызов. Это столкновение Н. Аристов описывает со ссылкой на утерянную позже рукописную статью Г.Н. Потанина «Карта распределения инородцев в Томской губернии с примечаниями» (поступившую в Отделение этнографии РГО в 1873 г.). Во время сражения джунгары были разгромлены, и только половина войск спаслась бегством².

Населявшие немалую долю территории ханства кочевые и оседло-земледельческие племена редко были между собой в согласии. Соперничавшие друг с другом группировки то и дело инициировали смену правителей. Так, например, после смерти Шахруха на престол был возведен его сын Абд-ар-Рахи-бий. Последнего, хотя тот и имел наследника – сына Ирдану, заменил брат. Он в свою очередь сменился племянником. Так продолжалась серия дворцовых переворотов, пока наконец не был провозглашен бием обделенный в свое время Ирдана.

Следы политической активности кыргызов во второй половине XVIII в. мы находим не только в Фергане, но и в Восточном Туркестане. В качестве наиболее активного военачальника выступал кушчинский феодал Кубад-бий. Именно в связи с этим известный востоковед П.П. Иванов назвал его «одним из выдающихся политических деятелей второй половины XVIII в.»³. Во всяком случае, несомненно, что Кубад-бий был крупнейшим из родоправителей Южного Кыргызстана. Сведения о нем достигли и России. Когда сибирский инженер И.Г. Андреев посетил в 1785 г. Средний жуз казахов, среди других кыргызских биев ему назвали предводителя

¹ В литературе принято называть население самого Джунгарского ханства ойратами, а калмыками – ойратов, обосновавшихся в XVII в. в низовьях Волги (*Прим. В.П.*).

² *Аристов Н.А.* Западный Тянь-Шань // *Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии*//Зап. РГО, кн. III. – СПб., 1849. – С. 417–418.

³ *Иванов П.П.* Очерки по истории. – Л., 1974. – С. 109.

«Кокшинской» (Куши) волости Ивадлу-бия¹. Это был все тот же Кубад-бий, имя которого, написанное арабской графикой, в транскрипции можно передать по-разному. На это обратил внимание еще А.З. Валидов, усмотревший одинаковое значение имени Кубад-бия – Ивадлы². В бухарской хронике «Тарихи Рахим-Хани» Кубад-бий назван даже «главой кыргызов». Надо полагать, что его власть и влияние в определенной степени распространились не только на кушчи, но и на окрестные соседние кыргызские племена. Однако документальных оснований утверждать, что он предпринимал какие-либо попытки объединения кыргызских племен и сосредоточения в своих руках централизованной власти, нет. Это был обычный феодал, более энергичный и более удачливый (в связи с чем и более известный), чем другие, но преследовавший лишь свои чисто корыстные цели и не поднявшийся до уровня национального героя.

Источники упоминают и других кыргызских биев (или беков) – таких, как Хаджи-бий, Садык-бий и другие, которые наряду с казахскими ханами Старшего жуза пользовались в Коканде «большой популярностью»³. Кубад-бий упоминается в истории кашгарских правителей как непосредственный участник борьбы между белогорскими и черногорскими ходжами за власть. В 1755 г. глава черногорской партии Ходжа Юсуф направляет своего доверенного дервиша в Андижан с письмом к Кубад-бию. Кыргызскому феодалу предлагают союз и просят о помощи. Одновременно посланцы Ходжи направляются и к другим кыргызским родоправителям, письменно увещевая их присоединиться к Кубад-бию и помочь ходже в осаде Кашгара. Надо полагать, призыв не остался без внимания: кыргызские феодалы откликнулись на послание Юсуфа и выступили на Кашгар. Город был взят, как сообщают источники, только благодаря помощи Кубад-бия⁴.

¹ Андреев И.Г. Описание Средней орды. – М., 1971. – С. 30.

² Валидов А.З. Восточные рукописи в Ферганской области... – С. 117.

³ Там же. – С. 115.

⁴ Там же. – С. 116–117.

После ссоры и разрыва отношений с кокандским правителем Кубад-бий обращает усиленное внимание на внешнеполитические события соседнего Восточного Туркестана. Здесь маньчжуры пытались на первых порах использовать в своих интересах наследников бывшего феодально-теократического правителя ходжи Ахмеда братьев Бурхан-ад-дина и Хан-Ходжу¹. В Восточном Туркестане кочевало немало кыргызских племен. Как кыргызское, так и уйгурское население вело борьбу против эксплуататорской политики местных кашгарских ходжей. Чон-багыши, возглавляемые старшиной Хугуа, возмутились грабительской политикой Ходжи-хана и откочевали из Восточного Туркестана в Фергану, где с сочувствием были приняты другими кыргызскими племенами. Отношения между кыргызами и кашгарским правителем настолько обострились, что Бурхан ад-дин принял, и небезосновательно, срочные меры для отражения возможного их нападения. В 50-х годах кыргызы неоднократно выступают против кашгарских ходжей. Кыргызские феодалы нападают на города Восточного Туркестана, руководствуясь при этом своими собственными интересами, не согласуя свои действия с правителями Коканда. Иногда же они выступают на стороне то одного, то другого претендента.

Во время усобиц за власть в Восточном Туркестане в 50-х годах XVIII в., когда братья-ходжи убили одного из кашгарских правителей – Икэ-ходжу, его сын нашел убежище у кыргызов Тянь-Шаня, и те отказались выдать его, несмотря на угрозы.

Основываясь на бухарских и кашгарских источниках, А.З. Валидов пришел к верному заключению, что «Кубад-бий был совершенно самостоятельным правителем, и в зависимости от личных выгод, по своему желанию мог подружиться или разойтись с тем или другим из правителей»².

Первые кокандские правители, судя по всему, видели в вождах кыргызских племен силу, способную поддержать их в нелегком деле государственного устройства. Поскольку кыргызы

¹ Валидов А.З. Восточные рукописи в Ферганской области... – С. 107.

² Там же. – С. 117.

³ Том III. В. М. Плоских

в середине XVIII столетия представляли серьезную военную мощь, постольку они, несмотря на временное признание союзным Кокандом зависимости от Джунгарии, продолжали в одиночестве вести вооруженную борьбу. Надо сказать, кыргызы не только успешно отражали наступление джунгар в Фергане, но и сами активно участвовали в политической жизни Восточного Туркестана, в частности, осаждали в 1749 г. Кашгар¹.

Впрочем, тесного союза кокандских и кыргызских феодалов никогда не было. Поскольку альянс представителей элит этих двух этносов всегда строился единственно на общих захватнических планах и не отвечал интересам народа. Несколько забегаая вперед, замечу, что политика ханства по отношению к кыргызам, по сути, сводилась лишь к сбору податей. При этом кокандцы порой даже не удосуживались защищать своих подданных от внешнего агрессора. В частности, в 1825 году кыргызский бий Тайлак-баатыр со своим племенем остался один на один с вторгшимся китайским войском, хотя и был подданным Коканда, исправно платил ему дань. Аналогичная история произошла в 1848-м, во время похода казахского султана Кенесары Касымова против северных кыргызов. Тогда вся «помощь» пишпекского гарнизона кокандцев состояла в том, что его дозорные зажгли на башне крепости факел, что означало приближение войск неприятеля².

Следы политической активности кыргызов во второй половине XVIII в. мы находим не только в Фергане, но и в Восточном Туркестане. В качестве наиболее активного военачальника выступал кушчинский феодал Кубад-бий. Именно в связи с этим известный востоковед П.П. Иванов назвал его «одним из выдающихся политических деятелей второй половины XVIII в.»³.

Кубад-бий также упоминается в истории кашгарских правителей как непосредственный участник борьбы между белогорскими и черногорскими ходжами за власть. В 1755 г. глава чер-

¹ *Валидов А.З.* Восточные рукописи в Ферганской области... – С. 117.

² *Горная царица Курманджан и ее время...* – С. 23.

³ *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. – Казань, 1886. – С. 106–109.

ногорской партии Ходжа Юсуф направляет своего доверенного дервиша в Андижан с письмом к Кубад-бию. Кыргызскому феодалу предлагают союз и просят о помощи. Одновременно посланцы Ходжи направляются и к другим кыргызским родоправителям, письменно увещевая их присоединиться к Кубад-бию и помочь ходже в осаде Кашгара. Надо полагать, призыв не остался без внимания: кыргызские феодалы откликнулись на послание Юсуфа и выступили на Кашгар. Город был взят, как сообщают источники, только благодаря помощи Кубад-бия¹.

После ссоры и разрыва отношений с кокандским правителем Кубад-бий обращает усиленное внимание на внешнеполитические события соседнего Восточного Туркестана. Здесь маньчжуры пытались на первых порах использовать в своих интересах наследников бывшего феодально-теократического правителя ходжи Ахмеда братьев Бурхан-ад-дина и Хан-Ходжу².

Источники упоминают и других кыргызских биев (или беков) – таких, как Хаджи-бий, Садык-бий и другие, которые наряду с казахскими ханами Старшего жуза пользовались в Коканде «большой популярностью»³.

Таким образом, история взаимоотношений кыргызов с кокандцами и другими соседями в середине XVIII в. показывает, что в это время они были еще независимыми, иногда объединялись в союз против общего врага, но в целом сохраняли и проводили самостоятельную политику.

Положение несколько меняется с конца 1850-х годов, когда кокандский правитель Ирдана-бий усилился, а южные кыргызы несколько ослабли по причине откочевки части их племен на север. С крушением Джунгарского ханства кыргызы, ранее оттесненные из Семиречья и Тянь-Шаня на юг, стали возвращаться из Ферганы в прежние свои кочевья. Тем самым разряжалась общая атмосфера в Южном Кыргызстане, и местное население стало объектом посягательств Коканда.

¹ *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства... – С. 116–117.

² Там же. – С. 107.

³ Там же. – С. 115.

В то же самое время Восточный Туркестан становится объектом агрессивной экспансивной политики маньчжуро-цинского Китая. С разгромом Джунгарского ханства цины почти поголовно истребили его местное ойратское население.

Посетивший Восточный Туркестан столетие спустя упомянутый мной А.Н. Куропаткин писал: «Китайцы, вероятно, считали свою власть малоупроченной в Джунгарии, потому что эта страна досталась им без кровопролития. Поэтому в следующем же 1758 г., пользуясь незначительными частными восстаниями, богдыхан выслал три армии под начальством Чжао-хоя и Фу-де с приказанием искоренить джунгаров. Началось страшное избиение калмаков без разбора возраста и пола. Около 1 000 000 душ погибло в этой бесчеловечной резне... Жители этой некогда богатой страны были истреблены»¹. От всего народа ойратов уцелела лишь незначительная часть – по данным Л.И. Думана, основывающимся на восточных источниках, – около 20%². Их спасло переселение в Россию, в Нижнее Поволжье (ныне Калмыцкая АССР). Несколько тысяч ойратов осело в Фергане. Они ассимилировались с местными жителями, сохранив лишь родоплеменное самоназвание «калмак». На севере Кыргызстана появилось новое племя «сарт-калмак» – осколок некогда монолитного народа. Таким образом, несмотря на носившую грабительский характер политику джунгарских феодалов, кыргызский и узбекский народы сумели подняться над жадой мести за былые феодальные распри и угнетение, приютили несчастных беженцев и оказали им помощь.

Китайские историки еще в 50-х годах нашего времени (Шан Юэ и др.) признавали, что «победа была одержана путем самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгарии»³.

Под предлогом преследования ойратских беженцев цинские отряды предприняли попытку летом 1758 г. перейти из долины р. Или на территорию Северного Кыргызстана. Но здесь они встрети-

¹ Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. – Фрунзе, 1977. – С. 93.

² Там же. – С. 72–73.

³ Очерки истории Китая (с древности до «опиумных» войн) / Под ред. Шан Юэ. – М., 1959. – С. 549.

ли вооруженное сопротивление местного населения: произошло первое серьезное столкновение кыргызов с китайскими войсками. Оно не наложило никакого отпечатка на судьбу кыргызского народа – китайские войска здесь не задержались, но в официальных китайских источниках на основании показаний лишь одного пленного тенденциозно было заявлено, будто некоторые кыргызские бии «выразили согласие покориться [Китаю]».

Подобные заявления не имели достаточных оснований. Обратимся к фактам. Осенью 1759 г. (по некоторым источникам, в 1760 г.) после упорной двухлетней борьбы уйгурского народа с маньчжурами представители былой феодально-теократической династии ходжей Бурхан-ад-дин и Хан-Ходжа бежали из Восточного Туркестана в Среднюю Азию. Их бегство китайцы решили было использовать для попытки пройти через кыргызские кочевья к границам Коканда и других среднеазиатских владений¹, но безуспешно. Кыргызы в это время не были объединены, феодальная родоплеменная раздробленность ослабляла их, но тем не менее они не были и беспомощны – при необходимости и внешней угрозе они способны были дать отпор таким своим соседям, как Коканд и даже Китай.

Характерен следующий пример. Известный сарыбагышский бий Черикчи, чьи посланцы были в 1759 году в Пекине, сам имевший от богдыхана перо и шарик, встретил китайский отряд, появившийся на Иссык-Куле в 1760-м, ружейным огнем.

В сагымбаевском варианте эпоса «Манас», в главе «Поход на Бейджин», приводится мысль о необходимости объединения кыргызских племен и замены междоусобных ссор (в частности, мятежа против Манаса) участием в войне против внешнего врага – калмыков и Китая под водительством славного вождя². Гиперболизация событий, как вполне обычный в устных преданиях прием, применен и в этом сказании. Там есть строки о покорении Манасом Китая, в которых выражено стремление

¹ *Валидов А.З.* Восточные рукописи в Ферганской области... – С. 107.

² Манас / Подстрочный пер. и прим. Е.Д. Поливанова // Рукоп. фонды ООН НАН Кыргызской Республики. Строки 440–450.

сказителя отразить активную борьбу с захватчиками: Манас «китайский народ сразу покорил (разбил), так как никто еще их всех таковским образом не захватывал (не покорял), так что у Китая не осталось возможности сопротивляться ему. Не осталось ни одного человека, который мог бы оглянуться» (т.е. не осталось храбреца, способного начать борьбу с победителем). Впрочем, в этом столь наивном изложении событий есть и доля исторической достоверности: эпизоды успешной защиты народом своей независимости в эпосе трансформировались в великую победу над мощным врагом. И эту победу народная традиция связала с любимым героем – Манасом.

Но вернемся к реальным фактам. С конца 50-х годов XVIII столетия заметно возвышается роль южнокыргызского родоплеменного объединения адыгине. Его родоправитель Хаджи-бий даже считался главой всех ичкиликских кыргызов Алая и Оша. Он, по собственному заявлению, мог выставить «200 тысяч людей орды бурутов, рассеянных от Бухары до Востока»¹. Севернее уже окрепло кокандское владение, поглотившее Маргеланское, Андижанское и Наманганское бекства. Кыргызский феодал Хаджи-бий при этом соседстве выступал как равный с кокандским правителем. Показателен в этом отношении следующий пример. Этот родоправитель отправлял китайским властям письма-послания не только от себя лично, но и от имени кокандского правителя Ирданы-бия: Коканд и кыргызы на равных выступали при дипломатических контактах с соседней Цинской империей.

К слову, взаимоотношения кыргызов со своим южным соседом, Цинским Китаем, строились неровно. Первоначально они основывались на взаимных посольствах, затем, когда яснее стала вырисовываться агрессивность замыслов маньчжуро-цинского правительства, регулярные отношения прервались, став эпизодическими. Причем сами среднеазиатские народы не желали цинского протектората, которое зиждилось на вооруженной основе,

¹ Гуревич Б.П. Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII в. и политика России //История СССР. – М., 1973. – С. 46.

и оказывали сопротивление всяким попыткам маньчжуро-цинских властей к экспансии, давали вооруженный отпор китайским войскам. Последнее обстоятельство и стало определяющим фактором упрочения Кокандского ханства в этом регионе, дальнейшего расширения границ этой державы на север.

По мере своего укрепления она все более поглощает окрестные разрозненные кыргызские племена, начинает играть серьезную роль в Восточном Туркестане и влиять на обстановку там. В частности, 1760 год отмечен притязаниями кокандского правителя Ирданы на родоплеменное объединение кыргыз-кипчаков. Он захватывает и держит под арестом кыргызского бия Амана, брат которого – бий Эмур – предпринимает энергичные шаги для его освобождения. Отношения между кокандскими правителями и кыргызскими феодалами обостряются.

Два года спустя бии племени адыгине Маматкул и Арзымат решились открыто выступить против захватнической политики Ирданы. Они намеревались привлечь к походу сарыбагышских биев Черикчи и Темурджана, но сочувствия не встретили: сарыбагыши высказались за мирную политику с соседями и от участия в походе отказались.

Таким образом, Ирдана уже чувствует себя достаточно окрепшим, чтобы перейти к открытому завоеванию кыргызской территории и подчинению основных ферганских владений кыргызов – городов Узгена и Оша с их окрестностями. В 1862 году он напал на кыргызов и опустошил их земли «в стране Узе» (Узген). Войска Хаджи-бия, возглавлявшего кыргызские племена ичкилик, адыгине и монголдор в борьбе против Ирданы, были разбиты. Кокандцы заняли также город Ош. В качестве повода для нападения Ирдана использовал инцидент с купцами. В 1762 г. феодалы адыгине ограбили караван кокандских купцов. Воспользовавшись случаем, Ирдана начал наступление на кыргызов и захватил г. Ош. При этом он использовал версию, по которой Ош якобы издавна принадлежал Коканду. Кыргызские войска отступили в горы. Вынужден был бежать и Хаджи-бий.

В том же году из-за притеснений со стороны Ирданы, не желая подчиняться кокандцам, откочевал из Ферганы на восток кушчинский бий Нарбута. Однако через три года он возвращается

из Восточного Туркестана и убеждает последовать его примеру брата Боркэ.

Политика цинского правления в Кашгаре оказалась еще более тяжелой, и кыргызские феодалы предпочли кокандское подданство. Сохранить независимость в таком окружении несравненно более сильных феодально-деспотических государств было практически невозможно. Китайские власти с предубеждением относились к присоединению кыргызов к Коканду и даже пытались было воспрепятствовать этому. Но сами кыргызы отдавали предпочтение в этом противопоставлении Коканду. Кокандские правители также действовали, не оглядываясь на политику цинов. Когда в 1762 г. император Цяньлун потребовал от Ирданы вернуть захваченные у кыргызов земли, кокандский правитель не только не послушался своего южного соседа, но в следующем году подчинил еще ряд кыргызских племен уже в пределах Восточного Туркестана. А весной 1764 года Ирдана выступает в поход покорять Ходжент. Хаджи-бий решил воспользоваться отводом основных кокандских войск из Восточной Ферганы и отомстить тем самым за временную потерю Оша. Он неожиданно нападает на кокандское владение. Ирдана вынужден был срочно заключить мир с Фазил-беком, правителем Ходжента, и с полпути возвратиться назад. Поход на Ходжент был сорван. Зато вся сила удара пришлась на кыргызских повстанцев. Хаджи-бий оказывается в плену у Ирданы-бия, но, видимо, ненадолго. Вскоре Ош и его окрестности вновь оказываются под управлением кыргызов. Однако преодолеть натиск несравненно более сильных кокандских войск кыргызы оказались не в состоянии. К концу XVIII в. эта территория почти на столетие присоединяется к Кокандскому ханству.

Впрочем, кокандские правители действовали не только силой оружия. Они старались привлечь кыргызских феодалов и другими методами – предоставлением определенных льгот, в частности, хороших пастбищ. Так, в 1763 году предводитель одного из кашгарских подразделений кыргызов по имени Эрби намеревался из Восточного Туркестана «перейти на сторону кокандской границы, чтобы вести кочевой образ жизни со своими племенами и заниматься только отыскиванием пастбищ». Впоследствии,

в 1786-м, татарин Габайдулла Абдрахмангулов сообщал сибирским пограничным властям, что «закаменных киргисцов начальник» Абайлы-бек за три года до этого со своим родом в 1 тыс. кибиток перешел из Восточного Туркестана в Коканд к Нарбуте-беку. И как ни пытались хитростью и силой цинские власти привлечь откочевавший род – ничего не получилось. Вмешательством этого бека был положен конец притязаниям китайских феодалов: кыргызский род остался в подданстве у кокандцев¹.

Устремления цинов и их захватническая политика в Восточном Туркестане в конце 50–60-х годов XVIII в. сделали более тесным союз кокандского владения, кыргызских и казахских племен, что серьезно озаботило цинские власти, которые не теряли надежды на подчинение и северо-западных приграничных районов. В частности, во второй половине XVIII века китайцы предприняли попытку продвижения на Нарын, следуя по маршруту: перевал Терек – Аксай – Атбаши, но были остановлены.

Эпизодические вторжения цинских войск встречали вооруженный отпор кыргызского населения. И китайские пикеты вынуждены были остановиться южнее кыргызских кочевий Алая, Тянь-Шаня и Сары-Джаза. Уже в то время обозначилась естественная граница между Кыргызстаном и Китаем, которая позже была закреплена серией договоров с Россией и которая сохраняется в настоящее время.

После падения Джунгарского ханства представители кыргызского племени сарыбагыш, возвратившиеся из окрестностей Андижана в Чуйскую долину, не порвали окончательно связей со своими южными соплеменниками. И память об их пребывании на юге надолго сохранилась в кыргызских преданиях. По этим преданиям, записанным через сто лет Г. Загряжским в окрестностях Токмака, сарыбагыши, находясь еще у Андижана, занимались не только скотоводством, но и земледелием (об этом говорил оросительный канал, прорытый кыргызским феодалом Тынаем и названный его именем). Сыновья же этого самого Тыная – Атаке и Сатыбалды, по преданиям, занимались барымтой, постоянно беспокоили андижанского бека, за что тот их изгнал. Братья основались в Чуйской

¹ ГАОМО, ф. 1, оп. 1, д. 239, св. 194, л. 7.

долине. Так в народной памяти трансформировался факт противоборства южных кыргызов с кокандскими правителями, объяснялись причины перекочевки на север целого племени. В результате откочевки ослабли южные, но усилились северо-кыргызские племена, которые до 20-х годов XIX столетия оставались независимыми. Поэтому мы не можем согласиться с положением, выдвинутым Б.П. Гуревичем (в его в целом довольно обоснованной статье), о том, что кыргызы Прииссыккуля, так же, как и кыргызы Южной Ферганы, уже в конце 50-х годов XVIII в. находились под контролем кокандских, андижанских и других беков. Это произошло и на юге, и на севере Кыргызстана значительно позже.

В те же годы в Семиречье кыргызским феодалам приходилось вести в основном междуусобную борьбу с феодалами казахских жузов – Аблай-ханом, Хан-Ходжой, Берды-Ходжой и др. При этом следует иметь в виду, что кыргызы довольно дружно жили с казахами Старшего жуза. И. Георги прямо писал о том, что Большая орда дружна с бурутами, да и почитается за один с ними народ, и притом еще коренной... Но феодальные усобицы не прекращались с султанами Среднего жуза, которые сами враждовали с феодалами Старшего жуза казахов.

В 1774-м происходит вспышка междуусобиц кыргызских и казахских феодалов, приведшая к походу в кыргызские кочевья султанов Аблая и Абулфеиза. А в конце 70-х годов Аблай-хан, султан Среднего жуза казахов, попросил у России вооруженной помощи для борьбы с кыргызами, но его просьба была «не уважена». Тогда он приблизительно в конце 1779-го своими силами напал на кыргызов, «нанес им сильное поражение, взял с них аманатов и остался кочевать близ Туркестана». На Таласе Аблай-хан построил для своего сына Адиля курган – небольшое укрепление, из которого тот должен был управлять окрестными казахами Старшего жуза (и, вероятно, таласскими кыргызами).

В литературе сравнительно полно нашла отражение борьба Берды-Ходжи с кыргызскими феодалами в 1785–1786 гг., в результате которой казахский феодал был захвачен в плен и убит. Российский исследователь Н. Аристов, между прочим, высказывает сомнение, что речь идет о междуусобицах казахов с кыргызами. Он склоняется к предположению о феодальных усобицах

Берды-Ходжи с «большеордынцами», т.е. казахами Старшего жуза (путаница якобы произошла от смешения казахского рода кучук на р. Лепса и кыргызского рода кучук с берегов Иссык-Куля).

Северокыргызские племена в конце XVIII в. выступали разрозненными отделениями, не признававшими власти ни Коканда, ни казахских жузов, ни Китая, отражая всякие попытки и притязания на свою независимость. Непокоренность и храбрость кыргызов в своих кочевьях неоднократно отмечались источниками. В связи с этим историк А. Левшин приходит к выводу о том, что кыргызских воинов, «привыкших к вечным сражениям, нелегко было победить. Китайцы также испытали действия их храбрости и не раз были ими отражаемы». Но борьба истощала силы, а постоянная угроза заставляла все время быть настороже.

В конце XVIII в. кыргызские бии Атаке и Есенгул, удрученные междоусобными ссорами с казахами, пришли к заключению о необходимости примирения. От казахского султана Хан-Ходжи к кыргызам в 1786 г. прибыли для выработки условий соглашения депутаты, которые, предлагая дружбу, однако... потребовали аманатов – знатных заложников. Как доносил омский купец Захар Пеньевтов, торговавший в казахских и кыргызских кочевьях, кыргызы, не выразив определенно ни согласия, ни резкого отрицания, постарались повернуть вопрос к рассмотрению необходимости союза между соседями, «ибо де как для вас, так и для нас, – говорили они, – общие неприятели – китайцы»¹. Соглашение так и не было достигнуто. К тому же некоторые кыргызские феодалы, проводя сепаратистскую политику, оглядывались в надежде на помощь со стороны Кокандского ханства. Именно в это время произошел раскол даже среди феодалов одного племени – сарыбагыш. Бий Есенгул в чем-то не поладил с бием Атаке, и последний вынужден был из Чуйской долины перебраться в Восточное Прииссыккулье на р. Чаты (Шаты), приток Тюпа².

В свою очередь, Есенгул, ориентировавшийся на Кокандское ханство, естественно, не мог спокойно уживаться с бием Атаке, отправившим в 1784 г. депутацию в Санкт-Петербург с просьбой

¹ ГАОМО, ф. 1, оп. 2, д. 25, л. 280.

² Валиханов Ч. Собр. соч. Т. 1. – Алма-Ата, 1961. – С. 253.

о покровительстве¹. Поэтому Атаке и предпочел откочевать к бугинцам, проявлявшим интерес более к России, чем к Коканду. Но симпатии к кокандскому хану отдельные кыргызские феодалы проявляли довольно настойчиво. Причиной обращения кыргызов к кокандцам служили не только распри кыргызских феодалов с казахскими, но и желание заручиться поддержкой более могущественного соседнего хана против устремлений цинов. По преданиям, манапы рода сарыбагыш в 1791 г. отправили своих представителей во главе с Куватом, сыном Есенгула, и Асаном, из рода Джантая, к правителю Коканда. Они привели в дар Нарбуте-беку 18 лучших скаковых лошадей².

Это посольство, направленное на установление более тесных контактов с Кокандским ханством, вместе с тем не ставило своей целью принятие его подданства. Раздираемые внутренними усобицами, стесненные, с одной стороны, все более усиливающимся кокандским владением, с другой – подступившей после разгрома Джунгарского ханства к самым границам Цинской империей, подвергавшиеся набегам казахских феодалов, кыргызы с трудом сохраняли независимость, постепенно все более попадая под влияние Коканда.

Так, к 1780-м годам в зависимость от Кокандского ханства попадают центральноферганские кыргызы и кыргызы Тянь-Шаня, кочевавшие за р. Чирчик³. Но в целом, как видно из записок Филиппа Ефремова, прошедшего в 70-х годах XVIII в. через Фергану, даже южные, вероятнее всего и в преимуществе предгорные ферганские и алайские, кыргызы в основном вели себя вполне самостоятельно, ничем не проявляя своего подчиненного положения по отношению к ханству. Коканд, пишет путешественник, только «смежен» с их владениями⁴. Нарбута, правда, предпринимает попытки завоевать соседних, отказывающихся признавать власть

¹ ГАОМО, ф. 1, оп. 1, д. 31; д. 240; д. 251–252.

² *Солтоноев Б.* История киргизов и казахов (рукопись). – С. 301.

³ *Иванов П.П.* Казахи и Кокандское ханство. – М., 1975. – С. 92–128.

⁴ *Ефремов Ф.* Странствования Филиппа Ефремова в киргизской степи. – СПб., 1887. – С. 103.

Коканда, кыргызских племен, но это ему не всегда удается. Мирза Каландар, автор рукописи «Шах-наме» («Тарих-и Омар-хани») сообщает о провале военной экспедиции кокандского главнокомандующего Хан-Ходжи на Кетмень-Тюбе в конце XVIII в.: «И сколько ни совещались искушенные в делах [мужи] и воители – столпы государства его, обменивались мыслями о том, как наставить на путь истинный сей мятежный народ (кетмень-тюбинских кыргызов. – *Прим. В.П.*), способа покорения этой горной местности выявлено не было»¹.

Но о подчиненности основной массы северокрыргызских племен соседнему сравнительно крупному ташкентскому владению в это время также не приходится говорить. Из «объяснения» казацкого атамана подпоручика Телятникова о поездке в 1797 г. в Ташкент «для разных испытаний и особливо для узнания предъявляемого изобилия в золотой и серебряной руде» видно, что кыргызы в это время от Ташкента не зависели и свободно кочевали по северо-западу от него². Именно поэтому сибирский инженер И.Г. Андреев, первый из авторов в русской литературе посвятивший специальную главу описанию кыргызов конца XVIII столетия, в своих автобиографических заметках пишет, что в это время ни кокандский правитель Нарбута, ни ташкентский Юсуф-Ходжа (северных) кыргызов у себя «в протекции не имеют».

По сведениям И.Г. Андреева, кыргызы граничили с казахскими жузами, Кокандом и Китаем. Кыргызы, пишет он, в силу своей вольности никому не дают спуска, «организуются великими партиями, жестоко себя защищают». Тем не менее в истории встречались и периоды временного подчинения отдельных северокрыргызских племен как кокандскими ханами, так и ташкентскими правителями. Но это в конце XVIII – начале XIX в. было эпизодическим явлением.

С завоеванием в 1798 г. окрестных казахов ташкентский правитель Юнус-Ходжа, надо полагать, временно подчинил и наиболее близких таласских кыргызов. Есть свидетельства, что эти казахи, а не исключено, что и кыргызы Таласа и верховьев

¹ *Валидов А.З.* Восточные рукописи в Ферганской области... – С. 227.

² ГАОМО, ф. 366, оп. 1, д. 60, л. 12–13.

Чирчика, т.е. Чаткала, в 1799 г. участвовали в походе Юнус-Ходжи против выступившего на Ташкент кокандского правителя¹. Сведения почерпнуты из записок горных чиновников Бурнашева и Пospelова о ташкентском владении. Основанием к предположению, что речь шла не только о казахах (это совершенно определено), но и о кыргызах (что лишь гипотетично), служит упоминание в их записках этнонимов «киргиз-кайсак» и просто «киргиз», географических пунктов в черте ташкентского владения (горы Ала-Тау, верховья реки Чирчик, река Телюс – Талас) и, наконец, непосредственное упоминание о «черных или так называемых диких киргисцах, кои живут в горах поблизости Ташкента»².

В то же время кокандское владение, казахские жузы и кыргызские племена уже с конца XVIII века находятся в непосредственном поле зрения российских политиков. Еще 2 ноября 1794 г. генерал-майор Боувер доносил Екатерине II о необходимости «сделать также союз с Большой ордою, дикими каменными киргисцами и прочими владельцами»³. Но до союза дело не дошло, хотя кыргызы и направляли в Санкт-Петербург специальное посольство с просьбой о покровительстве⁴. Еще не созрели объективные условия для продвижения России в глубь Средней Азии. За пределами казахских степей она делала лишь робкие шаги в сторону Бухары, Коканда, Кыргызстана, непрестанно оглядываясь на реакцию английского министерства иностранных дел, опасаясь серьезных осложнений в большой международной, т.е. европейской, политике.

Неоднократные упоминания в источниках о кыргызах XVIII в. как независимом народе дают основание считать, что в целом он был активным участником бурных политических событий в Фергане, сумевшим сохранить свою независимость. А.З. Вали-

¹ ЦГВИА, Ф. ВУА, д. 18541, л. 89.

² Там же. – Л. 90, 96, 97, 99.

³ АВПРИ. Киргиз-кайсацкие дела (Средняя орда). – Ф. 1794, оп. 122/3, д. 2, л. 3.

⁴ Плоских В.М. Первые киргизско-русские посольские связи (1784–1827). – Фрунзе, 1970. – С. 32–41.

дов с полным основанием сделал вывод (вытекающий из данных среднеазиатских хроник), что «такие киргизские бии, как Хаджибий, Кубад-бий, Садык-бий... в окрестностях долины (Ферганы. – **Прим. В.П.**) господствовали до объединения всей Ферганы и ее окрестностей в одно Кокандское ханство в XIX в., при Алим-хане и Мухаммед Али-хане в окрестностях долины господствовали так же, как кокандские в самой долине»¹.

Таким образом, обращение к источникам раскрывает перед нами следующую картину кыргызско-кокандских взаимоотношений. В XVIII столетии кыргызы играют важную политическую роль в Фергане. Их феодалы принимают участие в междоусобицах бухарских, кокандских, самаркандских, уратюбинских владельцев. В результате усиления кокандского владения, откочевки части кыргызских племен после падения Джунгарского ханства на северо-восток, разгоревшихся междоусобиц к концу XVIII в. Юго-Восточная Фергана с исконно кыргызскими территориями Оша и Узгена попадает под власть кокандского правителя. В то же время все посягательства китайских феодалов и походы отдельных китайских отрядов на Кыргызстан получают отпор.

В целом же кыргызы, проживающие в расположенных близ Ферганы горах, от Алая до Кашгара, в Кетмень-Тюбе и Семиречье, оставались до конца XVIII века независимыми. С ними приходилось считаться кокандскому и ташкентскому правителям, Цинской империи. Во-первых, немногочисленные, но свободолюбивые горцы обладали реальной военной силой, ополчением, находящимся почти в постоянной боеготовности. Во-вторых, кыргызские кочевья лежали на пути традиционных торговых трасс, соединявших Среднюю Азию с Восточным Туркестаном, Индией, и состояние торговли Коканда с Востоком во многом зависело от благорасположения южных кыргызов, лояльности кыргызских феодалов.

Впрочем, зажатый в тисках все увеличивающихся соседних государств, раздираемый феодальными междоусобицами и родоплеменными распрями, кыргызский народ в этих условиях не мог долго сохранять самостоятельность. Неравная борьба

¹ *Валидов А.З. Повествование о походе... – С. 117–118.*

истощила народные силы. Исторически сложившаяся обстановка вела к тому, что одно из этих государств должно было покорить и поглотить разрозненные и ослабленные этим кыргызские племена. Ввиду такой альтернативы кыргызы склонялись более в сторону кокандского владения, в котором отдельные кыргызские феодалы начинают играть все более заметную роль. Наблюдается откочевка кыргызов из Восточного Туркестана в пределы Кокандского ханства.

Постепенно вооруженной силой, хитростью, а нередко и коварством кокандские правители к концу XVIII в. подчиняют южнокыргызские племена, а их феодалов-родоправителей лаской и подарками привлекают к себе на службу. В частности, путешественник Мир Иззет-Улла, проезжавший в 1812 г. Кокандское ханство с юга, пишет о южных кыргызах как об уже находящимся в зависимости от Коканда.

Таким образом, уже к моменту появления на свет будущей Алайской царицы ее народ, т.е. южные кыргызы, находились практически в полной зависимости от Кокандского ханства. В следующих главах книги пойдет речь о том, как судьба Курманджан датки была связана с перипетиями этого деспотического государства и его вынужденного «могильщика» – Российской империи.

Глава III

ЧТО ТАКОЕ КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО И КАК С НИМ БОРОЛИСЬ КЫРГЫЗЫ

Некоторые из наших отечественных политиков порой не в меру идеализируют прошлое. Например, кое-кто видит в Кокандском ханстве идиллию торжества патриархальных порядков. К досаде таких любителей старины их современники достаточно осведомлены о реальной жизни подданных Коканда. В Кыргызстане тому немало способствовал интерес к жизни Курманджан датки, которая как раз родилась в то беспокойное время. Так Алайская царица будто предупреждает своих потомков об опасном повороте вспять, к мрачному Средневековью...

В какой же стране появилась на свет в 1811 году будущая «мать кыргызской нации», родоправительница Алая?

Орок – небольшой айыл близ Оша, где издавала свой первый крик новорожденная, находился в отсталом в правовом отношении краю. Здесь нормой был произвол. От него не спасали подданных ни богатство, ни чины, ни звания: если простой смертный в любой момент мог стать жертвой самодурства чиновника, то высокопоставленные сановники и даже ханы нередко погибали в череде дворцовых переворотов: обычным делом считались братоубийство и отцеубийство в борьбе за власть.

Подчинение завоеванных народов – кыргызов, казахов, таджиков – обеспечивалось беспощадным

террором. Ханский двор раздирали межродовые усобицы, борьба многочисленных претендентов за престол. Рабство было официально признанным. Налоговая политика основывалась на грубом произволе, поскольку сбор податей ничем не регламентировался. Это была одна из типичных восточных деспотий¹. Под игом этой деспотии кочевники Южного Кыргызстана находились с момента образования ханства и до его падения, а Северного – в периоды с 1825 по 1855 – 1863 годы.

Оценивая геополитическое значение Кыргызстана и отмечая борьбу за влияние или господство здесь трех более могущественных соседних государств – Кокандского ханства, Цинской империи и России, западносибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд в середине XIX в. с полным основанием писал: «Выгодное же положение Дикокаменной орды в угле трех смежных держав, как природная местность, ею занимаемая, и более воинственный их дух, нежели других кыргызских (казахских) племен, делают преобладание сею ордою предметом весьма важным для каждой из трех держав»².

Выходит, кокандским правителям приходилось серьезно считаться со своими южными соседями – кыргызами. Во-первых, они обладали реальной военной силой, ополчением, находящимся почти в постоянной боеготовности. Во-вторых, кыргызские кочевья лежали на пути традиционных торговых трасс, соединявших Среднюю Азию с Восточным Туркестаном, Индией, и состояние торговли Коканда с Востоком во многом зависело от благорасположения южных кыргызов, лояльности кыргызских родоправителей.

Постепенно вооруженной силой, хитростью, а нередко и коварством кокандские правители к концу XVIII в. подчиняют южнокыргызские племена, а их родоправителей лаской и подарками привлекают к себе на службу.

¹ История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов. – Бишкек: Раритет Инфо, 2007. – С. 127.

² Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений (XVIII – XIX вв.): Сборник документов и материалов. – Бишкек, 1998. – Т. 1. – С. 117.

ГЛАВЕНСТВОВАЛИ ЛИ КЫРГЫЗЫ В КОКАНДЕ?

Верховная власть у кокандцев принадлежала хану, при котором действовал назначаемый им совет. В таковой входили аталык (регент), минбаши (тысячник – воинский титул), атабек, серкер, дастурканчы, рисалачы, мехтер, найиб, удайчы, кожо-калян, казы-аскар, а также шайх-ал-ислам и прочие ответственные лица. По сообщению одного из летописцев, муллы Алима, второе место по значимости после хана занимали должности амир-и ляшкер и минбаши, а за ними соответственно – кушбеги, парваначы, исагаул, удайчы и др.

Названные должности в ханстве распределялись между узбеками, кипчаками и кыргызами. Что касается последних, устроители этой деспотии неоднократно приближали к себе представителей знати этого народа.

Кыргызские территории управлялись кокандскими ставленниками ильбегами, которые подчинялись областным (вилайетным) начальникам – хакимам, а они, в свою очередь, зависели от главного сановника ханства – кушбеги, который назначался ханом, но иногда и ханы возводились кушбегиями, как видим это на примере Худояр-хана, первым сановником и фактическим правителем при котором оказался Мусульманкул.

В результате интриг и дворцовых переворотов представители кыргызских родов занимали если не ханский престол, то очень близкую к нему позицию. К примеру, преемник Мадали-хана, пришедший к власти с помощью кыргызов, Шералы-хан с малых лет жил среди кыргызов в Чаткальском, Аксыйском и Таласском регионах.

Согласно историческим источникам, отец Шералы-хана Ажыбек и минбаши Нарбото-бий были родными братьями. Ажыбека же убил во время борьбы за ханский трон сын Нарбото-бия, Алим-хан.

Русские исследователи-историки, продолжавшие пристально наблюдать за политическими событиями в Кокандском ханстве, писали так: «В то время когда русские двигались в глубь по Средней Азии, в Коканде стала преобладать власть кыргызов».

Даже грозный Худояр-хан, властвовавший на ханском троне в общей сложности около 30 лет, во многом опирался на кыргызов. Поскольку он сам вырос и воспитывался среди кыргызов, всю

свою жизнь не мог избавиться от влияния, полученного в юном возрасте. Его современники в своих воспоминаниях писали о том, что в его речи, манерах и привычках наблюдались характерные для кыргызов черты. Судя по их записям, любимым блюдом Худояр-хана было блюдо – нарын. До конца своей жизни Худояр, как и все кыргызы того времени, гадал на бараньей лопатке, не любил городскую жизнь, и ему всегда хотелось в горы. Поэтому он большую часть года проводил в своих кочевых резиденциях. Много времени посвящал охоте с орлом и борзыми собаками. Родственники по кыргызской линии в его повседневной жизни занимали видное место. Он с большим уважением относился к своей матери Жаркын-айым и ежедневно свой день начинал с поклона-приветствия им, лично посещая дом, где они жили, только после этого он приступал к своим основным делам. Худояр-хан никогда и ни в чем не отказывал матери. По требованию матери он приговорил к смертной казни Мусульманкула-минбаши, а Касым-минбаши, приговорённый к смертной казни, был помилован опять-таки по просьбе матери. Ухудшение взаимоотношений хана с кыргызами также во многом связано со смертью Жаркын-айым в 1869 г. Судя по записям российского исследователя того времени М. Алибекова, одним из самых доверенных людей хана был Атабек-найиб. Этот уважаемый, старый и мудрый кыргыз был человеком, пришедшим в ханскую ставку вместе с отцом Худояр-хана – Шералы-ханом. Худояр доверял ему, как своему отцу, и в тех случаях, когда отсутствовал в ханской ставке, поручал ему вести все свои дела.

Впрочем, кыргызы впоследствии стали и организаторами свержения с престола Худояр-хана. В 1858 году Малабек, обиженный на владыку, прибыл в Кара-Суу и попросил помощи у кыргызов, что нашло понимание у родовых правителей Асана-бия и Алымбека датки, которые вместе со своими людьми оказали ему поддержку. В итоге этой борьбы Худояр лишился власти, а на трон сел его сводный брат Малля-хан.¹

¹ Плоских В.М. и др. Взаимосвязи киргизского народа с народами России, Средней Азии и Казахстана (конец XVIII – начало XIX вв.). – Фрунзе: Илим, 1985. – С. 7.

Курманджан датка – Алайская царица
(из архива кокандских ханов)

دیولانای مجام و جمال و حقیقة
و دعا کرم و شایع احوال و تظلم

ایشان سلطان و مستغفلان مهماناً و سایر سپهک ان کور
و تحقیق ان مجیب که نمایان مقرر عیال و نفی اگاه که در
به نسیه که بچون در ایام دولت و در نوزاد بجز در وقت
سبازت پناه و جمله بیگناه و راه از سب و اسلحه
سعدت صح از نوزاد العیال و فرزندان و غیره و خود و سایر
معرضت کرده قضا در نوزاد بر حضا و معادله و بنده و در
سلطان و غیره بنیاد کرده و در صورتی که سبباً از کور
و حال سر که ان همسان و در سلطان اوقات حضور
بوده و اطلاق الوقت و سبباً که در نوزاد ان غلوی
نمایند و غیره برین وجهه و قاضی که در نوزاد ان
مقرر کرده از نوزاد ان از انجا که در نوزاد ان

Худиргулан
1279

Кавказская автономная администрация
Султанов Семеновых - Паркешанли
№ 2. 1279.

39. *Трамона Худиргулана*

Da budemz velkomu velkomu palanem
budemz velkomu, tomo palan velkomu
budemz velkomu. Omi Abdulla Zekardan
i palan velkomu i palan velkomu
i palan velkomu otca svoego Seimena
Seim Parkeshanli mnoho osvobodim
v budemz velkomu palanem, v budemz velkomu
velkomu palanem i palanem velkomu
palanem i palanem velkomu. Mnoho
palanem i palanem.

Худиргулан,
Султан Семенов.

Ханские документы

Сейид Музаффар-Эддин-Багадур-хан, эмир Бухарский

Кокандский хан Худояр

В кочевье
Курманджан датки

В Коканде

Ханский дворец

На зимних
стойбищах Алая

На Сулейман-горе

Перекочевка
алайских кыргызов

Генерал-майоръ Скобелевъ

Генерал-майор М.Д. Скобелев

М. Милютин

Военный министр
России Д.А. Милютин

*— Милютинъ изъясняетъ, что
война войъ про Бухарю; какъ это можетъ случиться,
то не въ войну проишь въ Бухарю войну проишь
и войну. — Сказавъ, какъ изъяснитъ Бухарю войну
и войну, то войну войну войну войну войну
войну войну —*

Генералъ Кауфманъ

Туркестанский генерал-
губернатор К.П. фон Кауфман

Генерал-майор М.Е. Ионов

Император Александр II

Шабдан Джантаев

Русский путешественник
А.П. Федченко

Полковник Генерального
штаба К.Г. Маннергейм
в парадной форме (1909 г.)

Курманджан датка в 96-летнем возрасте (фото К.Г. Маннергейма)

Махмудбек с джигитом у входа в юрту Курманджан датки.
(фото К.Г. Маннергейма)

В гостях у Курманджан датки
(слева направо: П. Пеллиот, Курманджан, ее внук, К.Г. Маннергейм)

Курманджан датка
с сыном Махмудбеком
и джигитом

Словом, в период возвышения Коканда представители кыргызской знати играли в его политической жизни заметную роль. Они охотно участвовали в придворных интригах, низвержении одних ханов и возведении на престол других. Кокандские правители, начиная с основателя династии Минг Шахрух-бия и до последнего – Худояр-хана, воспитывавшегося в кыргызской среде, были тесно связаны даже родственными узами с кыргызами. Они порой доверяли им больше, чем ближайшим сородичам, предоставляя ключевые должности в дворцовой иерархии. Нередко создавалась иллюзия, что кыргызы в делах ханства играли чуть ли не ведущую роль, что приводило к некоторой идеализации характера Кокандского ханства.

Но главенствовали ли на самом деле кыргызы на политическом Олимпе этой державы? Не торопитесь с выводами, поскольку кокандские правители во главу угла ставили свои интересы и никогда ими не поступались. Привлечение же кыргызской знати было своего рода заигрыванием во избежание возможных столкновений. Оно диктовалось страхом перед возможной разрушительной для государства силой давних воинских традиций кочевого народа.

Безусловно, и кыргызские родоправители, племенные вожди преследовали определенные личные цели и выгоды. Простые же смертные из числа кыргызов участвовали в политических акциях своих амбициозных предводителей, но мотивы их действий были иными. Каждое выступление независимо от политических лозунгов родоплеменной знати давало возможность их неродовитым сородичам выплеснуть свой гнев и протест против ханского ига. Поэтому трудящиеся-кыргызы в своих антиханских настроениях зачастую придавали восстанию более высокий уровень исторической значимости, чем это предполагалось политической интригой родоплеменной знати. Доходило до осознания необходимости создания собственного национального государства, а не только замены одного хана Коканда другим.

Можно утверждать определенно: близость кыргызской феодальной знати к ханскому престолу несколько не означала, что кыргызам в основной массе жилось хорошо. Напротив, тому есть немало свидетельств, что после окончательного завоевания

кокандцами Кыргызстан оказался под тяжким бременем двойного гнета: кокандских властей и собственных феодалов. Экономическая политика местных правителей не способствовала прогрессу производительных сил населения. Напротив, она тормозила его. Подавляющее большинство кыргызов составляла беднота. Бедный кочевник руководствовался в своей жизни указаниями феодала-родоправителя. Кыргызы закреплялись за определенными вилайетами, бекствами, серкерствами, как правило по местоположению зимовок, и не отдельными айылами и общинами, а целыми родами.

В народной памяти этот период отразился как черная полоса жестокого угнетения и произвола, беспросветной нужды и бесправия. Но народная память бережно сохранила и примеры героической борьбы кыргызов против кокандского ига, свидетельствовавшей о том, что гордый и свободолюбивый горный народ никогда не мирился с чужеземным угнетением, поднимая восстания против угнетателей одно за другим.

ГРОЗДЬЯ ГНЕВА

Для исследователя непросто даже в хронологическом порядке классифицировать происходившие тогда акции недовольства властью, поскольку кокандский период вошел в историю Кыргызстана как череда непрекращающихся восстаний. Но заканчивались они, как правило, поражениями, за которыми следовала кровавая расправа над побежденными, что вызывало новые вспышки народного гнева и ... новые фиаско. Так конец одного мятежа готовил начало нового. Этот процесс, приобретший перманентный характер, приводил к значительным людским потерям, разрушению экономики, грабежам, насилиям, личным трагедиям.

Здесь нелишне упомянуть следующее. Явно порочная теория антагонизма двух народов в зависимости от их этнического состава, хозяйства и образа жизни уже в старые времена вызывала справедливые нарекания передовых прогрессивно мыслящих людей. Прямо противоположные суждения имелись у некоторых царских чиновников. В частности, иного мнения о взаимоотношениях народов Кокандского ханства был коллежский советник А.А. Вейнберг.

Исторические документы подтверждают и дают много примеров совместных выступлений кыргызских, казахских и узбекских трудящихся против общих эксплуататоров – кокандских ханов и местных феодалов.

Выступления кыргызов против ханов происходили не только в результате увеличивающихся поборов или как протест против чрезмерных налогов, но и иногда под влиянием агитационных действий противников правящего хана с целью его свержения. Призыв к низвержению правящего хана всегда находил благодатную почву, «так как все почти без исключения тяготятся его властью», – замечал А.А. Вейнберг, оказавшийся в Коканде во время крупного последнего восстания¹. Приближенные хана неизменно стремились использовать недовольство и гнев трудящихся масс, восстания кыргызов в своих интересах и, как правило, небезуспешно. Плоды и результаты от восстания и дворцовых переворотов доставались или оппозиционному хану, предводителям и родоправителям кыргызов и кипчаков, либо феодальной аристократии Коканда².

Следует заметить также, что восточным деспотизмом кокандских ханов тяготились не только кочевники, но и оседлые жители. И если глубокая вражда между кочевыми кыргызско-кипчакскими феодалами и оседло-земледельческой узбекско-таджикской знатью имела в основе борьбу за власть, то простым труженикам делить было нечего. «Оседлое население наравне с кочевниками тяготится настоящим положением дел в ханстве, – доносил А.А. Вейнберг, – и если доньше между этими двумя элементами не было солидарности, то не потому, что они относились враждебно одно к другому; подобные отношения существуют между главными представителями этих народностей, простолюдин же хлебопашец или работник вполне сочувствует кочевнику, живущему своими стадами»³.

Кочевники в случае острой необходимости могли укрываться в неприступных горах, а начиная с 1850-х годов откочевывать в пределы России, оседлые же земледельцы, привязанные к своим

¹ ЦГВИА, Ф. ВУА, д. 6874, л. 21–22.

² Там же. – Д. 6874, л. 25.

³ ЦГВИА, Ф. ВУА, д. 6886, л. 2–5.

пашням, вынуждены были все терпеть и сносить. Более независимые на своих отдаленных от центра кочевках и более мобильные по сравнению с привязанными к пахотным участкам земледельцами кочевники, естественно, имели большие возможности для выражения своего недовольства ханами. Поэтому чаще выступали против кокандских ханов именно кочевые кыргызы и кипчаки, причем настолько часто, что туркестанский генерал-губернатор П. Кауфман в декабре 1875 г. не без основания доносил военному министру Милютину: «История Кокандского ханства представляет собою целый ряд беспрестанных восстаний кипчаков и кыргыз и борьбы государственной власти ханства Кокандского с этим беспокойным элементом его населения»¹.

Наиболее разрушительными для ханства народными волнениями с участием кыргызов, были следующие:

- 1845 г. – Ошское восстание;
- 1847 – 1848 гг. – антикокандское восстание наманганских кыргызов;
- 1861 г. – попытка Алымбека датки создать кыргызское ханство. В 1842 году произошел заговор Алымбека против Малляхана с целью возведения на престол Ша-Мурада;
- 1862 г. – восстание Байтик-баатыра против кокандцев;
- 1867 г. – восстание алайских кыргызов и взятие кокандского укрепления Кызыл-Курган;
- 1871 г. – восстание сохских кыргызов против гнета кокандских ханов;
- 1873 г. – начало всенародного восстания в Кокандском ханстве. Самозванец Исхак Хасан уулу принимает предложение ряда сановников-кыргызов стать лже-Пулат-ханом и возглавляет восстание чаткальских кыргызов;
- 1876 г. – разгром войсками генерала М. Д. Скобелева последнего очага восстания на Алае.

¹ *Мухаммед Хаким-хан Тере*. Мунтахаб ат-таварих (Рукопись) / Пер. В.А. Ромодина. В художественной литературе этот период истории киргизов хорошо отображен в романе Т. Касымбекова «Сломанный меч» (отдельные главы в русском переводе напечатаны в журнале «Литературный Киргизстан». – 1962. – № 5).

Такова вкратце основная канва хронологии тех мятежных событий. Факты истории свидетельствуют о том, что кокандским властителям так и не удалось полностью покорить гордый, свободолюбивый народ, сломить дух сопротивления. Русские посланники при кокандском дворе отмечали, что восстания кыргызов были следствием «жестокого и дурного правления», что временами они распространялись на огромные территории.

Что характерно, кыргызы никогда не чувствовали себя истинными подданными кокандских ханов. Они рассматривали свое подданство прежде всего через призму зависимости от кокандских рынков и расположения многих зимовок в Ферганской долине, находившихся в пределах военного присутствия Коканда, считали зависимость временной. В частности, в период дворцовых смут в Коканде в 1842 году кыргызские родоправители Таласа скрывали претендента на престол Шералы, а затем и провозгласили его ханом. В то же время кыргызы стали изгонять кокандские гарнизоны из крепостей на своей территории, отказывались платить подати. В том же 1842 г. кыргызы Прииссыккуля, как сообщает источник, восстали против кокандского хана, «свергнули с себя его иго и, разорив устроенные на границах кокандцев с кочевьями кыргызов крепостцы, начали с тех пор действовать самостоятельно»¹.

Посмотрим же на хронику тех беспокойных времен сквозь призму биографии Алайской царицы. В силу своего положения в обществе Курманджан датка невольно оказалась тогда в эпицентре грозных событий. Начнем по порядку...

ОШСКОЕ ВОССТАНИЕ 1845 ГОДА

В 1845-м вспыхнуло крупное восстание алайских кыргызов, распространившееся вскоре и на Ош. В восстании участвовал и супруг Курманджан, алайский родоправитель Алымбек. Но не сносить бы ему головы, если бы не мудрость жены. Будущая Алайская царица, по воле судьбы встретившаяся на его пути, ставшая

¹ Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений... – Т. 1. – С. 152.

⁵ Том III. В. М. Плоских

его женой – спутницей жизни, верным другом, советчицей и опорой в дни его величия и невзгод.

В ошском окружении Алымбека было много шпионов и тайных сторонников Мусульманкула. Им он послал приказ: «Убейте врага. Если не можете, приложите все усилия, чтобы задержать алайского волка в городе. Усыпите его подозрительность, пока мой беспощадный меч не обрушится на его толстую шею»¹. Второе письмо было адресовано единомышленникам Алымбека, влиятельным среди кыргызов феодалам Саидбеку и Пулату: «Алымбек алайский хочет взять все себе. Он подомнет вас, наступит сапогом на ваши головы. Подумайте и взвесьте!». Самому Алымбеку хитрый временщик написал: «Брат мой! Если человек однорукий, он уже не джигит. Мы с тобой, как две могучие руки государства. Без одного из нас оно станет калеккой»².

Расставив таким образом смертельные ловушки своему сопернику, Мусульманкул сказал соратникам:

– Время! Теперь самое драгоценное – это время! Оно скачет быстрее тулпара, но мы должны опередить алайского смутьяна и уничтожить его, пока он не причинил нам непоправимый ущерб.

И «великий кипчак» выступил в поход на Ош. Он уже предвкушал, как разрубит Алымбека на две неравные части: в одной – голова, в другой – все остальное. Желая избавиться от вмешательства предводителей кыргызских племен и навести «порядок» в их кочевьях, Мусульманкул в 1845 году выступил в Ошское предгорье. В результате столкновения часть кыргызов была разбита, и отряд пленных отправлен в Коканд. Мусульманкул сначала остался в Оше, «дабы окончательно водворить здесь порядок и повиновение властям»³. Затем он пошел на соединение с кошуном кипчака Кур-Оглы, продолжавшего сражение с кыргызами.

В Коканде в это время готовился заговор как против Мусульманкула, так и против малодушного Шералы-хана. Предводитель недовольных – исфаринский хаким Сатыбалды датка –

¹ Горная царица Курманджан и ее время... – С. 49.

² Там же.

³ Там же.

решил возвести на престол Мурад-бека, племянника Алим-хана, оказавшегося в это время в Ура-Тюбе¹. Сатыбалды датка, «оговорившись и вступив в соглашение с кыргызами Алая», доставил в столицу Мурада, одного из сыновей Хаджи-бия, родного брата Алим-хана. В Коканд прибыли в среду. Был базарный день, к урде только что привели пленных кыргызов из Оша, и на площади сосредоточилось много народу. Здесь заблаговременно подготовленные глашатаи и объявили о воцарении Мурад-хана. Шералы «заставили испытать напиток мученичества»². Вероятно, в перевороте сыграли роль как прибывшие с Алая кыргызы, так и приведенный отряд пленных. Можно полагать, что в этих событиях впервые на большой политической арене выступил Алымбек, предводитель алайских кыргызов. Косвенное свидетельство этому находим в рассказе И. Ювачева об Алайской царице Курманджан датке. С Мурад-беком в Коканд прибыл небольшой отряд кыргызов в 100–200 человек. Они-то, надо полагать, и были основной опорой нового хана.

Мурад-бек задержался на престоле недолго. Хотя его основным стремлением было желание «поцарствовать хотя бы два дня», он удержался в ханах немногим более – всего 11 дней (по некоторым источникам – 7 дней). Мусульманкул, быстро организовав оставшиеся преданными ему войска, провозгласил ханом малолетнего Худояра – сына Шералы от жены кыргызки Яркин-айым, после чего выступил на Коканд. Сторонники Мурад-хана стали разбегаться. Лишь один небольшой отряд кыргызов в 100–200 человек стойко держался до конца. Но в результате предательства одного из придворных сановников – Мадкерима, открывшего ворота кипчакам и полностью находившемуся в их руках Худояру, часть кыргызов погибла, часть попала в плен и только немногим удалось спастись бегством. Мурад-хан был зарезан³.

¹ *Мулла Нияз Мухаммад Хоканди. Тарих-и Шахрухи (Рукопись) / Пер. В.А. Ромодина. – Ташкент, 2002. – С. 172.*

² Там же. – С. 172.

³ Там же. – С. 172–173.

Кипчаки, восторжествовав над Мурад-ханом, уничтожили и ряд видных сановников, в том числе не пощадили и высшее духовенство: были зарезаны Сулейман-Ходжа – шейх-уль-ислам, Дамулла-ходжа-кули-Кази-калян и Мулла-Халь-Маги-Ахун-Аглам.

На престол был возведен малолетний Худояр-хан, а вся власть сосредоточилась в руках регента Мусульманкула. Вступление на престол Худояр-хана и фактическое сосредоточение ханской власти в руках Мусульманкула не означали полного отстранения кыргызской феодальной знати. Просто одна феодальная группировка потерпела поражение, другая возвысилась, одни кыргызские феодалы уступили место другим, выступавшим вместе с Мусульманкулом за Худояр-хана. Стоит все же помнить, что Худояр, воспитанный в детстве в Таласе среди кыргызов, несомненно, имел своих сторонников и среди кыргызов.

В 1846 году объединенные роды кыргызов и кипчаков фактически захватили власть в Кокандском ханстве в свои руки. Средневеково-феодальная идеология не позволяла им перейти через восточно-деспотическое управление, и совет родоправителей-биев решил возвести на престол нового хана, который должен был соответствовать их требованиям и защищать в первую очередь их интересы. От имени хана родоправители намеревались управлять обширным государством. Хан фактически должен был превратиться в марионетку кочевой кыргызско-кипчакской феодальной знати, стать тем щитом, которым они всегда могли бы прикрыться.

Придворные зарезанного Мурад-хана также были вырезаны, а те, кто успел спастись, оказались далеко за пределами ханства. Самовластие и самоуправство правящей кыргызско-кипчакской элиты, вольность и безнаказанность кочевых родов вызывали противодействие оседло-земледельческой и городской части таджикско-узбекского населения ханства, зависть оседлой феодальной знати, всегда соперничавшей с кочевниками в борьбе за власть и влияние при дворе.

Возведенный на престол малолетний Худояр-хан оказался полностью в руках Мусульманкула. Русский посланник в Ташкент И.Я. Крымов сообщал, что «Мусульманкул избран был по желанию общему как кипчаков, так и здешнего народа по сво-

ей способности и дарованию»¹. У него были особые способности и дарования – способности в плетении междуособных интриг и козней и дарования в использовании подвернувшейся ситуации. Но это был, без сомнения, волевой и энергичный феодал. Мусульманкул привязал к себе малолетнего Худояр-хана выдачей за него замуж своей дочери, став, таким образом, тестем хана, и на правах родственника начал фактически вершить все дела в ханстве.

МЯТЕЖ, ПЕРЕРОСШИЙ В НАРОДНУЮ ВОЙНУ

После поражения в восстании 1845 года кыргызы выступали против кипчаков еще в 1847-м. Крупное сражение произошло в Намангане в местности Балыкчы, но и здесь кыргызы потерпели поражение². Основные силы, выступавшие против них, составляли кипчакские отряды, возглавляемые феодалами – приверженцами Мусульманкула.

Так начался наиболее мрачный период истории ханства – время правления Худояр-хана. Правил же он трижды – низвергаемый с престола и вновь восстанавливающий свою власть. Периоды царствования этого деспота следующие: 1844–1858 гг., 1862–1863 гг. и 1865–1875 гг. Они вошли в историю как период наиболее жестокого угнетения кыргызского народа. Так, в официальной записке «По поводу волнений в Кокандском ханстве» российский чиновник Н. Петровский подчеркивал, что основные причины восстания кыргызов сводились к «жестокому, крайне деспотическому управлению ханством»³.

К тому же экономическая политика кокандских правителей не способствовала прогрессу производительных сил кыргызского населения. В частности, именно налоги были основной причиной восстания кыргызского населения против кокандского господства. Именно отстающая экономика впоследствии сделала мятежи всеобщим народным движением.

¹ ЦГВИА, ф. 67, оп. 1, д. 48, л. 19–23.

² *Мулла Нияз Мухаммед Хоканди. Тарихи-Шахрухи...* – С. 182.

³ Там же. – С. 172.

Добавим, что, и как личность, Худояр был патологически жесток. «Насильственные захваты, отравления, умерщвления целых династических родов, ближайших родственников, ночные нападения, утопления, сажание прежних властителей на кол живьем, похищение юных принцев для придания законности ... претендентству, регентству и т. д. следовали одно за другим непрерывною чередою»¹, – отмечал академик АФ. Миддендорф, посетивший Фергану сразу после присоединения к России.

Что для нас важно, кыргызы были основной силой и организаторами свержения с престола Худояр-хана, например, Алымбек датка, который в 1857 – 1858 гг. оказывается в числе заговорщиков против Худояр-хана в пользу его младшего брата Малля-бека. Переворот оказался успешным. Худояр спасается бегством в Бухару. На престол взошел Малля-хан, который правил в 1858 – 1862 гг. Все источники главную роль в этих событиях отводят ошским и алайским кыргызам. Именно в это время политическая власть в ханстве практически перешла в руки Алымбека и кыргызских родоправителей, но на престоле продолжал оставаться представитель ханской династии Минг.

В 1860 г., после того как русскими с помощью кыргызских повстанцев были взяты и разрушены крепости Пишпек и Токмак, в Чуйскую долину из Ферганы Малля-ханом был направлен Алымбек датка во главе кокандского войска. Его путь проходил через Центральный Тянь-Шань. В Куртке и Кетмень-Тюбе он увеличил свое войско до 12 тысяч, в Чуйской долине в его войско влились отряды конников кыргызских манапов Байтика, Джангарача и Шабдана. Здесь же Алымбек встретился с подошедшими к Пишпеку кокандскими отрядами численностью более 20 тысяч всадников с 10 пушками под началом ташкентского наместника кипчака Канаат-шаа. Соперники не поделили власть – ни один не хотел признать главенство другого, поэтому, когда Канаат-шаа выступил против русских в сражении при Узун-Агаче 18 – 20 октября, Алымбек задержался и не поддержал его. Однако здесь, видимо, сыграло свою роль не столько личное соперничество за верховенство, сколько нежелание Алымбека со своими кыргызами воевать

¹ Мулла Нияз Мухаммед Хоканди. Тарихи-Шахрухи... – С. 182.

против русских, которых к тому же поддерживали семиреченские кыргызы (а иссык-кульские еще в 1855 г. приняли российское подданство). Как бы то ни было, Алымбек не вступил в сражение и увел свои войска, чем обрек кокандцев на поражение.

В 1858 году Малабек, обиженный на Худояр-хана, прибыл в Кара-Суу и попросил помощи у кыргызов, что нашло понимание у родовых правителей Асана-бия и Алымбека датки, которые вместе со своими людьми оказали ему поддержку. В итоге этой борьбы Худояр-хан лишился власти, а на трон сел его сводный брат Малля-хан (1858 – 62 гг.). Чокан Валиханов, приезжавший в том году на кыргызскую землю, писал так: «Малля-хан своим приходом к власти был обязан кыргызам и обещал их правителю Алибеку (Алымбеку) должность минбаши, но в течение долгого времени не хотел видеть его на этом посту. Несмотря на это, Алымбек датка в это время пользовался всеми правами главного визиря». И в самом деле, выдающийся сын кыргызского народа Алымбек датка во время правления Малля-хана был облечён неограниченной властью и имел большое влияние. В эту пору Алымбек датка укреплял свои связи с правителями северных кыргызских племён, заботясь о единстве кыргызского народа. Губернатор Западно-Сибирского региона Дюгамель посоветовал руководителю округа Ала-Тоо Г.А. Колпаковскому, чтобы тот, в случае проявления Алымбеком интереса к переговорам, не задумываясь, приступил к ним.

«КЫРГЫЗСКИЙ ПУГАЧЕВ»

Таким образом, с 1873 года борьба кыргызского народа против тирании Худояр-хана переросла в настоящую войну, которая не прекращалась до тех пор, пока кокандский правитель не покинул трон и не бежал под защиту царских властей. Поводом к этому роковому для ханства восстанию 1873 г. послужило дополнительное налогообложение кыргызов южных районов Ферганской долины и Алая. Вызвано оно было простой причиной. В 1865 году, вследствие действий крупных военных сил русских, территория Кокандского ханства сократилась до размеров Ферганской долины и плюс кыргызские кочевья Памиро-Алая.

Ограничение территории вызвало и сокращение доходов в казну, что побуждало хана увеличить размер налогов и податей с оставшегося населения. Русский политический обозреватель того времени Ю. Россель¹ писал по этому поводу, что на кыргызов ханские офицеры стали налагать добавочные подати по три овцы с каждой кибитки и еще новый поземельный налог на обработанную землю в горах. Кыргызы вначале мирно выразили протест, отказавшись платить незаконные и непомерно высокие подати. Тогда ханские посланцы стали «вразумлять» кыргызов обычными в таких случаях средствами.

Возмущенные избиением и пытками ни в чем не повинных людей кыргызы взялись за оружие и вступили в бой с ханским отрядом. В последующем, опасаясь прибытия карателей, они снялись со своих мест и откочевали в отдаленные горные урочища. Их примеру последовали другие кочевья. По данным источников, в 1873 году в целом в горные местности перекочевали 20 тысяч кыргызских семейств и 10 тысяч кипчакских, т.е. примерно 150 тысяч человек. Многие из них пополнили затем число повстанцев.

Так началось небывалое по размаху всенародное движение угнетенных против ханской тирании. Предводителем повстанцев стал кыргыз из рода бостон Исхак Хасан уулу, принявший имя одного из потомков правящей династии Минг – внука Алим-хана по имени Пулат-хан, находившегося в отшельничестве.

Любопытна биография этого человека, которого называли в те времена «кыргызским Пугачевым». Исхак родился в семье маргеланского мударриса примерно в 1844 г. Проучившись некоторое время в кокандском, а затем в маргеланском медресе, в 1867 г. бросил учебу и поселился среди соплеменников. Он много кочевал с кыргызами, хорошо познал их трудную, многострадальную жизнь. Незадолго до начала восстания Исхак нанялся работником к старому сподвижнику придворного вельможи Алымкула – мелкому торговцу Абду-Мумину. Известно, что депутация кыргызов в начале восстания направилась в Самарканд к внуку Алим-хана Пулату с предложением возглавить восставших, но тот

¹ Горная царица Курманджан и ее время... – С. 49.

отказался примкнуть к народу. Тогда Исхак сам назвался Пулатом. Весной 1873 г. в местности Сафид-Булан Аксы́йской долины он был провозглашен ханом – «поднят на белом войлоке».

Вскоре с отрядом сподвижников в 200 человек он появился на Чаткале. Самозванный Пулат-хан возглавил народное движение против кокандского хана. Следует заметить, что он не был единоличным руководителем восстания, а делил власть с руководителями отдельных отрядов повстанцев, среди которых наибольшей известностью пользовались андижанский кыргыз Мамыр Мергенов и чаткальский кыргыз Момун Шамурзаков.

Весьма характерно, что некоторые кыргызские родоправители, недовольные Худояром, примкнули к этому народному движению, чтобы исподволь подчинить его своим политическим планам.

Финал жизни самозванного «Пулат-хана» известен: 1 марта 1876 года он был повешен на базарной площади в Маргелане по приказу российских властей вместе со своим соратником Акимбеком и некоторыми другими лидерами последнего в истории Кокандского ханства народного восстания¹.

Двумя годами раньше, весной 1874-го, часть восставших во главе с кыргызом Мамыром обратилась к генерал-губернатору Туркестана с просьбой принять их в русское подданство. А 18 февраля 1876 года территория Кокандского ханства царским манифестом объявляется присоединенной к России и преобразовывается в Ферганскую область в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Первым военным губернатором новой области стал ее завоеватель М. Д. Скобелев. Так завершилась одна из наиболее мрачных страниц истории кыргызской нации. Курманджан датке и ее супругу Алымбеку суждено было сыграть далеко не последнюю роль в кровавой драме конца величайшей среднеазиатской деспотии XIX века. Далее Алайская царица после некоторых событий входит в число представителей местной знати уже Туркестанской провинции Российской империи. Но это уже – новая история...

¹ Подробнее см.: *Газиев А. Пулат-хан: Исторический роман.* – Бишкек, 2010.

Глава IV

РОССИЙСКО-БРИТАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА НА ПАМИРО-АЛАЕ

Исследуя биографию Курманджан датки, не следует забывать, что она и ее народ жили на территории, которая находилась в то время на самом острие противостояния двух мировых сверхдержав – Британии и России. Словом, кыргызы как подданные Кокандского ханства оказались в конце позапрошлого столетия в эпицентре нешуточной внешнеполитической игры. Причем у каждого из них был свой, достаточно прагматичный интерес к Центральной Азии. У россиян он впервые проявился в 1714 году. Тогда поступили сведения о наличии золотоносного песка близ уйгурского города Яркенда. Император Петр I быстро отреагировал на это, отдав приказ о походе в Восточный Туркестан со стороны Сибири. Экспедиция в составе почти двух тысяч солдат, которую возглавил подполковник И.Д. Бухгольц, дошла до Ямышева озера, построив там крепость. Зимой 1715 – 1716 годов ее осадили джунгары и вскоре остатки отряда были вынуждены вернуться обратно¹.

¹ Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 гг. – М., 1986. – С. 7.

Вторая попытка завоевать среднеазиатские земли была предпринята лишь во второй половине XVIII века. При Екатерине II регион стал привлекать россиян уже не как место возможных золотonosных месторождений, а в качестве стратегически важного пункта для развития торговли с Китаем и Индией.

Британия в первую очередь была нацелена на удержание и расширение территории Британской Индии. Англичане появились в Индии в начале XVII века и основали там Ост-Индскую компанию. Победа при Плесси и кипучая деятельность У. Гастингса привели к тому, что к концу XVIII века вся Индия фактически превратилась в английскую колонию.

Далее с расширением военно-политического присутствия Российской империи в Средней Азии и на Кавказе в начале XIX века российские интересы в регионе столкнулись с британскими. Как подчеркивает в своем исследовании кыргызстанский историк Е.Г. Гарбузова, границы обеих колониальных держав постепенно сближались, образовывались так называемые буферные государства, выражающие интересы той или иной из противоборствующих сторон¹.

В 1801 году император Павел поддержал идею Наполеона Бонапарта о совместном походе русско-французской армии против англичан в Индию. В январе того же года в Среднюю Азию направились 20 тысяч казаков, однако в марте они получили приказ о возвращении обратно в Россию в связи со смертью императора. После наполеоновских войн планы завоевания «жемчужины британской короны» в Петербурге всерьез не обсуждались².

Начиная с 1813 года британская дипломатия с беспокойством наблюдала за военными успехами русских войск против Персии, завершившимися подписанием Гюлистанского и Туркманчайского договоров, по которым к России отошла территория современных Армении и Азербайджана. Британские военные занимались

¹ *Гарбузова Е.Г.* Геополитический аспект противостояния Российской и Британской империй в Центральной Азии в XIX веке. – Бишкек, 2010. – С. 106.

² *Широкорад А.* Россия – Англия. Неизвестная война. 1857–1907. – М., 2003. – С. 143.

обучением и перевооружением персидской армии, снабжали оружием черкесских повстанцев (см. дело «Виксена»). В Тегеране во время столкновений возле русского посольства в Персии был убит Александр Грибоедов.

А в декабре 1838 года британское правительство решило перейти к активным действиям. Около 30 тысяч солдат вторглись в пределы Афганистана и посадили на кабульский престол ставленника британской короны – шаха Шуджа. Британская оккупация продлилась три года. В ноябре 1841 года в Кабуле разгорелось восстание, в ходе которого шах Шуджа был свергнут, британский агент Александр Берне зверски растерзан толпой, а другие англичане изгнаны из страны. Так закончилась Первая англо-афганская война.

Новый всплеск англо-русского соперничества в Средней Азии был связан с русским завоеванием Хивы, Бухары и Коканда в царствование Александра II. Тогда же начался процесс присоединения кыргызских племен к России и возник, как в случае с Хивой и Кокандом, вопрос о подданстве казахов и кыргызов Цинской империи, а следовательно, появилась проблема территориального разграничения. С этой целью в 1860 г. был заключен Пекинский договор, по которому в общих чертах была проведена граница между сферами влияния России и Китая в данном регионе. Однако вскоре ситуация стала радикально меняться: в 1862 г. вспыхнуло восстание дунган в провинциях Шэньси и Ганьсу, которое к 1864 г. перекинулось в Синьцзян, в результате чего образовалось четыре государства: Джеты-Шаар с центром в Кашгаре; Таранчинский султанат в Кульдже; Калмыкское владение с центром в Чугучаке и дунганский союз городов в Урумчи.

Для стабилизации обстановки в регионе четырьмя годами позже после заключения Пекинского договора Россия и Китай подписали новый, так называемый Чугучакский протокол. В соответствии с ним «русским владениям отошел бассейн р. Нарын, по которому лежит один из ближайших путей в Кашгар... и эта граница, проходящая менее чем в ста верстах к северу от Кашгара и упиралась в хребет Цунь-Линь, тем самым замыкает нашу новую среднеазиатскую границу, соединяющую Оренбургскую и Сибирь-

скую линии»¹. Что немаловажно для дальнейшего продвижения российской экспансии в Средней Азии, протокол юридически закрепил уже бытовавшую в то время в данной местности практику так называемого двоеданства, когда любой из кочевавших по означенной договором территории народов мог состоять подданным сразу двух или нескольких подписавших протокол государств. России это было также необходимо для стабилизации обстановки в приграничной зоне и удержания местных кыргызов и казахов от грабежей Синьцзяня. Дело в том, что в период с 1864 по 1865 год представители этих двух этносов – российские подданные – массами пересекали границу, грабя местных жителей – китайцев, маньчжур и калмыков. С другой стороны, уже в 1864 году повстанцы из Кашгара стали притеснять кыргызов из рода черик. В результате чего их манап Турдуке попросил у россиян защиты от грабежей². Но такое стремление России не давать своим подданным провоцировать конфликт двух держав не находило понимания у представителей местной кыргызской знати. В результате кочевники не раз нападали на российских военнослужащих, учиняя тем самым конфликты с местной колониальной администрацией. Так, например, в мае 1865 года бий (предводитель) кыргызского племени бугу Суанбек напал и захватил несколько стрелков и казаков, посланных остановить его переход через границу³.

В следующем десятилетии Британия, овладев Афганистаном, получила тем самым возможность управлять внешней политикой этого государства, хотя, согласно соглашению 1872 – 1873 годов, территория этого государства рассматривалась как нейтральная зона⁴. Тогда действия геополитического противника России –

¹ *Мазаев В.* О русско-китайских разграничениях в Центральной Азии// Записка историко-дипломатического управления МИДа СССР. – 1971. – С. 3.

² *Джамгерчинов Б.* Очерки политической истории Киргизии XIX века. – Фрунзе, 1966. – С. 256.

³ *Джамгерчинов Б.* Присоединение Киргизии к России. – М., 1959. – С. 312.

⁴ *Гарбузова Е.Г.* Геополитический аспект противостояния Российской и Британской империй в Центральной Азии в XIX веке... – С. 107.

Британии – были окрашены русофобской деятельностью премьер-министра Бенджамина Дизраэли, кредо которого, выраженное в его письме королеве Виктории, состояло в том, что «нашими войсками москвиты должны быть выдвинуты из Средней Азии и сброшены в Каспийское море». В подтверждение серьезности своих намерений Дизраэли убедил королеву принять титул «императрицы Индии», причём в пределы «Индийской империи» включался и Афганистан.

На фоне Берлинского конгресса Дизраэли дал распоряжение о начале Второй англо-афганской войны. В январе 1879 года 39 тысяч англичан вошли в Кандагар. Шах пошёл на уступки и подписал с британцами неравный Гандамасский договор. Тем не менее партизанская война продолжалась, и вскоре англичане оказались осаждены в Кабуле почти 100-тысячными силами повстанцев. Военные неудачи получили резонанс в Лондоне, вследствие чего Дизраэли проиграл парламентские выборы 1880 года. Его преемник Гладстон вывел английские войска из Афганистана и подписал с эмиром договор, согласно которому тот обязывался координировать свою внешнюю политику с Лондоном.

В течение последующих двух десятилетий большая игра заключалась главным образом в разведывательно-шпионской деятельности. Ключевой фигурой в этой игре был генерал-майор британских спецслужб Ч. Макгрегор¹. Упрочить свое положение в Центральной Азии во второй половине XIX века Россия стремилась еще и по причине явно антироссийской политики ряда игравших заметную роль в регионе политических фигур. К числу подобных противников империи можно отнести кашгарского правителя Якуб-бека (1820–1877 гг.). В период с 1865 по 1866 год, пока не отделился от Коканда, он доставил немало неприятностей колониальной администрации. Например, постоянно вмешивался в дела приграничных кыргызов (бугу и чериков), призывая их к борьбе с русскими войсками, а также строил в приграничной полосе укрепления». Лишь после нормализации дипломатичес-

¹ Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром. – М., 2004. – С. 132.

ких отношений России с Бухарой и Кокандом Якуб-бек совершил ряд дипломатических уступок империи, продемонстрировав тем самым свое благожелательное к ней отношение.

Характерно, что чем шире развевалось проникновение Британии в Центральную Азию, тем интенсивнее осуществляли государства региона дипломатические контакты с Россией. Так, в 1841 г. в Оренбурге встречали хивинское посольство Ишнияза Маметниязова, а в 1842 г. в Санкт-Петербурге – Ваисбая Ниязова и Ишбая Бабаева. В 1846 г. в российской столице побывали Клыч-нияз-бай Ниязмухаммедов и Шукурулла-бай Мискинов, в 1849 г. – посол Бухары Ходжа Мирза Хайрулла Хисматуллин, а в январе 1850 г. – хивинское посольство Ходжа-мехрама Аллабердыева и Ваисбая Ниязова. С рабочим визитом в апреле 1852 г. Оренбург посетил уже бывавший в российской столице Шукурулла-бай Мискинов. 20 июля 1857 г. туда же прибыл хивинский посланец шейх-уль-ислам Фазыл, а в сентябре он был в Петербурге. В ноябре 1857 г. в Петербурге находилось бухарское посольство во главе с мирахуром Мулладжаном Ашурджановым, а в конце января 1859 г. – Наджметдин-Ходжа¹. Как частота снаряжения в российскую столицу дипломатических миссий, так и тесное чередование хивинских и бухарских посольств, напомилавшее неприкрытое соперничество друг с другом этих двух государств, красноречиво свидетельствовали о непростых процессах, происходивших в недрах геополитических отношений между Россией и Центральной Азией. Российская империя пыталась свести к минимуму негативные последствия британской политики в Центральной Азии, добиться разрядки напряженности в регионе и не допустить развала традиционных связей.

Однако проявление Якуб-беком лояльности на деле было не более чем тактическим ходом. План кашгарского правителя состоял в стремлении объединить под своим началом как можно больше государств и территорий с целью создать обширное государство. Далее, используя противоречия России, Англии и Китая, Кашгар намеревался добиться независимого

¹ Широкоград А. Россия – Англия. Неизвестная война... – С. 23.

и самостоятельного статуса в Центральной Азии. В отличие от средневекового отсталого мышления ханов и эмиров Хивы, Бухары и Коканда, которые фактически не придавали никакого значения международным отношениям, считая заключенные договоры только средством выиграть время и ни к чему их не обязывающими, так как основополагающим фактором, с которым только и надо считаться, по их мнению, являлось применение грубой силы. Якуб-бек мыслил уже во многом по-новому, достаточно ясно понимая, что необходимо считаться с реальной силой в лице России и Англии в данном регионе, поэтому он очень настойчиво и целенаправленно добивался у них своего признания. К тому же дипломатия предоставляла время, чтобы так или иначе подчинить другие государства и тем самым значительно улучшить свои позиции на переговорах с Россией и Англией, а также в будущем противостоянии с Китаем.

По всей видимости, Якуб-бек планировал подчинить себе и Кокандское ханство. Уже в 1866–1867 годах он отодвинул границу до Уксалыра, а потом и до Улугчата, где были построены укрепления¹. Позже были заняты кокандские укрепления Награ-чалды, Ечин и Иркештам, последний располагался уже в 180 верстах от Кашгара, хотя первоначально граница проходила в 88 верстах; передовые пикеты кашгарцев появились в укреплениях Нура и Ойтал, которые являлись воротами в Ферганскую долину². Помимо этого, был присоединен Сарыкол на Памире, также раньше подчинявшийся Коканду. Таким образом, явно проявилась тенденция постепенного поглощения остатков Кокандского ханства Якуб-беком.

Российскую империю беспокоили события тех лет, разворачивавшиеся в Синьцзяне. Но при этом она не принимала активных мер по урегулированию обстановки. По словам востоковеда В.А. Моисеева, «министерство иностранных дел в лице

¹ *Мазаев В.* О русско-китайских разграничениях в Центральной Азии... – С. 6.

² *Корнилов Л.Г.* Кашгария, или Восточный Туркестан. – Ташкент, 1903. – С. 21.

А.М. Горчакова и военного министерства в лице Д.А. Милютина категорически высказывались против вмешательства Российской империи в события в Синьцзяне¹. Отношения с Кашгаром усложнились в июне 1871 года, когда империя заняла Таранчинский султанат, на который имел виды Якуб-бек. В итоге он стал подстрекать кокандского правителя Худояр-хана разорвать с россиянами торговые отношения и в союзе с ним покончить с «русской властью в Средней Азии». При этом кашгарец настаивал на необходимости антироссийских военных выступлений, ссылаясь на «бедственное» положение мусульман, страдающих под гнетом «неверных»².

Получив отказ от Худояр-хана и зная о предложениях Кауфмана, Якуб-бек с целью разрядить обстановку пошел на заключение равноправного торгового договора с Россией, который и был подписан 10 июня 1872 года³. В 1873 г. в Петербург был направлен Тураб-ходжа все с той же целью – добиться международного признания Кашгара, однако и на этот раз российское правительство отказалось обсуждать вопрос о признании Якуб-бека и о границах, так как кашгарцы настаивали на том, чтобы они проходили по р. Нарын.⁴ Провал переговоров, а также прибытие 11 декабря 1873 г. в Кашгар Форсайта, который 12 февраля 1874 г. заключил договор с Якуб-беком о его признании Англией⁵, привели к возврату антироссийской политики кашгарского правителя. Он снова стал препятствовать российской торговле.

В последующем интенсивность отношений России с Кашгаром заметно снизилась, так как основное внимание туркестанских властей переключилось на события в Кокандском ханстве 1873 – 1876 годов, а у Якуб-бека появилась другая важная

¹ *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (втор. пол. XIX в. – 1917 г.). – Барнаул: АзБука, 2003. – С. 23.

² *Исаев А.Д.* Уйгурское государство Йэйтишар. – М., 1981. – С. 41.

³ *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. – СПб, 1875. – С. 332.

⁴ *Исаев А.Д.* Уйгурское государство Йэйтишар... – С. 42, 57.

⁵ *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии... – С. 332.

⁶ Том III. В. М. Плоских

задача – отразить наступление китайских войск. Последним аккордом российско-кашгарских отношений стала поездка Куропаткина в начале 1877 г. в Кашгар, когда ему удалось договориться с Якуб-беком о передаче ряда заалайских территорий и укреплений России, однако вскоре последовавшая смерть Якуб-бека и уничтожение его государства китайцами положили конец довольно интересным взаимоотношениям двух государств.

Помимо государства Якуб-бека, еще два новых государственных образования граничили с Россией – Калмыкское владение с центром в Чугучаке и Таранчинский султанат с центром в Кульдже. Если с первым были проблемы только в 1865–1867 годах, когда калмыки несколько раз переходили границу и грабили российских подданных казахов¹, то второе представляло собой довольно значительный эпицентр дестабилизации положения в регионе.

Произведенный впоследствии историками анализ событий однозначно указывает на то обстоятельство, что, продвигая свои границы на юг, Россия руководствовалась прежде всего стремлением стабилизировать ситуацию в регионе и укрепить рубежи, по возможности нейтрализовав противников. Для этого руководство империи предприняло, как минимум, три шага. Во-первых, исключило опасность обострения отношений с Китаем. Превентивные меры российских политиков в данном направлении строились, исходя из двухсотлетнего опыта взаимоотношений с Пекином, который неоднократно проявлял явно недружественную позицию. Помимо того, при отношениях с новыми государствами россияне руководствовались соображениями безопасности своих подданных – казахов и кыргызов. И, наконец, третьим, наиболее важным шагом империи было намерение подчинить себе Кашгар – либо посредством Коканда, или же напрямую.

Таким образом, российская экспансия в Центральной Азии никак не ставила своей целью единственно лишь колонизацию края. Этого нельзя было сказать в отношении главного соперни-

¹ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии... – С. 13.

ка России в этом регионе – Британии. Последняя как раз преследовала исключительно завоевательные планы, что, разумеется, не могли не привлечь во внимание тогдашние лидеры среднеазиатских народов, решая дилемму, к какому из участников противостояния им примкнуть.

Последующие десятилетия, особенно события XX века, доказали правильность выбора кыргызов, сделавших в предшествующем столетии ставку на россиян. Мудрость и дальновидность решения кыргызских родоправителей, в том числе и Курманджан датки, доказаны, как минимум, тремя обстоятельствами. Во-первых, под защитой «белого царя» кыргызы смогли сохранить свою национальную идентичность, что при другом обороте дела было бы весьма проблематично. Кроме того, последующие годы советской власти стали периодом небывалого за всю историю народа его культурного и экономического прогресса. И, наконец, закономерным итогом взаимоотношений с Россией стало величайшее для кыргызов событие – обретение ими государственного суверенитета. И в этом есть определенный вклад Алайской царицы, которая в свое время отвергла британское покровительство в пользу россиян.

Глава V

ПУТЕШЕСТВЕННИК АЛЕКСЕЙ ФЕДЧЕНКО В ТУРКЕСТАНЕ

Неудивительно, что феномен Курманджан датки вызывал неподдельное удивление у российских и европейских путешественников, побывавших в Коканде, поскольку немного знали о Туркестане даже образованные западные жители XIX века. Исследовав почти все на планете, вплоть до Новой Зеландии и Огненной Земли, географы позапрошлого столетия черпали сведения о Средней Азии в основном из старинных китайских летописей, лишь изредка осмеливаясь появляться в сердце евразийского континента. На это отваживались единицы вроде Николая Михайловича Пржевальского или Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского.

Один из таких смельчаков – российский географ, биолог и путешественник Алексей Павлович Федченко (1844 – 1873 гг.) – открыл Заалайский хребет и весьма обогатил арсенал науки познаниями о горах Тянь-Шаня и Памира. Сын иркутского промышленника, впоследствии разорившегося владельца золотоносного прииска, окончил с отличием естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Сделал блестящую научную карьеру, став в 24 года кандидатом естествознания. Погиб в 29-летнем

возрасте, совершая восхождение на Монблан. К тому времени уже слыл одним из светил российской и мировой науки. Яркими страницами в биографии ученого были предпринятые им в период с 1868 по 1871 год несколько экспедиций в Туркестан. Ученый собрал там весьма подробные сведения о флоре, фауне региона, его географических особенностях и нравах населяющих этот край народов.

Впоследствии именем А. Федченко назван расположенный на территории нынешнего Кыргызстана ледник, открытый в 1878 году участниками экспедиции под руководством В.Ф. Ошанина.

Верным спутником Алексея Петровича почти во всех путешествиях была его жена Ольга Александровна Армфельдт – дочь профессора Московского университета. Она прекрасно дополняла исследовательский труд своего супруга, зарисовывая на этюдниках виды открывавшихся путникам горных хребтов¹.

Туркестанские экспедиции А. Федченко достойны пера романиста. Благо сам их участник оставил подробные сведения о своих путешествиях. Эта книга «Путешествие в Туркестан» впоследствии была издана в 1875 году в «Известиях императорского общества естествознания, антропологии и этнографии»². Впоследствии А.П. Федченко так писал в одном из своих писем: «Долго Памир и вообще страна в верховьях Оксуса (Амударьи) оставаться неисследованными не могут: либо русские, либо англичане, но раскроют ее тайны... Я, впрочем, больше верю (по крайней мере, желал бы), что русские сделают это и еще раз впишут свое имя в географическую летопись, которая, по общему признанию, обязана им уже так многим».

Во время своих туркестанских экспедиций ученый путешествовал по Кокандскому ханству, спускался в Алайскую долину, оставил записки об особенностях Заалайского хребта и его высочайшего пика – им. Кауфмана.

¹ *Азатьян А.А.* А.П. Федченко – географ и путешественник. – М.: Географгиз, 1956. – С. 156.

² *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан / Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – СПб., М., 1875. – С. 45.

Помимо прочего, записки интересны тем, что в них есть упоминание о Курманджан датке. Одна немаловажная деталь показывает, что автор, по крайней мере в момент написания заметок, был весьма мало информирован об Алайской царице: А. Федченко неточно передает ее имя. Но тем и интереснее для нас этот текст как документальное свидетельство стороннего и беспристрастного наблюдателя. Приведем этот отрывок: «...в верхней части Алая власть кокандцев должно быть не сильна. Там главным авторитетом считается киргизка Мармаджан-датха. Она вдова; муж ее был известным Алим-датха, игравший большую роль в последних междоусобиях в Кокандском ханстве, прославившийся, между прочим, зверским убийством в Оше. Потом он погиб; власть перешла в руки к его жене, которая самостоятельно правит родом, пользуется огромным авторитетом; наши джигиты не говорили о ней иначе, как с великим уважением. Сам хан очень почитает ее и в случае приезда в Кокан принимает ее как важного бека»¹.

А вот ряд других эпизодов его странствий по Ферганской долине. 15 июня 1886 года участникам экспедиции доставили открытое предписание с ханской печатью, обязывающее подданным Кокандского ханства оказывать путешественникам содействие и гостеприимство. Приведем отрывок из этого документа: «Правителям, аминам, серкерам и другим начальствующим лицам округ Маргелана, Андижана, Шаариханы, Аравана и Булакбаши и городов: Оша, Уч-Кургана, Чемиана, Соха, Исфары, Чарку и Воруха, да будет известен сей высочайший приказ: шесть человек русских, в числе их одна женщина, с семьей служителями, едут видеть гористыя страны, почему повелевается, чтобы в каждом округе и в каждом месте их принимали, как гостей, чтобы никто из кочевников и сартов их не трогал, чтобы упомянутые русские совершили свое путешествие весело и спокойно. Это должно быть исполнено беспрекословно!».

Сопроводжать экспедицию местные власти назначили восемь джигитов. Главным из них был Абдукарим караул беги, старик

¹ Федченко А.П. Путешествие в Туркестан... – С. 138.

лет 70, весьма почтенной внешности. Остальные были по большей части молодежь. Сопровождал путешественников и некий мирза Едгар – их спутник во время пребывания в Коканде. Этому попутчику А. Федченко поручил перевезти в город Маргелан принадлежащие участникам экспедиции вещи, ненужные для предстоящей поездки в горы, и другой бесполезный вдали от благ цивилизации груз – сундук серебряных денег.

Выехав из Коканда, путешественники вскоре достигли белоснежных пиков Тянь-Шаня. Вот как описывает А. Федченко красоту этих гор: «...я увидел еще больше снеговых масс на юге. Крайние из них направо были видны под углом 198, это была целая группа пиков, воздымавшихся гораздо выше снеговой линии, резко отделявшаяся от прилегающих гор. От них на восток виднелась уже целая линия снеговых громад, все-таки местами прерывавшихся, потому что их заслоняли близкие горы. Под углом 115, т.е. почти на востоке уже, виднелся пик, который, несмотря на свое наибольшее отдаление, был все-таки выше других. Вершину эту почти постоянно закрывало облако, и надо было долго смотреть на нее, чтобы составить понятие об ее форме. Форма этой вершины оказалась весьма характерна: пирамида, основание которой очень велико сравнительно с высотой, впрочем, это неправильная пирамида: северный склон ее крут, а южный полог постепенно переходит в массу гор. Ни одной черной точки, все сплошь засыпано снегом! Как я жалел, что у меня не было никакого угломерного снаряда; расстояние было велико, но все-таки можно бы было определить, насколько возвышается на хребте эта вершина. Позже и снизу, из Алая, я увидел эту вершину, и отсюда она казалась самою высокою. Что касается до ее высоты, то за неимением измерений я должен довольствоваться косвенными выводами, которые изложу ниже при описании Заалайского хребта, как он виден из Алая»¹.

Приведем и некоторые из оставленных А. Федченко сведений этнографического характера. На Алае ученый увидел всего два-три небольших кургана, обнесенных глиняной стеной пространства,

¹ Федченко А.П. Путешествие в Туркестан... – С. 138.

с кое-какими постройками. Как указывает автор записок, постройка служила укрытием для местных кыргызов, остававшихся на зиму на Алае. «Но таких (построек. – *Прим. авт.*) сравнительно немного; большинство приходит в Алай только на лето из долины Ферганы, на зиму же возвращается обратно и пасет свои стада на степных невозделанных пространствах, во множестве находящихся близ самых многолюдных оседлых поселений», – дополняет исследователь. И продолжает, что хозяином постройки был некий Измайыл токсаба – начальник постоянно кочующих в Алае киргизов.

Один из курганов представлял собой четырехугольник, обнесенный глиняными стенами до 2 сажень высотой с одними воротами на северной стороне. Внутри возвышался старый, целиком вошедший внутрь нового, весьма маленький и скорее похожий на небольшой дом. В качестве дома он и служил для хозяина постройки, с которым, говорят, живут и жены его. Изнутри к наружной стене кургана примыкали навесы, служившие и защитой в случае нападения. Обширный пустой двор предназначался для привязывания лошадей. Вот и все нехитрое устройство крепости – ничтожной, находившейся в непосредственной близости от высоких гор, откуда можно хоть камни в нее бросать. По словам автора записок, при Измайыле токсабе полагалось 50–60 человек джигитов – конных с ружьями или саблями.

Прервем повествование небольшой ремаркой автора записок, проливающей свет на некоторые особенности местной политической ситуации того времени. Речь идет об обычных для подданных Кокандского ханства, но шокировавших россиянина последствиях местных междоусобиц. Путешествуя по Ферганской долине, исследователь нашел немало незасеянных полей. Как объяснили ему, таков результат ухудшения отношений с Каратегинном – местность, откуда дехканам привозили семена для посева. Как пояснили А. Федченко, именно зависимость сельскохозяйственных угодий от Каратегина была главной причиной, по которой кокандцы столь упорно пресекали сепаратистские стремления жителей этой местности перейти в подданство России. Крайне отрицательное отношение кокандцев к жителям Ка-

ратегина объясняет следующий эпизод: «Принял токсаба нас, путешественников, весьма любезно, повторяя, что каратегинцы – суть разбойники. Я рассыпался в уверениях, как я это чувствую и т.д. Меня забавляла эта комедия. Будучи в душе зол до крайности на то, что приходится от подножия Памира поворачивать назад, я давал выход своей злобе, приставаая в свою очередь к токсабе. Как он думает справиться с каратегинцами, в котором часу он думает будет нападение, достаточно ли у него людей и т.д. Кончилось, кажется, тем, что сам токсаба расхохотался; вообще он был человек веселый, для мусульманина даже неприлично веселый, что объясняется тем, что он киргиз, а их вообще мало коснулось еще влияние мусульманского этикета. Наши отношения, несмотря на мои приставания относительно поездки дальше, несмотря на неудачный подарок (часы), были самые любезные»¹.

Путешественники устроились на ночлег под навесом. Ночью Алексей Федченко встал и немного прогулялся по кургану никем не замеченный. Лишь какая-то собачонка проснулась и подняла отчаянный лай. Долго лаяла она, как обыкновенно лает собака, заметив постороннего...

А вот еще один из описанных автором эпизодов, обогативших копилку этнографических сведений о кыргызах: «Я вовсе не видал алайских киргизов в их летовках, если не считать те два небольших аула, которые встретили меня в ущелье Дараут. Причина та, как мне объяснил Нур-Магомет бий, что киргизы не подкочевывают близко к кургану, ибо начальники любят употреблять их на работы и вообще за всякими нуждами обратятся к ближайшим аулам. По рассказам, летовки в Алае очень богаты кормовыми травами, особенно в южных горах, которые преимущественно любят киргизы, потому что трава не высыхает до осени. Собрать эти травы мне не удалось по вышеобъясненным причинам»².

Как сетует Алексей Павлович в своих записках, «мое искреннее желание, стремление быть на Памире, мечты, о чем я лелеял

¹ Федченко А.П. Путешествие в Туркестан... – С. 145.

² Там же.

со времени отъезда в 1868 году в Туркестан, не привели к желанному результату. Мне удалось только дойти до северной окраины и, главное, выяснить орографию частей, прилегающих к Памиру с севера. Мой путь, как я заметил выше, остановился у подножия величественной крыши мира – Бам-и-дунеа, как называют туземцы эту возвышенную страну; виденный мною Заалайский хребет составляет как бы край этой крыши мира. По временам меня разбирает досада, что наш путь кончился у кургана токсабы, что мы не могли перешагнуть через этот край – Заалайский хребет, но, припоминая все обстоятельства путешествия, я вижу, что другого исхода и быть не могло».

Признание оказалось пророческим. Поскольку дальнейшие обстоятельства не позволили ученому продолжить исследования Туркестанского края. Вот что писал об этих обстоятельствах А.П. Федченко: «Как мы могли идти на несколько дней в пустынную местность, не имея запасов ни фуража, ни провианта! Того, что было с нами, не хватило и на обратный путь из Алая: мы два дня голодали»¹.

В ноябре 1871 года супруги Федченко вернулись в Москву, где они занимались обработкой собранной коллекции, а также читали многочисленные доклады о своих исследованиях в Туркестане. Итоги экспедиции были столь значительны, что привлекли внимание широких научных и общественных кругов. А в мае 1872-го на Всероссийской политехнической выставке в Москве чета Федченко экспонировала с большим успехом свой раздел, посвященный Туркестану. Той же осенью Алексей с женой отправились во Францию, а затем в Лейпциг, где им предложили поработать в лаборатории университета. Лето 1873 года семья с новорожденным сыном провела в Гейдельберге и Люцерне. Там для подготовки к новой экспедиции на Памир А. Федченко решил изучить опыт горных восхождений в Альпах. Для этого он 31 августа 1873 года приехал в деревню Шамони, расположенную у подножия Монблана.

¹ *Леонов Н.* Впервые в Алай: Путешествие А.П. Федченко в 1871 году. – М., 1964. – С. 181.

Местный натуралист Пайо порекомендовал путешественнику взять себе в спутники двух местных проводников. К несчастью, они были неопытны¹. Однако при самом восхождении, когда они были на леднике Коль-дю-Жеань, резко ухудшилась погода. По словам проводников, Алексею Павловичу стало плохо, и проводники, выбившись из сил, помогая ему, решили оставить его и сами спустились вниз за помощью. Когда пришла помощь, Федченко был уже мёртв. Супруга пострадавшего, Ольга Александровна, занимавшаяся расследованием обстоятельств гибели мужа, утверждала, что, когда подоспела помощь, он был ещё жив, и если бы не бездушие местных властей, не доставивших к пострадавшему врача, Алексея Павловича можно было бы спасти.

Путешественник похоронен на кладбище селения Шамони, недалеко от места своей гибели. Над его могилой установлен гранитный камень со вставленной мраморной доской, на которой написано: «Ты спишь, но труды твои не будут забыты». Так завершил свой земной путь замечательный российский естествоиспытатель. Плодам его изысканий во время туркестанских экспедиций впоследствии предстоял еще долгий путь к сердцу читателя, чтобы впоследствии войти в золотой фонд научных открытий исследователей Туркестана.

А в памяти кыргызстанцев замечательный российский географ остался как один из первооткрывателей родины Курманджан датки для россиян, как и, разумеется, для жителей Запада.

¹ *Леонов Н.* Впервые в Алай: Путешествие А.П. Федченко... – С. 185.

Глава VI

КАК СЫНОВЬЯ КУРМАНДЖАН ДАТКИ ПОМОГЛИ ГАБРИЭЛЮ БОНВАЛОТУ

А вот история о другом ученом. В отличие от своего российского коллеги, он стал одним из немногих жителей Запада, чьи дороги непосредственно пересеклись с судьбой Алайской царицы. Ее дорогим гостем стала весьма известная персона с другого континента.

Речь идет о неисправимом романтике, влюбленном в Азию путешественнике, подданном Франции Пьере Габриэле Бонвало (Bonvalot). Его имя, которое иногда пишут по-русски как Габриэль Бонвалот, считается своего рода синонимом тяги западного исследователя на Восток. Этого искателя приключений считают едва ли не первым из европейцев, кто добрал по горным тропам Памира и Тибета в Индию, да еще и зимой. Дело было в 1886 – 1887 годах. По поручению французского правительства наш герой с группой единомышленников пересек Центральную Азию, отправившись из грузинского города Батума (ныне г. Батуми) через Персию и Туркестан до берегов Инда. На том опасном и полном превратностей пути пилигримы встретились с сыновьями Курманджан датки. По возвращении в Париж путник оставил накопленные в дороге впечатления в одной из своих книг – «Путешествие через сердце Азии – Памир – в Индию».

Спустя сто с лишним лет, в 2011 году, вышеупомянутые путевые заметки были изданы в Бишкеке

ке на русском языке стараниями нашей соотечественницы Розы Кулдаевой-Винслоу. Она перевела заметки с английского, а в предисловии поведала читателю о своей интересной находке: «Меня всегда интересовала история Средней Азии. Занимаясь исследованиями в одной из старейших библиотек Университета г. Оксфорда (штат Миссисипи), я совершенно неожиданно наткнулась на книгу, изданную в 1889 году в Париже и позже переведенную на английский язык»¹. По словам автора перевода, эта работа ее заинтересовала прежде всего тем, что в ней «...рассказывалось об алайских кыргызах. Г. Бонвалот подробно и непредвзято описал условия жизни и быта наших соотечественников, их характеры и взаимоотношения, показал нам, как выживали они в этом суровом памирском климате»². Переводчику «... показался очень интересным этот взгляд со стороны, взгляд человека из совершенно другого мира, так не похожего на мир героев этой книги».

Как дополняет Р. Кулдаева-Винслоу, в книге путешественник повествует о своей уже второй по счету экспедиции в Центральную Азию, предпринятой с двумя его соотечественниками – Пепином и Капусом. «Его дерзкий, почти фантастический даже по нынешним меркам план – пересечь Крышу Мира – казался невозможным, – восхищается автором переводчик. – Тем не менее благодаря упорству, силе характера и помощи памирских киргизов, которые были проводниками, им это удалось»³.

Кыргызстанские же любители подобного жанра узнали о незаурядной личности Г. Бонвалоте почти 30 с лишним лет раньше вышеназванной публикации. Тому способствовал вышедший еще в 1983 году на кыргызском языке в журнале «Ала-Тоо» материал отечественного публициста Л. Строилова «Через снега и хребты Алая и Памира»⁴. Автор публикации сравнивает вклад отважного

¹ *Бонвалот Г.* Путешествие через сердце Азии – Памир – в Индию / Пер. Р. Кулдаевой // *Эркин-Тоо*. – 2011. – С. 3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Строилов Л.* Через снега и хребты Алая и Памира // *Ала-Тоо*. – 1983. – № 9. – С. 125–135.

француза с аналогичной исследовательской работой, проведенной впоследствии русскими учеными А. П. Федченко, И.В. Мушкетовым, В.Ф. Ошаниным, Н.А. Северцевым и другими¹. При этом автор статьи указывает на наличие тесных и плодотворных контактов французского путешественника со многими светилами российской науки того времени, а также с представителями администрации и исследователями Туркестанского края: Н.И. Кольцовым, Л.Ф. Костенко, А.А. Кушакевичем и другими.

ПРИШЕЛЕЦ ИЗ ДРУГОГО МИРА

Впрочем, российский читатель был осведомлен о некоторых приключениях француза в Средней Азии даже немного раньше его соотечественников. Потому как вскоре после возвращения Г. Бонвалота на родину в 1888-м в 22-м номере издававшейся в Ташкенте газеты «Туркестанские ведомости» того года вышла статья «Экспедиция в Северную Индию». И здесь автор публикации указал, что великому путешественнику помогла одолеть нелегкий участок пути «Киргизская наместница в Оше», то есть Курманджан датка.

Но не будем забегать вперед, а начнем по порядку. Нелишне напомнить, что азиатский континент в то время представлял собой арену многолетнего противостояния двух колониальных держав – Англии и России. Как справедливо указывает наш современник, британский исследователь Питер Хопкирк в своей книге «Большая игра против России», произошедшее после падения Кокандского ханства расширение границ Российской империи на восток не на шутку встревожило ее давнего геополитического противника. Один из влиятельных британских политиков того времени лорд Макгрегор бил тревогу по поводу возможного вторжения русских в Индию. По словам П. Хопкирка: «Макгрегор доказывал, что индийская армия ни количественно, ни качественно не в состоянии противостоять такому нападению. Он заявлял, что «заставить Россию понять безнадежность вторжения» могут только определенные действия, предпринятые британским

¹ *Строилов Л.* Через снега и хребты Алая и Памира... – С. 125.

и индийским правительствами. Дело в том, что территория Восточного Туркестана играла одну из главных ролей в стратегии англо-русского геополитического противостояния. По словам российского политолога Е. Гарбузаровой: «Задача обеих держав состояла в том, чтобы не допустить друг друга к завладению Восточным Туркестаном. В качестве потенциального союзника использовать его территорию как военно-политический плацдарм. Для Российской империи главным было обеспечить стабильность в центральноазиатских ханствах, уже вошедших под ее влияние, что же касается Британии, то она стремилась к сохранению территориального равновесия или возможного его приумножения в свою пользу. Для британского правительства геополитическая значимость Восточного Туркестана заключалась в его расположении, когда, укрепив там свои позиции, оно могло бы распространить свое влияние на Центральную Азию для противодействия Российской империи»¹.

Надо полагать, не только научные интересы подвигли правительство Франции снарядить Г. Бонвалота в опасную экспедицию. Ее руководитель со своим соратником, исследователем, молодым в то время доктором ботаники Гийомом Капю (1857–1937 гг.) «...сделали немало этнографических наблюдений над жизнью и бытом народов Туркестана, в том числе и киргизов. Весьма примечательно, что они выступили и как первые исследователи киргизской музыкальной культуры»².

По признанию же самого Г. Бонвалота: «Центральная Азия всегда притягивала мое воображение. Этот край соткан из контрастов и противоречий. ... Путешествуя по здешним местам, ты сможешь пройти по древним городам, в которых и сейчас кипит жизнь, и наткнуться на руины древних поселений»³. По мнению автора, «эта картина невольно наводит на мысль,

¹ Гарбузарова Е.Г. Геополитический аспект противостояния Российской и Британской империй в Центральной Азии в XIX в. – Бишкек, 2010. – С. 105–106.

² Строилов Л. Через снега и хребты Алая и Памира... – С. 126.

³ Бонвалот Г. Путешествие через сердце Азии – Памир – в Индию... – С. 6.

что когда-то именно здесь зародилась человеческая цивилизация, отсюда началось великое переселение народов, эта земля стала колыбелью многих человеческих открытий и достижений»¹. И целью его путешествия было увидеть своими глазами величие древней Средней Азии. Но по прибытии мы столкнулись с настоящим, которое было столь же потрясающим, как история этого континента»².

Воздав должное этническому многообразию местного населения, исследователь напоминает читателю о том, что через эти места проходили все завоеватели: греки, арабы, римляне, поэтому у жителей в жилах течет кровь многих народов. В числе этносов, поразивших воображение Бонвалота на его пути по следам Александра Македонского, арабов и других завоевателей, были кыргызы. Как пишет путешественник, его команда встретила «...с этим древним народом, много лет назад заселившим ... этот суровый край и постоянно кочующим, как обломок огромного корабля в безбрежном океане»³.

Что характерно, автор путевых заметок явно симпатизирует русским. По его словам, члены экспедиции прибыли в регион «... в тот момент, когда Россия только завоевала Центральную Азию. Сюда хлынул поток переселенцев с Волги и Днепра, что поощрялось царским правительством. Они сразу же начинали обрабатывать земли, так как в основном это были крестьяне. Мы шли по дорогам, по которым двигались колонны солдат, направляющиеся на строительство каналов, дорог, мостов, это были жилистые, сдержанные, дисциплинированные, не знающие усталости люди, марширующие под аккомпанемент балалаек и гармошек. Кажется, эти солдаты были рождены для сражений именно в таком нелегком климате. Времена изменились, теперь они были хозяевами в бывшей империи татаро-монголов, когда-то покоривших полмира. Русские не тратят силы зря, они двигаются вперед с непре-

¹ Бонвалот Г. Путешествие через сердце Азии – Памир – в Индию... – С. 6.

² Там же. – С. 9.

³ Там же.

одолимым упорством и размеренной, но нескончаемой энергией»¹. Отмечая успех российской колониальной администрации в установлении порядка на занятой территории, француз явно не мог скрыть своего восхищения: «... взаимное уважение, терпимость, справедливое отношение друг к другу стало нормой жизни». Впрочем, это он сделал со следующей оговоркой: «Откровенно говоря, население Средней Азии не избаловано, если вы справедливо взимаете налоги, то большего им уже не надо»².

Как подметил Г. Бонвалот, активность русских на Востоке вселила «... большую тревогу в тех, кто находится по ту сторону гор, – англичан, которые господствуют на тот момент в Индии. Теперь им приходится прилагать все большие усилия, чтобы сохранить свое влияние. Они понимают, что не имеют права на ошибку в этой большой игре великих держав, и с некоторых пор им постоянно приходится быть в напряжении». Автор определил место в этом поединке и «третьей стороны» – туземцев: «Что касается местного населения, то большинство просто с любопытством наблюдает за игрой соперничающих держав, не высказывая своих предпочтений»³.

К моменту посещения этого региона Г. Бонвалотом даже на территории пока еще независимых местных государств ощущалось большее влияние России, нежели Англии, что подметил и автор. Такой предстала Азия перед взором путешественника, когда он столкнулся с настоящим, столь же потрясающим, как история этого континента.

В СТАНЕ АЛАЙСКИХ КЫРГЫЗОВ

Путь французских пилигримов в Индию, на полпути к которому им довелось стать гостями Курманджан датки, начался 16 июня 1885 года через туркменское селение Рахабад. Оттуда путники двинулись в Ашхабад, затем добрались до Бухары,

¹ Бонвалот Г. Путешествие через сердце Азии – Памир – в Индию... – С. 10.

² Там же. – С. 15.

³ Там же.

⁷ Том III. В. М. Плоских

а 12 августа 1886-го – до Самарканда. По сведениям Л. Строилова, в Самарканде путешественники «... неожиданно встретились с хорошо им знакомым Н.И. Корольковым, который был не только опытным администратором, но и большим знатоком края и человеком широких взглядов. В заключение обстоятельной беседы с Бонвалотом и Капю Корольков предложил им: «А почему бы вам не попытаться проникнуть в Индию через Кашгар или даже Памир? Ведь зимой его никогда не пытались исследовать»¹. Как подчеркивает Строилов, именно честолюбие Бонвалота сыграло решающую роль в принятии такого решения. Причем кашгарский маршрут путешественники отвергли именно по причине его большой протяженности. Оставалось лишь одно – идти через Памир.

А вот как излагает о том же переломном моменте путешествия французский исследователь. Он в своей книге не упоминает Королькова, сообщив лишь читателю о том, что тогда «... созрел дерзкий план – достичь Индию сухопутным путем через Памир»². Если до того момента экспедицию сопровождал армянин «... по имени Минас», то, по совету самаркандцев, вторым проводником экспедиции стал местный житель Рахмет – известный в Самарканде человек ... отличный наездник, известен искусством джигитовки, прекрасно держится в седле.

В декабре 1886-го в Самарканд путники решили двинуться через Алай, перейти Памир и через Афганистан добраться до Индии. «Наше желание отправиться через Памир в феврале или в марте вызывало у окружающих по меньшей мере недоумение. На нас смотрели как на сумасшедших и все время пытались отговорить», – дополняет автор путевых заметок. Опасения самаркандцев были не лишены оснований: путь через Памир, да еще и зимой, был наиболее рискованным вариантом попасть в Индию. Вот как описывает Габриель Бонвалот погодно-климатические условия, которые ему вскоре пришлось пережить во время этого опасного перехода: «Состояние людей и животных

¹ *Строилов Л.* Через снега и хребты Алая и Памира... – С. 127.

² Там же. – С. 16.

критическое. Мы задыхаемся, не хватает кислорода, носом идет кровь, которая тут же превращается в сосульки. Идем обессиленные, почти ослепшие, с дикой головной болью, безумно тянет ко сну. Кажется, смерть близка, как никогда. Одна из лошадей упала в яму, пришлось вытаскивать ее оттуда с помощью веревок, обвязанных вокруг живота. У другой лопнула подпруга, и нужно было срочно починить ее. Если лошадь падала, вначале ее надо было разгрузить, разрезать веревки, поднять, затем опять нагрузить. Руки просто немели от этого адского труда. Иногда приходилось тащить вьюки на себе ... Никто не мог сказать, где мы находимся. Иногда нам казалось, что в самой преисподней. ... Температура – 68 градусов мороза. Все спали плохо – мешали удушье, шум в ушах, боль в голове, глазах». Прибавим к тому другое обстоятельство – особую структуру выпавшего в горах снега, что сделало их практически непроходимыми. Указывая на этот факт, Бонвалот назвал такую разновидность зимних осадков кыргызским словом «сары кар» – «желтый снег».

На подступах к «преисподней» члены экспедиции встретились с сыновьями Курманджан датки. Их помощь впоследствии по достоинству оценил даже советский публицист Л. Строилов, автор упомянутого нами материала «Через снега и хребты Алая и Памира», указав, что «... справедливости ради, экспедицию скорее следовало бы рассматривать – сколь бы это ни показалось парадоксальным – как францужско-киргизскую, а не как чисто французскую»¹. Причем, как далее указывает он, неоценимая помощь кыргызов позволила путешественникам впоследствии существенно сберечь силы, поскольку «... для совершения своего первого броска через Алай экспедиция не могла обойтись без активного участия в ней значительного числа местных жителей». Советский публицист также воздает должное мужеству и самообладанию кыргызских участников экспедиции: «... нельзя не удивляться здесь мужеству, выдержке и моральной стойкости, проявленным здесь рядовыми алайскими скотоводами, оказавшимися по воле случая спутниками французских путешественников»².

¹ Строилов Л. Через снега и хребты Алая и Памира... – С. 125.

² Там же. – С. 136.

Произошло это перед тем, как путники подходили к Памиру через Алай, одолевая один из самых сложных участков – наиболее короткую его тропу через перевал Талдык. Путники выбрали для осуществления перехода именно этот перевал по следующей причине: близость его к Памиру, наличие в окрестностях его многочисленных зимовок алайских кыргызов, а также обещание зимовавших в районе. У его подножья, к северу, были расположены зимние стойбища алайских кыргызов. Что интересно, с младшим сыном родоправительницы, Камчыбеком, Габриель, как выяснилось, уже встречался раньше, когда он с братьями приезжал с визитом к губернатору Ферганы. Последняя же встреча путешественника с ним произошла за девять лет до трагической гибели Камчыбека, казненного, как известно, 3 марта 1895 года в Оше по обвинению в контрабанде наркотиков.

Зимой же 1886-го «алайский принц» дал путникам несколько дельных советов, как благополучно одолеть перевал. По словам Бонвалота, Камчыбек посоветовал: «В Талдыке не так уж много снега. Когда пройдете Караколь, следуйте вдоль ручьев и постарайтесь избегать встреч с жителями Назирсахиба, которые занимаются грабежами. Кроме того, они сразу же возвестят афганцев о вашем прибытии. И будьте осторожны у китайских постов Ран Коля»¹. Именно по совету Камчыбека путешественники продали своих коней и купили более надежных в тех условиях алайских лошадок. Далее группа основательно подготовилась к памирским морозам, которые, по словам Бонвалота, «ничем не лучше сибирских». В этом месте повествования содержится ценный этнографический материал, поскольку автор со знанием дела описывает традиционную зимнюю обувь и одежду алайских кыргызов: «На базаре мы нашли сапоги, пошитые из двойного войлока с кожаной подошвой. Штанов на каждого купили по двое – одни из толстого войлока, другие, которые одеваются поверх, пошиты из выделанной толстой кожи и называются шалвары. Нижняя часть этих шалваров прошита кусками шерсти. Верхняя часть тела будет защищена

¹ *Строилов Л.* Через снега и хребты Алая и Памира... – С. 28.

двумя накидками: бешметом и малахаем. Бешмет, или, как его еще называют, тон, – своего рода тулуп, пошитый из овчины с длинной шерстью. На голову мы купили шапки, спадающие до ушей. Поверх всего этого надевается малахай – своего рода капюшон, закрывающий всё тело и застегивающийся впереди. В лицевой части проделаны отверстия для глаз. Руки будут защищены длинными рукавами тулупа. Чтобы защититься от ночного холода, мы взяли толстые одеяла, сделанные из подбитой ваты и снизу прошитые кожей ... И вот пришло время примерить наши обновки, да как же от души мы посмеялись, увидев друг друга во всём этом великолепии, – тулупах, малахаях и сапогах!»¹

В книге автор не поскупился на описание жизни и быта алайцев и даже системы их самоуправления: «Кара-кыргызы Алая управляются четырьмя избранными главами. Все они являются родными братьями и с большим почтением относятся к своей матери»². Скорее всего, как отмечает в сноске переводчик текста, здесь речь идет о Курманджан датке и ее сыновьях – Махмуд-беке, Хасан-беке, Батыр-беке и Камчыбеке. А возможно, и Баясе.

К слову, путешественник успел достаточно хорошо ознакомиться с некоторыми обычаями и даже языком местных кыргызов. В путевых заметках читатель найдет упоминание о ежедневном утреннем намазе – исламской молитве этих кочевников-мусульман, а также используемых ими поговорках и крылатых фразах на кыргызском языке.

Но вернемся к описанию памятной встречи алайцев с Бонвалотом. По его словам, «братья получили от местных властей полномочия по сбору налогов. Они пользуются большим авторитетом и уважением среди местного населения и имеют большое влияние на царскую администрацию. По нашей просьбе братья прибыли в Ош для встречи и обсуждения нашего путешествия»³.

¹ Бонвалот Г. Путешествие через сердце Азии – Памир – в Индию... – С. 28.

² Там же.

³ Там же. – С. 32.

Как дополняет Л. Строилов, там путники встретили русского офицера Громбчевского, «...известного киргизам и бегло говорившего на их языке, состоялась их встреча с гульчинскими старшинами»¹. Вот как описывает автор своих визави: «Они были довольно представительные – высокие, широкоплечие, с крепко посаженными на короткой шее головами и маленькими глазами. Все одеты в теплые чапаны, на ногах рыжеватого-коричневого цвета кожаные сапоги, в руках богато украшенные камчи. Растаявший снег капал с их бород и меховых шапок. Только один из них был в тюрбане – Батырбек – самый старший, который умел читать и писать»². Главным консультантом экспедиции, по совету братьев, стал Сыдык, один из джигитов старшего сына Курманджан датки, Абдуллабека, который, по словам автора заметок, в свое время сражался против генерала Скобелева, потерпел поражение, бежал в Кабул, где и умер. Сыдык, верный соратник Абдуллабека, сопровождал его на протяжении всего пути в Афганистан через Памир. Вот как описывает автор путевых заметок этого знатока памирских гор: типичный каракыргыз с обветренным лицом и подозрительным взглядом глубоко посаженных глаз. Одет он был в овечий тулуп, как и большинство местных жителей. Как впоследствии признался Сыдык автору, на Памир он был сослан за чрезмерное увлечение излюбленной «забавой» кочевников – скотокрадством. Это занятие, как известно, кыргызы и казахи издревле называли барымтой и во времена Бонвалота не считали преступлением. «Если честно, я угнал порядка двадцати баранов, – признался французу Сыдык и продолжил: – Но по дороге хозяева догнали и схватили меня. Вдруг один из них узнал меня. Когда-то мы вместе занимались барымта, угоняя скот к Вакхану. Славные были времена! Мы до сих пор в хороших отношениях с ним. Благодаря ему меня не стали наказывать, а решили отослать в айыл племени тейит...»³

¹ *Строилов Л.* Через снега и хребты Алая и Памира... – С. 129–130.

² *Бонвалот Г.* Путешествие через сердце Азии – Памир – в Индию... – С. 33.

³ Там же. – С. 73.

По совету Сыдыка, который стал третьим, после Минаса и Рахмета, проводником экспедиции, путники 10 марта начали опасное восхождение. Через два дня члены экспедиции двинулись к перевалу Ак-Босого, расположенному у подножья горного хребта Талдык. Г. Бонвалот красочно описал ландшафт местности на столь небывалой для европейца высоте. «Ослепительно белое пространство окружало нас со всех сторон. Вся поверхность земли настолько сверкала белизной, что, казалось, тысячи солнечных лучей, отражаясь от нее, превращались в миллионы и миллиарды драгоценных камней, слепящих наш взор. Температура была выше нуля»¹, – восхищен автор заметок.

Через четыре дня, 19 марта, путники благополучно добрались до Алая. Назвав эту местность «шлагбаумом на подступах к Памиру», Г. Бонвалот не пожалел ярких эпитетов для описания открывшейся его взору картины: «Все вокруг переливается и сверкает, снег искрится, как роскошная бриллиантовая россыпь, в которых отражаются миллионы солнечных лучей. Из-под ног поднимаются клубы снежной пыли, как золотистая россыпь драгоценных камней». Впрочем, достигших столь живописных мест пилигримов ожидало немало приключений. Например, автору книги пришлось ночевать в сорокаградусный мороз под открытым небом, прижавшись, чтобы не замерзнуть, к стаду баранов, принадлежавших небогатому местному кочевнику, узбеку из Ферганы. Кроме того, на полпути двое погонщиков из числа местных кыргызов обокрали членов экспедиции, уведя у них часть лошадей с провиантом.

ИСПЫТАНИЕ ПАМИРОМ

Как бы то ни было, но члены экспедиции 23 марта миновали Ляйляк – стойбище кара-кыргызов. Там на следующий день члены экспедиции отпустили часть своих провожатых-кыргызов восвояси. «Ребята, посланные молдо Баясом, все это время хорошо служили нам, но подошло время отправлять их назад. Мы щедро

¹ Бонвалот Г. Путешествие через сердце Азии – Памир – в Индию... – С. 41.

отблагодарили их, устроив пышный ужин. Лидер группы кыргызов по имени Баиш, молодой и энергичный, попросил у меня «кагаз», бумагу о хорошей службе. Они хотят двинуться назад, пока снежный шторм не закрыл путь к Алаю. Я с удовольствием дал ему эту бумагу, а также передал письма своим друзьям. Кроме того, раздали всем подарки за хорошую службу. Наконец Баиш со своими ребятами опустили на колени и, помолившись, со словами «Аллах акбар» поднялись. Мы пожали им руки, тепло попрощались, и вскоре они тоже исчезли из виду. Их уход вызвал у нас глубокую печаль. Мы всем сердцем прикипели к этим мужественным, смелым и отчаянным людям. Нас осталось только восемь человек, а путь предстоит долгий и трудный»¹. Как дополняет Л. Строилов, уход кыргызских проводников достаточно ощутимо, и нелучшим образом, повлиял на настрой остальных участников экспедиции и значительно увеличил нагрузку, поскольку «в суровых условиях Памира эта группа выполняла не только подсобную работу, но и самим своим присутствием оказывала важную моральную поддержку остальным путешественникам»².

По словам автора статьи «Через снега и хребты Алая и Памира, «при всех тяготах и невзгодах пути Бонвалот и Капю находили возможности и время для разнообразных наблюдений за природой Памира и для ведения дневников»³. Далее экспедиция уже к подступала к Памиру, пройдя через несколько мелких озер и познакомившись на пути с местными кыргызскими святынями – мазарами. Вот как описывает автор заметок некоторые из таких заброшенных могил. «Вдруг перед нами показался ряд глиняных сооружений с куполами. Сатыкул с гордостью сообщил нам, что это кладбище, принадлежащее племени тейит. Памятники на могилах построены родственниками богатых и могущественных покойников. Мне кажется, единственное, что достойно быть

¹ *Бонвалот Г.* Путешествие через сердце Азии – Памир – в Индию... – С. 60–61.

² *Строилов Л.* Через снега и хребты Алая и Памира... – С. 138–139.

³ Там же. – С. 139.

увекочено на этих вершинах, – это смерть. Собственно, жизнь является здесь странным исключением. Люди в этих местах постоянно находятся на грани жизни и смерти, борясь с природной стихией. Жители Памира, кыргызы, привыкли жить во власти могущественной природной силы, которая в любой момент может распорядиться ими по своему усмотрению. Может быть, поэтому они лучше, чем кто-либо иной, знают цену жизни и смерти. Кладбище протянулось с юго-запада на северо-восток, чтобы лица умерших смотрели в сторону Мекки. Я насчитал четыре мавзолея высотой с юрту. Здесь нельзя строить выше. Архитектура очень простая, единственным украшением являются рога архаров. На одном из мавзолеев был вырезан голубь. Голубь – и это на такой-то высоте!»¹

А вот какой странный персонаж повстречался путешественникам на пути к их последнему высокогорному испытанию – долине Ак-Суу: «Пронзительный ледяной ветер продувает до костей. Вдруг посреди этого жутковатого пейзажа я увидел старую женщину. Когда я поравнялся с ней, она вяло и без интереса посмотрела на меня. “Должно быть, памирская колдунья”, – подумал я. Это была крепкая, невысокого роста, с маленькими глазами женщина, одетая в овчинный тулуп. Только белый тюрбан на голове говорил о ее принадлежности к женскому полу. Зрелище было тем более мистическое, что вокруг нее были разбросаны скелеты овец, лошадей, архаров, верблюдов. И сама она среди этого выглядела, как засохшая мумия, посланница смерти. Но это была земная женщина, кыргызка из памирского племени тейит»². К этой картине нелишне добавить приведенное Л. Строиловым описание Капю памирских кыргызов: «Ни один из встреченных здесь нами киргизов не отличался полнотой, какая наблюдается у алайских киргизов или их равнинных сородичей. Все они выглядели суховатыми и захирелыми, а подчас и даже истощенными. Подростки пятнадцати–шестнадцати лет казались маленькими старичками, остановившимися в своем росте ... у всех, кого мы

¹ *Строилов Л.* Через снега и хребты Алая и Памира... – С. 64, 76.

² Там же. – С. 76–77.

видели, были удивительно плохие зубы с оголенными корнями и щербинами. Этот порок, по мнению Капю, вызывался потреблением снеговой и ледниковой воды, а также скудным питанием, в котором отсутствовал рис»¹.

Путь продолжался на юг, в долины. Понемногу вечная мерзлота горных ледников начала уступать место другому ландшафту. «Появились первые кустарники – артемизии, которые растут обычно в степях. Какое наслаждение – вдыхать их запах после всего, что мы испытали! Прошло шесть недель с того момента, как мы покинули Ош. Рахмет сказал, что мы прошли самый тяжелый отрезок пути. ... Долина Ак-Суу с ее монотонным удручающим пейзажем осталась позади»², – сообщает автор. Два храбрых кыргызских джигита, Сыдык и Абдурасул, сопровождали путешественников вплоть до расположенного почти на границе с Индией памирского селения Лангар. Там 3 мая участники экспедиции распрощались с этими верными помощниками, «дали им в дорогу проса и муки, предложили сабли, но они отказались, а просто взяли палки. ... Честные, бескорыстные, отважные, эти люди всегда были рядом более двух месяцев, – продолжает Г. Бонвалот и дополняет: – Потом я узнал, что по дороге домой наши верные проводники были остановлены китайскими кыргызами, которые отобрали у них все, что было при себе. И только в конце июля они, слава Богу, добрались до Ферганы живыми и невредимыми».

Переход экспедиции через наиболее опасный участок пути практически опроверг существовавшее ранее мнение о непроходимости Памира зимой. 11 августа участники поездки были уже в Кашмире.

Так завершилась экспедиция. Участники беспрецедентного по тем временам перехода выступили пионерами изучения отдельных аспектов природы и экологии Памира. Они первыми в зимних условиях в течение двух месяцев вели там регулярные метеорологические наблюдения. Капю, описывая состояние здо-

¹ Строилов Л. Через снега и хребты Алая и Памира... – С. 138.

² Там же. – С. 82.

ровья тамошних жителей, выпустил, по сути, один из первых в истории очерков по медицине высокогорья. По мнению Строилова, «... описанная экспедиция не просто любопытный и поучительный пример, свидетельствующий о плодотворности международного сотрудничества в изучении Памира. Но это еще и событие, которое наряду с другими, описанными французскими исследователями о Средней Азии прошлого века, лежит у истоков той плодотворной традиции французского востоковедения, которая успешно развивается и в наши дни»¹.

* * *

Тремя годами позже экспедиции ее инициатора ждали другие, не менее захватывающие приключения: этот исследователь Азии в 1889-м стал едва ли не первым европейцем, побывавшим на Тибете. Впоследствии он напишет немало книг.

Например, «В Центральной Азии; из Москвы в Бактриану» (1884), «От Кавказа в Индию через Памир» (1888), «Неведомая Азия; через Тибет» (1896) и др. А вот некоторые из его работ, которые, к сожалению, еще ждут перевода на русский: «En Asie Centrale, de Moscou en Bactriane» (1884); «En Asie Centrale, du Kohistan a la mer Cas pienne» (1885); «Du Caucase aux Indes a travers le Pamir» (1888); «De Pans au Tonkin a travers le Tibet inconnu» (1892); «L'Asie inconnue; a travers le Tibet» (1896).

И все же встреча с алайцами осталась в его богатой на приключения жизни одним из наиболее ярких и самых запоминающихся эпизодов...

¹ Строилов Л. Через снега и хребты Алая и Памира... – С. 82.

Глава VII

ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ С ВИНТОВКОЙ И БЛОКНОТОМ

И все же к концу XIX века, когда русская армия победоносно шествовала по Центральной Азии, покорив ее последний оплот – бастионы Коканда, Россия могла похвастаться не только военными победами. На тот момент ни одна из европейских стран не знала столь много о Среднем Востоке, как Российская империя. В этом отношении она оставила далеко позади себя даже своего давнего геополитического соперника – Британию. Такому обороту событий страна была обязана совершенно уникальной по тем временам научной дисциплине – военной ориенталистике. Именно на нее впоследствии указывал в одном из своих сочинений академик И.Ю. Крачковский, сетуя, что в нашем Отечестве еще мало знают востоковедов «из военной среды» и что «такие, несомненно, были и нельзя их всех без разбору зачислять в группу переводчиков-практиков»¹. В этой главе пойдет речь о немногих смельчаках-одиночках – отважных ученых, кому выпала честь познакомить европейский мир с родиной Алайской царицы.

К сожалению, после молниеносного головокружительного взлета перспективную отрасль крае-

¹ Русские военные востоковеды до 1917 года: Библиографический словарь / Сост. М.К. Басханов. – М.: Восточная литература РАН, 2005. – С. 5.

ведения вскоре ждал упадок: в течение многих десятилетий после Октябрьской революции даже разговоры о существовавшем некогда в России научном направлении считались признаком политического нонконформизма.

Первые упоминания в новейшее время о русских военных ориенталистах начались лишь после распада СССР. Тогда-то имена многих основательно забытых в своем Отечестве замечательных ученых-офицеров перекечевали из спецхранов архивов на страницы периодики и научно-популярных изданий.

Наш рассказ о пятерых из плеяды востоковедов, многое сделавших для знакомства европейской науки с бытом и нравами кыргызов, начнем с небольшого экскурса в историю российской военной ориенталистики. Возникнув в России в первой половине XIX в. как прикладная, научно-практическая форма исследований, к 1917 году молодая отрасль востоковедения превратилась в самостоятельный раздел знаний о Средней Азии. Они накапливались параллельно с расширением территориальных владений Российской империи. Притом принципиальное значение имели два фактора – военно-стратегический и военно-административный. Если первый был продиктован обусловленной выходом России к границам сопредельных азиатских государств необходимостью планировать подготовку войск для азиатских театров военных действий, то второй требованием обеспечить институтами власти завоеванные обширные территории.

Перед Первой мировой войной, которую в русской дореволюционной и зарубежной историографии именуют не иначе как «Великой войной», военная ориенталистика в России оформилась в систему теоретических и прикладных исследований, которые внесли весомый вклад в русское востоковедение. В то время появилось несколько крупных военно-востоковедных центров – в Санкт-Петербурге, на Кавказе (в Тифлисе), в Туркестане (в Ташкенте), а также на Дальнем Востоке – в Хабаровске, Владивостоке и Харбине. Причем военных востоковедов обучали достаточно оперативно – на офицерских курсах восточных языков, действовавших при Азиатском департаменте МИДа в Санкт-Петербурге и в Ташкенте. Так, в рекордно сжатые сроки было подготовлено более 500 военных специалистов-востоковедов и в России

родилась неизвестная доселе военная специальность – «офицер-ориенталист». Вскоре ее включили в список штатных должностей пограничных военных округов, корпусов, дивизий и даже отдельных крепостей, постов. Появились и специализированные периодические издания, такие, как санкт-петербургский «Сборник географических, топографических и статистических исследований», издаваемые в Ташкенте «Вестник Ташкентской офицерской школы восточных языков», «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом», «Известия штаба Кавказского военного округа» (Тифлис), «Китай и Япония», «Материалы по Маньчжурии, Монголии, Китаю и Японии» (Харбин). Со страниц именно этих изданий просвещенный Запад впервые узнал о жизни и деятельности таких замечательных русских офицеров, как Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, В.И. Роборовский, П.К. Каульбарс, Б.Л. Громбчевский и многие другие. Их заслуги в изучении Азии по достоинству оценили Российская императорская академия наук и Императорский Русский географический институт, а также ряд иностранных научных учреждений и обществ. Некоторые из них оставили заметный след и в истории Кыргызстана. Причем неистребимый дух исследования влек этих ученых-романтиков в самое пекло политических событий, подчас на поля сражений и в стан неприятеля. Биографические данные некоторых из таких краеведов подчас столь же захватывают, как иной приключенческий роман. Ниже пойдет речь о русских офицерах-ориенталистах, чьи судьбы переплелись с судьбой не менее известной персоны нашей отечественной истории, – знаменитой Алайской царицы Курманджан датки.

ДАР «БЕЛОМУ ГЕНЕРАЛУ»

Когда идет речь о легендарной родоправительнице Алая, в памяти практически любого интересующегося историей Средней Азии европейца невольно всплывает имя покорителя Коканда, российского генерала от инфантерии, генерал-адъютанта Михаила Дмитриевича Скобелева.

Характерна судьба этого человека, прозванного на Востоке «Белым генералом». Ее можно считать своего рода эталоном биогра-

фии русского офицера-ориенталиста, в котором отвага военного органично слилась с азартом ученого-первооткрывателя. Итак, Михаил Дмитриевич родился в Санкт-Петербурге 17 сентября 1843 года. Согласно некоторым источникам¹, свое детство и отрочество провел в имении отца, генерал-лейтенанта Д.И. Скобелева. Воспитывался гувернером немцем, с которым у мальчика отношения не сложились. Потом был отправлен в Париж в пансионат к французу Жирандэ. Со временем Жирандэ стал близким другом Д. Скобелева, последовал за ним в Россию и был при нем даже во время военных действий. В дальнейшем Михаил продолжил образование в России. В 1858 – 1860 годах Скобелев готовился к поступлению в Санкт-Петербургский университет под общим наблюдением академика А.В. Никитенко, и эти занятия были весьма успешны. Скобелев успешно сдал экзамены, но университет был временно закрыт из-за студенческих беспорядков.

Далее, 22 ноября 1861 года Михаил Скобелев поступил на военную службу в Кавалергардский полк. После сдачи экзамена Михаил Скобелев был 8 сентября 1862 года произведён в портупей-юнкера, а 31 марта 1863 года – в корнеты. В феврале 1864 года он сопровождал в качестве ординарца генерал-адъютанта графа Баранова, командированного в Варшаву для обнародования Манифеста об освобождении крестьян и о наделении их землёй. Скобелев попросил о переводе в лейб-гвардейский Гродненский гусарский полк, который проводил военные действия против польских мятежников, и 19 марта 1864 года он был переведён. Ещё до перевода Михаил Скобелев провёл отпуск в качестве добровольца в одном из полков, преследовавших отряд Шпака.

С 31 марта Скобелев в отряде подполковника Занкисова участвует в уничтожении бандформирований. За уничтожение отряда Шемиота в Радковицком лесу Скобелев был награждён орденом святой Анны 4-й степени «За храбрость». В 1864 году он отправился в отпуск за границу посмотреть театр военных действий датчан против немцев.

Далее, 30 августа 1864 года Скобелев был произведён в поручики. Осенью 1866-го поступил в Николаевскую академию

¹ *Кнорринг Н.Н.* Скобелев. Ч. 1–2. – Париж, 1939. – С. 137.

Генерального штаба. По окончании курса академии в 1868 году Скобелев стал 13-м из 26 офицеров, причисленных к Генеральному штабу. У Скобелева были неблестящие успехи по военной статистике и съёмке и особенно по геодезии, но это исправлялось тем, что по предметам военного искусства Скобелев был вторым, а по военной истории первым во всём выпуске, а также был в числе первых по иностранным и русскому языкам, политической истории и многим другим предметам.

По ходатайству командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-адъютанта фон Кауфмана Скобелев был произведён в штабс-ротмистры и в ноябре 1868 года был назначен в Туркестанский округ. На место службы в Ташкент он прибыл в начале 1869 года и сначала состоял в штабе округа. Там наш герой изучал местные способы ведения боя, также производил разведки и участвовал в мелких делах на бухарской границе, причём выказал личную храбрость.

Увы, отношения с личным составом у Скобелева не складывались. Михаил Дмитриевич восстановил против себя часть казаков. Кроме того, Скобелев был вызван на поединок двумя представителями ташкентской «золотой молодёжи», чем настроил против себя начальство в лице генерала Кауфмана. В итоге поздней осенью 1870 года Михаил был командирован в распоряжение главнокомандующего Кавказской армией, а в марте 1871 года Скобелев был отправлен в Красноводский отряд, в котором командовал кавалерией. Скобелев получил важное задание: с отрядом он должен был произвести разведку путей на Хиву. По сохранившимся в настоящее время данным¹, он произвёл разведку пути к колодцу Сарыкамыш, причём прошёл по сложной дороге при недостатке воды и палящей жаре от Муллакари до Узункуя 437 км (410 вёрст) в 9 дней и обратно до Кум-Сибшена 134 км (126 верст) в 16,5 часов со средней скоростью 48 км (45 верст) в день; при нём находились только три казака и три туркмена. Скобелев представил подробное описание маршрута и отходящих

¹ *Стебницкий И.И.* Примечания к описанию рекогносцировки местности подполковника Скобелева // ИКО ИРГО. – 1873. – Т. II. – № 4. – С. 177–183; Военные действия против кокандцев в 1875–1876 годах. – СПб., 1876.

от колодцев дорог. Однако Скобелев самовольно просмотрел план предстоящей операции против Хивы, за что был уволен в 11-месячный отпуск летом 1871 года и отчислен в полк. Однако в апреле 1872 года он был снова причислен к главному штабу «для письменных занятий». Участвовал в подготовке полевой поездки офицеров штаба и петербургского военного округа в Ковенскую и Курляндскую губернии, а затем сам принял в ней участие. После чего 5 июня был переведён в Генеральный штаб капитаном с назначением старшим адъютантом штаба 22-й пехотной дивизии в Новгород, а уже 30 августа 1872 года был назначен в подполковники с назначением штаб-офицером для поручений при штабе Московского военного округа. В Москве он пробыл недолго и вскоре был прикомандирован к 74-му пехотному Ставропольскому полку для командования батальоном. Требования службы там он выполнял исправно. С подчинёнными и начальством Скобелев установил хорошие отношения.

А весной 1873 года Скобелев участвовал в Хивинском походе в качестве офицера генерального штаба при Мангишлакском отряде полковника Ломакина. Хива в то время была целью для российских отрядов, выдвигавшихся с разных точек: Туркестанского, Красноводского, Мангишлакского и Оренбургского отрядов. Путь Мангишлакского отряда хоть и не был самым длинным, но всё же был сопряжён с трудностями, которые увеличивались вследствие нехватки верблюдов (всего 1500 верблюдов на 2140 человек) и воды (до полведра на человека). В эшелоне Скобелева пришлось навьючить всех строевых лошадей, так как верблюды не могли поднять всё, что предполагалось на них везти. Вышли 16 апреля, Скобелев, как и другие офицеры, шёл пешком.

При прохождении отрезка от озера Кауды до колодца Сенек (70 верст) на половине пути кончилась вода. 18 апреля достигли колодца. Скобелев показал себя в трудной ситуации умелым командиром и организатором и при выступлении 20 апреля из Бишакты уже командовал передовым эшелоном (2, позже 3 роты, 25–30 казаков, 2 орудия и команда сапёров). Скобелев поддерживал в своём эшелоне идеальный порядок и в то же время заботился о нуждах солдат. Войска прошли 200 вёрст (210 км) и прибыли в Ительдже к 30 апреля.

⁸ Том III. В. М. Плоских

Скобелев всё время проводил разведки с целью обезопасить проход войска и осмотра колодцев. Скобелев с конным отрядом двигался перед войском с целью защиты колодцев. Так, 5 мая возле колодца Итыбая Скобелев с отрядом из 10 всадников встретил караван перешедших на сторону Хивы казахов. Скобелев, несмотря на численный перевес противника, бросился в бой, в котором получил 7 ран пиками и шашками и до 20 мая не мог сидеть на коне.

По выбытии Скобелева из строя Мангишлакский и Оренбургский отряды соединились в Кунграде и под руководством генерал-майора Н. А. Верёвкина продолжали движение к Хиве (250 вёрст) по весьма пересеченной местности, перерезанной множеством каналов, заросшей камышами и кустами, покрытой пашнями, заборами и садами. Хивинцы численностью 6000 человек пытались остановить российский отряд у Ходжейли, Мангыта и других населённых пунктов, но безуспешно.

Скобелев возвратился в строй и 21 мая с двумя сотнями и ракетной командой двинулся к горе Кобетау и вдоль арыка Карауз для разорения и уничтожения туркменских аулов, дабы наказать туркмен за враждебные действия против русских; поручение это он исполнил в точности.

22 мая с тремя ротами и двумя орудиями он прикрывал колёсный обоз, причём отбил целый ряд атак неприятеля, а с 24 мая, когда русские войска стояли у Чинакчика (8 вёрст от Хивы), хивинцы атаковали верблюжий обоз. Скобелев быстро сообразил, в чём дело, и двинулся с двумя сотнями скрыто, садами, в тыл хивинцам, наткнулся на большой отряд в 1000 человек, опрокинул их на подошедшую конницу, атаковал затем хивинскую пехоту, обратил её в бегство и возвратил отбитых неприятелем 400 верблюдов.

Как же все-таки «Белый генерал» познакомился с легендарной царицей Алая? Дело обстояло следующим образом. Шел 1876 год. Тем летом командующий в Средней Азии российскими войсками генерал Михаил Дмитриевич Скобелев теснил на Алае последние повстанческие отряды, не желавшие подчиниться России и выступавшие под лозунгом священной войны против «неверных» – газавата. Возглавлял повстанцев после гибели их предводителя –

самозванца Пулат-хана – старший сын Курманджан датки Абдуллабек. С ним были два его брата – Мамытбек и Асанбек.

Известно, что до того момента М. Д. Скобелев неоднократно предпринимал попытки наладить мирные переговоры с Абдуллабеком. Будучи высокомерным и гордым сподвижником опального Пулат-хана, имея, как и он, высшее духовное исламское образование, отказался подчиниться «неверным кафырам». Этому фанатично настроенного и весьма амбициозного политика совсем не прельщала перспектива, войдя в число российских подданных, впоследствии стать простым волостным старшиной, сборщиком подати для царской казны. О неудачах переговоров Скобелева с непреклонным предводителем кыргызов свидетельствует множество писем их участников. Результаты этой переписки в настоящее время хранятся в военно-историческом архиве в Москве.

Пряталась в горах от натиска русских и сама Алайская царица. Ее окружил и взял в плен отряд Шабдан-баатыра, состоявшего на службе у россиян. Будучи прекрасно осведомленным о влиянии родоправительницы южных кыргызов, командующий передовыми отрядами Скобелева генерал-майор М.Е. Ионов с почетом проводил Курманджан в селение Гульча, где в то время находилась российская ставка.

Не оказав сопротивления пленившим ее русским, она сразу согласилась встретиться с командующим армией М.Д. Скобелевым, лагерь которого находился в урочище Арча-Булак в Чон-Алае.

Плененная датка прибыла туда в сопровождении ИONOва, а также группы биев, взяв с собой своего младшего сына Камчыбека и внука Мырзапаяза. Будучи весьма тактичным человеком, неплохо разбирающимся в местных обрядах, Михаил Дмитриевич Скобелев принял Алайскую царицу с подобающей ее сану обходительностью. При этом обе стороны во время переговоров проявили недюжинный дипломатический талант. Что, собственно, и стало решающим фактором этого переломного в истории алайских кыргызов события.

Здесь считаем нужным заметить, что Курманджан впервые довелось столь близко увидеть «неверных», к которым до того момента она испытывала вполне объяснимое недоверие.

Взаимоотношения были до того момента весьма прохладными в силу известных событий восстания Пулат-хана, осложненных попытками царской администрации сохранить статус-кво в ходе дипломатических игр с Кокандским ханством.

Проводив датку в родные кочевья, М.Д. Скобелев доложил туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману об успешном окончании экспедиции на Алай. Адресат поблагодарил за успех своего подчиненного, отправив ему 12 октября 1876 года соответствующую телеграмму. В ней генерал-губернатор отметил свою удовлетворенность результатами, не забыв указать о том, что участники произвели топографические исследования почти тридцати тысяч квадратных верст.

Курманджан датка выполнила обещанное. Ее сыновья вернулись домой. Мамытбек и Хасанбек – из Кабула, а Батырбек – от бадаулета Якуб-бека из Кашгара. Прибывший на тот момент генерал-губернатор Кауфман назначил их волостными управителями.

Так Горная царица навеки связала судьбу своего народа с Россией. Со многими представителями имперской власти у Курманджан сложились доверительные отношения. Дружба завязалась и с генерал-майором Ионовым, бывшим к тому времени уездным начальником Оша. Сын датки Мамытбек в свое время сохранил пачку писем из переписки родоправительницы с царским генералом.

Поход же М. Д. Скобелева завершился летом 1876 года. После чего победоносному генералу предстояло отправиться на Балканскую войну и обрести там свое бессмертие, отдав жизнь за победу русского оружия на Балканах. Результатом же разгрома Кокандского ханства стали десятилетия мирной жизни в регионе, в том числе на юге Кыргызстана.

НА КРАЮ РОССИЙСКОЙ ОЙКУМЕНИ

Повествуя о жизни российских военных ориенталистов, не следует забывать, что большинство из них знамениты не только как ученые, но и непревзойденные полководцы, как, например, в случае с генералом Скобелевым. В ряду подобных ему офицеров,

воевавших во славу российского оружия в Туркестане, нельзя не упомянуть имени генерала от инфантерии Герасима Алексеевича Колпаковского.

Помимо того что имя этого кавалера орденов св. Георгия 3-й и 4-й степени связано с покорением Коканда, Герасим Алексеевич вошел в историю как первый исследователь археологических тайн Иссык-Куля¹. Но о том немного позже. Начнем с биографии этого человека. По некоторым сведениям², родился Герасим Алексеевич в 1819 году в семье дворян Харьковской губернии. На военную службу поступил 6 января 1835 года рядовым на правах вольноопределяющегося в Модлинский пехотный полк в Севастополе. Вскоре был произведен в унтер-офицеры и в 1840 г. в составе отряда генерала Н.Н. Раевского участвовал в десантной операции против горцев на Черноморской береговой линии. По возвращении в Севастополь за отличия по службе 1 апреля 1841 г. был произведен в прапорщики.

В следующем году назначен полковым адъютантом, а с 1 января 1844 года – полковым квартирмейстером. В начале 1844 г. командирован с полком на Кавказ и поступил в распоряжение генерал-майора В. И. Гурко, в октябре произведён в подпоручики. В следующем году отличился в делах против горцев около укрепления Воздвиженского, в начале 1846 г. был награждён орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Вскоре Модлинский полк был возвращен в Россию, а Колпаковский получил чин поручика и должность полкового казначея. В 1848 г. в составе войск 5-го пехотного корпуса принял участие в походе в Молдавию и Валахию. В Венгерскую кампанию находился в отряде генерала А. Н. Лидерса и принял участие в нескольких сражениях (у местечка Св. Георгия под Германштадтом и др.). В том же году произведён в штабс-капитаны и награждён орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В 1851 г. назначен адъютантом 1-й бригады 15-й пехотной дивизии.

¹ Мокрынин В.П., Плоских В.М. Иссык-Куль: затонувшие города. – Фрунзе, 1988. – С. 10–14.

² РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 54529.

Далее 17 января 1852 года Герасим Алексеевич оказывается в Западной Сибири – его назначают адъютантом командующего Отдельным Сибирским корпусом и западно-сибирского генерал-губернатора Г. Х. Гасфорта. В 1854 г. получил должность старшего адъютанта штаба отдельного Сибирского корпуса и производится в капитаны. 23 января 1855 г. за отличие в службе производится в майоры с назначением исправляющим должность Березовского окружного начальника. В 1858 г. в связи с назначением на должность начальника Алатавского округа и киргизов Большой орды переезжает в крепость Верный; в 1860 г. произведён в подполковники и принимает участие в Зачуйской экспедиции полковника А. Э. Циммермана, в составе которой берет штурмом кокандские крепости Токмак и Пишпек. На реке Кара-Кастек 21 октября 1860 года сорокалетний подполковник Герасим Колпаковский, командуя отдельным отрядом численностью около одной тысячи человек¹, сформированным из казаков и лёгкой казахской конницы, вступил в бой с вторгшимся в Заилийский край шестнадцатитысячным кокандским войском. В трехдневном сражении при укреплении Кастек (под Узун-Агачем) он нанёс сокрушительное поражение противнику и после этого даже организовал преследование отступающих сил кокандцев. За это дело он был произведён в полковники и награждён орденом св. Георгия 4-й степени.

В 1862 г. снова командовал отрядом, проводившим рекогносцировку за реку Чу, вторично занял Токмак и после десятидневной осады взял и разрушил крепость Пишпек. За отличие в этих делах произведен в генерал-майоры. В 1864 г. Колпаковскому было поручено начальство над войсками Семипалатинской области, а с образованием в 1867 г. Семиреченской области был назначен её военным губернатором, наказным атаманом семиреченских казаков и командующим расположенными в области войсками. 28 марта 1871 г. Колпаковский был произведён в генерал-лейтенанты, за успешную организацию и руководство

¹ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. – СПб., 1903 – 1906. – Т. 1–3. – С. 126–129.

военными действиями в Кульджинском походе Герасим Алексеевич был удостоен ордена св. Георгия 3-й степени.

Во время отсутствия туркестанского генерал-губернатора Кауфмана неоднократно исполнял его обязанности, во время Хивинской экспедиции заведовал тыловым обеспечением Туркестанского отряда и исполнял должность начальника военно-народного управления. В Кокандскую войну 1875–1876 гг. командовал экспедиционным отрядом, занявшим ханство, и объявил о присоединении его территории к империи под названием Ферганской области. В 1882 г. после образования Степного генерал-губернаторства он был назначен первым степным генерал-губернатором и командующим войсками Омского военного округа. В 1883 г. зачислен в Семиреченское казачье войско. 30 августа 1885 г. был произведен в полные генералы – один из очень немногих полных генералов в российской истории, не имевший специального военного образования и дослужившийся до таких чинов, начиная с рядового.

Помимо своих военных подвигов, Колпаковский знаменит как активный член российского Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Именно этой организации ученый передал собственноручно собранную за годы службы в Семиречье богатую коллекцию военных трофеев. За вклад в развитие российской военной науки исследователя удостоили золотой медали общества. Во время же своего похода в г. Кульджу Герасим Алексеевич собрал обширную коллекцию артефактов. Она представляет собой собрание многочисленных предметов материальной культуры ряда местных народов – кыргызов, уйгуров, дунган, сибо, салонов и др.

Достаточно известно имя другого военного, покорившего не только значительную часть Туркестана, но и умы востоковедов. Речь идет о генерале-адъютанте Российской армии Константи́не Петровиче Кауфмане. Он один из выпускников Николаевского инженерного училища (ныне Военный инженерно-технический университет). С 1844 году служил на Кавказе. В Восточную войну 1853 – 1856 гг., командуя Кавказским сапёрным батальоном, участвовал в обложении и штурме Карса и по поручению генерала Муравьева заключил капитуляцию о сдаче этой крепости с английским комиссаром Уильямсом.

В 1861 году назначен директором канцелярии военного министерства. Здесь на долю Кауфмана выпало немало трудов, так как в это время разрабатывался вопрос о введении у нас военно-окружной системы; одновременно с этим он участвовал в разных комитетах по происходившим тогда преобразованиям всей военной организации.

А в 1865 году был назначен генерал-губернатором Северо-Западного края и командующим войсками Виленского военного округа. В июле 1867 г. получил назначение на должность командующего войсками Туркестанского военного округа, где деятельность его, кроме многократных поражений, нанесенных бухарцам, хивинцам и кокандцам, ознаменовалась взятием Самарканда (1868 г.) и покорением Хивы (1873 г.). Награждённый за последний подвиг орденом св. Георгия 2-й степени, Кауфман в 1874 г. произведен в инженер-генералы.

В 1875 году им покорено было Кокандское ханство, из которого была образована Ферганская область. Туркестанское генерал-губернаторство и город Ташкент обязаны К. П. фон Кауфману многим, в том числе созданием Городской думы и организацией Публичной библиотеки (сейчас – Национальная библиотека Узбекистана имени Алишера Навои).

Рассказывая о научных трофеях российской армии, нелишне упомянуть имя другого выдающегося покорителя Средней Азии, генерала от инфантерии, наказного атамана Семиреченского казачьего войска Михаила Ефремовича Ионова. Этот честолюбивый российский офицер и исследователь Туркестана родился в 1846 году в семье дворян в Орловской губернии. Будучи воспитанником Орловского Бахтина кадетского корпуса и 2-го Военного Константиновского училища, в 1866 году был произведён в подпоручики в Оренбургский (впоследствии 1-й Туркестанский) стрелковый батальон. В 1867–1868 гг. участвовал в покорении Бухары, награждён чином поручика, орденами св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, св. Станислава 2-й степени с мечами¹. В составе Джизакской колонны Туркестан-

¹ РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 70224.

ского отряда в 1873 г. совершил поход в Хиву, отличился у Шейх-Арыкской переправы, произведён в капитаны и награждён орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Когда в 1875 г. в Коканде вспыхнуло восстание, стрелковая рота Ионов вошла в состав главных сил генерала Кауфмана. За Махрамское сражение Ионов получил чин майора и орден св. Анны 2-й степени с мечами; за бой на Балыкчынских завалах награждён золотым оружием с надписью «За храбрость», и, наконец, за первый штурм Андижана (1 октября 1875 г.) Ионов 29 декабря 1876 г. был удостоен ордена св. Георгия 4-й степени.

В воздаяние за отличие против кокандцев при штурме города Андижана 1 октября 1875 года, где, командуя штурмовой колонной, овладев в бою четырьмя завалами, занял важное место в неприятельской позиции на высоте Гуль-Тюбе, вследствие чего сражение приняло решительный оборот в пользу российской армии, произведенный в 1881 году в подполковники, Ионов в 1883-м был назначен командиром 2-го Туркестанского линейного батальона. В 1886 г. был произведён в полковники.

Пятью же годами раньше Иопова откомандировали с охотничьими командами туркестанских линейных батальонов и казаков на Алай и Памир с целью очистить от афганских и китайских постов территории бывшего Кокандского ханства. В состав отряда входили подполковник Громбчевский и классный топограф Бендерский, занимавшиеся научными исследованиями и картографированием. Решительные действия на Памире Иопова вызвали большой международный резонанс: были арестованы британские агенты Дэвисон и Янгхасбенд, китайский пограничный чиновник Чань выдворен за Сарыкольский хребет в Кашгар.

Летом следующего года работы по картографированию Памира и упрочению российского присутствия были продолжены. 12 июля на р. Аличур отрядом Иопова был обнаружен афганский военный пост. Начальнику поста капитану Гулям-Хайдер-хану было предложено покинуть российскую территорию, однако последний утверждал, что эта территория принадлежит Афганистану, и в свою очередь потребовал русских покинуть её. После нескольких часов переговоров соглашения не было достигнуто,

Ионов приказал своим солдатам обезоружить афганцев, завязалась рукопашная схватка, в которой были убиты капитан Гулям-Хайдер-хан и семеро афганских солдат, остальные бежали. С российской стороны там было ранено три казака.

В 1893 г. Ионов был назначен начальником Алайского резерва и войск, расположенных за Алаем и на Памире; в 1894 г. был произведён в генерал-майоры и назначен начальником 4-й Туркестанской линейной бригады; в 1898 г. – командирован в Ферганскую область для командования войсками, собранными там по случаю андижанских беспорядков; в 1900 г. состоял начальником Джаркентского отряда, сформированного на случай предполагаемых из-за Боксёрского восстания в Китае военных действий в Кульдже; с 1899 г. до отставки в 1907 г. состоял губернатором Семиреченской области, командующим в ней войсками и наказным атаманом Семиреченского казачьего войска. Его сыновья – Александр Михайлович (был видным деятелем Белого движения и РОВСа) и Владимир Михайлович (артиллерийский офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн служил в РККА, скончался в 1946 г.).

Нелишне также добавить, что Михаил Ефремович пережил страну, которой верой-правдой служил. По некоторым биографическим сведениям, последнее достоверное упоминание о М.Е. Ионове относится к 1919 году (им было написано воззвание к войскам Колчака), по непроверенным данным, в начале 1920-х гг. был убит под Кульджой в бою с отрядами Красной армии, преследовавшими остатки разбитых под Джаркентом белогвардейцев Анненкова. По другим данным, принял революцию, умер в 1923 г. Последние годы жизни преподавал в одном из пехотных училищ Красной армии.

Что немаловажно, экспедиции М.Е. Ионова закрепили за Россией большую часть Памира, а также припамирские владения – Рошап, Дарваз, Бадахшан и Каратегин. Михаил Ефремович известен и как талантливый организатор исследовательской работы. Под руководством Ионова на Памире начинали свою военновостоковедческую деятельность такие известные исследователи Востока, как А.Г. Серебрянников, Б.Л. Тагеев, С.П. Ванновский,

А.Г. Скерский и др. Ему принадлежит заслуга в создании сети русских военных дорог, постов и укреплений – Памирского, Ранкульского и др., сыгравших важную роль в качестве опорных баз для организации географических исследований в Центральной Азии.

Подытоживая наш небольшой рассказ о работе военных ориенталистов России XIX века, нельзя не напомнить, что в ходе военных экспедиций существенно пополнялся арсенал российской науки благодаря наличию квалифицированных востоковедов в рядах командного состава армии. Обойти молчанием жизнь и деятельность плеяды этих выдающихся ученых – значит предать забвению весьма значимую страницу не только историографии российской науки, но и кыргызстанской отечественной истории.

Глава VIII

ЛЕТОПИСЕЦ КУРМАНДЖАН ДАТКИ

Среди множества документальных свидетельств, увековечивших образ Курманджан датки, есть и литературное произведение. Ее автору посчастливилось не только многократно встречаться с Алайской царицей, но и быть в числе близких знакомых этой знаменитой женщины. Речь идет о писателе, который покорила в конце XIX века российских и западноевропейских читателей своими замечательными очерками и рассказами о жизни в Центральной Азии. Публиковались они в основном в периодической печати под восточным псевдонимом Рустам-бек.

На самом деле создателя бестселлеров звали Борисом Леонидовичем Тагеевым. Служил он вольноопределяющимся в российской армии. Дослужился до чина поручика. А в свободное от службы время достиг высот литературного творчества. Но, если вы скажете, что из азиатского в нашем герое был лишь писательский псевдоним, будете совершенно не правы. Поскольку он – не кто иной, как... потомок персидского шаха! Дело в том, что дед Бориса Леонидовича родился в Персии от одной из многочисленных жен шаха. И звали его Бакир ибн Мухаммед Тахки. Отпрыска знатной фамилии привезли в Петербург, окрестили по православному обряду и дали фамилию Тагеев. Так в российской столице появилась новая семья. Впоследствии дала она для России немало способных инженеров, учёных, врачей и литераторов.

Это не единственная из удивительных историй, которые можно рассказать про Б. Тагеева. Помимо всего прочего, он был близко знаком с создателем «Записок о Шерлоке Холмсе» – английским писателем Артуром Конан Дойлем. Знакомство произошло при весьма интересных обстоятельствах. К началу Второй мировой войны, в 1914 году, по совету будущего военного министра Великобритании лорда Китчнера Борис Леонидович вступил добровольцем в батальон журналистов Британского волонтерского корпуса, где вскоре стал вице-председателем с присвоением чина подполковника. Другой военнослужащий этого подразделения – А. Конан Дойль – был его подчиненным. О том, помимо прочего, свидетельствует одна из сохранившихся поныне пяти фотографий смотра батальона, где оба писателя стоят рядом.

Но вернемся в последние годы жизни Курманджан датки. В то время вольноопределяющийся Тагеев служил в Средней Азии прапорщиком 1-го Туркестанского линейного батальона российской армии. Будучи участником предпринятых в период с 1892 по 1895 год памирских походов, стал «летописцем» одного из героев этой военной кампании М. Ионова. К тому времени уже прекрасно владел персидским и узбекским языками, а также слыл знатоком нравов местных кыргызов. Вот на этом этапе жизни Бориса Леонидовича свела судьба с Алайской царицей. Плодами их взаимоотношений стали несколько замечательных произведений, например, опубликованный в 1898 году в 4-м номере журнала «Нива» очерк «Царица Алая»¹, а также вышедший в свет в 1900-м сборник очерков и рассказов из боевой жизни «Русские над Индией»² и опубликованный двумя годами позже в Варшаве другой аналогичный сборник – «На Востоке»³. Во всех трех упомянутых нами произведениях личность датки предстает перед читателем различными гранями. Некоторые

¹ Нива. – 1898. – № 4. – С. 68–71, 74.

² Тагеев Б. Л. Русские над Индией: Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире. – СПб., 1900.

³ Тагеев Б. Л. На Востоке / Очерки и рассказы из жизни на далеких окраинах Азии. – Варшава, 1902. – С. 47.

фрагменты дублируют друг друга, подчеркивая некоторые наиболее значимые стороны характера Курманджан.

Автор книг обстоятельно знакомит читателя со всеми основными событиями жизни родоправительницы Алая. Б. Тагеев в предисловии к сборнику «Русские над Индией» пишет: «Желая придать описанию походов на Памир более живой и интересный характер, я, насколько возможно, старался скрасить сухость описания одних военных действий отрядов бытовыми сценами походной и туземной жизни, историческими и этнографическими очерками, местными легендами, а также рассказами из боевой жизни завоевателей Туркестана, надеясь на снисходительность читателя за те погрешности, которые, несомненно, найдутся в моей книге»¹.

Но именно в «бытовых сценах походной и туземной жизни», за которые автор будто извиняется перед читателем, содержится бесценный для нас биографический материал об Алайской царице. Добавим к тому представленную в одном из рассказов удивительно яркое и эмоциональное описание местной природы: «Что за чудная картина открылась перед нами! Над головами возвышались огромные каменные великаны, сплошь покрытые арчою, с белеющими снежными вершинами, спереди чернелось Талдыкское ущелье, а позади широко раскинулся зеленою бархатною равниною «Ольгин луг», замкнутый со всех сторон горами, на котором маленькими серенькими грибочками виднелись разбросанные юрты киргизских аулов и громадная стада рогатого скота и верблюдов»².

Курманджан, принимая «военного корреспондента» в разные годы, предстает перед ним в двух своих ипостасях: будучи облеченной властью и могуществом датки в блеске своей славы, а затем – убитой горем старухой, несущей траур по случаю безвременной гибели любимого сына. Со скрупулезностью, достойной профессионального историка, Тагеев в мельчайших деталях описывает эти лики родоправительницы Алая.

¹ Тагеев Б. Л. Русские над Индией... – С. 30.

² Там же. – С. 32–33.

Например, в главе IV сборника, в очерке под названием «Ольгин луг. В гостях у царицы Алая. Киргизская Тамаша» автор излагает историю получения Курманджан титула датки, а затем посвящает в курс событий 1876 года, когда пытавшаяся бежать в Кашгар Горная царица была захвачена отрядом российских войск под командованием Витгенштейна и доставлена на переговоры к генералу Скобелеву. Как известно, к тому времени родопривилегия уже дала свою знаменитую клятву, означавшую договор о вечной дружбе с Россией.

Предварительно Б. Тагеев указывает обстоятельства такой метаморфозы датки, некогда непримиримой по отношению к «неверным». Этот рассказ особенно интересен тем, что ведется он со слов очевидца: автор сам был участником Алайского похода Д. Скобелева. Бориса Леонидовича определили в отряд под командованием майора Ионова. Как известно, это подразделение преследовало мятежного Абдуллабека, «но тот с ловкостью горного козла увертывался ..., завлекая ... в глубь Заалайского хребта, где весь отряд чуть-чуть не погиб около озера Кара-Куль во время метели, отрезанный огромным перевалом от главных сил, без провианта и фуража. Таким образом, Абдуллабек с братьями своими Махмуд-беком и Хасан-беком и большинством из своей шайки ушел от преследования русских через Памир и Афганистан, завещав оставшимся баатырам не сдаваться гяурам»¹.

После того как мятежники скрылись, продолжает автор, подразделение Ионова двинулось к Алайской долине, где пытавшуюся было бежать в Кашгар Курманджан перехватили подразделения Скобелева. В ставку генерала пленную сопровождал Б. Тагеев. Вот как описывает он момент смятения Алайской царицы: «Войдя в юрту, где помещалась пленная, я увидел сидевшую на ковре по-азиатски киргизку небольшого роста, хотя немолодую, но красивую, одетую в парчовый халат, оттороченный каким-то мехом, – это была датха. Она грустно сидела, опустив голову. Перед ней стоял поднос, на котором лежали фисташки, кишмиш и другие туземные сласти. Царица Алая, видимо, находилась

¹ Тагеев Б. Л. Русские над Индией... – С. 35–36.

в размышлении о той метаморфозе, которая происходила с нею, и вся была погружена в свое горе. Она сразу даже не заметила моего появления и, только спустя несколько секунд, вскинула на меня своими умными выразительными глазами и слегка вздрогнула. Я через переводчика сказал ей, что назначен сопровождать ее до Гульчи, где находится теперь генерал.

– Я теперь раба русских, которые могут делать со мною что угодно, такая, значит, воля Аллаха, – ответила она через переводчика, и крупные слезы блеснули на узких прорезях ее глаз.

Я сказал ей, что мы едем завтра.

– Хоп, хоп, таксыр, – сказала она мне и кивнула головой в знак согласия.

Вышел я из юрты и под тяжелым впечатлением, навеянным на меня безотрадным горем царицы, направился к себе¹.

После знаменитой аудиенции у генерала Скобелева датка поселилась в Яга-чарте. Далее автор дополняет: «... продолжая пользоваться безграничным влиянием на Алае, а ее сыновья были назначены управителями Алайских волостей и приносили огромную пользу нашему правительству». С того момента Борис Леонидович делится с читателем впечатлениями о том, какими увидел Курманджан и ее близких после примирения с Россией. Вначале пишет о переменах, произошедших с бывшим непримиримым противником «неверных» Махмуд-беком: «Со стороны аула к нам приближалась группа всадников с головами, обмотанными большими белыми чалмами. Пестрые халаты их, ярко освещенные заходящим солнцем, красиво выделялись среди суровой природы горного ландшафта. Впереди на великолепном гнедом жеребце ехал полный, дородный киргиз с сытым, загорелым и добродушным лицом, обрамленным небольшой черною бородкою. Вся фигура его выражала полное довольство жизнью. Одет он был в костюм, отличавшийся от прочих джигитов своею простотою и изяществом. Белый бешмет, перетянутый в талии широчайшим серебряным, украшенным насечкою и чернью поясом, белая, как снег, чалма; азиатская, с серебряною рукояткою,

¹ Тагеев Б. Л. Русские над Индией... – С. 37.

шашка, красиво блестела на солнце. Грудь его была украшена медалями, придававшими его костюму еще более величественный вид. Вслед за ним ехали трое джигитов, вооруженных мултуками и шашками.

За несколько шагов до нас все туземцы слезли с лошадей и встали в почтительную позу, сложив руки на животе, как принято у них при выражении особенного уважения»¹.

После того как Тагеева проводили в ставку Курманджан, тот застал ее уже в добром здравии и прекрасном расположении духа: «Махмуд-бек приподнял дверь юрты, мы вошли в нее, и я увидел датху. Она сидела по-азиатски на ковре, поджав под себя ноги. Это была уже немолодая киргизка с сильно сморщенным лицом, с маленькими, слезящимися глазами, добродушно улыбавшимися нам. Она отдала какое-то приказание сыну, и в ее жестах я уловил привычку повелевать. Она одета была в парчовую кацавейку, отороченную мехом, а голова ее была обмотана огромной кисейной чалмою. Мы по очереди подошли к сидящей старухе и пожали ей руку. Она узнала П. (спутника Б. Тагеева. – **Прим. В.П.**) и очень ему обрадовалась.

– А Скобелев ульды (умер), – сказала она, причем лицо ее выразило сожаление, и она покачала головою.

– Давно уже – сказал П.

– А Ионов приедет ко мне? – спросила она.

– Да, я думаю, – ответил капитан, – полковник часто вспоминает вас и, наверное, не проедет мимо ваших аулов.

– Да, он хороший человек, – сказала датха, – и жена его и дети хорошие, им Аллах пошлет счастья. А теперь на Памир идете? – спросила датха.

– Да, на Памир.

– Плохо там, ни корму для лошадей, ни достаточного количества баранов, ничего нет, – сказала она, – киргизы живут там бедные, тяжело вам будет; я и то приказала Махмуду и Мирза-Паясу, чтобы они немедленно все доставляли. ... Так вот,

¹ Тагеев Б. Л. Русские над Индией... – С. 39.

⁹ Том III. В. М. Плоских

она, эта датха, ... самая обыкновенная киргизка с виду, даже трудно себе представить, чтобы эта старуха могла когда-то играть такую важную роль»¹.

На следующий день после аудиенции гостей Алайской царицы ждал большой пир: «Утром разбудили меня загудевшие громадные трубы, напоминающие собою библейские, с которыми, по преданию, евреи обходили город Иерихон, и немудрено, если от множества таких труб разрушились стены города, потому что от двух моя юрта вся тряслась, и я был вынужден заткнуть уши, чтобы не лопнули перепонки. Эти трубы скликали киргиз на тамашу, устраиваемую в честь русских гостей. В воздухе запахло пловом. Всадники группировались в долине, готовые начать байгу (род скачки). Наконец перед толпою был брошен зарезанный козленок, и один из джигитов ловко подхватил его и поскакал. Все понеслись за ним, преследуя общую цель – завладеть козленком и принести его нам. Датха сидела вместе с нами на разостланных ковриках и равнодушно смотрела на несущуюся толпу всадников. Я с любопытством следил за ходом игры. Вот, вот, нагоняют джигита с добычей, окружили!.. Защелкали в воздухе нагайки, и на мгновение все спуталось в общей массе и покрылось густым облаком пыли. Но вот снова с отнятым козленком вырывается из толпы всадник, и вдруг он ринулся в сторону, далеко оставляя за собою дико кричащую и несущуюся за ним толпу джигитов. Шум поднялся ужасный – «байга» оживилась. Козленок, совершенно растерзанный, переходил из рук в руки; наконец одному из джигитов удалось далеко ускакать с добычей, и он, описав круг, подскакал к нашему ковру и бросил под ноги нам козленка, от которого остались одни лишь клочья. Толпа криками приветствовала победителя, а П. вручил ему призовой халат и пятирублевую бумажку. Почти до сумерек длилась тамаша, много было выпито кумысу, все наелись досыта плову, всюду виднелись веселые лица»², – описывает праздник Б. Тагеев.

¹ Тагеев Б. Л. Русские над Индией... – С. 40–41.

² Там же. – С. 42.

А вот в опубликованном в «Ниве» очерке «Царица Алая» автор описывает легендарную датку в совсем ином, весьма плачевном состоянии: «В одном из многочисленных ущелий Алайского хребта, носящих название Яга-чарт, под отвесной высокою скалою уютится небольшой аул, состоящий не более как из десятка юрт. Но не похож этот аул на прочия киргизския кочевки. Какой-то особенный порядок царит здесь, да и сами юрты (кибитки) щеголяют красотой и роскошью. Приятно ласкают глаз высокая сочная трава и живописно разметавшаяся арча (смолистое дерево в роде пихты). Многочисленные стада баранов и рогатого скота, громадные табуны лошадей и верблюдов оживляют этот красивый, хотя немного суровый пейзаж, придавая ему более мягкий оттенок. Около самого подножия одной из гор, недалеко от аула, стоит старая, маленькая юрта, резко выделяющаяся среди прочих богато убранных кибиток. Несколько лет тому назад посетив этот уголок грозного Алая, я застал там кипучую жизнь. Целые толпы веселых киргизов обступили меня, скаля свои белые зубы. Теперь, в 1896 году, когда я, по обыкновению путешествуя в Алайских горах, заехал в это уютное ущелье, меня сразу поразила необыкновенная тишина, царящая в Яга-чарте.

Те же юрты, серенькими грибочками выглядывающие из ковра зеленой травы, те же стада баранов, те же киргизки, бегающие с турсуками для приготовления кумысу. Все это было, как и прежде; но я не видел более того радушия, с которым, бывало, встречали меня хозяева этого аула, я не видел их добродушных скуластых лиц, и мне стало необыкновенно грустно. Два киргиза в черных бараньих шапках прошли мимо меня, бросив исподлобья сердитый взгляд, и скрылись в дверях одной из кибиток; никто даже лошади моей не принял, а прежде со всех сторон сбегались люди, чтобы взять ее.

Увидев сидевшего подле юрты старика, я подъехал к нему и попросил по-киргизски, чтобы он проводил меня в юрту к Курманджан датхе. Киргиз что-то пробормотал себе под нос, укоризненно покачал головою и двинулся вперед, указывая мне путь. Подойдя к маленькой, отдельно стоящей юрте, он отдернул кошму, заслонявшую входное отверстие в кибитку. На меня пахнуло чем-то кислым, прелым. Я удивленно посмотрел на своего

проводника, думая, что он, не поняв меня, привел к какой-нибудь другой юрте, но тот как бы угадал мою мысль и, указывая рукой на дверь, сказал: «Мына датка» («Вот датка»). Я нагнул голову и вошел в юрту. Мрак, царивший внутри нее, и резкий переход от света к темноте не дали мне возможности сразу рассмотреть внутренность юрты, но предупредительный проводник оттянул кусок кошмы, закрывавшей тюнтяк (верхнее отверстие юрты), и я был поражен представившимся мне зрелищем.

В трех шагах от меня на голой земле в страшном рубище, сквозь дыры которого сквозило сухое черное тело, сидела маленькая, жалкая старуха; ее реденькие седые волосы какими-то жалкими хвостиками покрывали сморщенное, похожее на печеное яблоко, лицо. Она устремила на меня свои маленькие слезящиеся глазки и, шамкая своим беззубым ртом, бормотала какие-то слова. Я присел на корточки около нея и проговорил обычное приветствие. Она дико посмотрела на меня и вдруг захохотала своим старческим дребезжащим смехом. Холод пробежал по моей спине от этого хохота... И это – датха, это – бывшая царица Алая, перед которой трепетали кокандские ханы, одного слова которой было достаточно, чтобы казнить и миловать? Это – та самая датха, которая несколько раз, окруженная своими сыновьями, принимала меня с непритворной радостью, которая еще два года тому назад, будучи 90-летней старухой без отдыха проезжала 70 верст и которую в 1985 году я видел еще совсем бодрой и здоровой... Боже мой, во что она превратилась теперь! Мне стало необыкновенно тяжело, и я, быстро выбежав из юрты и вскочив на лошадь, отправился к ожидавшим меня спутникам, вспоминая о датке и ее жизни, полной глубокого трагизма».

Так писатель запечатлел Алайскую царицу в самый трагический момент ее жизни. Обстоятельства ареста сына родоправительницы Камчыбека, согласно описанию Б. Тагеева, были следующие: «... следствие выяснило, что наш`а (анаша, марихуана. – **Прим. В.П.**), которую везли Камчыбеку контрабандисты, была задержана таможенным досмотрщиком: последний сначала соглашался пойти на компромисс с контрабандистами, но затем раздумал и был задушен ими, не имея возможности защищаться, так как револьверы его и его джигитов оказались без патронов.

Говорили, что в этом деле участником был Камчыбек, но точных улик не было, и дело было отложено областным судом для дополнительного следствия»¹. Далее, как продолжает автор, недостаточность улик не повлияла на решение казнить Камчыбека. Причем представители судебной власти делали это больше из политических соображений: «Жестокою ошибку сделал новый военный губернатор Повало-Швуйковский, исходатайствовавший предание полевому суду всеми любимых беков. Как говорил губернатор, он это сделал для поднятия русского престижа, будто бы упавшего. Жестоко ошибался генерал: сарты и киргизы привыкли уважать русские власти и упадка значения русских в крае не замечалось»².

Напомним, 2 марта 1895 года сына Курманджан, Камчыбека, казнили как государственного преступника на большой площади в Оше. Определенно, симпатизирует автор мятежному сыну родоправительницы. Детально и с удовольствием описывает Рустам-бек и внешность опального отпрыска датки: «По ошской дороге движется сотня казаков 6-го Оренбургского полка. На арбе в оковах сидят с мрачными лицами два киргиза. Один с красивым разбойничьим лицом, не лишенным величия, другой маленький с черной бородкой, с узкими прорезями глаз представляет собою заурядный тип киргиза племени адычин. Это Камчи-бек и Палван, осужденные на смерть, конвоируемые сотнею, отправляются в город Ош, где и должны быть повешены у подножия Алая. Алай, на котором родились они, провели детство и юность, дорогой их Алай. С которым два года назад они расстались в надежде скоро увидеть его, – опять перед ними такой же грозный, такой же суровый, с теми же снежными вершинами, на которых, бывало, с радостью смотрели осужденные, любясь их красотой и величием. Какое же теперь производит он на них впечатление?».

С такой же симпатией, но и с не менее сильным трагизмом описывает Борис Тагеев сцену свидания матери преступника накануне его казни: «В областной тюрьме Нового Маргелана

¹ Тагеев Б. Л. Русские над Индией... – С. 43.

² Там же. – С. 45.

в одиночных камерах сидят двадцать один киргиз, арестованные по делу об убийстве таможенных. Вот уже два года сидят они, свободные дети гор, под строгим надзором тюремного начальства. Побледнел, осунулся полный Махмут-бек, а тут еще новое горе постигло его. Ехал навестить заключенного отца молодой сын его, да по дороге сорвался и размозжил себе голову о камни. Не судил, знать, Аллах увидеть сыну позор своего отца. Мрачный, точно запертый в клетку волк, сидит в тюрьме Камчыбек и шепчет молитвы, соблюдая строгую уразу (пост).

Приехала и датха в Маргелан, и посетила бедная мать сыновей своих. Поддерживаемая под руки двумя почтенными туземцами, вошла бывшая царица Алая в тюрьму. Дрогнуло сердце старухи при виде детей своих в арестантских халатах. Горько заплакала датха. Не думала бывшая царица дожить до такого позора, что дети ее попадут в тюрьму наравне с ворами и мошенниками. Уж лучше задушила бы она их собственными руками»¹.

Талант непревзойденного литератора, с которым автор очерка подробно описывает обстоятельства казни, позволяет нам будто бы стать очевидцами казни. «Прибыл из Маргелана и военный губернатор генерал Повало-Швыйковский присутствовать при казне Камчыбека», – уточняет Б. Тагеев. И погружает нас в тягостную атмосферу мрачного ритуала правосудия: «На большой площади в г. Оше была приготовлена виселица с двумя железными кольцами. Целое море пестрых халатов уже наводнило все улицы ... Вдруг толпа заволновалась, и пронесся шепот «везут». Вскоре показались медленнодвигающиеся две черные арбы, окруженные конвоем. Впряженные в них черные лошади и арбаки во всем черном тяжело действовали на окружающих. Спокоен, но мрачен сын царицы Алая, часто поднимает он руки к небу и громко читает молитву. Мерно движутся, блистая на солнце штыками, конвойные солдаты, невеселы их лица, шаг за шагом идут они за арбами. И вот, наконец, печальная процессия подошла к эшафоту. Гордо, с достоинством держал себя Камчыбек во время чтения смертного приговора, смело готовил-

¹ Тагеев Б. Русские над Индией... – С. 48.

ся он встретить смерть. Не раз уже приходилось ему встречаться с нею лицом к лицу; только видно было, как досадно горному орлу, что подрезаны его крылья, что не может он в бою сложить свою буйную голову. Не так вел себя Палван. Растерялся бедный киргиз и упал на колени, прося помилования. После прочтения приговора воцарилась гробовая тишина.

«Можно мне еще раз помолиться?» – спросил генерала Камчыбек, и, получив разрешение, встал на колени и, подняв руки к небу, прочел краткую молитву, затем встал и, промолвив: «Довольно молиться», снова повернулся к генералу, сказал «я готов» и сам подошел к палачу. Вот уже крепко связаны его руки, и белый саван, казалось, сейчас скроет представительную фигуру Камчыбека. Вот уже надевают его на голову баатыра. Поднял глаза Камчыбек и увидел ряд синеющих гор с снежными вершинами, и показалось ему, что кивают они своими седыми головами. «Прощай, Алай», – прошептали его губы, и белый саван, как страшная завеса, закрыл навсегда его от всего живого, светлого. Быстро подвели осужденного к скамье, и он сам встал на нее. Палач начал возиться около его шеи... прошло еще мгновенье, и палач сильно толкнул скамью. Камчыбек погиб»¹.

Добавим, что «Горная царица» Б. Тагеева – не только замечательное само по себе литературное произведение. Это еще и достаточно точный документ, дающий исчерпывающее представление о жизни и личности Курманджан датки, поскольку автор с профессионализмом военного корреспондента вместил в сравнительно небольшой по объему очерк практически все значимые моменты биографии Алайской царицы.

Самого же писателя вскоре ждали дальнейшие события его жизни – долгой, удивительной и полной невероятных историй. К весне 1904 года он написал уже семь книг о Средней Азии и об Афганистане, из которых три были чисто художественные. В 1901 году Тагеев был уволен со службы в чине поручика. Он продолжал писать, работая в редакциях «Военного альманаха» и «Альманаха армии и флота». Затем он успел поучаствовать

¹ Тагеев Б. Л. Русские над Индией... – С. 49.

в качестве военного корреспондента в Русско-японской войне. 1 июня 1904 года Рустам-бек участвовал в известном сражении под Вафаньгоу под командованием генерала Самсонова. Вот что он писал об этом бое: «Я помню Самсонова на белом коне, отдававшего спокойно приказы под градом рвущихся шрапнелей. Я был ранен в ногу во время атаки «лавой». После чего ввязался в водоворот революции 1905 года, весьма симпатизируя социал-демократическим силам. Далее, как мы уже указывали, в том же качестве, но во Второй мировой. Путешествовал по многим странам, работая корреспондентом ряда известных изданий. Был лично знаком с адмиралом Колчаком и многими другими политиками, ставшими впоследствии лидерами белогвардейского движения. Но 17 февраля 1921 года вернулся в уже советский Петроград, встретивший своего «блудного сына холодом, голодом и тифом». Далее Борис Тагеев работал в журнале «Огонёк», в «Рабочей газете», «Гудке»... В период с 1926 по 1934 год написал девять книг, изданных немалыми тиражами и принесших автору весьма весомые гонорары. Также писатель работал консультантом киностудии «Союздетфильм».

Конец деятельности Б. Тагеева положил арест 19 октября 1937 года. 4 января 1938 года он был расстрелян как японский, английский, американский, французский и итальянский шпион. Так обрел свое бессмертие замечательный русский литератор, военный, политик, бизнесмен и журналист Борис Тагеев. Для кыргызстанцев он особенно дорог своим точным, документально-правдивым и одновременно талантливым литературным свидетельством жизни Курманджан датки.

Глава IX

ЭПОХА КУРМАНДЖАН ДАТКИ: ЗАКАТ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Любой человек, сколь бы велик или ничтожен он ни был, несет на себе печать своей эпохи. Не исключение и персоны, которые могут сами менять русло течения времени, как, например, родопрavitельница Алая Курманджан датка. Драма финала Кокандского ханства неповторимо сформировала личность Алайской царицы. Потому неполным будет наш рассказ о ней, если не упомянем о жизни кыргызов в составе этого государства.

Как известно, династии Коканда царствовали, по историческим меркам, недолго – с 1709 по 1876 год, или 167 лет. Но каким интересным, с точки зрения исследователя, был тот период! Родившееся в результате попытки ряда среднеазиатских этносов эмансипироваться от своих давних притеснителей ханство само вскоре стало в определенной степени «тюрьмой народов».

КЫРГЫЗЫ КАК ТВОРЦЫ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

Впрочем, было бы ошибкой считать, что архитекторы этой «темницы» строили свою политику исключительно на одном лишь насилии. Как и подobaет искусственным в политических интригах деспотам восточного типа, кокандские владыки использовали для укрепления государства весь спектр чувств своих сатрапов. Играли и на их стремлении

к суверенитету. Например, представители кыргызов, которые к тому времени составляли значительную часть населения государства, неоднократно занимали ханский престол. Вот некоторые из таких правителей: Акбото-бий, Кубат-бий, Ажи-бий, Нусуп-бий, Алымбек датка, Исхак – Пулат-хан. Стало быть, Коканд с известной натяжкой можно считать государством и кыргызского народа, хотя тот и не был в то время политически самостоятельным. Последнее объясняет факт, что практически весь недолгий период этого государства был временем борьбы кыргызских патриотов за независимость своего народа.

В свое время на белом войлоке в середине XIX в. подняли и объявили кыргызским ханом верховного сарыбагышского манапа Ормон-хана. Но его не признали родоправители других кыргызских родов и племен, и государство возродить не удалось. Мы знаем, что в 1860-е годы в попытке создать суверенное кыргызское государство участвовал и супруг Курманджан датки визирь ханства, правитель Алая Алымбек датка. За что, собственно, и был убит по приказу хана. Его место в управлении алайскими кыргызами заняла наша героиня.

Но так ли уж утопична была идея возрождения кыргызской государственности в новое время? Поделимся одним малоизвестным фактом. В 1909 году в Германии была издана книга профессора Мартина Гартмана о Туркестане. В ней автор изложил гипотезу о возможности создать самостоятельное государство кыргызов на российско-китайской границе. М. Гартман был уверен: появившись в числе представителей этого этноса смелый вождь, он сумел бы добиться образования самостоятельного Кыргызстана. По мнению исследователя, безусловно, граница России и Китая является важным звеном цепи, которая будет в недалеком будущем протянута через весь материк.

Впрочем, утопичной по тем временам идее суждено было сбыться намного позже гибели Кокандского ханства. Сам же период жизни кыргызов в его составе вошел в историю народа как время тяжелейшего бремени налогов и произвола, время непрерывных восстаний.

Что же по сути представляло собой Кокандское государство, на закате которого в середине XIX в. засверкали две яркие по-

литические фигуры кыргызов, – Алымбек датка и Курманджан датка, алайские родоправители?..

Силой, обманом и хитростью сколачивалось ханство династией Минг. Обычным делом было братоубийство и отцеубийство в борьбе за престол. В начале XVIII столетия от Бухарского ханства обособляется в качестве самостоятельного владения Фергана. В нем первоначально власть захватили ходжи – представители клерикальных дервишских братств. Около 1710 г. узбекский феодал из племени минг Шахрух-аталык перехватил власть и положил начало новой ханской династии, правившей в Коканде до 1876 г.

В первой половине XVIII века ферганские правители номинально еще считались в подчинении бухарского хана, но фактически были полностью самостоятельными, выступали даже против Бухары. С середины XVIII в., с периода управления Ирданы-бия, на печатях кокандских владетелей легенды подчеркивают его полную независимость.

Вполне самостоятельно на политической арене выступают в это время и кыргызские феодалы. Имеется смутное упоминание в русских источниках, что в первой половине XVIII в. у кыргызов было самостоятельное владение по соседству с Бадахшаном.

В одном из документов, серия которых была подобрана в 1734 году для царицы Анны о казахах, кыргызах, туркменах, бухарцах и других среднеазиатских народах, упоминалось и некое кыргызское владение: «Еще есть в соседстве с Водокшанскою (Бадахшан. – *Прим. В.П.*) землею малая провинция киргис, где собственной их хан, от куда зачинаютца вершины реки Анда, текущей в великую Индию»¹. Обращает на себя внимание выделение независимой кыргызской «провинции», у которой был даже «собственный» хан.

Вступление на престол Ирданы-бия и ослабление Бухарского ханства во второй половине XVIII столетия в определенной степени способствовало обособлению Коканда в самостоятельное владение. Во всяком случае, это произошло не без участия

¹ АВПРИ. Киргис-кайсацкие дела (Большая орда). – Ф. 1774, оп. 122/3, д. 2, л. 12.

кыргызских феодалов. Исследователь Б. Солтоноев в своей историко-этнографической рукописи прямо пишет, что кыргызы Ферганы совместно с узбеками создавали Кокандское ханство, с которым кыргызы самым тесным образом экономически и политически были связаны.

Впрочем, основательного союза кокандских и кыргызских феодалов не получилось, так как он строился единственно на общих захватнических планах и не отвечал интересам народных масс. В то же время не было еще и у кокандцев возможности силой подчинить кыргызов, игравших в пределах между Ферганой и Восточным Туркестаном самостоятельную роль, выступавших независимо и по отношению к Коканду, и по отношению к Кашгару. С конца же 1750-х годов, когда кокандский правитель Ирдана-бий усилился, а южные кыргызы несколько ослабли за счет откочевки части племен на север, этот народ все больше оттеснялся, выполняя роль угнетенного этноса. Он откатился на эту позицию к началу позапрошлого столетия, когда родилась Алайская царица. К тому моменту власть правителей Коканда поддерживалась только вооруженной силой, подчинение завоеванных народов – кыргызов, казахов, таджиков – обеспечивалось беспощадным террором. Притом ханский двор раздирали межродовые усобицы, борьба многочисленных претендентов на престол. Рабство в то время стало официально признанным. Налоговая политика основывалась на грубом произволе, поскольку сбор податей ничем не регламентировался. Это была одна из типичных восточных деспотий. Под ее игом кочевники Южного Кыргызстана находились с момента образования ханства и до его падения, а Северного – в периоды с 1825-го по 1855–1863 годы.

Под игом Коканда

Завоевание северной части ареала расселения кыргызов кокандскими ханами изменило политическую обстановку в Средней Азии. Его последствия для кыргызского народа не были однозначными. Одни представители местной знати склонялись к сотрудничеству, другие – к борьбе с завоевателями. Положение же простого народа крайне ухудшилось. Он оказался под тяж-

ким бременем двойного гнета: кокандских властей и собственных правителей. В народной памяти этот период отразился как черная полоса жестокого угнетения и произвола, беспросветной нужды и бесправия.

Кыргызские роды управлялись кокандскими ставленниками – ильбегами, которые подчинялись областным начальникам – хакимам. Последние, в свою очередь, зависели лишь от главного сановника ханства – кушбеги. Он назначался ханом, но иногда и те возводились кушбеги, как видим это на примере Худояр-хана. Первым сановником и фактическим правителем при нем оказался Мусульманкул. Ташкентский кушбеги Нормухаммед не признал Мусульманкула и стал действовать более или менее самостоятельно. Направившись весной 1852 года в Ташкент для наказания своеговольного правителя, Мусульманкул не добился успеха. Тогда летом он выступил еще раз с 6–7-тысячным отрядом и прихватил с собой Худояр-хана. Нормухаммед решил защищаться, а заодно разослал воззвания к населению, призывая к восстанию. Чувствуя силу Нормухаммеда и тяготясь опекой своего регента, Худояр, воспользовавшись удобным случаем, переметнулся в Ташкент. Мусульманкул был разбит и с тысячей своих приверженцев бежал в горы к кыргызам.

ВЗЛЕТ И ГИБЕЛЬ АЛЫМБЕКА

Таково было положение дел к моменту возвышения супруга Курманджан, Алымбека, который был одним из крупных кыргызских феодалов, оказывавших влияние на политику кокандских ханов. Впервые на политической арене он выступает в 1845 г. во время восстания алайских кыргызов. И только благодаря находчивости и распорядительности своей жены, позже знаменитой Алайской царицы Курманджан, спасается от временщика Мусульманкула, подавившего восстание.

В 1847 году Алымбека привлекают к походу на Кашгар по томки ходжей. Вместе с Ходжа-Тюре он двинулся из Гульчи в Центральный Туркестан. Но китайцы вскоре опять заняли Кашгар, и Алымбек со своими кыргызами возвращается на Алай.

Казахский просветитель Чокан Валиханов называет Алымбека датку бием кыргызского племени адыгине и визирем при Малля-хане, которому способствовал взойти на престол. Английский агент, мулла Ад-ал Маджит, называет Алымбека, «ведающего управлением киргизов», среди самых могущественных сановников Малля-хана. Добавим, что Алымбек был еще и правителем Оша.

Кроме того, алайский датка, видимо, пользовался влиянием и как сановник, и как своеобразный некий автономный владелец пограничного края, правитель воинственных и часто беспокоящих ханов кыргызов. Это можно видеть и из записей ошского персонального пенсионера Д. Зайнабитдинова, в свое время принимавшего в вакфотдел Оша всю собственность медресе Алымбека датки. Родители Д. Зайнабитдинова были лично знакомы с Курманджан, а его дед Наджимитдин Мирзахамдамов хорошо знал и Алымбека, служил более 28 лет в качестве казия и писмоводителя при Алайской царице. Д. Зайнабитдинов рассказывал, что Алымбек проводил фактически независимую политику, а в договоре – «ахдах», обуславливающим присоединение Алая к Кокандскому ханству, было оговорено его право самостоятельного правителя Алая.

Напомним, что алайский родоправитель относился к российским завоевателям как неприятель. Разумеется, он и не мог занимать другую позицию, будучи крупным сановником Коканда. Во время продвижения царских войск в глубь Средней Азии в 1860 году кокандский хан Малля направил против них и отряд кыргызов во главе с Алымбеком. В «Тарих-и Шахрухи» рассказывается об обороне кокандцами Ташкента от русских завоевателей и участия в этом деле Алымбека датки. Правителем Ташкента Канаат-шаа был выдвинут отряд в сторону Пишпека для обороны его от русских. Малля-хан, собрав своих главных военачальников и высших сановников, по их совету приказал правителю Андижана, «каковым в то время был киргиз по имени Алымбек», идти ему на помощь через р. Куртку.

Алымбек с 13 тысячами воинов из Андижана, присоединив по пути кыргызов Куртки и Кетмень-Тюбе, двинулся к Аштаку и Уч-Алматы, где Канаат-шаа окружил русский пикет.

Осенью 1860 года, 19 и 20 октября, десять тысяч кокандских всадников под начальством Алымбека окружили роту и сотню казаков в Узун-Агаче, но их атаки были отбиты. Подошедший к 9 часам вечера 20 октября отряд подполковника Колпаковского из Кастека снял осаду крепости. Наступившая зима, холода и, главное, мощь регулярных русских войск заставили Алымбека усомниться в легкой победе, и он уводит своих кыргызов в Андижан, правителем которого являлся. Алымбек возвратился и остался, видимо, в Андижане или Коканде. Английский посланник Мулла Абд-ал Маджит, посетивший Алай в 1860 году и прибывший в Гульчу – резиденцию Алымбека – 5 декабря, не застал там кыргызского феодала. Ему сказали, что Алымбек находится в экспедиции, отправленной к русской границе.

Донесения царских чиновников, действовавших в Средней Азии, в частности генерала Дюгамеля, не противоречат в основном сведениям кокандских хроник. Но среди них мы находим и существенные дополнения, например, об организованном сопротивлении Алымбека Малля-хану.

После бегства на Алай Алымбек поднял кыргызов племен адыгине и монгуш против Коканда. Но двинувшиеся навстречу смутьянам ханские войска заставили бежать их предводителя в центр Тянь-Шаня. В верховьях Нарына Алымбек находит поддержку у влиятельных сарыбагышских манапов Умбеталы, Аджы, Адыла и Торогельды. Это была уже грозная сила, способная противостоять ханским войскам, тем более в период интенсивного продвижения русских к Чуйскому краю. Малля-хан решил пойти на заигрывание с кыргызскими манапами: к Алымбеку на переговоры отправляется делегация. Но гордый феодал, чувствовавший свою силу, не только не ответил хану, но даже казнил его посланцев. Разгневанный хан выслал для наказания отколовшего бывшего своего сановника большой отряд. Однако кокандцы в кыргызских горах потерпели полное поражение.

Будучи проницательным исследователем, Дюгамель, внимательно присматривавшийся к положению внутри кыргызских племен, понимал, что Алымбек, открыто выступавший против кокандского хана, попытается стать независимым правителем Тянь-Шаня и поэтому непременно обратится к русским. Такое

намерение, судя по всему, у Алымбека было. И Дюгамель отдает распоряжение начальнику Алатавского округа Г.А. Колпаковскому благоприятно отнестись к Алымбеку, если тот предпримет попытку завязать отношения. Даже царь нашел «дельными... распоряжения, сделанные на случай, если Алымбек выскажет намерение вступить с нами в дружеские отношения»¹. Царизму и русской политике в Туркестане в целом это, конечно, было выгодно в первую очередь как благоприятный трамплин для дальнейшего продвижения в глубь Средней Азии, тем более что до этого сарыбагышские манапы отрицательно относились к присоединению к России. Однако Алымбек пошел по другому пути, направив свои усилия на низвержение Малля-хана в Коканде.

На следующий год Малля-хан решил возобновить поход, но кыргызы наотрез отказались выступить. Хан послал своих людей арестовать Алымбека, но тот, вовремя предупрежденный, бежал на Алай, в Гульчу. Удалось только конфисковать его имущество. Однако на этом карьера энергичного Алымбека не кончается. Как вспоминал в своей автобиографии известный кыргызский феодал Шабдан Джантаев, во время его службы при Канаате – правителе Ташкента – Алымбек в заговоре с Кыдыром, Шабдан-ходжой и другими пятью феодалами, среди которых называются также Алымкул, Худай-Назар-Датха, Дуст-Мехтар и Мад-Ибраим-Мирза, ворвались к Малля-хану и убили его в спальне. Это произошло в первых числах марта 1862 г., и с этого момента, вероятно, Алымбек и стал главным лицом в ханстве при ставленнике заговорщиков – Ша-Мураде.

На престол был возведен племянник Худояр-хана – Ша-Мурад. С воцарением Ша-Мурада Худояр-хан решил вернуть себе престол. Заручившись поддержкой бухарского эмира Музаффара, он направился на Коканд. Эмир же с частью войск, переправившись через Дарью, пошел в Каракумы и стал грабить кыргызов. Ша-Мурад из Коканда бежал, и Худояр-хан вошел в столицу. Однако Алымкул и таласский кыргыз рода найман Сарымсак-бай сумели собрать войско в основном из кыргызов, разбили возле Ассакке вышедшее им навстречу войско Худояра, а сам хан оказался

¹ ЦГА РУз, ф. 715, оп. 1, д. 25.

в долговременной осаде. За это время эмир Бухары берет Коканд, начинает грабить город, но, опасаясь возмездия и сильного отпора, бежит обратно в Бухару. Между Алымкулом и Худояр-ханом происходят эпизодические сражения. Постепенно кыргызы и кипчаки овладевают Андижаном, Маргеланом, Наманганом. В этой борьбе против Худояр-хана особенно активно проявили себя кыргызские родоправители рода найман – Сарымсак-бай, приятель Алымкула – Тавалды, исфаринские и сохские кыргызы. Кыргызские предводители во второй половине июня 1863 года провозглашают ханом малолетнего сына Малля-хана – Султана-Сеида, проживавшего в Намангане. Фактическим правителем при нем стал Алымкул.

В начале 1860-х годов, когда мулла Алымкул был еще правителем Оша, его основным соперником выступал Алымбек, ведавший управлениями кыргызов Алая. Алымкул, ставший регентом при малолетнем Султан-Сеиде, уничтожил старый ханский дворец в центре Коканда и построил другой – уже за чертой города. Опираясь в своем правлении на кочевые элементы кыргызов и кипчаков, Алымкул не без основания боялся находиться в окружении более враждебных оседлых узбеков и таджиков, заселявших город. Однако он пытался в то же время освободиться и от соперничавших с ним кыргызских и других кипчакских феодалов. В частности, с его именем прямо или косвенно связывают смерть Алымбека датки.

Точного времени смерти Алымбека источники не называют. По словам его сына, он был убит во время дворцового заговора в Коканде в 1861 г. По другим сведениям, отравлен из мести в 1863 году. Даже ходила романтическая легенда о его убийстве на почве ревности одной из подневольных женщин – кыргызок. Во всяком случае, если не хронологическое смещение, что не редкость в восточных хрониках, то об Алымбеке как начальнике г. Коканда в 1862 году и одном из советников при Шадман-ходже – опекуне малолетнего сына Малля-хана – Султана-Сеиде в 1863 г. упоминания еще имеются. В частности, историк Н. Аристов прямо пишет, что Алымбек датка был казнен в 1863 году.

После смерти супруга пятидесятилетняя Курманджан взяла все дела в свои руки и стала безраздельной правительницей Алая. Во время очередной смуты и борьбы за кокандский престол, когда Худояр двинулся на собственное ханство с бухарскими войсками,

¹⁰ Том III. В. М. Плоских

эмир Музаффар-эд-дин дошел до Оша. К нему на представление с Алая прибыла Курманджан. Эмир уже был наслышан о влиянии «царицы» на кыргызов, поэтому милостиво принимает ее и даже присваивает почетное звание датки, выдав соответствующий ярлык. Ее пасынок – старший сын Алымбека – Джаркинбай уступает мачехе первенство и довольствуется тем, что становится в 1864 году ошским хакимом.

Худояр-хан, повторно занявший в то время ханский престол, подтверждает права Курманджан на звание датки и на правление алайскими кыргызами. А вместо погибшего в одном из сражений с русскими Джаркинбая ошским хакимом назначается старший сын Курманджан датки Абдуллабек.

Таким образом, многие годы непосредственное правление не только алайскими кыргызами, но и всем ошским вилайетом осуществляют кыргызские феодалы. Сама датка пользовалась несомненным авторитетом и властью у кыргызов. Например, русский исследователь А.П. Федченко, посетивший Алай в 1871 году, впоследствии написал о том, что после смерти Алымбека Курманджан взяла всю власть в свои руки и стала самостоятельно править родом. Она «пользуется огромным авторитетом, – сообщает А.П. Федченко, – наши джигиты не говорили о ней иначе, как с великим уважением». Даже хан в случае приезда ее в Коканд принимал Алайскую царицу как важного бека¹.

Так произошло восхождение Алайской царицы на политический Олимп ханства и начался период ее жизни в роли блистательной придворной дамы Коканда. Период, увы, недолгий, сменившийся вскоре временем агонии государства и последующего его вхождения в состав Российской империи. Заслуженной славе и почету Курманджан датки в качестве подданной «белому царю» не суждено было бы сбыться, не возьми в свое время эта отважная женщина бразды правления Алаем из рук своего погибшего в неравной борьбе суженого, Алымбека датки. Тем самым наша героиня стала не только свидетелем, но одной из действующих лиц драмы гибели величайшей среднеазиатской деспотии XIX века.

¹ Федченко А.П. Путешествие в Туркестан... – С. 149–153.

Глава X

БЫТ И ВЕРОВАНИЯ КЫРГЫЗОВ ВО ВРЕМЕНА КУРМАНДЖАН ДАТКИ

И все-таки как же удалось взойти звезде Курманджан датки в исламском мире, в эпоху, когда женщина не могла даже и мечтать о славе политика и государственного деятеля?.. Найти ответ на этот вопрос вряд ли возможно без учета неповторимых национальных особенностей, которые приобрели патриархальные мусульманские традиции на кыргызской земле.

Начнем с немаловажного момента. Кыргызы стали мусульманами не за короткий промежуток времени, а в течение длительного даже в исторической перспективе периода. Начавшись в эпоху Караханидов, исламизация края усилилась во времена государства монголов, кашгарских ходжей и кокандцев. При них, а также во времена российской колонизации этот процесс получил новый импульс в основном благодаря делам и идеям сторонников специфического направления ислама – джадидизма.

В итоге коренное население нынешнего Кыргызстана исламизировалось весьма своеобразно, в соответствии со многими факторами. Во-первых, территория страны, будучи транзитным участком Великого Шелкового пути, издревле была узловым пунктом соприкосновения, взаимовлияния, взаимообогащения разных материальных и духовных культур. Последнее обстоятельство сделало Туркестан своего рода бастионом

религиозного синкретизма. Например, еще при ранних тюрках сюда проникали проповедники, миссионеры различных мировых религий: буддисты, христиане-несториане, мусульмане-суфий, представители некоторых других конфессий. Разумеется, проповедь такого числа учителей духовности не прошла даром. Она привила пастве из числа местного населения известную религиозную терпимость.

Добавим также, что кочевой образ жизни большинства кыргызских племен отнюдь не способствовал формированию в их среде постоянных институтов ислама, таких, как мечети и медресе.

Впрочем, магометанство распространялось на территории Кыргызстана неравномерно. Преобладающей эта религия была лишь в южных регионах расселения кыргызов, главным образом благодаря экспансии кокандцев. Ее влияние на культуру местного населения, особенно его быт, следует рассмотреть подробнее, поскольку именно Коканду удалось трансформировать, казалось бы, неизменную черту национальной психологии местных кочевников – неприятие земледельческого труда. Еще будучи обитателями Сибири, предки современных кыргызов унаследовали от своих ближайших соседей – ойратов и монголов – поговорку «Тот, кто пашет землю, тем самым оскорбляет лежащие в ней кости предков».

Посмотрим же, как видоизменилось под воздействием кокандских завоевателей отношение здешних жителей к земледелию. Для начала приведем любопытный пример. На исходе XVIII столетия, после падения тирании джунгар, представители кыргызского рода сарыбагышей, возвратившиеся из окрестностей Андижана в свои вотчины в Чуйской долине, не порвали связи с южными соплеменниками. Память о пребывании сарыбагышских изгнанников на юге Кыргызстана сохранилась в преданиях местного населения. Согласно этим жемчужинам устного народного творчества, записанным столетием позже российским исследователем Г. Загряжским в окрестностях Токмака, сарыбагыши, находясь еще близ Андижана, занимались не только скотоводством, но и земледелием. О том свидетельствует наличие там оросительного канала, прорытого соплеменниками кыргызского родопрародителя Тыная и названного его именем.

Переход многих кыргызов к земледелию видоизменил и другую ранее неизменную черту их национальной психологии. Если кочевники могли укрываться в неприступных горах, а начиная с 1850-х годов откочевывать в пределы России, оседлые же земледельцы, привязанные к своим пашням, вынуждены были все терпеть и сносить. Более независимые на своих отдаленных от центра кочевках и мобильные по сравнению с привязанными к пахотным участкам земледельцами кочевники, естественно, имели большие возможности для выражения своего недовольства ханами.

Именно поэтому кочевые кыргызы и кипчаки чаще всех других этносов Кокандского ханства выступали против его владык. Во всяком случае, известно, что туркестанский генерал-губернатор П. Кауфман в декабре 1875 года доносил военному министру Милютину следующее: «История Кокандского ханства представляет собой целый ряд беспрестанных восстаний кипчаков и кыргызов и борьбу государственной власти ханства Кокандского с этим беспокойным элементом его населения»¹.

Но, как показывает исторический опыт, наиболее свободолобивые народы, как правило, столь же рьяно и последовательно хранят свои национальные культурные традиции. Это делается во избежание ассимиляции с другими этносами, особенно в критические моменты, когда во главу угла ставится вопрос выживания этнической группы как таковой. Кыргызы – не исключение из этого правила. Именно кыргызский айыл с его вековыми устоями и обычаями был наибольшим препятствием на пути исламизации народа. В итоге из четырех бытовавших в Средней Азии ветвей исламского вероучения суннизма кыргызы выбрали ханафизм как направление, наиболее терпимое к языческим мифам и традициям. Что характерно, одно из требований этой школы суннитов состояло в том, чтобы обряды ислама не затрудняли привычную жизнь верующего. Распространение в регионе такого «облегченного» варианта мусульманства имело далеко идущие последствия. Окажись кыргызские кочевники в окружении исламских государств, где господствующие позиции занимали бы радикалы, история края была бы отмечена жестокими

¹ ЦГА КР, ф. и. 77, оп. 1, д. 1, л.9.

и кровопролитными религиозными войнами. Но, что для нас наиболее важно, в такой обстановке вряд ли состоялся бы феномен Курманджан датки.

Что же касается властителей Коканда, последователей совсем иной, более жесткой и непримиримой ветви суннизма, их влияние распространялось лишь на хозяйственно-административную сторону жизни кочевника и не затрагивало его духовной культуры.

Впрочем, были ли кыргызы полностью «закабалены» и в материальной сфере – вопрос спорный. Поскольку всецело в радиусе сил Коканда были лишь представители местной родоплеменной знати, входящие в систему управления ханства и бывшие его сановниками. Совсем иной статус имели феодалы, лишь номинально считавшиеся ханскими подданными. Отделенные от Ферганской долины труднодоступными горными хребтами такие удельные властители лишь терпели ханских налоговых эмиссаров. Притом местное самоуправление было автономным. Родоправители распоряжались всем по собственному усмотрению, с оглядкой лишь на обычаи и традиции предков. Разумеется, это обстоятельство отражалось и на духовной культуре.

Если же говорить о влиянии кокандцев на материальную культуру кыргызов, нельзя не отметить следующее. Прежде всего кокандское владычество существенно повлияло на традиционную для кыргызских кочевников отрасль экономики – скотоводство. Влияние ханства на скотоводческое хозяйство кыргызов нужно рассматривать в двух аспектах: во-первых, влияние на те хозяйства, которые были тесно включены в общую орбиту экономического развития ханства и находились вблизи экономических и политических центров ханства; во-вторых, на те хозяйства, которые были далеки от самого ханства, хозяйства, которые соприкасались лишь с колониальными ханскими крепостями и жили автономно в своей родоплеменной системе под началом бай-манапов.

Если в первом случае завоеватели могли вмешиваться в хозяйственную жизнь местного населения, но часто не имели возможности, то во втором подобное воздействие сказывалось лишь через налоговую систему – увеличение сбора того или иного вида скота.

Если в первом случае кокандские чиновники и ханы еще вмешивались в регулирование пользования пастбищами у кыргызов, то во втором – ограничивались лишь формальным актом признания того или иного манапа верховным правителем или родоправителем племени, а фактическое распоряжение пастбищами и регулирование процесса пастбищепользования всецело оставалось в руках кыргызских феодалов. В практике же хозяйственной жизни нередко были отдельные столкновения и отклонения от этих общих положений.

Заметим также, что между кочевниками-кыргызами и оседлым населением Ферганы нередко происходили столкновения за землю. Количественный прирост оседлого населения и устремления землевладельческой знати требовали расширения посевов, увеличения площади обрабатываемой земли, что могло происходить лишь за счет земель кочевого населения, которое само с середины XIX века начинает интенсивно переходить к занятию земледелием. Земельные конфликты переплетаются с политическими интересами различных феодальных группировок, поддерживавших с этой целью то одного, то другого претендента на ханский престол. В частности, Шир-Алихан, Малля-хан, Ша-Мурад обязаны престолом кочевым элементам. Со сменой ханов менялись и права на земли той или иной группы. В результате на один и тот же участок или земельный массив могли быть грамоты различных ханов, что вызывало постоянные споры и ссоры за землю. Как видно из прошения кыргызов Ичкиликской волости, они в Ошском уезде имели всю местность Наукет или Темир-Курук, которая им принадлежала сотни лет. «Она, – писали кыргызы, – подарена нам бывшим кокандским ханом Абдулла ханом». Позже земля перешла к пансату Беку Темир-бию (отдана в пожалование кыргызскому феодалу?). Постепенно ее заселяли сарты, с которыми при Малля-хане возник открытый спор, «Малля-хан утвердил эту землю за нами, – пишут просители, – выдав документ казиев».

Спор разгорелся при Худояр-хане, который также заставил сартов выдать расписку, что они больше оспаривать землю не будут, затем был документ от маргеланского бека и т.д., спор возник при занятии края русскими. В общем, сарты, которые к этому времени составляли уже половину населения Наукета, во-

зобновляли спор за землю при каждом удобном случае¹. Спорным в конце концов остался, видимо, только участок за Наукатом – местность Темир-Курок. В архиве хранится документ – расписка жителей селения о том, что «вышеупомянутые растительности действительно принадлежат на праве владения киргизам рода Чучука» (13 чел.)².

Такое положение наблюдалось в густонаселенных районах Ферганского оазиса. Там же, где пастбищ было больше, в предгорьях, резких споров между оседлыми жителями и кочевниками за землю не происходило. Так, земельных споров между кочевниками и оседлыми городскими жителями, по материалам кап. Медынского, в Таласской долине не возникало.

Городское население Аулие-Аты имело незначительное количество скота, и летом кыргызы ничего не имели против его выпаса на кыргызских землях. Зимой же скот содержался на стойловом корме. Летом кыргызы близко к селениям оседлых жителей не прикочевывали, и случаев потрав пашен, клевера или огородов земледельческого населения не было.

Одним из факторов влияния Кокандского ханства на хозяйственную жизнь кыргызов являлся переход части кыргызов (от обеднения и по примеру земледельцев Ферганы) в какой-то мере к оседлости. Между очагами оседлости в Фергане, между городами, селами, кыштаками кое-где встречались айылы кочевников. Правда, к чисто кочевому населению их отнести было нельзя. «Они ведут полуоседлую жизнь, которая в недалеком будущем совершенно обратит их в оседлость, – писал в 1875 г. А. Кун. – В этом случае двигателем у среднеазиатского кочевника является бедность скотом»³.

Но этот процесс перехода от кочевья к земледелию происходил еще продолжительное время. И многие десятилетия соседствовали рядом оседло-земледельческая культура и кочевое скотоводство.

¹ ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 23630, л. 15.

² Там же. – Л. 49, 52.

³ Кун А. Очерк Кокандского ханства // Известия РГО. – Т. XII. – 1896. – С. 62.

Кокандцы поощряли кыргызов к закреплению за одним каким-то местом, образованию оседлых или полуоседлых кыштак-ков. Кыргызы попадали под постоянное внимание и контроль ханских чиновников, зимовки привязывали их к определенным местам и в случае бунтов, возмущений, восстаний кыргызы оказывались в окружении кокандцев.

Скотоводство также поощрялось кокандцами, поскольку войску нужна была конница, а оседлому населению – мясо для питания. Поощрялись коневодство и овцеводство: коневодство давало для войска и хороших всадников – кыргызы преимущественно призывались в конницу ханства и составляли добрую часть его наиболее подвижного войска. В ханстве имелся даже особый Алайский отряд. Конники, рядовые которых назывались джаван, должны были являться на своих лошадях.

В одном из кокандских документов о записи конников в войско было такое поручение ответственному за это дело: «Перепиши достоверно в каждом кишлаке людей состоятельных и сильных юношей (искусных наездников), в козлодрании (бузкаши), подданных (фукара), буде (у них) лошади хорошие, быстрые». В списках будущих воинов отмечалась даже масть лошадей, на которых они являются. Для кокандцев отношения с кыргызами выражались не столько в закреплении за собой их территорий, пастбищ, но и в привлечении кыргызов со скотом в свои пределы, ибо налог взимался со скота. В 1859 г. кокандцы, собрав налог – зякет – со скота у бугинцев, пообещали поставить на р.Тюп курган для защиты их от сарыбагышей, но предлагали бугинцам спуститься с Текеса на прежние их кочевья – в Прииссыккулье¹.

«Довольно свободно чувствуя себя летом в неприступных горах, кыргызы на зимовки вынуждены были спускаться вниз и здесь предаваться во власть кокандских гарнизонов, «которые их тогда грабят», – сообщал казах К. Бедегиев, бывший в 1834 г. в плену у кыргызов².

¹ ЦГА РК, ф. и. 3, оп. 1, д. 47, л. 7.

² *Троицкая А.Л.* Несколько документов по военному делу из архива кокандских ханов XIX века // Восточный сборник. Вып. 3. – М., 1972. – С. 139–140.

Большие перекочевки кыргызов были связаны, кроме поисков лучших пастбищ, также со стремлением избежать опасного давления и гнета кокандцев. Манап Джантай, кочевавший в Чуйской долине в 1863 г., опасаясь угрозы кокандцев, намеревался перекочевать в сторону Кунгей-Ала-Тоо и обращался к русским властям, что если они предоставят ему во владение урочище Кебень, то он откажется от Кунгея. Просьба была обусловлена тем, что, откочевав традиционно на Кунгей, он попадал в это время на кокандскую территорию и становился, таким образом, кокандским подданным и ханским должником, а получив разрешение на урочище Кебень, оставался российским подданным.

Откочевки ханы стремились пресекать как крутыми мерами наказания, так и привлечением кыргызских феодалов подарками. В одном из писем от имени кокандского хана кыргызские манапы Джантай и Байтик приглашались «со всеми своими волостями и стадами» перекочевать в пределы ханства. Для их привлечения был послан с подарками Койчи, сам кыргыз из рода карабагыш¹.

Отдельные авторы считали, что линия построенных кокандцами укреплений от Ташкента до Алма-Аты являлась результатом хорошо продуманного плана военно-хозяйственной экспансии против кочевников, что благодаря этим крепостям кокандцы отрезали кочевую степь от горных летовок и поставили кочевников в зависимость от кокандских гарнизонов².

Нам кажется это положение в принципе неверным. Во-первых, линия крепостей не пересекала кочевые пути из степи в горы, а проходила как бы параллельно им, так как ее даже условно можно назвать пограничной казахско-кыргызским кочевьям. Во-вторых, их цель заключалась не в пересечении путей, а в сборе зякета, для чего крепости основывались в местах сосредоточения зимовок кочевников. В-третьих, крепости и «колонизация» не влияли и не вмешивались во внутреннюю хозяйственную жизнь.

Итак, рассмотрев вопрос о влиянии Кокандского ханства и кокандской колонизации на хозяйственную жизнь кочевников

¹ Троицкая А.Л. Несколько документов... – С. 109.

² Современный аул Средней Азии (Социально-экономический очерк). – Вып. VIII. – Ташкент, 1927. – С. 10.

и скотоводство, можно сделать вывод, что это влияние было минимальным. Каких-либо существенных изменений в многовековом традиционном скотоводческом хозяйстве кыргызов в составе Кокандского ханства или от зависимости от него не произошло. Разумеется, это также не способствовало распространению среди кыргызских кочевников кокандского варианта суннизма.

К слову, кыргызы, с точки зрения формального соблюдения исламских обычаев, производили не лучшее впечатление на многих российских путешественников. К примеру, Чокан Валиханов в своих трудах пишет: «Все дикокаменные киргизы исповедывают мусульманскую религию или, лучше, называют себя мусульманами, не зная ни догматов веры, ни ее требования. Все обряды их и поверья до сих пор сохранили полный оттенок шаманизма, имеют в этой орде большой почет, мананы гордятся этим титулом (шамана. – *Прим. В.П.*). Нынешний предводитель сарыбагышей Умет-Али имеет это почетное прозвище». В этом же духе высказался относительно религиозности кыргызов географ-исследователь середины XIX в. М.И. Венюков: «...вероучение ислама этот народ знает очень плохо или даже вовсе не знает. Они поступают прямо против закона, не опасаясь за греховную жизнь наказаний в будущем».

Предводители племен и родов в своем отношении к исламу особо не отличались от сородичей, а иные даже своевольно обращались с основными канонами религии. Из южных кыргызских предводителей племен особо выделялся в этом плане Алымбек датка – личность, равноценная Ормон-хану. Будучи на службе при кокандском дворе, он играл одну из ключевых ролей в политической жизни ханства. Понятно, что он в большей степени, чем другие политические лидеры кыргызов, был приверженцем ислама. Его деятельность отмечена строительством мечетей и медресе и радением за просвещение народа. В Ак-Медресе в г. Оше, построенном на его средства, ежегодно обучались 120 детей за его счет, здесь преподавали исламские ученые муллы из Бухары, Самарканда и Хивы. Однако в его родовой ставке, на Алае, дела обстояли иначе. В связи с этим Г.Е. Грум-Гржимайло, современник Курманджан датки, в своих путевых заметках подчеркивал: «Магометане они очень плохие, религию игнорируют, кажется, вовсе и за обряды принимаются только тогда, когда аул посещает ходжа».

Следует также заметить, что «облегченная» суннитская теология ислама ханафитского толка позволила кыргызам принять новую веру, приобщиться к исламской цивилизации с сохранением своей этнической самобытности, традиций, обычаев и ритуалов. Принятие кыргызами ислама как основной религии во многих отношениях не противоречило их древним верованиям и этическим нормам. Здесь произошло своеобразное слияние исламской религиозно-идеологической системы с языческой религиозно-философской системой. Сходство в способе производства, образе жизни и быте, а также этических норм арабов-кочевников и кочевников-кыргызов способствовало в определенной мере неотторжению последними ислама как философской, идеологической и этической системы.

Как уже говорилось выше, ислам суннитского толка, распространившийся среди кыргызов, в дальнейшем был изрядно приспособлен к местным обычаям и обрядам. В свою очередь, это способствовало централизации и структурированию на более высоком уровне языческих культов и верований, общественной идеологии в целом, вобрав их в себя как подчиненные элементы.

Вопреки установлениям исламской религиозной доктрины и осуждению мусульманскими муллами кыргызы сохранили многие элементы язычества в культурной ткани общества как доминирующие факторы общественной жизни.

Издравле высшим божеством центральноазиатские кочевники, в том числе и кыргызы, считали Тенгри (Небо). Как отмечают современные ученые, тенгрианство – религия, в которой заложено высшее жизненное начало для кочевников. Тенгри – создатель духовной бесконечности, предназначавший судьбу людей. Он – источник всех творений мира, его присутствие ощущается во всех явлениях, видимых и невидимых. Неудивительно, что кыргызы до сих пор обращаются к нему: «Теңир колдосун» («Пусть благословит Тенир»), «Теңир урсун» («Пусть покарает Тенир»), «Теңирим күбөө» («Свидетель Тенир») и т.д.

Наряду с культом поклонения Тенгри у кыргызов было широко распространено почитание Жер-Суу (Земли и Воды) – прародительницы и источника жизни, Огня – хранителя семейного очага, обладателя очистительной силы. Жер-Суу приносили

жертвы два раза в год – с приходом весны и началом окота скота и поздней осенью – во время подготовки к зиме. До сих пор многие кыргызы, пережившие природные катаклизмы (землетрясения, наводнения, засухи и т.п.), совершают обряд Жер-Суу таюу – жертвоприношение Земле и Воде.

Фетишизация предметов окружающей среды, почитание природы отражались и в поклонении духам – хозяевам гор, родниковых источников, озер, камней, деревьев и т.д. У кыргызов они являлись элементом мусульманской религии и имели форму почитания освященных исламом мест.

Органично вплелся в ткань ислама и кыргызский шаманизм, ибо действия местных бакши не противоречили исламской мистической традиции. Кроме того, среди мулл-миссионеров, несших ислам кочевому кыргызскому населению, было много монахов-суфиев и мусульманских дервишей. Считалось, что они, помимо знания текста Корана, как и кыргызские бакши, обладали магическими способностями изгонять нечистую силу, излечивать людей от различных болезней.

В жизни общества кочевников безусловно была велика роль мужчины, однако кыргызы, как и другие кочевые народы, особо не культивировали главенство мужчины над женщиной.

Почитание женщины у кыргызов является давней традицией. Оно начинается с культа праматери Умай-эне – супруги языческого верховного бога Тенгри. До сих пор кыргызки-знахарки при лечении младенца свои действия начинают словами: «Менин колум эмес – Умай эненин колу» («Не моя рука, а рука Умай-эне»). Кыргызы в героическом эпосе «Манас» позволили главному герою Манасу потерпеть поражение в личном поединке лишь один раз – от Сайкал, женщины. Жаныл Мырзе – девушке, ставшей предводителем рода благодаря силе, меткости, отваге и прозорливости, посвящен отдельный эпос.

Директор Петербургского ботанического сада В.И. Липский, побывавший в Кыргызстане в 1903 г., писал, что женщины едва ли уступают в верховой езде мужчинам и «ни у одного мусульманского народа женщины не пользуются такой свободой, как киргизка». Действительно, женщины-кыргызки в определенных условиях имели право на голос и в решении многих

общественных проблем. Ярким свидетельством того является жизненный путь и общественная деятельность Курманджан датки – «царицы Алая». Во-первых, она, несмотря на предписание Корана, возражение родителей и осуждение окружающих, ушла от нелюбимого мужа и вышла замуж за любимого человека. Во-вторых, после смерти мужа Алымбека датки она приняла бразды правления на Алае, а затем получила и титул датки от бухарского эмира – «опоры и оплота ислама на земле». В-третьих, благодаря ее мудрости, дальновидности, дипломатичности и авторитету в тяжелейший, судьбоносный период истории кыргызов на Алае сохранялся порядок: было остановлено бессмысленное, разорительное противостояние многократно превосходящим русским войскам, не допускались междоусобицы и набеги. И хотя признание ее авторитета кокандцами и русскими было продиктовано геополитическим положением ее вотчины – Алая, в дальнейшем в их взаимоотношениях немалую роль сыграли и ее личные качества.

Материалы анализа общей религиозной обстановки среди кочевников- кыргызов не позволяют утверждать, что Курманджан датка была одной из не очень строгих последовательниц предписаний ислама, как и значительная часть ее сородичей и соплеменников. Судя по ее действиям, поведению и продвижению на политической арене, она была истинной верующей, знающей тонкости Корана и шариата. В противном случае почти в одиночку и в условиях тех лет она не смогла бы расторгнуть свой брак, никогда бы не получила благословения на властвование от бухарского эмира и кокандского хана, считавших себя «опорой ислама» в регионе. Косвенно подтверждает ее религиозность и то, что она на многих фотографиях не смотрит прямо в объектив, т.е. поступает согласно предписаниям ислама.

Однако принятие кыргызами-кочевниками ислама суннитского толка сыграло значительную роль в формировании личности Курманджан датки как предводителя племени и политического деятеля с одновременным сохранением величия и достоинства женщины-матери.

Предание гласит: когда Курманджан датку пригласили на прием к генерал-майору М.Д. Скобелеву, она проехала на своем

иноходце по ковровой дорожке до места, где стоял русский генерал. На вопрос: «Почему не пешком, как принято в таких случаях?» – она ответила: «Я мать, а матери не к лицу ходить пешком при сыновьях!». В этом поступке и ответе явно просматривается сущность своенравной, вольнолюбивой, гордой кыргызки, властительницы, не отягощенной никакими условностями. Так произошел один из забавных и во многом поучительных эпизодов встречи двух разных цивилизаций, поначалу чуждых друг другу культур. В следующих главах нашей книги мы будем еще не раз акцентировать внимание на самобытности культурной среды кыргызского этноса, проследив на примере жизни Алайской царицы процесс постепенного вхождения кыргызов в единое цивилизационное пространство Российской империи.

Глава XI

НРАВЫ И МОРАЛЬ ХАНСКОГО ДВОРА КОКАНДА ВРЕМЕН КУРМАНДЖАН ДАТКИ

Как известно, до Алайской царицы еще ни одна женщина в Туркестане не удостоивалась титула датки. Но вспомним, при каких обстоятельствах Курманджан стала родоправительницей. Потеряв мужа, она была вынуждена взять в свои руки бразды правления Алаем.

Итак, Алымбек датка летом 1862 года погиб во время очередного дворцового переворота. Напомним историю гибели этого героя. В 1847 году один из представителей и наследников бывших теократических правителей Кашгара Ходжа-Тюре решил воспользоваться недовольством народных масс Синьцзяна китайским господством и возглавить восстание. Его поддержали всегда принимавшие живое участие в судьбе своих соплеменников, оказавшихся за границей под игом манчжурских феодалов, алайские кыргызы во главе с Алымбеком. Движение было организовано вопреки воле кокандского хана, даже в противовес его внешнеполитическим интересам. Но именно потому кыргызы и выступили активной силой и пошли на помощь синьцзянским повстанцам.

Восставшие действовали успешно, даже отбили у китайцев Кашгар. Но вскоре местные цинские власти получили подкрепление, и восставшие вмес-

те с Алымбеком, да и сам Ходжа-Тюре вынуждены были бежать. Они нашли укрытие опять-таки в кочевьях Алая. Из Кашгара в холод, спасаясь от голода, потянулись в Фергану беженцы-повстанцы – уйгуры, кыргызы. На перевале Терек-Даван их застигла снежная буря, гибли женщины и дети. Имущество беженцев было брошено или разграблено. Немногие уцелевшие и достигшие Оша вынуждены были продавать здесь своих детей, чтобы добыть пропитание и не умереть с голоду¹.

По возвращении Алымбек организовал заговор против Худояр-хана в пользу его старшего брата Малля. Для этого он спускается с Алая к Ошу и Узгену. Переворот был успешным. На престол взошел Малля-бек, который правил в период с 1858 по 1862 год. Худояр спасается бегством в Бухару. Все сохранившиеся до наших дней письменные свидетельства главную роль в этих событиях отводят южным, в первую очередь ошским и алайским, кыргызам. Малля-бек, читаем в одном из информационных сообщений, направленных в это время в Россию, «с помощью каменных вообще киргиз напал на Коканд и овладел этим городом»².

Именно в это время политическая власть в ханстве практически перешла в руки Алымбека и кыргызских феодалов, выказывавших свое рвение в соперничестве с кипчакскими. После же взятия и разрушения русскими с помощью кыргызских повстанцев в 1860 году крепостей Пишпек и Токмак Алымбек датка выступает в Чуйскую долину по распоряжению Малля-хана с кокандским войском. Оно насчитывало 7 пансатов и андижанский отряд. Дорога алайца шла через Центральный Тянь-Шань, в Куртке и Кетмень-Тюбе Алымбек увеличил свое войско до 12 тысяч. Воинское формирование составляли в основном конники. Пехотинцев было тысяча человек. В Чуйской долине войска Алымбека встретились с подошедшими другим путем к Пишпеку кокандскими отрядами под началом ташкентского наместника кыпчака Канаат-шаа. Два феодала-соперника не сумели поделить верховную власть, ни один не хотел признать над собою главенства другого. Поэтому,

¹ Ювачев И. Курбаджан-датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. – СПб., 1907. – № 12. – С. 964–965.

² ЦГА РК, ф. и. 3, оп. 1, д. 167, л. 14.

¹¹ Том III. В. М. Плоских

когда Канаат-шаа выступил против русских в Узун-Агаче, Алымбек задержался и не поддержал его. Сказалось, видимо, здесь не только личное соперничество, но и нежелание Алымбека со своими кыргызами воевать против русских, которых к тому же поддерживали семиреченские кыргызы, а иссык-кульские еще ранее, в 1855 г., приняли добровольно российское подданство. Дело закончилось тем, что Алымбек не вступил в сражение и увел свои войска.

Понятно, что после этих событий Алымбек впадает в ханскую немилость, оставаясь, правда, еще по-прежнему хакимом Андижана и округи (надо полагать и города Оша). Когда на следующий год Малля-хан решил было возобновить поход против русских, кыргызы наотрез отказались выступить. Тогда хан послал джигитов арестовать Алымбека, но тот успел бежать в горы за Гульчу, и удалось лишь конфисковать его имущество. Вскоре алайский родоправитель организует новый заговор против хана. По словам летописца Муллы Нияза, кыргызские феодалы Алымбек и Кыдыр, тюрк Худай Назар «в согласии» с кыргыз-кипчаком Алымкулом организовали заговор и 24 февраля (в русских источниках указывается март) 1862 г. убили Малля-хана¹. На престол возводится один из внуков Шералы – хан Ша-Мурад. Алымбек становится первым лицом – главным визирем ханства.

Но вскоре Алымкулу удалось оттеснить кыргызов и в разное время физически расправиться с Алымбеком, Кыдыром и другими крупными кыргызскими феодалами. В одном из донесений начальника Алатавского округа Г. А. Колпаковского к сибирскому корпусному командиру от 25 июля 1862 г. сообщалось о занятии при помощи бухарского эмира кокандского престола Худояр-ханом и что при этом «многие из лиц, умертвивших хана Малля, были казнены, в том числе убит черню и знаменитый Алымбек»².

Супруге Алымбека, Курманджан, шел в то время уже 52-й год. Будучи женщиной почти преклонного возраста и к тому же многодетной матерью, она также не имела ни малейшего опыта управле-

¹ *Мулла Нияз Мухаммед бен Ашур Мухаммед. Тарих-и Шахрухи (История владетелей Ферганы)/Изд. Н.Н. Пантусова. – Казань, 1885. – С. 108 (Рукописный перевод источника любезно предоставлен В.А. Ромодиныным).*

² ЦГА РК, ф. и. 19, оп. 1, д. 167, л. 14.

ния провинцией, склонной к смутам и мятежам. Нетрудно представить себе, что творилось в тот момент на душе безутешной вдовы. Но интересы своего рода наша героиня поставила превыше эмоций: скорее всего, она понимала, что пустующий престол родоправителя для алайских кыргызов вполне мог означать потерю независимости. Так, не успевшая прийти в себя от удара судьбы жена опального датки заняла его место. Но вскоре водоворот событий вынес Алайскую царицу на вершину ее политической карьеры.

А в это время шла борьба за ханскую власть в Коканде. В 1862 году в ней победил Худояр. Нелишне упомянуть обстоятельства, при которых пришел к власти этот во многих отношениях незаурядный политик. Известно, что он пришел к власти при поддержке своего регента, кипчака Мусульманкула. Последний убил Мурад-хана, процарствовавшего в Коканде лишь 11 дней. К моменту своего возведения на престол Худояру было всего 16 лет.

По данным биографии новоиспеченного владыки Коканда, приведенной впоследствии в российском «Ежегоднике Ферганской области»¹, «отец Худояр-хана, Ширали-хан, до завладения престолом Кокандского ханства, жил среди киргизов Наманганских гор».

Отрезанный от Бухары, Худояр-хан принял (1868 г.) предложенный ему генерал-адъютантом фон-Кауфманом торговый договор, в силу которого русские в Кокандском ханстве и кокандцы в русских владениях приобретали право свободного пребывания и проезда, устройства караван-сараев, содержания торговых агентств (караван-баши), пошлины же могли быть взимаемы в размере не более, превышающем стоимость товара. Коммерческое соглашение с Россией 1868 года фактически сделало Коканд зависимым от нее государством.

В течение нескольких лет правитель Кокандского ханства Худояр послушно исполнял волю туркестанских властей. По настоянию Кауфмана, в период с сентября 1869 года по март 1870-го он прекратил военные действия против Бухары из-за спорных территорий Каратегина, выслал в Ташкент шахри-сабзских беков, бежавших в Коканд после поражения в борьбе

¹ Домашняя жизнь последнего владыки Коканда / Ежегодник Ферганской области. – Т. 2. – Новый Маргелан, 1903.

с отрядом генерала Абрамова, а в августе 1870-го передал управление Шахрисабзским оазисом бухарским вельможам.

В 1871 г. Кауфман уверенно сообщал в Петербург, что Худояр отказался «от всякой мысли враждовать с нами или прекословить нам». Хану даже вручили бриллиантовые знаки ордена св. Станислава I степени и титул «светлости». Русский дипломат Струве в мае 1870 г. писал, что Худояр «строит дворцы, базары, караван-сарай, разводит сады, задает большие пиры для угощения народа»¹. Аналогичная идиллия изображена в одной из публикаций российского журнала «Нива» в 1873 году². В ней, в частности, указано: «Худояр-хан действительно внес мир в утомленную и разоренную страну. Он примирил все партии, вступил в дружеские сношения с туркестанским генерал-губернатором, разрешил полную свободу торговли русским купцам в своей стране и оказывает им постоянно помощь и защиту. Он старается развить благосостояние своей страны, проводить огромные арыки (ирригационные каналы), построил превосходный крытый базар в Коканде и караван-сарай во всех значительных городах ханства. Хан внимательно присматривается к европейским порядкам и старается усвоить некоторые внешние приемы европейской цивилизации. Он выписал из России для омеблирования некоторых комнат своего роскошного дворца зеркала, столы, кресла и другую мебель, завел экипажи (несколько колясок), разные предметы роскоши, напр. столовые и стенные, весьма дорогие часы, канделябры, люстры и т.п. Эти по-европейски убранные комнаты дворца служат для приема посетителей-иностранцев, т.е. русских». Далее автор публикации с умилением констатирует: «В обыденной жизни своей хан, конечно, не отрешился еще от своих азиатских обычаев и привычек, чего, разумеется, мы не вправе требовать от него»³.

Эта идиллическая картина имела мало общего с действительностью. На побережье Сыр-Дарьи в ее среднем и нижнем течении,

¹ ЦГА РУз., ф. 361, оп. i, д. 2366, л. 28.

² Нива. – 1873. – № 18. – С. 276-279, 285.

³ Там же.

между Ташкентом, Аулие-Атой, Пишпеком и другими городами, резко сократились налоговые поступления в ханскую казну. Естественно, и сам правитель, и его приближенные пытались возместить потери за счет оставшихся подданных и совершенно разорили их поборами.

Широкое распространение получил насильственный сгон крестьян на работы, причем методы применялись весьма суровые. Так, земледельцев, не пришедших в страду на прокладку ханских арыков, живьем закопали в землю. В ханстве были введены самые невообразимые налоги. Например, налоги на камыш, степные колючки, пиявок, которых вылавливали в прудах... В дополнение ко всему не получавшие жалования воины-сарбазы просто грабили население, отбирая все, что понравится. Востоковед А. Кун в начале 1870-х гг. особо подчеркивал на заседании Географического общества, что в Коканде глубоко «пустила корни болезнь всеобщего недовольства против хана и его приближенных». Кауфман неоднократно предупреждал Худояра о пагубности его курса, но тщетно.

Весной 1873–1874 гг. в Кокандском ханстве неоднократно вспыхивали мятежи, однако хану удавалось кое-как с ними справиться. Нередко повстанцы обращались за помощью к русским властям, но всегда получали отказ. Весной 1875 г. против Худояра поднялась даже кокандская знать: во главе заговора встали: сын некогда всесильного регента Мусульманкула Абдуррахман Автобачи, мулла Исса-Аулие и брат хана, правитель Маргелана Султан-Мурад-бек. Им удалось также привлечь на свою сторону наследника престола Насреддин-хана.

15 июля 1875 г. в Коканд прибыл русский посол Вейнберг в сопровождении ехавшего в Кашгар М. Д. Скобелева и конвоя из 22 казаков. Два дня спустя пришло известие, что мулла Исса-Аулие и Абдуррахман Автобачи, направленные во главе 4-тысячного войска против восставших киргизов, объединились с мятежниками. Предводитель киргизов Мулла-Исхак объявил себя дальним родственником хана Пулат-беком. На сторону заговорщиков перешел и сын хана Насреддин, находившийся с 5-тысячным войском в Андижане. Города Ош и Наманган открыли им ворота. 20 июля стало известно, что мятежники без боя вступили в Маргелан, что всего в 77 км от Коканда, а мулла Исса-Аулие призвал народ

к газавату против русских и их пособников. Вейнберг сразу же направил генералу Головачеву письмо, в котором описывал ситуацию и просил выслать для защиты хана отряд из Ходжента.

В ночь на 22 июля мятежники подошли к Коканду. Половина ханского войска сразу же перешла на их сторону вместе со вторым сыном Худояра Мухаммед-Алымбеком. Утром начались волнения среди горожан. Худояр решил укрыться под защитой российских властей. Во главе 8-тысячного войска с 68 пушками и караваном, груженным сокровищами из казны, он двинулся по дороге в Ходжент. Вместе с ханом отправилось и русское посольство: Вейнберг, Скобелев, 22 казака, 9 купцов и 6 казахов-караванщиков. В шести километрах от Коканда хан остановился, чтобы дать бунтовщикам бой, но все его войско по примеру прочих перешло на сторону противника. С Худояром осталась лишь его свита численностью примерно в 500 человек, да русское посольство. Подвергаясь постоянным нападениям восставших, маленький отряд к вечеру 23 июля смог добраться до территории, контролируемой русскими войсками, а на следующий день прибыл в Ходжент.

После бегства Худояра восстание охватило все ханство. Вскоре власть в Коканде захватила аристократически-клерикальная группировка, ориентированная на Англию. Пророссийски настроенный Худояр-хан был свергнут и бежал. Цветущая Ферганская долина, древние города Наманган, Маргелан и Коканд стали ареной ожесточенных боевых действий.

22 августа русские войска вступили в район Махрама и под личным руководством наместника разбили повстанцев. Довольно легкая победа была определена нежеланием основной массы простого народа сражаться против русских за права своих же эксплуататоров. Поэтому кокандские войска при первом же столкновении пустились в бегство. После поражения новый хан Насреддин с делегацией прислал туркестанскому наместнику сообщение о своей капитуляции. Кауфман быстро ввел войска в Коканд и, сохранив престол за Насреддином, пересмотрел границы Кокандского ханства. Он урезал часть земель ханства, а Наманганское бекство присоединил к Туркестану под видом Наманганского отдела, начальником которого был назначен М.Д. Скобелев. Тем самым были отодвинуты границы от Ташкента со 100 до 250 верст, а также укреплены позиции в горной Киргизии.

Правителем провозгласили Насреддина. Разумеется, ни о каком снижении налогов он и не думал, но решительно обвинял во всех бедах русских и сразу же заявил о необходимости восстановить ханство в его старых границах от Ак-Мечети, с одной стороны, и до Пишпека – с другой. Российская администрация прекрасно понимала, что в сложившейся ситуации промедление «смерти подобно». Уже 23 июля уездный ходжентский начальник Нольде посадил 50 солдат 7-го Туркестанского линейного батальона на реквизированных у населения лошадей и выслал эту импровизированную кавалерию к пограничной крепости Махрам. Вслед за этим отрядом двинулся весь батальон и дивизион 2-й артиллерийской батареи под общим начальством полковника Савримовича. Именно приближение этих сил к границе заставило мятежников отказаться от преследования хана и посольства.

Бухарский эмир Музаффар видел в Оше Курманджан и удостоил ее высшего звания – датка. По словам Х. Бобобекова, «... с этого момента слава Курманджан сделала ее признанным лидером кыргызов Алая и Гульчи. Кудаяр-хан с целью привлечь ее на свою сторону прислал ей грамоту о присвоении звания датки. Таким образом, Курманджан была дважды удостоена титула датки»¹. А в начале 1876 года Кауфман срочно выехал в Петербург. Там он 3 февраля в обход всех административных инстанций получил от самого императора Александра II санкцию на упразднение Кокандского ханства и присоединение его к Российской империи как составной части. 19 февраля 1876 года был обнародован указ о ликвидации Кокандского ханства и о включении его территории в состав Российской империи в качестве Ферганской области Туркестанского края. Так была закрыта очередная страница истории кыргызов и политической биографии родоприветельницы Алая – Курманджан датки.

¹ *Бабаджанов Б. М.* Кокандское ханство: власть, политика, религия. – Токио–Ташкент, 2010. – С. 127.

Глава XII

ОШ В ДРЕВНОСТИ И ВО ВРЕМЕНА РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Повествуя о жизни Алайской царицы, нельзя не побойти вниманием «жемчужину» Кокандского ханства – Ош. С этим городом у родоправительницы связано многое, особенно годы ее блестящей политической карьеры.

Если театр, как говорят, начинается с вешалки, то начинать рассказывать о достопримечательностях «южной столицы» лучше с Сулайман-Тоо. Эта гора искони была символом древнего города. Она нераздельно связана с его историей, подобно тому, как Кремль является частью Москвы или, например, Биг-Бен – «визитная карточка» Лондона. Разница лишь в том, что святыня Сулаймана намного их древнее.

В течение трех с лишним тысяч лет удивительная возвышенность служила местным жителям святилищем. Вначале зороастрийским, а многими веками позже – местом поклонения мусульман. С распространением ислама на территории Кыргызстана гора получает имя пророка Сулаймана и по сей день называется «Меккой» Центральной Азии. Сюда постоянно стекаются из различных уголков мусульманского мира паломники. Наскальные рисунки и петроглифы, сделанные древними художниками, дают богатую информацию по истории и религиозным верованиям древних жителей Ошского оазиса и всей Ферганской долины. Ошане верят сказкам о чудодейственной силе Сулайман-Тоо, они помнят

цельный ряд легенд, мифов и сказаний о ней. Каждый день на вершину Сулайман-Тоо поднимаются сотни людей, чтобы совершить традиционные церемонии, ощутить величие природы.

Добавим, что уникальна даже форма Сулайман-Тоо. С севера она напоминает по своим очертаниям лежащего на спине бородатого старика с согнутыми коленями. А с юга она похожа на сияющую обнаженную красавицу, чьи руки нежно подпирают упругие груди.

По мнению ученых, именно символическое изображение человека-горы представлялось древним людям как сверхъестественное явление. Гору начали обожествлять как могучую покровительницу людей, защитницу от природных стихий. А в результате возникновения зороастризма гора стала святилищем. Примечательно и название ошской горы. По преданию, великий шах Бабур в своем сочинении «Бабур-наме» называет Сулайман-Тоо «Бара-кухом». Многие ученые перевели это слово как «Красивая гора». Однако и в персидском, и в арабском словарях слово «бара» в значении «красивая» отсутствует. Поэтому отдельные ученые склонны читать слово «бара» как «бугра» в значении «верблюд». Другими словами, «Бугра-кух» – «Верблюд-гора». Подтверждением этому могут служить похожая на верблюда конфигурация Сулайман-Тоо, а также название реки Ак-Буура – Белый верблюд.

Мусульмане же величали ошскую гору всегда на свой манер Сулайман-Тоо, а иногда просто Тахты-Сулайман. В унисон звучит название Сулайман-Тоо в путевых записках кабульского купца Мехти Рафайылова (1812), английского путешественника Мир Иззет Уллы (1813) и русского дипломата Ф. Назарова. Под названием Сулайман-Тоо без никакого изменения указана ошская гора в знаменитом труде А. Н. Бернштама «Древняя Фергана». Исходя из этого историческое название горы в настоящее время обозначается как исконно Сулайман-Тоо.

Следует также добавить, что на Великом Шелковом пути Сулайман-Тоо всегда была хорошим ориентиром. Торговцы устраивали у подножия горы ночевку, отдыхая на лоне природы Оша. Ночевка здесь для многих была необходимостью, поскольку впереди путников ждали горные перевалы.

Так Ош «неверных» – зороастрийцев и поклонников местных шаманских культов – постепенно становился святым городом мусульман. Потребовались века, чтобы на смену языческим легендам и обрядам, практиковавшимся на склонах горы, пришли новые исламские легенды, сказания, мифы. В них рассказывалось о жизни Адама, а также о сонме мусульманских пророков, например, Джабрайыле, Мухаммеде, Сулаймане, Асафе ибн Бурхии и многих других. Все это продолжалось вплоть до наступления советской власти.

Кроме того, Ош всегда был центром науки, образования и культурных связей. По некоторым источникам, на базе нескольких медресе была собрана большая книжная библиотека. В учебных заведениях города наряду с теологической литературой рекомендовались для чтения книги Хафиза, Физули, Навои, Бедия и многих других классиков восточной литературы. Достаточно назвать в этой связи имена великих ошских поэтов, ученых-правоведов и толкователей религиозных предписаний Али Мансура аль-Оши (XI в.), его сыновей – Имрана и Масуда, Омора ибн Муса аль-Оши (XI в.), Мухаммеда ибн Ахмала аль Оши (XII в.). Эти и другие знаменитые средневековые ученые-просветители и поэты были известны далеко за пределами своего края, читали лекции в лучших теологических заведениях Багдада и Бухары.

Один из таких выдающихся мыслителей средневековой «южной столицы» был Али ибн Осман аль-Оши (умер в 1179 году н. э.). Он написал такие известные произведения, как «Касида Бадул амалий», «Фатво Сирожия», «Савокибул Ахбор», «Гуруарул Ахбор», «Нисабул Ахбор» и другие. Ссылаясь на комментарий известного Санкт-Петербургского востоковеда А. Б. Халидова, участвовавшего в поисках старинных рукописей и книг на юге Кыргызстана, современные ученые В. Галицкий и В. Плоских писали о нем: «Как видно из арабских надписей на надгробных плитах-кайраках и из средневековых рукописей, из Оша происходят видные для своего времени мусульманские законоведы. Одним из них был Али ибн Осман, носивший прозвище Светоч веры, – автор сборника юридических и бытовых норм, а также судебных решений. Ему же принадлежат «Книга лучших известных и стихотворных жемчужин», сборник «Тысяча хасидов».

Книги Али ибн Османа «Касида Бадул амалий» и «Фатво Си-рожия», как в прошлом, так и сейчас, используются как программные учебники во всех теологических заведениях исламского мира. Произведения неоднократно печатались в типографиях Казани и Стамбула, широко распространялись в рукописных вариантах. Первая из них переведена даже на английский язык. Эти факты лишний раз свидетельствуют о том, что народы Ферганской долины – кыргызы, узбеки, таджики – руководствовались в прошлом сходными нрав-ственными нормами, располагали общим научным багажом, читали одних и тех же авторов и выражали общие идеи. Подтверждением тому может служить творчество Захириддина Бабура и ошских поэтов Шамсетдина Узгенди, Худжаназара Оши, Зыйнат, Самар Бану, Молдо Нияза. Ученые считают, что Зыйнат – псевдоним Курманджан датки. Уже в наше время вновь открытые источники и основанные на них публикации позволяют утверждать, что сочинения названных поэтов приобретают ныне популярность как в Кыргызстане, так и среди других народов Центральной Азии. Да и сама Сулайман-Тоо в 2010 году была номинирована в Каталог памятников мирового значения ЮНЕСКО и признана одним из культурных объектов мира, рекомендованных для туристических круизов. Там же, у подножия священной горы, впоследствии были захоронены останки горной царицы Курманджан. Но не будем опережать события, начнем по порядку...

Вернемся к событиям 200-летней давности. Чем тогда прежде всего был Ош для грозных ферганских владык? Вожделенным пунктом, обладатель которого обретал влияние над огромным регионом – важным участком Великого Шелкового пути.

Так, начиная с 60-х годов XVIII века правители Коканда, пытаясь расширить его территорию за счет южнокыргызских земель, обращали свои алчные взоры на город Ош. В ряде источников вскользь упоминается о том, что правителем города был феодал Хаджи-бий. Он считался главой большого кыргызского рода адыгине в составе племени ичкилик. Это было крупное родоплеменное объединение в Южном Кыргызстане, расселявшееся по Алаю и в Приферганских горах, кочующее также

в ошской округе. В его состав входили как многочисленные «пришельцы», так и местное кыргызское население, издревле проживавшее на территории Памиро-Алая¹.

Будучи правителем Оша, Хаджи-бий, как явствует из восточных источников, мог выставить «200 тысяч людей орды буратов, рассеянных от Бухары до Востока»². Эти данные (даже если цифры преувеличены) косвенно свидетельствуют о том, что город Ош имел важное политическое значение в Фергане в середине XVIII века. Большую роль в тот период играл и другой кыргызский родоправитель из ичкиликов Кубат-бий (или Ковад-мирза), который был, как сообщали бухарские хроники, «сподвижником и опорой Ирданы» – кокандского правителя. Сначала союзник, затем заподозренный в измене, он неожиданно покинул Ирдану-бия, чем обрек его на поражение в борьбе с уратюбинским правителем. Кубат-бий просто «взял всех своих киргизов и удалился»³. Его власть и сила были таковы, что Кубат-бий завязал дипломатические отношения с китайской империей Цин: вел переписку не только от своего имени, но и от имени своего союзника – правителя Коканда. Получалось, что Коканд и Ош в то время как равные выступали на международной арене, в частности в контактах с соседней Цинской империей⁴.

Но по мере укрепления и возвышения кокандского владения его правители начинали смотреть на соседние города как на желанные объекты завоевания. В 1762 г. Ирдана-бий, воспользо-

¹ *Аристов Н.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казачков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // *Живая старина.* – Вып. III–IV. – СПб, 1894. – С. 435; *Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.* – Вып. 1. – М., 1956. – С. 157.

² Там же. – С. 434.

³ Там же. – С. 106–109.

⁴ *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство... – С. 89.

вавшись межфеодальными усами кыргызов, напал на них, опустошив их земли «в стране Узе» (Узген). Причем поводом для этого Ирдана избрал ограбление кыргызскими феодалами (из рода адыгине) кокандских купцов.

В частности, владыка Оша Хаджи-бий, встав во главе объединенных сил родов ичкилик, адыгине и монголдор, выступил против Ирданы, но был разбит. Кокандцы захватили город Ош, фарисейски утверждая, что он якобы издавна принадлежал Коканду и теперь вновь возвращен в состав ханства. Кыргызские войска отступили в горы, но борьбу не прекратили. Когда через два года кокандский правитель выступил из Оша для завоевания Ходжента, Хаджи-бий неожиданно напал на кокандское владение с востока.

Так, Ирдана вынужден был вернуться и всей силой обрушился на кыргызов. Хаджи-бий попал к нему в плен, но, видимо, ненадолго, так как Ош вскоре вновь упоминается как подконтрольный кыргызам. Однако всерьез противостоять окрепшему Коканду Ош даже с его кыргызской округой был уже не в состоянии, и в последующем в источниках он называется лишь как один из городов Андижанского вилайета кокандского владения, а позже и как самостоятельный вилайет. В хозяйственных документах Кокандского ханства 50–70-х годов XIX в. нередко упоминается «вилайет Ош» в числе других областей ханства, подведомственных его столице – Коканду.

Однако основная масса кыргызских племен еще не подчинялась кокандцам. Об этом пишет, в частности, знаменитый российский географ и путешественник, «странник поневоле» Филипп Ефремов. Он был сначала казахским, затем бухарским пленником, в конце XVIII в. бежал через Ош (в крепостной стене которого сохранилось лишь двое ворот) в Алай и Индию, обогнул на английском корабле Африку и лишь через Англию вернулся в Петербург. Здесь он вскоре издает свои записки, быстро завоевавшие популярность, в которых рассказал о своей «Одиссее». Так вот, Ф. Ефремов повествует в книге, что еще в 70-х годах XVIII в. южные кыргызы перемещались свободно между Ошем и Кашгаром «кочевьями в небольшом количестве», были фактически независимы, имели своих «князьков» и занимались

меновой торговлей с Кокандом¹. Но так продолжалось недолго. Нарбута-бий постепенно расширяет свою власть на окрестные Ошу территории, где кочевали кыргызы². Закрепившись в Оше и на Алае, кокандские феодалы продолжали захватнические походы в другие местности на юге Кыргызстана в Кетмень-Тюбе и на север края.

Что немаловажно, успешному завоеванию территории Кыргызстана кокандскими ханами содействовали межродовые и родоплеменные усобицы кыргызских феодалов, не желавших даже перед угрозой общего врага объединиться. Так, в конце лета 1821 г. Омар-хан направляет Бекназар-бия – своего верноподданного кыргызского феодала, возглавлявшего род кутлук-сейид и одновременно бывшего хакимом города Касана, для подчинения Коканду кыргызов рода сарыбагыш, кочевавших за г. Ош по дороге к Кашгару. Омар-хан распорядился, чтобы «племя кутлук-сейид со своим отрядом [лашкар], позаботившись о снаряжении и припасах для ружейной стрельбы, выступило бы со всем усердием в конный поход. Приказано было, истребляя все время [сарыбагышей], никому из ... племени пощады не давать...»³. В помощь кыргызскому феодалу в его грабительском набеге был придан отряд кокандцев. «Произведя страшные грабежи и убийства, среди которых не щадили ни женщин, ни детей, забрав большую добычу [главным образом скот] и массу пленных», – отмечалось в кокандских источниках, Бекназар-бий с ханским отрядом возвратился в Коканд⁴.

В результате не только силой своего оружия, но и умело используя соперничество и вражду кыргызских феодалов между

¹ Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию/В соавторстве под редакцией и от лица магистра исторических наук Петра Кондырева. – Казань, 1811. – С. 73, 103.

² Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии// Зап. РГО, кн. III. – СПб., 1849. – С. 192.

³ Перевод извлечений из «Шах-наме» – Тарих-и Омар-хани Мирзы Каландара Мушриффа Исфараги//МИКК. – С. 227.

⁴ *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства.... – С. 132.

собой, кокандские ханы расширяли свои владения за счет соседних южнокыргызских земель. Так, в междуречье Нарына и Кара-Дарьи находились посеы и дома кыргызских землепашцев. В популярном сочинении XIX века «Зерцало побед» говорится, что их родина, как и кипчаков, были окрестности Андижана и Оша¹. А именно через них лежал торговый путь в Восточный Туркестан и Индию.

Кстати, о коммерции. Один из важнейших торговых путей пролегал именно через Ош напрямик в Кашгар. Для обеспечения его безопасности Мадали-хан приказал в 20-х годах XIX в. выстроить на Алае два укрепления – Суфи-Курган и Кызыл-Курган, что и было исполнено андижанским хакимом Иса даткой². Позже это сыграло определенную роль в предотвращении цинской агрессии в Фергану. Когда китайские войска предприняли поход из Кашгара на Коканд, они не осмелились взять алайские укрепления и, простояв перед ними 20 дней, ушли назад ни с чем.

А в начале 40-х годов XIX века началось бухарское нашествие в Фергану. Временно власть на кокандском престоле оказывается в руках эмирского ставленника из Бухары – Ибрахима-хаял парваначи. Он, как истый завоеватель, сразу обложил население непомерными налогами, а пришедшие с ним бухарские солдаты стали бесчинствовать и безнаказанно грабить жителей. Вскоре это привело к общекокандскому восстанию, в котором важную роль играли кыргызы. Кыргызские феодалы решили возвести на престол прозябавшего в кочевьях на Таласе Шералы – одного из отпрысков кокандской династии Минг. Воспользовавшись вспыхнувшим народным восстанием, правитель кыргызского рода кырк-огул Юсуф-минбаши со своими сторонниками привел Шералы с Таласа в свои родовые кочевья по р. Кара-Суу в окрестностях Оша. Сюда стали стекаться со всех сторон

¹ Сапаралиев Д.Б. Этнополитическая история Оша и его окрестностей с XVIII до середины XIX в. – Бишкек: Илим, 1999. – С. 64.

² Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. – СПб., 1879. – С. 116.

повстанческие отряды кыргызов и кипчаков. Здесь у мазара Сафид-Булан с соблюдением традиционных обрядов кочевников Шералы поднимают на белом войлоке и объявляют ханом. Отсюда ставшее значительным войско, состоявшее преимущественно из кыргызских и кипчакских повстанцев, легко занимая крепости, селения и города (надо полагать, без боя и г. Ош), победоносно входит в Коканд. Ибрахим-хаял бежит в Бухару. Как сообщает кокандский источник, он правил всего месяц и семнадцать дней (хотя есть и другие данные – 79 дней), а затем вспыхнуло восстание, в результате которого «от группы сартия и кыпчакийя и киргизийя в согласии со всем народом ферганским» на престол и был возведен Шералы¹.

Опишем подробнее эту неординарную личность. Первоначально Шералы – довольно равнодушный к власти, миролюбивый человек. Молва приписывала ему следующее двустишие: «Обычно, когда ханы входят на путь, то идет дождь (льется благополучие). Что ты за хан, когда на твоём пути льется из глаз народа кровь?»². Однако вскоре «хорошие слова» расходятся с его делами. Методы правления, налоговый гнет и поборы Шералы, окруженного алчными феодалами, возведшими его на престол, ничем не отличались от существовавших в правление предшественников.

Но ничто не вечно под Луной. В 1872 году предмет головной боли российской дипломатии, Кокандское ханство, прекратило свое существование. На ее территории была образована Ферганская область Туркестанского генерал-губернаторства. Триумф М.Д. Скобелева на юге Кыргызстана не прошел даром для местных жителей. Сравнительно быстро оправившись от потрясений войны, они вскоре ощутили на себе многие преимущества подданства огромной империи, обитая на ее окраине, но зато какой!.. Русский Туркестан во всем его азиатско-российском великолепии. Центром же роскошной провинции

¹ *Наливкин В.* Краткая история... – С. 146.

² *Петровский Н.* Очерки Кокандского ханства// Вестник Европы. – Ташкент, 1875. – Кн. 10. – С. 5.

задумывалось сделать город Ош – этот перекресток древних караванных троп Великого Шелкового пути.

«Южная столица» должна была стать одним из главных восточных оплотов России, ее форпостом на юго-востоке. Совсем не случайно именно сюда пролегал маршрут 4-го линейного Туркестанского батальона, выступившего еще в январе 1875 г. из Ташкента. Подразделение входило в состав Наманганского отряда полковника Скобелева, вскоре ставшего генерал-майором. Оно последовательно занимало города Коканд и Маргелан, а 10 марта 1876 года вступило в Ош.

В военных действиях батальон в то время не участвовал, поскольку впереди него шли части Наманганского отряда. Здесь, в «южной столице», были определены последняя стоянка и штаб-квартира батальона, так как зиму 1875 – 1876 гг. его солдаты провели под открытым небом. По словам историографа батальона В.Н. Зайцева, местность была выбрана удачно: она «отличалась прекрасным климатом и хорошим местоположением у предгорий Алая и хорошей водой Ак-Бууры, на которой выше старого города предстояло разбить новый «русский город». Кстати, он был по счету девятым городом, основанным и обустроенным солдатами батальона в Средней Азии. Город Ош стал уездным центром Ферганской области, начальником которого назначается майор Ионов. Здесь, как и в областном и краевом центрах, царские власти решили основать новый «русский город» южнее существовавшего старого Оша, вверх по р. Ак-Буура. Первыми его строителями и жителями были простые русские солдаты. Фактически начиная с 10 марта 1876 года всю весну и лето личный состав 4-го батальона строил казармы, склады и новые дома.

Строительством новой части города руководил саперный капитан Модест Петрович Резвой, впоследствии укреплявший пограничные заставы и посты на беспокойном Памиро-Алае. Непосредственно причастны к ее распланировке, застройке и первоначальному благоустройству в целом нового уездного центра первый начальник гарнизона штабс-капитан Сергей Андреевич Топорнин и первый ошский уездный начальник М.Е. Ионов.

¹² Том III. В. М. Плоских

Вотличие от древнего Узгена и известного «святыми» достопримечательностями Джалал-Абада Ош к 1917 году пережил значительные перемены: расширился территориально, значительно возросла численность его населения, изменился состав жителей. Но, как и прежде, более обжитыми оставались кварталы старого города у торговых и культовых мест и менее – городские окраины, кое-где (особенно у дорог, ведущих в город) переходившие в сплошные сады, поля и выгонные пастбища для скота.

Краткие, но любопытные описания Оша, его старой и новой городской территории оставили русские и иностранные путешественники. Так, Гийом Капю – участник францужско-кыргызской экспедиции на Памир 80-х годов XIX века – указывал: «С высоты террасы дома уездного начальника... перед нами открывается вид на город Ош, похожий на беспорядочное скопление желтых глинобитных домиков, скученных среди высоких тополей, подобно булыжнику на большой стройке. На его краю возвышается необычной формы одиночная гора с белеющим на ней пятном мечети Тахт-и Сулейман, или трон Соломона»¹.

Весьма интересны заметки англичанина Дунмора, посетившего Ош 29 декабря 1892 года. Путешественник лестно отозвался о новой части города и его главной улице: «Мы въехали на длинную улицу, засаженную с двух сторон тополями, с довольно хорошим покрытием. Проехали мимо большого числа одноэтажных домов, похожих на индусские хижины, но выстроенных на значительном отдалении друг от друга. На этой улице в основном располагались дома офицеров, казармы русских солдат, тюрьма, а также другие общественные заведения – почта, телеграф, различные гражданские и военные учреждения. Здесь также было несколько лавок, расположившихся в стороне, под тополями»².

Лавки, упоминаемые автором в новгородской части Оша, представляли собой ближний к так называемой солдатской слободке базар, прозванный впоследствии Пьяным, очевидно, по причине продававшихся там горячительных напитков. Его по-

¹ *Capus G. Le toit du monde (Pamir).* – Paris, 1890. – P. 1.17.

² Там же.

явление связано с благоустроительной деятельностью уездного начальника М.Е. Ионова. Суть в том, что уже к концу 70-х гг. XIX в. новоявленные горожане из переселенцев европейской России ощущали необходимость в «своем» базаре, чтобы приобрести там продукты и предметы повседневного обихода и домашнего хозяйства. Уездные власти и командование гарнизона были заинтересованы в закупках на месте продовольствия для арестантов и солдат, а также фуража для строевых и обозных лошадей. Между тем прижимистые подрядчики к строительству базарных лавок в новгородской части так и не приступили, выторговывая себе выгодные условия. К тому же «город» не имел лишних денег и строительных материалов. Зато М.Е. Ионов обладал хозяйственной сметкой. Он нашел среди горожан расторопного делового подрядчика Мамата Итимова, 16 сентября 1882 г. с ним заключается хоздоговор, и уже через год тот выстроил 16 лавок, которые сдавал в аренду городским торговцам. А через 10 лет все строения и имущество на новом базаре перешли в собственность города¹.

А вот еще одно описание, оставленное русским путешественником И.П. Ювачевым, посетившим Ош 16 марта 1907 года по предложению редакции журнала «Исторический вестник»: «В Ош прибыл среди ночи и остановился в единственной гостинице на главной улице города. Номера сравнительно чистые... Место это – очень живописное и здоровое – принадлежало когда-то кокандским ханам. Отсюда открывается прелестный вид на всю долину верховьев реки Сыр-Дарьи»².

Примечательна его постройка, задуманная после 1876 года и осуществленная в 1880 году М.Е. Ионовым. Он начал строительство на свои деньги подрядным способом, найдя денежных деловых людей и опытных строителей среди ошан. Уже через год добротное здание было принято на баланс городского хозяйства по сметной стоимости в четыре с лишним тысячи рублей

¹ *Dunmore*. The Pamirs, vol. 2. – London, 1893 – P. 277.

² *Семернин В.Ф.* Страницы истории: Ош и ошане. Михаил Ионов// Ленинский путь. – 1950. – 21 августа.

специальной комиссией Ферганского областного правления. Дом был окружен обширным садом. Впоследствии в нем останавливались проезжавшие через город многие российские и иностранные путешественники.

Ко всем вышеприведенным заметкам очевидцев добавлю: особо резкого контраста между центральной частью Оша и его окраинами, столь характерного для крупных промышленных городов европейской России, в нем все же при общей низкой плотности застройки не наблюдалось. Но намечался и все более проявлялся другой контраст, единодушно отмечавшийся современниками: между старым – «туземным» – городом и его новой, создаваемой царской администрацией – «русской» – частью. Характеризуя старую часть города, мусульманская газета, выходявшая в Оренбурге, писала: «Как и во многих городах Туркестана, в городе Оше дома построены в беспорядке, улицы узкие, неровные и многоповоротные»¹.

Новая же часть города застраивалась по плану. Сама организация городской территории создает одну из особенностей, свойственных каждому отдельному городу. Для городских земель Оша характерно абсолютное преобладание обширной усадебной территории над сравнительно небольшим пространством, занятым базарными площадями, улицами, казенными и административными зданиями. Присутствовавшие в городской черте сельскохозяйственные угодья придавали Ошу, как и многим другим древним среднеазиатским городам, еще более сельский облик.

Для полноты впечатления об этом оазисе приведем немного статистики. Первые обобщенные статданные о землевладении в Оше относятся к началу сентября 1882 года. Тогда межевик Ошской организационной комиссии, старший землемер Иванов подписал и первый план города. Всего в городском наделе состояло 2873 десятин и 680 квадратных сажен. Эта площадь включала в себя территорию только начавшей застраиваться верхней, или новой, так называемой русской части города.

¹ ГАОО РФ, ф. 598, оп. 1, д.5.

Она включала в себя наиболее удобные для ведения хозяйства земли общей площадью 2 тысячи 222 десятины и 720 квадратных сажен, а также так называемые «неудобные» земли – 422 десятины 720 квадратных сажен. Казенные же наделы составляли 52 десятины 1500 квадратных сажен, ваххные – 51 десятину 1340 квадратных сажен (в том числе неудобной 10 десятины 730 квадратных сажен)¹. Последнее свидетельствует об остатках еще довольно значительного землевладения мусульманской общины в пределах городских границ.

Более подробные сведения о городской надельной земле и различных ее категориях приводятся уже на картушах двух последующих планов города – 1888 и 1912 годов. В основе плана 1888 года, составленного межевиком Ферганского областного правления Рычковым, лежал аналогичный документ 1882 года, проверенный при повторной съемке и уточненный ошским землемером Поповым. Цифровые данные на картушах этих планов почти полностью совпадают, причем из плана 1888 года видно, что под рекой и арыками в пределах города отмечалась 41 десятина 100 квадратных сажен. При съемке «внутренней ситуации» городского надела Оша в 1888 году в нем оказалось: под городскими кварталами, постройками и садами – 1015 десятины 605 квадратных сажен, под улицами, переулками и общественными площадями города – 140 десятины 350 квадратных сажен, под кладбищами – 16 десятины 1085 квадратных сажен. Под мечетями и садами («рощами») было занято 11 десятины 1085 квадратных сажен. Под пашней – 380 десятины 2 тысячи 230 квадратных сажен. «Под степью» – 1200 квадратных сажен. Под «крутостями реки Ак-Буура и каменной горой Сулейман» – 76 десятины 1950 квадратных сажен. Всего к городу причислялось 1742 десятины 1 420 квадратных сажен столь неоднородной территории. Площадь Оша к 1910 года составляла 17 квадратных верст².

¹ *Пален К.К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Городское управление. – СПб., 1910. – С. 380.

² *Новицкий В.Ф.* Из Индии в Фергану. Описание путешествия, совершенного в 1898 г. из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Кара-Корумское нагорье, Раскем и Кашгарию в Русский Туркестан. – СПб., 1903. – С. 283–284.

Мало расширяться в предвоенные годы за счет окрестностей, Ош не поднимался и в высоту, исключая умножившиеся к 1917 году минареты у мечетей. Пространственный рост города, точнее его жилой части, связан с возведением новой одноэтажной застройки в верхней части города. Представление о росте селитебной застройки дают следующие данные: в конце 70-х годов XIX в. в Оше насчитывалось около 1000 дворов, а в начале 80-х – 2834, по данным 1900 г. – 4468, к 1904 г. – 6166. Преобладающая масса ошских горожан жила в домах из сырцового кирпича с каркасными надстройками. Домов из жженого кирпича было всего 3 и столько же домов каркасного типа, деревянные жилые постройки вообще отсутствовали. Кроме 25 домов, крытых железом, все остальные были под камышовыми и плоскими глиняными крышами. Тип жилья оставался таким же и позднее, но его количество продолжало увеличиваться, правда, медленнее в последующем десятилетии. К 1910 г. в Оше имелось 6316 домов, к 1914 г. – 6449. Таким образом, жилая застройка за три с половиной десятилетия выросла почти в 6,5 раза.

В связи с возрастанием числа жителей отчасти уплотнялась его заселенная часть и несколько усложнялась организация городских земель. В начале XX в., помимо четырех неблагоустроенных площадей (общим размером 15 дес. 1800 кв. саж.), в Оше насчитывалось 117 улиц и 75 переулков общим протяжением 126 верст, а к 1910 г. – уже 137 верст. Однако протяженность мощеных улиц была ничтожно мала – всего 4 версты, а тротуаров, дорог, выложенных щебнем и галькой, отчасти жженым кирпичом, было и того менее – всего одна верста. Понятно, что все сравнительно благоустроенные улицы, обсаженные деревьями вдоль арыков, – а таких было всего 3 версты – и «правильно устроенные» тротуары появились лишь в «новом» городе, о котором проявляло некоторую заботу уездное начальство. В 1917 г. общая территория города, отличавшаяся, как уже отмечалось, своей обширностью из-за общей значительности усадебных мест, также более просторных в новой части города, с садами составляла 1742 десятин 1420 квадратных сажень, помимо 25 десятин 1200 квадратных сажень собственно казенной земли.

Место для строительства «нового» города, занимавшего территорию в 95 десятин, царские власти избрали несколько к югу от «старого» Оша, вверх по течению р. Ак-Бууры. По своей планировке его новгородская часть, где улицы прокладывались как бы в шахматном порядке и пересекались под прямым углом, выгодно отличалась от «туземного» Оша и других древних среднеазиатских городов и селений со множеством узких кривых улиц и тупиков, со скученной жилой застройкой. Вокруг православной церкви был разбит сквер, а прямо против него – через улицу – парк, простиравшийся почти до самой реки, берега которой были соединены мостом. Через него дорога шла прямо к большому каменному дому уездного начальника. В 1898 г. дом этот стоял на возвышенности в полуверсте от основной застройки в новой части Оша¹. В этой части города размещались почтовая станция, где останавливались приезжие (гостиницы в городе долго не было), почтово-телеграфная контора, казначейство, офицерское собрание, больница, приходское училище, русско-туземная школа и, конечно, казармы.

В ответ на постоянные жалобы горожан и в ожидании изредка навещавшегося с объездом по области или краю нового начальства в начале XX века уездной администрацией поспешно проводилось некоторое внешнее благоустройство. Это делалось в первую очередь для того, чтобы проезд и проход по ошским улицам «был удобен во всякое время года». Так, в период с 1907–1908 годов возводился бетонный мост через реку Ак-Бууру. В городском саду была построена единственная беседка. Строители засыпали гравием две улицы в центре и кое-где проложили тротуары. В 1906 г. длина мощеных улиц составила 1/30 часть общего протяжения улиц. В том же году возвели и первую, столь долгожданную скотобойню с помещением для промывки кишок.

Такая роскошь, увы, не затронула местные пенитенциарные учреждения. Полицейский участок и тюрьма в Оше размещались в казенных домах, которые, однако, даже судя по официальным

¹ По краю//Туркестанские ведомости. – 1906. – № 20.

документам, оставляли «желать много лучшего»¹. Тюрьма – старое ветхое здание, как и арестантская, в 1908–1914 гг. была постоянно переполнена, а содержащиеся под стражей узники находились в самых ужасных условиях.

А теперь – о благах европейской цивилизации. В конце XIX века во всем Оше был всего один фонарь. Но через десяток лет наметился явный прогресс: появилось 63 фонаря, в том числе 8 керосинно-калильных. В среднем на одну такую единицу системы освещения приходилось 1,5–2 версты улиц. В 1903 году в городе было 11 извозчиков. Такса за проезд составляла 15 копеек – в конец так называемого «нового» (построенного русскими) города, 40 копеек – в конец «старого», и столько же за час езды. Столь значительная разница в оплате объяснялась не столько различной длиной «концов», сколько весьма сложными условиями передвижения в азиатской части города с ее хитросплетением узких кривых переулков и тупиков. К тому же они изобиловали массой народа в прилегающих к торговым точкам местах, особенно по пятницам и в базарные дни.

Вот как информировала в 1913 году читателя о местной системе связи мусульманская газета «Вакт»: «В Оше есть почтовый и телеграфный пункт. Почту возят из Андижана конем. Пассажиры из Андижана ездят на бричке... конем и в почтовых дилижансах. Три–четыре года тому назад начался автомобильный путь».

Впрочем, прогресс не касался развития отсталого, карликового коммунального хозяйства, почти не финансируемого из городского бюджета. Неудивительно, что в анкете Центрального статистического комитета, собиравшего сведения о городах Ферганской области, ошский уездный начальник на многие пункты отвечал отрицательно: «Водопровода в городе нет», «канализации нет», «пожарных команд нет» и так далее, в том же духе...

Здесь заметим, что водоснабжение всегда играет важную роль в жизни города, особенно в Азии. Но даже в начале XX века водообеспечение Оша для бытовых, сельскохозяйственных и промышленных нужд горожан основывалось еще на древней

¹ Статистический обзор Ферганской области за 1911 – 1914 гг. – С. 104–105.

арычной системе водопользования из реки Ак-Бууры. Тому сопутствовали многие беды. В частности, местные обыватели нередко испытывали острую нехватку воды летом, особенно в засушливые годы и в местах, удаленных от реки и арыков. А по мере удаления от главной водной артерии увеличивалась загрязненность влаги. Потому с ростом численности населения все возрастала проблема антисанитарии. Как сообщал начальник уезда, нечистоты вывозились частью на поля, частью дезинфицировались (в некоторых местах общего пользования и дворах «интеллигентных» домохозяев в новой части города) и закапывались в ямах «без вреда для дворов (!) ввиду глубокого залегания подпочвенных вод». Понятно, что в результате такой «заботы» власть предержавших общее санитарное состояние города не только оставалось крайне неудовлетворительным, но и заметно ухудшалось с ростом Оша и его населения.

Как видим, древний город в момент начала в нем русского владычества представлял собой гордиев узел бытовых и прочих проблем. Что, разумеется, выдвигало на первый план необходимость грамотного и эффективного управления. Остановимся подробнее на его системе. Ферганская область, образованная 19 февраля 1876 г. после ликвидации Кокандского ханства, входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства и размещала на своей территории густую сеть воинских подразделений. Замечу, что после ликвидации Кокандского ханства размеры новых административных единиц – уездов – на первых порах определялись границами бывших вилайетов с их бекствами и саркерствами. В частности, в Ошском уезде вначале оставались Булак-Башинское бекство и Ошское саркерство, позже взамен них были созданы волости.

Генерал-губернаторство управлялось Военным министерством в отличие от российских губерний, находившихся в подчинении Министерства внутренних дел. Тем самым административно и юридически закреплялось колониальное положение земель и народов, в т. ч. и кыргызов, среднеазиатско-кыргызского региона, юридически оформлялась их полная зависимость от метрополии – Российской империи. Зимой 1878 года, 4 февраля, император Александр II утвердил положение Военного совета,

объявленное тогда же, в приказе по военному ведомству, об учреждении в Ферганской области военного управления. Соответственно в Оше и областном центре Ферганы – г. Н.-Маргелане – были созданы комендантские управления. А первым комендантом Оша был подполковник П.Г. Родзянко.

Управление городом особенно ярко отражает дискриминационную и эксплуататорскую направленность политики царского правительства в Туркестане в отношении местного, нерусского населения. В отличие от других уездных центров Ферганской области, где управление городом и его хозяйством, включая составление бюджета, возлагалось на уездных начальников с символическим участием городских депутатов, в Оше, где большинство горожан составляли коренные жители края, фактически вся власть в городе и уезде находилась целиком в руках военно-полицейской администрации. Предоставлять даже зажиточной местной городской верхушке какое-либо «самоуправление» царские власти тогда отказывались. Это, в частности, наглядно проявилось при введении в 1892 г. в империи нового Городового положения, которым для имущих слоев горожан вводилось урезанное «самоуправление». Так, очень характерен отрицательный ответ ферганского военного губернатора на запрос начальника края о возможности применения этого положения к Ошу и другим городам Ферганской области: ввиду того, что в них «русского населения, за исключением немногих лиц, состоящих на государственной службе, почти не существует, а предоставлять туземцам дарованные этим положением права городского самоуправления он находит вредным не только для дела по ведению городского хозяйства, но для русских интересов вообще»¹. Губернатор считал лишь необходимым учредить в помощь уездному начальнику для ведения городских дел секретаря, что впоследствии и было сделано для ошской администрации.

В конце XIX века уездные власти состояли из начальника уезда, располагавшего широкими правами в отношении городского и сельского населения, его помощника-секретаря, письмоводителя

¹ Ахиулла Хаирулла Оглы. Город Ош и Тахт-Сулайман / Приложение к газете «Вакт» («Время»). – 1913. – № 5.

и так называемого письменного переводчика. Но, судя по документам начала XX в., бездейственным придатком при уездном начальнике все же значился городской хозяйственный комитет из богатых горожан (совещательный безвластный орган), служивший ширмой для военно-народного (читай: полицейского!) управления в городе.

Особенно же пеклись тогда ошские власти об учреждении должностей двух участковых приставов в уезде и «для порядка» – городского полицейского пристава и письмоводителя. Не довольствуясь пятью рассыльными джигитами, уездный начальник, поощряемый к тому областными властями, требовал выделить еще содержание для шести тайных осведомителей в среде коренного населения и пяти джигитов для преследования «разбойников».

В распоряжении полицейского пристава Оша, находившегося в подчинении уездного начальника, было 30 городских, из них 21 конный. В помощь им горожане содержали еще за свой счет 99 наемных пеших и конных ночных караульщиков. В ведении городского пристава находились, помимо города с Ошской волостью, участки кочевого и оседлого населения в уезде. Впоследствии (к 1910 г.) были учреждены еще и должности полицейских приставов этих участков. Только расходы на полицию составляли свыше трети городского бюджета (в 1908 г. – 37,5%). Ошские уездные власти заигрывали с кыргызской родоплеменной знатью, жестко проводили политику кнута (для трудового населения) и пряника (для представителей феодалов). Иллюстрация к этому – подавление так называемого Андижанского восстания 1898 г., когда сотни повстанцев, в том числе выступавших против гнета царизма кыргызов (среди них и акын-демократ Токтогул Сатылганов), были арестованы и отправлены в ссылку (Токтогул – в Сибирь). Пример тому – почести и награды Алайской царице – Курманджан датке, один из сыновей которой заблаговременно предупредил ошского уездного начальника о готовящемся выступлении народа.

Справедливости ради отметим, что среди первых лиц в уездно-городском управлении были и такие отдельные энергичные администраторы, широко эрудированные, с разносторонними

интересами российские офицеры, как М.Е. Ионов, Б.Л. Громбчевский, В.Н. Зайцев. В меру и в пределах своих возможностей они проявляли заботу о благоустройстве города, особенно новой его части. И что крайне важно, о поддержании стабильной обстановки на Памиро-Алае, защите кыргызского и таджикского населения от происков английской агентуры, об устранении внешних угроз от кашгаро-цинских и афганских властей и их солдат. Таков был Василий Николаевич Зайцев (1851–1933 гг.), уроженец Перми. С 70-х годов XIX века жизнь этого военнослужащего непосредственно связана со Средней Азией и с Кыргызстаном: сперва со 2-м, а затем с 4-м линейным туркестанским батальоном, автором истории которого он являлся в 1882-м. В том же году ему вменялось и «заведование и благоустройство города Оша». Как уездный начальник, хорошо знакомый с природой и населением горного края, В.Н. Зайцев активно содействовал множеству экспедиций и походов на Памиро-Алае. В 1893 году он, будучи начальником Памирского отряда, опубликовал историко-географический очерк «Памирская страна – центр Туркестана». Затем вновь вернулся в Ош на должность уездного начальника. Ему пришлось еще двенадцать лет налаживать систему управления, связи, дорожно-транспортного сообщения, а также школьного образования и медицинского обслуживания жителей города и уезда. В 1906 г., выйдя в отставку, он занялся научно-общественной деятельностью. В.Н. Зайцев после октября 1917 года вернулся в строй, а в 1924-м уволился из рядов Красной армии, будучи 73 лет от роду. Добрую память о себе он оставил и среди местного населения нашего региона. Здесь у него было немало друзей, которые звали его в 1928 г. погостить, обещая поставить юрту на джайлоо, перевозить ее по желанию, поить и кормить, лишь бы только приехал!..

А вот другой персонаж, Бронислав Людвигович Громбчевский (1856–1926 гг.), выходец из польской шляхты, верно служивший России. Он был не только боевым офицером-участником Алайского похода 1876 года. С 1880 г. служил в так называемом военно-народном управлении в Маргеланском уезде. Помимо того, был и видным исследователем Памира, Тянь-Шаня и стран Центральной Азии. Кавалер серебряной и золотой

медалей ИРГО. В его отчетах, записках и трудах о путешествиях по неизведанным горным местностям содержатся интересные этнографические наблюдения о кыргызах, их ближних и дальних соседях, местах их обитания, к тому же проиллюстрированные прекрасными фотоснимками.

Поскольку речь пошла о людях, обмолвлюсь и о демографической статистике Оша того времени. «Хотя колониальный путь развития, на который встала Средняя Азия после присоединения к России, и превращение ее в сырьевой придаток метрополии задерживали развитие промышленности, в этот период все же создались более благоприятные, чем до сих пор, условия для углубления общественного разделения труда, увеличения товарности хозяйства, развития хозяйственной специализации отдельных районов и на этой почве значительного роста городов», – отмечает знаток дореволюционной истории среднеазиатского города О.А. Сухарева¹.

Завершая нашу экскурсию по Ошу времен Курманджан датки, добавим немаловажный факт, что этот город был отправной точкой многих научных, да и военных экспедиций русских на Алай и Памир. Причем наиболее ценные практические результаты в исследовании ранее неизведанного края, воссоздании забытых страниц его истории были получены учеными именно конца XIX – начала XX веков, то есть в то время, когда блистала во всей славе в Оше Алайская царица. Неудивительно, что она стала героиней многих путевых заметок и отчетов русских географов. Но об этом речь пойдет в других главах книги...

¹ Сухарева О.А. К истории городов Бухарского ханства: Историко-этнографические очерки. – Ташкент, 1958. – С. 143.

Глава XIII

АЛЫМБЕК ДАТКА И ЕГО МЕДРЕСЕ

Ош XIX века, на жизни которого мы столь подробно остановились в предыдущей главе, имеет прямое отношение к истории главной героини нашей книги, Курманджан, по весьма простой причине. Этот древний город алайские родоправители рассматривали как свою ставку в Ферганской долине. Многие из них владели здесь землями, домами и торговыми лавками. Строили мечети и медресе. Таким собственникам властители даже нередко жаловали особую форму имущества – вакф. Он представлял собой пожертвование недвижимой собственности в пользу духовного лица либо исламского учреждения, например, медресе, мечети, кары-ханы, прочего подобного заведения. Вакф не мог быть возвращен прежнему владельцу, не подлежал отчуждению, продаже, как и нарушению условий пожертвования¹. Впрочем, на практике не все обстояло столь строго. Требования шариата в конечном итоге были приспособлены для закрепления за феодалами имущества, для охраны его от случайных покушений ханов и способствовали уклонению феодалов от налогообложения.

¹ Ростиславов М.П. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае // Тр. III Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876. – Т. 1. – СПб., 1879–1880. – С. 17–23; Джалилов С. Основные черты земельного права дореволюционного Туркестана. – Ташкент, 1960. – С. 12, 17–20.

В числе землевладельцев, удостоившихся такого надела, был достаточно влиятельный человек, ставший впоследствии супругом будущей Алайской царицы. Речь идет об Алымбеке датке. История этой персоны достойна отдельной книги... Алайский кыргыз из племени адыгине¹ (по другим сведениям – мундуз²) в раннем возрасте вступил на поприще политической деятельности. В 1831 году он получает из рук Мадали-хана титул датки – правителя Алая, где и встретил двадцатилетнюю женщину Курманджан, с которой и связал всю последующую жизнь. Алымбек располагал значительной властью и богатством. На Алае, служившем его родовой вотчиной, была сосредоточена основная собственность этого владыки – скот. В Фергане родоправитель создает очаги земледельческого хозяйства.

Сохраняя за собой право управлять соплеменниками, он поднялся до придворного сановника, хакима Андижанского вилайета (округа) и начальника города Коканда, визиря ханства, активно участвуя в придворных интригах и переворотах, не раз возглавляя восстания алайских и тянь-шаньских кыргызов против кокандских ханов. Неоднократно выступал предводителем ханских войск в их противоборстве с царскими войсками в Средней Азии. Был и в опале, и в милости, знал взлеты и падения придворной карьеры.

Разумеется, столь переменчивая, полная превратностей судьба заставила этого феодала основательно позаботиться о сохранности своего недвижимого имущества. А для этого лучшей формы собственности, чем вакх, не придумаешь. Вот и решил однажды алайский родоправитель закрепить за собой так называемый вакф авлод – наследственный вакф, право распоряжения которым по завещанию оставляется им за потомками. Сделал это он следующим образом. В конце 1850-х годов в Оше, на берегу реки Ак-Бууры построил медресе, к слову, одно из красивейших сооружений города. Говорят,

¹ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах ... – С. 422.

² Мулла Нияз Мухаммед бен Ашур Мухаммед. Тарих-и Шахрухи (История владетелей Ферганы)... – С. 119; Бартольд В.В. Соч. – Т. II. – Ч. 2. – М., 1964. – С. 353.

сей шедевр зодчих соперничал своей отделкой с ханским медресе! По свидетельству бывшего работника вакфного отдела города Д. Зайнабитдинова, медресе в целом представляло собой пятиметровое квадратное сооружение площадью фундамента 40 на 50 метров. Фасад украшали два пятнадцатиметровых минарета. Внутри такого двора находились четыре гумбеза, мечеть, айваны. Эти помещения в праздничные дни вмещали тысячи верующих. Поскольку медресе располагалось на противоположной от центра города стороне реки, Алымбек построил через Ак-Бууру большой висячий мост. Главным мударисом – духовным наставником медресе – был приглашен известный в свое время ученостью Хаджимат-алам¹.

Согласно архивным документам, медресе было построено из жженого кирпича и отличалось завидной прочностью. Состояло из следующих принятых в архитектуре подобных сооружений элементов – дарс-ханы, ханаки, 28 келий, где проживали три мудариса и от 80 до 100 учеников-мулл².

К сожалению, не найдены оригиналы документов о строительстве Алымбеком медресе в Оше и учреждении вакфа. Насколько удалось выяснить по архивным источникам, эти бумаги были в свое время переданы на рассмотрение в поземельно-податное отделение Ферганского областного правления. Там они значились под номером 449 от 1901 года. В нашем распоряжении оказалось другое дело – из канцелярии туркестанского генерал-губернатора, озаглавленное «Дело по всеподданнейшему прошению муллы Хасан-Бек Алымбекова о восстановлении вакфных прав медресе «Алымбек-чек» в г. Оше Ферганской области»³. В нем рассмотрена законность учреждения вакфа. Приведены, правда, в пересказе и первые документы, служившие юридическим подтверждением прав медресе на вакф.

¹ Информация Д. Зайнабитдинова. Запись В. Плоских. 20 июля 1962 года, г. Ош.

² ЦГА РУз, ф. и. 19, оп. 1, д. 34947, л. 3; д. 33514, л. 14.

³ Там же. – Ф. и. 1, оп. 12, д. 647, л. 3–6. Первоначально здесь в качестве приложения фигурировало и вакфное дело № 449 от 1901 г., но позже, 23 сентября 1908 г., оно было вновь возвращено в Ферганское областное правление и где-то затерялось в бумагах.

В этом деле изложено следующее. В 1859 году Алымбек пожертвовал в вакф своего медресе участок земли в 5 тыс. кошей – около 1660 десятин в селе Чин-Абад. Исключением из жертвования являлись дворовые участки с двумя танапами каждый. Они, как говорилось в вакф-наме, сразу представляли «неотъемлемую собственность их обитателей и должны были считаться свободными от всяких повинностей в пользу вакфного установления – медресе». В этом же вакфном документе упоминалось письменное заявление жителей пяти смежных селений о признании прав Алымбека на жертвуемую землю. Из вакф-наме неясен источник приобретения земель Алымбеком, поэтому поземельно-податная комиссия провела дополнительные дознания. Мутавалий Хасанбек, сын Алымбека, сообщил, что его отец занял с разрешения хана пустующие земли, оросил их и заселил земледельцами с условием уплаты дохода в пользу медресе. Так было образовано селение Алымбек-чек. Освоенные земли были оформлены в вакф и оказались во владении медресе и в пользовании населения.

Замечу, что так называемый кыргызский вакф XIX века – явление не исключительное, хотя и довольно редкое, едва получившее свое оформление. Известны несколько видов такого вакфа. И все они не свойственны кочевому скотоводческому хозяйству, поскольку связаны исключительно с земледелием. Овладев столь не характерной для кочевников формой собственности, Алымбек и его наследники не ограничились оформлением в вакф одного земельного массива. В Ферганское областное правление было предъявлено еще три документа о присоединении к вакфу земель через куплю. Один из документов от 1860 г. содержал заявление семи жителей о том, что они передали Алымбеку право на свои земли за 500 золотых (тилла – ?), после чего земля перешла в вакф.

В данной купчей имеется интересное сообщение, что после получения денег с Алымбека жители «от возбужденного было иска отказались, что подобного рода иск с их стороны и впредь не должен выслушиваться». Другой документ от 1863 г. свидетельствовал о продаже 27 жителями старшему сыну Алымбека – Джаркинбаю – половины описанного в документе участка их земли за 25 золотых (тилла – ?). Третий документ – от 1864 г. говорил о продаже девятью жителями участка земли

¹³ Том III. В. М. Плоских

в Чин-Абаде, смежного с вакфом Алымбека, управителю вакфа – мутавали медресе за 2 золотых и 2 халата.

Все названные документы свидетельствовали лишь о пожертвовании в вакф медресе Алымбека земель или орошенных, или купленных феодалом. Специальной ханской «обелительной» грамоты в поземельно-податную комиссию представлено не было. Это, правда, еще не говорит о том, что ее не было вообще. Но даже и при отсутствии такой грамоты доход с земель, по всей вероятности, полностью поступал в распоряжение вакфного учреждения медресе. Он выражался в обыкновенной величине налога – пятая часть с урожая. Именно лишение этой доли медресе после поземельно-податного обследования и сбор налога за 1898 г. в казну вызвал жалобы и прошения мутавалия Хасанбека Алымбекова, которые и явились причиной создания дела.

Итак, из названных документов видно, что Алымбек, проводя магистральный канал, раздает землю мелкими наделами (в «чеки») населению с условием исполнения налоговых повинностей в пользу вакфа¹. Судя по всему, от податей первоначально в чековом хозяйстве был освобожден только дворовый, говоря современным языком, приусадебный участок площадью в два танапа.

Надо полагать, эти необлагаемые сборами наделы от каждого двора не были просто формой благотворительности могущественного феодала, а служили определенным вознаграждением, платой за те затраты и тот труд, которые земледelec, получивший чек, вкладывал в действительную обработку земли, т.е. своеобразной компенсацией за работу, поскольку поднятие целины, орошение пустыющих массивов было делом далеко не легким и не ограничивалось проведением головного канала. Авторитетный знаток истории Кокандского ханства В. Наливкин рисует такую картину «оживления» необжитых местностей в ханское время. Если феодал был влиятельным служебным лицом, то, заручившись разрешением хана и пользуясь своими полномочиями,

¹ По протоколу опроса населения и мутавалия медресе поземельно-податным комиссаром 27 октября 1893 г. и постановления пяти народных судей 18 апреля 1881 г.

он заставляет население близлежащих кишлаков и айылов копать магистральный арык. Затем пускается вода, обмежовывается, насколько позволяет арык, площадь будущего орошения, и земля объявляется принадлежностью феодала на правах оживления. Но для земледелия эта площадь еще не готова. Такую землю в аренду брать желающих нет. Необходимы еще большие затраты труда для нивелирования участков, проведения ответвленных арыков. Для этого землевладелец приглашает бедняков селиться на его земле, которую делит на участки-чеки, при этом обещает: «... Мы ничего не будем брать с вас, впоследствии... мы вас не обидим». Бедняки-дехкане селились по участкам, возделывали их, оставаясь таким образом как бы несрочными арендаторами¹.

Можно предположить, что Алымбек раздал в чеки не очень то пригодные для земледелия участки, оговорив условие, что два танапа при каждом дворе за обработку земель будут освобождены от налогов. Как правитель области – Андижанского вилайета – Алымбек фактически мог сделать такое распоряжение. И на «оживленных» Алымбеком землях появилось новое селение, названное Алымбек-чек.

По вакфному документу мутавалием вакфа Алымбек назвал себя, а позднее – своих потомков. По сведениям начальника Андижанского уезда, собранным в 1876 г., сразу после присоединения Ферганы к России, видно, что медресе Алымбека датки имело доход с большого массива земель. Грамота, выданная (как сказано в «сведениях») Ша-Мурад-ханом в 1859 г., фиксировала, что земли медресе Алымбека датки находятся при кишлаке Чин-Абад и имеют площадь 10 000 танапов, т.е. 1660 дес., или около 1825 га. К 1876 г. под посевами было лишь 5 тыс. танапов², другие 5 тыс. оставались незасеянными, вероятно, под паром.

Как видно из архивных документов, медресе Алымбека в качестве вакфа принадлежало, кроме селения, еще два курганчи – Юз и Гурсумад, происхождение которых остается неясным.

¹ *Наливкин В.* Положение вакфного дела в Туркестанском крае до его завоевания // Ежегодник Ферганской области, 1904. – Т. III. – С. 7–9.

² ЦГА РУз., ф. и. 19, оп. 1, д. 36602, л. 8–9.

По информации Д. Зайнабитдинова, основные участки вакфных земель медресе Алымбека располагались в местности Бабалешкар, Кок-Бель и Папан. По данным поземельно-податной комиссии 1893 г., в селении Алымбек-чек вместе с курганчами насчитывалось 819 дес. 1990 сажен обрабатываемой земли, с которой причиталось оброчной подати в казну 1 461 рубль и 24 копейки.¹

Несомненно, была зафиксирована наличная площадь только в момент обследования и не отражала состояния на период расцвета вакфа. Тем более что к этому времени (точнее еще в 1881 г.) в Ошской волости из «законных», так называемых незаселенных и освобожденных ханами от налогов земель, к вакфу медресе Алымбека датки было причислено всего лишь 30 танапов².

Вакф медресе Алымбека хотя и был оформлен по всем мусульманским канонам, но не был устойчив. Как видно из вышеприведенного документа от 1860 года, семь жителей селения Алым-Абад или Алымбек-чек на каком-то основании возбудили дело о земле, которую считали своей собственностью и которую не желали передавать ни Алымбеку, ни вакфу. Алымбек вынужден был заплатить им 500 золотых, а земля отошла в вакф медресе. Документ не раскрывает тайны и мотивов противоречий, из-за которых возник спор между могущественным феодалом и землевладельцами, причем разрешенный не в пользу ханского сановника. Здесь можно предположить, что Алымбек, пользуясь своей властью правителя, – хакима Андижанского вилайета, попытался сначала просто расширить свое вакфное владение за счет соседей, но те, заручившись чьей-то влиятельной поддержкой, возбудили иск, и феодал вынужден был уступить, однако все же выкупил их участки за деньги и в конце концов присоединил к своему вакфу.

Несомненно, вакф медресе Алымбека – одно из самых крупных земледельческих хозяйств феодала, но не единственное.

¹ ЦГА РУз, ф. и. 19, оп. 1, д. 33337, л. 39.

² Там же. – Д. 22929, л. 46.

О том, что Алымбек имел, кроме вакфного владения, и другие участки земли в той же Фергане, можно судить по неоднократно встречающимся в вакфных документах (вакф-наме), купчих крепостях (васиках) упоминаниям о земельных участках Алымбека, граничащих с другими владениями.

Превратности придворной службы, соперничество и междоусобия привели к тому, что вскоре звезда Алымбека датки закатилась. Он пал жертвой интриг своего соперника – влиятельного кыргыз-кипчака Алымкула.

Понятное дело, все имущество Алымбека, недвижимое, имевшееся в Фергане, конфисковали. Но вакф медресе Алымбека остался неприкосновенным. Распоряжение им перешло в руки потомков кыргызского феодала. Первым после Алымбека мутавалием стал его старший сын Джаркинбай Мирза датка, затем другие сыновья – Абдуллабек, Батырбек, Хасанбек и т.д. В XX веке мутавалиями были С. Таныбеков, Мулла Байба, Мулла Псам и последний – Абдулхакимов Абдулмаджит, который сдал все дела в вакфотдел уже при советской власти вышеупомянутому Д. Зайнабидинову.

Так, стремясь застраховаться от неуверенности в будущем, наследники Алымбека предпочли оформить свою недвижимую собственность в вакф, который, будучи по завещанию наследственным, во-первых, сохранял за владельцами право распоряжения доходами с земли, во-вторых, официально считался принадлежащим мусульманскому духовному учреждению и не мог подлежать конфискации. К тому же вакф полностью или частично освобождался от налогов в государственную казну.

Весьма интересен написанный на одном листе вакфный документ, содержащий фактически три разновременных документа на пожертвование земель и торговых лавок в вакф кары-ханы квартала Сарай г. Оша. При этом одним из жертвователей выступает Абдуллабек, сын Алымбека датки.

Из первого документа видно, что вакф из семи торговых лавок, двух мельниц и трех участков земли определялся в пользу кары-ханы, мечети, дарс-ханы и восьми келий братьями и сестрами Мир Сакибая из полученного наследства. Вакф-наме был оформлен в 1863 году, причем мутавалием назван один из

братьев – Мулла Мир-Баба. Условия распределения доходов вакфа также четко названы: на ремонт зданий, а от остатка – одну часть мутавалию, четыре – учителю кары-ханы, пять – в пользу учеников¹. На практике, как правило, распределялся весь доход, и ремонт здания неизменно откладывался до его полного разрушения.

Второй документ был составлен в 1869 году уже от имени Абдуллабека, который жертвовал мельницу на арыке Алтыбая в г. Оше «в вакф в пользу кары-ханы на условиях, изложенных в первом документе»².

И, наконец, третья бумага аналогичного содержания была составлена в том же, 1869-м, от лица Сара-Биби, дочери Мир Сакибаева, которая на условиях, обозначенных в первом документе, жертвовала в вакф участок земли на арыке Нурдар в г. Оше, полученный в наследство, а также котел и медный кумган³.

Своей соответствующей грамотой от 1871 года Худояр-хан освободил вакфное пожертвование Абдуллабека и Сара-Биби от налогов. Следовательно, весь доход с пожертвованного имущества шел теперь в пользу вакфа и находился в полном распоряжении мутавалия. И если раньше, как братья, так и другие жертвователи, в частности Абдуллабек, должны были за свою землю (а ее по трем документам было 11 дес. 2540 сажен⁴), лавки, мельницы обязательно платить налог в казну, то теперь всей этой суммой распоряжался только мутавалий, а он был из семьи учредителя вакфа. Другими словами, совершив «богоугодное» дело и пожертвовав в вакф часть своего имущества, вакф-учредители просто-напросто уклонялись от уплаты налогов, получив дополнительную статью дохода.

Тот же самый Абдуллабек датка и в 1875 году оформил в вакф медресе своего отца два смежных участка земли по Ошскому саю в квартале Шахидан-тепе и квартале Сарай-куча общей площа-

¹ ЦГА РУз, ф. и. 19, оп.1, д. 34941, л. 1–3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. – Л. 14.

дью около 14 танапов¹. На одном участке располагались торговые лавки. Право мутавалия-распорядителя Абдуллабек оставлял за собой², т.е. фактически поддерживал наследственный вакф (вакф-авлод) своего отца.

Как видно из журнала поземельно-податного обследования Ферганской области за 1905 г.³ и протокола опроса в 1907 г. мутавалия Хасан-бека⁴ (брата Абдуллабека), каждый участок составлял около семи танапов городской земли. На них имелась 161 торговая лавка. В том же 1875 г. Худояр-хан специальным документом освободил названные земли, а также пожертвованные торговые лавки от податей⁵.

Абдуллабеку была выдана следующая обелительная ханская грамота инаят-наме⁶ (приводим в переводе с тадж. яз. В.П. Юдина): «В настоящее время, да знают и ведают все хакимы, и амины, и казии, и благородные улемы, и шейхи ислама, и (все лица), причастные к султанским делам, и принявшие на себя ответственность в хаканских занятиях, и прочие саркары, и амины, и аксакалы, и все кедхудаи высокой державы, что в дни ежедневно возрастающего и вечно (нам) сопутствующего могущества нашего августейшего величества чубазират-пансат Абдуллабек-датха купил на берегу сая вилайета Оша многочисленные лавки с пригодной для застройки земель, превратил в вакф медресе, построенное его отцом, покойным Алымбеком-парваначи (и), изготовил вакфную грамоту, украшенную печатями казиев и улемов, (которая) удостоилась рассмотрения светлым взором нашего величества. Из (нашего к этому лицу) благорасположения и благоволения (мы) повелели, чтобы все хакимы, амины и саркары и прочие, имеющие отношение лица считали вакфы, границы которых определены в вакфной грамоте, абсолютным вакфом упомянутого

1 ЦГА РУз, ф. и. 19, оп. 1, д. 34947, л. 7.

2 Там же. – Л. 2, 3.

3 Там же. – Д. 33596, л. 344–345.

4 Там же. – Д. 34947, л. 7.

5 Там же. – Л. 4, 5.

6 Там же. – Д. 33596, л. 344–345, л. 4.

медресе, не требовали и не стремились получить с него дирхемов и фулсов (и) не посягали на что-либо подобное, из относящегося к упомянутым вакфам, и, считая по этой причине решенным, не преступили (нашего) величайшего, обязательного для исполнения фирмана. В месяце раджабе почитаемом года 1292 (1875)». Документ скреплен малой печатью Худояр-хана с датой 1 279 года хиджры, по исламскому календарю (1863–1864 годы).

Вторая грамота была следующего содержания¹: «Вакф-наме кыргызского феодала Абдуллабека о пожертвовании им двух участков земли в вакф медресе своего отца Алымбека датхи в г. Оше 1292 (1875) г. Медресе из жженого кирпича в г. Оше, медресе состоит из дарс-ханы, ханаки и 28 келий. Границы: с запада кладбище и сай, с юга – вакфные лавки медресе, с востока – дорога, с севера – кладбище.

Два участка земли по Ошскому саю, один около другого, длина участков – 443 аршина. Первый участок имеет границы: с запада – мельничный арык Мирза-Рахим арбакеша, с юга – дорога, с востока – Ошский сай, с севера – земля, находящаяся во владении Мулла Ху-сен-Али Мулла Пиримкулова, жертвователя, и Мулла Мухаммед-Азиз Махзума Дамулла Тангрикулова. Второй участок имеет границы: с запада – мельничный арык, с юга – земля Мир-Сеид Шейха, Абджуази Абдрахманбая Мулла Халь Мухаммедова и Абджуази Ишан Ходжи, с севера – дорога. На этом участке имеются лавки.

В месяце зиль каада 1292 года (по исламскому календарю) Абдуллабек-датха, сын Алымбека Парманачи Хасанбек-биева заявил, что упомянутые участки земли он жертвует в вакф в пользу медресе. Мутавалий: вакфа сам жертвователь, а после него – потомство.

Доходы вакфа должны идти на ремонт медресе, а остаток должен делиться на 10 частей: 1 – мутавалию, 3 – мударису, 1 – имаму, 1 – муэзину, сторожу и цирюльнику и 4 – в пользу учащихся». Документ скреплен 20 печатями казиев, улемов, ряда других должностных лиц. Оттиска ханской печати на нем нет.

¹ ЦГА РУз, ф. и. 19, оп. 1, д. 33596, л. 2, 3

Другая аналогичная грамота была выдана владельцу в 1875 году уже Пулат-ханом, последним претендентом на кокандский престол. В нем объявлялось, что арык Ходжаляр, находящийся во владении Абдуллабек-датхи (сторонника Пулат-хана, от имени которого он даже правил Кокандом в январе 1876 года)¹, освобождается от хераджа, который должен поступать в пользу мазара Имам-Ата и мечети Хыдыр-датхи. Сборщикам налогов предписывалось «ни под каким видом не касаться херадж означенного арыка»².

Это общепринятая форма документа, означавшая, что государство отказывается от налога в пользу вакфного установления, но жители, населявшие и обрабатывавшие земли, по-прежнему должны были вносить установленную норму налогов, правда, уже новому хозяину – вакфному учреждению. Так, жители, занимавшиеся хлебопашеством на вакфной земле медресе Алымбека, регулярно выплачивали херадж в размере 1/5 части урожая³.

Обращение недвижимого имущества в вакф, как уже отмечалось выше, служило некоей гарантией неприкосновенности собственности от посягательств ханов и других феодалов. Эта неприкосновенность распространялась на вакфное имущество и в первые годы после присоединения Ферганы к России. Достаточной иллюстрацией служит следующий факт. Земля в местности Баш-Булак, которую имел Абдуллабек как частный владелец, где жили крестьяне, имевшие свои постройки и насаждения, после присоединения Ферганы к России и бегства Абдуллабека в Афганистан была причислена к казенно-оброчным статьям⁴. Имелось специальное распоряжение военного губернатора Ферганской области от 1876 г. о том, что если «бунтовщики» – противники продвижения царских войск в Фергану – не вернуться,

¹ Аристов Н.А. Западный Тянь-Шань. Очерки истории и исторической географии. Ч. II. Кыргызы, или кара-киргизы. – СПб., 1893. Рукоп. Архив ГО СССР, р. 65, оп. 1, д. 11, л. 580.

² ЦГА РУз, ф. и. 19, оп. 1, д. 34944, л. 3, 4.

³ Там же. – Д. 23022, л. 314.

⁴ Ильясов С.И. К вопросу о вакфах на территории Южной Киргизии. Изв. АН Кирг. ССР. – Вып. 1. – 1955. – С. 148.

то их имущество подлежит конфискации. Братья Абдуллабека возвратились, им имущество вернули. Абдуллабек остался в Афганистане, его собственность конфисковали. Однако земли, в свое время определенные им в вакф различным учреждениям, главным образом медресе своего отца, остались неприкосновенными. Их распорядителем-мутавалием был сначала Батырбек, позже Хасанбек, братья Абдуллабека.

Вахх Алымбека сохранился и после падения Кокандского ханства. Причина того проста. Туркестанские власти с первых дней не стали обострять отношений с крупными киргизскими феодалами и в открытую заигрывали с ними, так как их влияние на алайских киргизов, оказавшихся на самой южной российской границе, было велико. Завоеватель Ферганы генерал Скобелев принимает в своем шатре жену Алымбека – Алайскую царицу Курманджан, гарантирует помилование ее сыновьям, оказавшим сопротивление продвижению войск. И действительно, возвратившимся Хасанбеку и Махмудбеку было не только возвращено имущество, но оба назначаются волостными-управителями в Ошском уезде сразу с 1877 года.¹ Тогда, согласно ведомостям о медресе и мечетях Ошского уезда, медресе Алымбека датки имело 71 лавку и 34 танапа земли. До Хасан-бека временным мутавалием был некий Безрюк-ходжа-Саид-Ходжа (2 месяца), который сдавал вакфное имущество в аренду за 319 руб. Кроме того, доход поступал с вакфного кишлака Чин-Абад, постоянные арендаторы которого вносили 437 руб.² Помимо всего этого, дополнительным источником дохода наследников Алымбека явилась государственная пенсия Курманджан датке, определенная императорским указом в 1881 г. в размере 300 руб.³

Уже после присоединения Ферганы к России, когда образование вакфов было ограничено, мутавалии все же пытались обойти законодательство в попытке расширить вакф. Примером этого может служить один из документов за 1298 (1881) г.

¹ ЦГА РУз, ф. и. 19, оп. 1, д. 10483, л. 1.

² Там же. – Д. 22507, л. 54.

³ Там же. – Д. 11061, л. 1.

По нему 11 жителей сел Алымбек-чек и Балыкчы заявили, что описанный участок их земли в с. Чин-Абад составляет вакф медресе Алымбека. Жители прав на землю не имеют, а «если же и будут пользоваться и распоряжаться этой землею, то обязаны за все вносить мутавалию пятую часть дохода с земли». Данный земельный массив ранее был смежным с вакфом медресе. И поскольку населению было фактически все равно, кому выплачивать налог в казну или в пользу медресе, то, надо полагать, не без усилия одного из сыновей Алымбека (ставшего волостным управителем и одновременно бывшего мутавалием медресе), жители оформили документ, по которому признавали находящиеся в их пользовании земли вакфными.

Будучи волостным управителем и мутавалием медресе Алымбека датки, Хасанбек имел немало возможностей для всяческих злоупотреблений, чем не преминул и воспользоваться. Жители селения, обрабатывавшие вакфную землю вплоть до 1898 года (по другим источникам до 1894 г.¹), вносили арендную плату вакфному учреждению. В результате в конце XIX в. даже царским пристрастным судом было по жалобе жителей заведено судебное дело о злоупотреблениях волостного управителя Хасанбека, которому предъявили обвинение в незаконном присвоении податей, неправильном разборе судебных дел и прочих правонарушениях.²

Тяга к увеличению прибылей толкает Хасанбека, который к тому времени был уже волостным управителем и мутавалием, на строительство еще одной мельницы – вблизи арыка Ишанчи в Мадинском обществе Акбуринской волости³.

По сведениям начальника Ошского уезда, в 1886 г. Хасанбеку только в городе принадлежало 80 торговых лавок⁴, а по сведениям за 1906–1907 годы, за медресе Алымбека датки числилось

¹ ЦГА РУз, ф. и. 19, оп. 1, д. 10483, л. 1.

² Там же. – Д. 682, л. 8–30.

³ Там же. – Д. 26687, л. 16.

⁴ Там же. – Д. 23586, л. 9.

120 торговых лавок и 30 танавов земли (осталась только непосредственно незаселенная дехканами земля)¹. Несмотря на то что после поземельно-податных работ большая часть земель отошла от вакфного учреждения в фонд казенных, ошское медресе Алымбека продолжало оставаться самым богатым. В 1891–1892 гг. на содержание мутаваля выделялось в год 160 рублей, учащиеся старших классов получали по 20 рублей, средних – по 10 и младших – по 5 рублей.²

Доход от торговых лавок медресе получало приличный – по 1350 рублей ежегодной прибыли, по данным на 1901 год. Оставшаяся в качестве вакфной земля была каменистой и плохо орошаемой, так что и доход с нее составлял всего лишь около 20 рублей. Правда, из-за ветхости лавки находились на грани полного разрушения³, но это мало беспокоило мутаваля: главное – они еще продолжали приносить доход. С земель же, которые в ходе поземельно-податного обследования были изъяты из вакфа и закреплены в пользование населения на правах оброчно-податных статей, в том же 1901 г. был исчислен налог (но уже не в пользу вакфного учреждения, а в пользу казны) – на 1307 десятин 40 сажений 3 139 рубля 72 копейки.⁴

После проведения поземельно-податного обследования и утверждения аграрного законодательства в Туркестане все вакфные заселенные земли, находящиеся в пользовании населения, переходили в разряд государственных земель. Налог с них, даже если и поступал ранее вакфному учреждению, теперь переадресовывался в казну, согласно статьям 255 и 299 Положения об управлении Туркестанским краем от 1881 года. В результате подавляющее большинство вакфов было ликвидировано. Сохранились лишь незаселенные, находящиеся в прямом и непосредственном пользовании вакфных учреждений и к тому

¹ ЦГА РУз, ф. и. 19, оп. 1, д. 33514, л. 6–7.

² *Айтмамбетов Д.* Дореволюционные школы в Киргизии. – Фрунзе, 1961. – С.27.

³ ЦГА РУз, ф. и. 19, оп. 1, д. 33514, л. 14.

⁴ Там же. – Л. 12–13.

же подтвержденные еще ханскими обелительными грамотами. В результате оказался существенно урезан и вакф медресе Алымбека датки. Все населенные земли кишлака Алымбек-чек и другие участки оказались в числе государственных земель и были по определению областного правления от 14 февраля 1896 г. на правах пользования закреплены за населением, непосредственно их обрабатывавшим, при условии выплаты налогов в казну. Тем не менее в целом вакф медресе Алымбека оказался довольно устойчивым.

Удивительную живучесть вакфных установлений доказывает любопытный факт. Уже после революции, в первые годы советской власти, медресе Алымбека датки продолжало сохранять за собой только в Оше два участка пахотной земли и несколько торговых лавок¹, пока те не были отобраны в 1920-х годах.

Рассматривая документы по вакфу медресе Алымбека, трудно не согласиться с тем, что учредителями такой собственности были не только оседло-земледельческие, но и кочевые феодалы.

Совершенно иное отношение к данной форме землевладения было у представителей бедноты. Те смотрели на вакф как на орудие жестокой эксплуатации. И это традиционное отношение отразилось на сохранении некоторых обрядов.

Таким образом, эта сакральная форма собственности, право на которую считалось неприкосновенным и неотъемлемым, постепенно обрела недобрую славу. Бытовало даже поверье, что любое соприкосновение с чужим вакхом несет несчастье. Историк А.К. Писарчик, исследовавшая историю городов Ферганы, приводит сообщение о том, что в старом быту люди избегали строить свои жилища близ мечетей из опасения, как бы случайно ветер не занес к ним лист с дерева, растущего во дворе мечети, или кусочки штукатурки. И это относилось вообще ко всякой вакфной земле, вакфному имуществу. Они считались вредящими, приносящими несчастье дому, в который попали хотя бы помимо воли и ведома хозяина. В Бухаре даже существовало поверье: чтобы принести другому вред, следует немного

¹ ЦГА РУз, ф. и. 19, оп. 1, д. 33735, л. 2.

вакфной земли рассыпать на крыше дома неугодного человека»¹. И при всем этом обращение в вакф почиталось как дело богоугодное, оно всецело поддерживалось духовенством, светскими феодалами и ханами.

По свидетельству историка Д. Зайнабитдинова, на юге Кыргызстана вакфы имели феодалы Джаныбек и его брат Халибек в Узгене, Юсуфбек-казы – в Куршабе, а также существовали незначительные киргизские вакфы в Алабуке, Ляйляке, Баткене. Мы уже писали в свое время о киргизских вакфах кишлака Кара-Багыш в Андижанском вилайете, селения Джигда-Могол в окрестностях Сузака, дачи Багиш-Бостон, кишлака Кампыр-Рабат у Джалал-Абада и др.²

Разумеется, не следует переоценивать роль вакфов в хозяйственной жизни страны. К тому же, например, на территориях кочевий северных кыргызских племен такой формы землевладения просто не было. Но следует учитывать, что они наложили свой отпечаток на аграрные отношения у киргизов и способствовали усилению эксплуатации трудящегося населения. Распространение вакфов началось лишь с середины XIX века и непосредственно связано с историей Кокандского ханства. Обращение кыргызских феодалов к такой форме собственности было вызвано, с одной стороны, стремлением к сближению с мусульманским духовенством, пользовавшимся огромным влиянием среди ханов и в придворных кругах, с другой – желанием иметь гарантию на неприкосновенность наследственной собственности, столь неустойчивой в условиях восточно-деспотического режима кокандских ханов.

Вакфное хозяйство организовывалось как типично феодальное, базировалось на отношениях ренты и аренды с непосредственными производителями-дехканами и в зависимости от хан-

¹ Писарчик А.К. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы. Сб. статей, посвященных искусству таджикского народа. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. – Т. XLII. – Душанбе, 1956. – С. 165. – Примеч. 1.

² Плоских В.М. Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50–70-е годы XIX в.). – Фрунзе, 1961. – С. 74–78.

ского разрешения, силы и влияния феодала – учредителя вакфа – могло или освобождаться от налогов полностью, частично или даже облагаться всеми видами налогов.

Добавлю, что хотя вакфы кыргызов и не представляли собой развернутый институт или систему землевладения в крае, они не были и редким исключением. Намечавшиеся тенденции приобщения кочевых хозяйств к земледелию, начинавшийся переход к оседлости сопровождалась и обращением феодалов к вакфам. Это было своего рода свидетельством их «приверженности» к мусульманству и как предохранительная мера от слишком алчных и неумолимых ханских сборщиков налогов.

На примере медресе родоправителя Алымбека мы рассмотрели одну из оригинальных форм землевладения, ставшую довольно существенным рычагом воздействия кокандцев на традиционный уклад жизни кыргызских кочевников, привития им навыков земледельческого ведения хозяйства. Разумеется, вакф был далеко не единственным кокандским нововведением в быт покоренного народа, в чем неоднократно убедится читатель в ходе дальнейшего повествования нашей книги.

Глава XIV

АБДУЛЛАБЕК И ПУЛАТ-ХАН: ИСТОРИЯ ГОРДЫНИ

Выбор Курманджан датки, принявшей российское подданство, predetermined, как известно, дальнейший исторический путь южных кыргызов. Но был возможен и другой вариант развития событий, воплотившийся в судьбе самозванца Пулат-хана и мятежного сына Алайской царицы Абдуллабека. Интересны и поучительны истории их судеб...

Известно, какова была бы участь алайцев, последуй они не доводам своей мудрой родоправительницы, а воззваниям ее отпрыска, высокомерного и гордого фанатика, сподвижника опального Пулат-хана. Некоронованный принц Алая, скорее всего, не пожалел бы соплеменников, бросив их на алтарь своих амбиций. Его совсем не прельщала перспектива, войдя в число российских подданных, впоследствии стать простым волостным старшиной, сборщиком подати для царской казны. Но попробуем ответить на непростой вопрос: было ли безнадежным положение этого мятежника?..

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОГО

Как выясняется, завоеватель Туркестана Скобелев неоднократно пытался пойти на мирные переговоры с Абдуллабеком. Об этом свидетельствуют несколько адресованных ему писем гене-

рала, хранящихся в настоящее время в военно-историческом архиве в Москве. Приведем один из этих документов:

«Абдуллабек Датка!

Предлагаю вам добровольно явиться к нам со своими людьми, не оставляя Абдулкаримбека. Вы уже могли убедиться в невозможности сражаться против непобедимых русских войск, их не останавливают ни горы, ни реки, ни неприятель. Поэтому Вам предстоит быть гонимым отовсюду беглецом, покуда, рано или поздно, будете нами взяты. Явившись к нам, придайтесь неисчерпаемому великодушию нашего знаменитого вождя – Ярым-Падши и уповайте на его милосердие. А, впрочем, сами лучше знаете. Скобелев»¹.

Но и уговоры российского генерала – далеко не единственная мера, принятая для того, чтобы образумить строптивного баатыра. Оказывается, с Абдуллабеком имел беседу и верный слуга престола «белого царя», предводитель кеминских кыргызов Шабдан Джантаев. В ходе доверительной беседы алаец едва не склонился к решению сдаться российским властям, но, как признался он своему собеседнику, подобное решение не оставит большинство «прочих мятежников».

В итоге переговоры зашли в тупик. Более того, джигиты Абдуллабека захватили брата Шабдана Абдурахмана и двух его соратников. Правда, спустя некоторое времени повстанцы отпустили этих пленников. Далее, после открытого сражения повстанцев преследовал на памирском перевале Кызыл-Арт до реки Чон-Суу по дороге в Каратегин летучий отряд князя Витгенштейна и Шабдан-баатыра. После чего отряд алайских мятежников разделился надвое: одна часть во главе с Абдуллабеком ушла в Бадахшан, другая отправилась в Каратегин.

Абдуллабек с братьями прорвался с боем, оставив Курманджан неприятелю. К тому времени Алайская царица, вероятно, уже вполне понимала обреченность повстанцев, на стороне которых сражались ее сыновья. Родоправительница намеревалась бежать в Афганистан, но 29 июля 1876 года была перехвачена отрядами

¹ Горная царица Курманджан и ее время... – С. 80.

генерал-майора Ионова. Не оказав сопротивления пленившим ее русским, она сразу согласилась встретиться с командующим армией М.Д. Скобелевым, лагерь которого находился в урочище Арча-Булак в Чон-Алае.

Плененная датка прибыла туда в сопровождении Ионова, а также группы биев, взяв с собой своего младшего сына Камчыбека и внука Мырзапаяза. Курманджан датка выполнила обещанное.

Кроме того, родоправительница, получив от Скобелева гарантии о безопасности своих соплеменников, разослала полученных ею пленных кыргызов по Алаю с призывом возвращаться в свои айылы. Ее же сыновья вернулись домой. Мамытбек и Хасанбек – из Кабула, а Батырбек – от бадаулета Якуб-бека из Кашгара. Прибывший на тот момент генерал- губернатор Кауфман назначил их волостными управителями. Не забыла Курманджан отправить восточку и Абдуллабеку. Вот текст этого письма: «Достопочленному, нами любимому сыну, наследному правителю Алая, храброму и преданному Абдуллабеку! ... Мы, хвала Аллаху, находимся в добром здравии и согласии с народом нашим. Мы, со своей стороны, уверены генералом Скобелевым в мирном расположении к кара-киргизам и всяческой помощи по скорейшему окончанию бессмысленной резни. Хватит крови, Абдуллабек. Не ищи грань у яйца. На Алае должен воцариться мир. Отпусти людей к матерям и детям. Поверь мне: русский падишах непобедим. Тебе это доказали. Худояр-хан был куда сильнее тебя – и тот пал на колени, как жеребец с надрезанными жилами. При поддержке России мы обретем границы, которые наказано будет не нарушать ни киданям (т.е. китайцам. – *Прим. В.П.*), ни фарсам (т.е. иранцам и афганцам). Прекратится резня между племенами. Народ будет заниматься своим исконным трудом, а не набегами и защитой своих айылов. Как ты не поймешь, что, отнимая малую родовую гордость, не даешь большую надежду на долгий мир и процветание.

По получении письма немедленно приезжай в Суфи-Курган, где примешь от старой матери титул датки и мое благословение. Если тебе будут чинимы обиды со стороны русских, кара за это падет на мою голову»¹.

¹ Горная царица Курманджан и ее время... – С. 83.

Как видим, в числе аргументов Алайской царицы приводится не только ее призыв смириться перед мощью «белого падишаха», но и доводы, говорящие о большой дальновидности Курманджан как политика: она понимала, что российское подданство даст алайцам большую выгоду – в первую очередь безопасность границ и прекращение междоусобицы.

Увы, разумные доводы не возымели своего действия. Очевидно, непререкаемым авторитетом непокорного сына родоправительницы владел его сюзерен, мятежный Пулат-хан.

АМБИЦИИ И ФИНАЛ «АЛАЙСКОГО ПРИНЦА»

Кем же был этот самозванец, прикрывавшийся во имя, казалось бы, благой цели именем наследника кокандского престола? Известно, что молдо Исхак Хасан-уулу, так на самом деле звали этого героя, родился в семье маргеланского мударриса (духовного лица) примерно в 1844 году. Окончив сельскую школу, некоторое время учился в медресе. В 1867 году он против воли отца бросил учебу и поселился среди соплеменников из рода бостон. Много кочевал с кыргызами, хорошо познал их радости и горести. В 1873 году вспыхнуло восстание кыргызского народа против кокандских угнетателей. Исхак возглавлял это восстание, назвавшись Пулатом, внуком Алим-хана. В 1875 году восстание кыргызов против кокандского господства приобрело размах народного движения. Однако на помощь кокандцам пришли русские войска, заключившие ранее с Кокандом договор о его защите. Пулат-хан со своими отрядами пытался противостоять наступлению царских войск, однако потерпел поражение и с остатками повстанцев бежал в горы. В ночь с 18 на 19 февраля 1876 года раненый Пулат-хан был схвачен своими же соратниками-феодалами и выдан царским властям. 1 марта 1876 года на городской площади Маргелана он был объявлен самозванцем и повешен¹.

А вот данные, приведенные в художественном произведении «Пулат-хан» Амана Газиева: «Мулла Исхак Хасан-оглы происходил

¹ *Плоских В.М.* Наш Кыргызстан: Попул. ист. энцикл. – Бишкек, 2004. – С. 191–192.

из рода бостон южнокиргизского племени ичкилик. Его отец – из простых скотоводов, служил мударисом (учителем) маргеланского духовного училища «Ак- Медресе».

Окончив сельскую школу «мектеби», Исхак сначала учился в кокандском медресе «Тумкатаре», а потом вернулся в Маргелан, к отцу в «Ак-Медресе». В 1867 г. он бросил учебу по неизвестным причинам (но известно, что против воли отца) и поселился в кочевье рода бостон. Через два года он переселился в родной кишлак Ухне; короткое время служил имамом в местной мечети. И вот он уже в Андижане; здесь он тоже занимал должность имама в одной из городских мечетей. Видно, средств не хватало, и он стал торговать табаком-насваем. Интересы торговли вынуждали его часто ездить в Ташкент. В Ташкенте судьба его свела с Абду-Мумином, у которого он и остался жить – то ли на положении работника, то ли друга-собеседника.

По сведениям современников, отмечают историки, с детства Исхак отличался живым умом и склонностью к авантюрам. «... Рассказы Абду-Мумына о Мусульманкуле, Алымкуле (знаменитые временщики), о выступлениях киргизов и кипчаков, потрясавших ханство и ставивших на престол своих ханов, произвели сильное впечатление на молодого муллу – Исхака – и породили в нем стремление к приключениям».

Известно также, что, несмотря на одиозность характера, самозванец обладал несомненной харизмой, чем и привлек немало народа, став таким образом своего рода «кыргызским Пугачевым» и остался в памяти народа как защитник против угнетателей, поскольку кокандские владения в эпоху заката правления Худояр-хана представляли собой растревоженный улей народного гнева. Неминуемое восстание лишь приближали жестокие, но безрезультатные попытки правителя взять контроль над ситуацией.

Бессмысленная жестокость этого владыки была притчей во языцех даже в числе его недавних сторонников.

В дополнение ко всему не получавшие жалования воины-сарбазы просто грабили население, отбирая все, что понравится. Востоковед А. Кун в начале 1870-х гг. особо подчеркивал на заседании Географического общества, что в Коканде глубоко «пустила корни болезнь всеобщего недовольствия против хана и его

приближенных». Кауфман неоднократно предупреждал Худояра о пагубности его курса, но тщетно.

Весной 1873–1874 гг. в Кокандском ханстве неоднократно вспыхивали мятежи, однако хану удавалось кое-как с ними справиться. Нередко повстанцы обращались за помощью к русским властям, но всегда получали отказ. Весной 1875 г. против Худояра поднялась даже кокандская знать: во главе заговора встали: сын некогда всеильного регента Мусульманкула.

Вот как описано это беспокойное время в упомянутой нами книге А. Газиева: «В конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века обширное Кокандское ханство сотрясали нескончаемые бунты. Невыносимый налоговый гнет вызвал возмущение всех народов, населявших Фергану и окаймляющие ее огромные горные массивы. Недовольны были все – и оседлые земледельцы – узбеки, таджики, и кочевники – кипчаки, кыргызы, казахи. То там, то здесь сборщики налогов сталкивались с открытым неповиновением. Особенно выделялись в этом отношении кыргызские племена. Приведем один пример. Современник событий, русский исследователь Н. Маев сообщает: «Суровая зима 1870–1871 гг. тяжело отразилась на скотоводстве киргиз»¹... Множество скота пало от джута. Начался голод. Но ханские сборщики знать ничего не хотели: вынь да положи ханскую долю! Забирали последних баранов, обрекая людей на голодную смерть. Весной 1871 г. в Алайской долине восстали скотоводы. Туда был направлен Атабек датка с большой воинской силой. Он разбил нестройное, плохо вооруженное ополчение, повесил 12 главных зачинщиков и возвел крепость. Но, как пишет уже другой исследователь Л.Ф. Костенко, в 1872 г. гарнизон укрепления вместе с даткою был захвачен врасплох алайскими киргизами и вырезан до одного человека.

Родоправители многих южнокиргизских племен, не связанные с придворной кликой, начали подумывать о всеобщем восстании, способном смести Худояра. Но им нужен был вождь с громким именем обязательно из царствующего рода минг – так

¹ Газиев А. Пулат-хан: Историческая повесть. – Бишкек, 2010. – С. 130.

уж повелось издавна. Когда же настоящий наследник престола – Пулат-бек, влачивший жалкое существование послушника при медресе, отказался от этой своей миссии, было найдено подставное лицо, тот самый молдо Исхак Хасан-уулу. Весной 1873 года он был провозглашен ханом – «поднят на белом войлоке». Финал этой благородной авантюры известен. 1 марта 1876 года на базарной площади в Маргелане при большом стечении народа были повешены по приказу русских властей Пулат-хан и несколько других вождей повстанцев. Глашатай прочитал приговор на русском и местном языках...

Чем же привлек Пулат-хан Абдуллабека и многих других предводителей кыргызских племен? По данным историков А. Какеева и В. Плоских, молдо Исхак «... не был единоличным руководителем восстания, а делил власть с руководителями отдельных отрядов повстанцев, среди которых наибольшей известностью пользовались андижанский кыргыз Мамыр Мергенов и чаткальский кыргыз Момун Шамурзаков»¹. Скорее всего, именно по причине близости своих соплеменников к предводителю мятежников Абдуллабек надеялся, что в случае успеха восстания можно будет сосредоточить власть в ханстве в руках кыргызов. Добавим, что подобные же надежды лелеяли и многие родоплеменные кыргызские вожди.

Сам же Абдуллабек вскоре после разгрома Кокандского ханства предпринял паломничество в Мекку, где и скончался. Тело усопшего, по кыргызскому обычаю, было перевезено на Алай и с почестями предано земле на родовом кладбище в Гульче.

Следует подчеркнуть, впервые у власти здесь оказались представители неисламской цивилизации, т. е. «неверные». Сохранить влияние россиянам было весьма непросто, учитывая влияние знати и исламского духовенства, потерявших с приходом русских немалую часть своих привилегий. С другой стороны, прежний уклад жизни подданных ханства приучил их относиться к беспорядкам как к чему-то неизбежному. В обстановке неуверенности в завтрашнем дне, в которой приходилось находиться не только рядовым жителям, но даже отпрыскам

¹ Газиев А. Пулат-хан... – С. 129.

царствующей династии, беззакония и злоупотребления властью были обычным делом. Потому установление власти европейского образца с верховенством закона было бывшим подданным ханства в диковинку. Но благотворное влияние стабильности и правопорядка вскоре дало о себе знать: несмотря на ущемления в правах, благосостояние представителей местной аристократии неуклонно росло, что стало решающим фактором примирения местного населения с пришельцами.

К слову, о бесперспективности и бесплодности политики сторонников сопротивления русским властям свидетельствовала дальнейшая судьба сына Курманджан Абдуллабека, проводившего именно такую политику.

Что же касается альтернативы сближению южных кыргызов с Россией, которая якобы была, по мнению ряда радикально настроенных современных политиков, ее начисто отрицают многие действительно компетентные в этом вопросе историки. Судя по свидетельству многих документов, местные народы вряд ли могли бы в то время создать и свои суверенные государства. Любые подобные попытки окончились бы конфликтами, одинаково губительными для представителей всех проживающих в Средней Азии этнических групп. Можно сказать, поучительным примером, говорящим именно о таком возможном в то время варианте развития событий, стала печальная участь верного сподвижника Пулат-хана Абдуллабека.

Глава XV

ЕЩЕ РАЗ О КУРМАНДЖАН И ШАБДАНЕ

История страны – дело деликатное. Здесь неосторожного слова достаточно, чтобы посеять непонимание и раздоры. Например, очерк о кыргызском национальном герое Шабдан-баатыре, опубликованный недавно в газете «Слово Кыргызстана», оскорбляет чувства тех, кому дорога память об этом человеке.

Винтервью, опубликованном 15 апреля 2011 года в газете «Слово Кыргызстана», праправнук Курманджан датки Ю.М. Мырзапаязов позволил себе назвать лидера кыргызского племени сарыбагышей Шабдана Джантаева «наймитом» и «предателем».

Мы полагаем, автор некорректного выпада не лукавит, а искренне заблуждается. Поскольку он руководствовался домыслами и слухами, а не проверенными наукой фактами. Чтобы помочь ему и нашему читателю разобраться, кем же был на самом деле Шабдан из Кемина и как у него складывались отношения с Курманджан даткой, поделимся достоверными сведениями о времени, в котором жили оба политика.

Для начала заметим, что российское завоевание Туркестана в XIX веке было неизбежным, поскольку диктовалось процессом развития огромной страны. России требовались новые рынки сбыта товаров, источники сырья и дешевая рабсила. В свою очередь, кыргызы, находившиеся под гнетом Кокандского ханства и разоренные

бесконечными распрями между родоправителями, искали пути выхода из создавшегося тяжелого положения.

Обосновавшись в Семиречье, царизм рассматривал вопрос о соединении Сибирской и Сырдарьинской линий путем подчинения народов Средней Азии. С этой целью в 1859–1860-х годах были проведены рекогносцировочные работы в Чуйской долине, а в августе и сентябре 1860-го пали кокандские крепости Пишпек и Токмок.

Теперь посмотрим, какую роль в этой ситуации сыграл человек, которого некоторые узбекские исследователи и уважаемый Ю.М. Мырзапаязов называли «предателем». Можно по-разному относиться к личности Шабдана и его роли в истории, но отнюдь не негативно. Да и не заметить эту фигуру непросто.

Общественно-политическая деятельность Шабдан-баатыра началась рано, когда ему было 20 лет и этот молодой представитель племени сарыбагышей был еще подданным Кокандского ханства. В конце 1859 года бек Пишпекской крепости Атабек отправил его ко двору хана Малля-бека на службу. В то время правитель Андижанского вилайета Алымбек датка имел достаточное влияние в ханстве. Именно в те времена и пересеклись пути трех выдающихся личностей – опытного и мудрого Алымбека датки, его жены Курманджан и молодого, но уже известного Шабдана. Предположим, что, имея общие интересы, они, прозорливые и дальновидные политики, нередко обсуждали весьма сложную обстановку в Центральной Азии.

Известно, что в период локальных кокандско-русских военных конфликтов каждый раз с уходом русских войск кокандцы восстанавливали разрушенные крепости и вновь утверждали свою власть в таких бастионах. Для этого из ханства отправлялись на помощь местным гарнизонам дополнительные военные силы. Аналогичное событие произошло во время одного из подобных эпизодов противостояния кокандских и российских войск в местности Узун-Агач, на границе кочевий кыргызских и казахских племен. Тогда во главе кокандского войска, состоящего в основном из узбеков, кыргызов и казахов, стоял крупный военачальник ханства Канаатшаа. В состав войска входил и кыргызский отряд численностью 12 тысяч человек. Его возглавлял супруг Курманджан – Алымбек. Находился в этом войске и Шабдан-баатыр со своими джигитами.

Решающее сражение между русскими и кокандскими силами произошло 20 октября 1860 года. Что примечательно, кыргызы в нем не участвовали, оставаясь в стороне. По сообщению ряда российских полководцев, прими в сражении участие кыргызы, его исход был бы другим. Можно предположить, что Алымбек датка и Шабдан, как и ряд других родоправителей кыргызов и казахов, верно оценив ситуацию и превосходство российских войск, не хотели подвергать напрасной гибели своих соплеменников. Благодаря столь верному решению они спасли жизни 12 тысячам воинов. После сражения Шабдан Джантаев не покидает разбитого Канаат-шаа и едет вместе с ним в Кокандское ханство, где в течение двух лет служит при дворе.

Полагаем, что в годы службы при хане баатыр тесно общался с кыргызскими родоправителями южного региона, в том числе и с Алымбеком даткой, его супругой Курманджан и другими. Именно тогда он завоевал авторитет и уважение своих соплеменников, выразившихся впоследствии в их безграничном доверии. Находясь на государственной службе при кокандском дворе, Шабдан уже после принятия его отцом Джантаем российского подданства неоднократно поддерживал ферганских кыргызов. Например, восставшие в 1873 году представители этой этнической общности отправили своих делегатов к Ш. Джантаеву, чтобы тот стал посредником в переговорах с российскими властями Токмакского уезда. По принятии их в подданство России посланцы получили поддержку баатыра, который участвовал в переговорах по этому поводу. Но миротворческую миссию Шабдана пресек туркестанский генерал-губернатор. В своем рапорте от 12 ноября 1873 года он указал необходимость «... проверить заявление депутатов о сношении их через Шабдана Джантаева с токмакскими кыргызами и, буде то окажется справедливым, немедленно их прекратить».

Царизм, связанный узами мирного договора с Кокандом, изначально противился воссоединению южных и северных кыргызов.

Как известно, после упразднения Кокандского ханства Курманджан датка со своими сыновьями, не желая подчиниться царскому правительству, решила на отчаянный шаг – неравную борьбу с царскими войсками. По этому поводу на последнем этапе завоевания ханства генерал-губернатор Туркестана К.Д. Кауфман писал, что «никогда еще в Средней Азии русским не приходилось испы-

тывать такой длинной и упорной борьбы. Мы первый раз столкнулись с энергичным бойцом и узнали, что бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств». В такое сложное время, в июле 1876 года, генерал М.Д. Скобелев призвал Шабдан-баатыра с джигитами участвовать в военно-научной экспедиции на Алай. Нетрудно догадаться, что опытный генерал с помощью Шабдан-баатыра хотел совершить поход с минимальными потерями. В свою очередь, Шабдан-баатыр своим участием желал спасти южных соплеменников от неминуемого разгрома.

Итак, действительно благодаря участию в экспедиции Шабдан-баатыра в итоге сравнительно мирно разрешилась военная кампания и было быстро подавлено восстание Пулат-хана. Через брата Шабдана, Абдрахмана, Скобелев 21 июля направил письмо Абдылдабеку, сыну Курманджан датки, продолжившему борьбу. Ему было предложено сложить оружие, прекратив бесполезное сопротивление. Интересен ответ Абдылдабека: «Его превосходительству Скобелеву! Мы получили Ваше письмо о перемирии. До сих пор с помощью Аллаха и его пророка, собрав людей, мы оказывали сопротивление потому, что Вы постоянно нарушаете принятые Вами же обязательства... Вы, начиная с Токмака, покорили кыргызов, кыпчаков, сартов, давали обещания, но после захвата Коканда все изменилось. Если бы Вы не изменяли своих обещаний, то не было бы и этого восстания. Если Вы действительно желаете мира и намереваетесь сдерживать свои обещания, то дайте задание Шабдан-баатыру. Мы тоже выражаем ему доверие. Пусть Шабдан-баатыр решает наши проблемы. На все Ваша воля, но если Вы оставите Шабдана в Ошском уезде, возможно, что между нами установится порядок». Как видим, Абдылдабек вполне доверял Шабдану как посреднику и был намерен прекратить борьбу, но на мир все же не соглашался.

С 29 по 31 июля русские отряды в сопровождении Шабдана продолжали преследовать повстанцев. Сохранилась байка о встрече Абдылдабека и Шабдан-баатыра, где они, обсудив создавшееся положение, пришли к выводу о целесообразности ухода повстанцев в Афганистан.

В эти же дни по поручению М.Д. Скобелева отряд майора М.Е. Ионова разыскивает Курманджан датку и 29 июля находит ее со свитой в местности Кок-Суу у ее брата Исмандиярбая. После

непродолжительных переговоров Курманджан согласилась на встречу с военным губернатором Ферганской области М.Д. Скобелевым. «Царица Алая» прибыла в Лянгар в ставку губернатора в сопровождении сына Камчыбека и внука Мырзапаяза. М.Д. Скобелев принял ее с почестями и просил убедить сыновей вернуться на Алай, обещая обеспечить их безопасность. В ответ она обещала, что «мир и тишина будут царить в долине Алая, пока живет она на свете».

Курманджан, осознавая бесполезность сопротивления, предложила повстанческим отрядам вернуться в родные кочевья. Послушавшись ее, многие кыргызы, в т.ч. сыновья Махмутбек, Асанбек и Батырбек вернулись в Ошский уезд. Все они были назначены волостными управителями.

По воспоминанию сына Шабдана, Кемела, когда Курманджан датка находилась в ставке генерала Скобелева, кыргызский полковник поставил родоправительнице большую белую юрту и в течение месяца оказывал ей почести соответственно ее рангу и положению. Он искренне преклонялся перед благовоспитанностью этой великой женщины. Каждое утро оба политика обсуждали создавшуюся обстановку в крае. Вероятно, они искали пути спасения и консолидации кыргызского народа. Притом, подчеркнем, собеседники уважительно относились друг к другу.

Добавим к тому утверждение современного кыргызстанского историка Т.Н. Омурбекова. Как полагает он, основываясь на ряде фактов, Шабдан-баатыр сыграл немаловажную роль в переезде Курманджан датки в родные кочевья – Гульчу. Такие сведения встречаются и в работе первого кыргызского историка Б. Солтоноева. Это в первую очередь говорит о дружеских отношениях двух выдающихся общественных деятелей и политиков. Между ними сохранились самые доброжелательные отношения и в последующие годы. В интересах народа они поддерживали дружественные связи со многими местными представителями царской власти. И те, зная их авторитет, вынуждены были считаться с их мнениями. Так, по данным Осмонаалы Сыдыкова, Шабдан-баатыр способствовал освобождению от заключения 73 своих соотечественников.

По преданиям, Курманджан датка и Шабдан-баатыр нередко проявляли милосердие по отношению к бедным и слабым, оказывая им материальную помощь. Для них не были характерны жажда власти, жестокость, жадность и стремление к обогащению.

Они поражали современников пронизательностью и гибкостью в последовательном осуществлении в жизнь поставленных целей.

В условиях колониальной политики царизма они пытались сохранить целостность и номинальную независимость соплеменников путем участия в управлении краем хотя бы в низшем звене. В то же время они, глубоко осознав необратимость процесса развития кыргызского общества в русле мировой цивилизации, стремились на своих примерах привлечь кочевников к инновациям в области образования, здравоохранения и экономики.

Выдающихся общественно-политических деятелей Курманджан датку и Шабдан-баатыра знали и уважали при их жизни не только в Центральной Азии, но и далеко за ее пределами. Они представляют собой когорту замечательных людей человеческого рода, которые своими беззаветными делами заслужили вечную славу.

Завершая наш небольшой экскурс в дела минувших дней, напомним следующее. Еще в 1991 году, в преддверии обретения независимости, общественность республики широко отмечала 180-летний юбилей Курманджан датки, еще при жизни европейскими исследователями и местными представителями российской власти почтительно названной Алайской царицей. И вот по истечении двух десятков лет, в год 20-летия суверенитета, Указом первой женщины Президента Кыргызской Республики текущий год объявлен Годом Курманджан датки. Проведение мероприятий, связанных с юбилейными датами, позволяет нам выразить свое уважение видным государственным и общественно-политическим деятелям разных эпох и глубже вникнуть в суть демократических преобразований в стране через призму прошлого.

Выступления и публикации по этому поводу в средствах массовой информации в целом способствуют поднятию общественного сознания кыргызстанцев, воспитывая их в духе преданности Родине. Увы, к великому сожалению, иногда просачиваются материалы, мягко говоря, не соответствующие исторической правде. Чтобы подобные выпады не стали традицией, необходимо, чтобы народ знал правду о творцах его истории. Потому желаем авторам, подобным уважаемому Ю.М. Мырзапаязову, почаще консультироваться с историками. Тогда весомое слово этого аксакала и других искателей исторической правды будет научно обоснованным и не станет причиной возможных конфликтов.

Глава XVI

АЛАЙСКАЯ ЦАРИЦА И АНДИЖАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1898 года

Непредсказуемый и своевольный нрав, которым отличалась Курманджан датка, удивительно сочетался с трезвым расчетом и мудростью дальновидного стратега. О том свидетельствует факт биографии Алайской царицы, когда ее предостережение однажды спасло от верной гибели десятки тысяч соплеменников. Речь идет о поступке, предотвратившем участие многих алайцев в печально известном Андижанском восстании 1898 года.

КОРНИ НАРОДНОГО ГНЕВА

Как известно, это массовое волнение сепаратистов охватило в конце 1890-х значительную часть Ферганской долины. Выступление, носившее ярко выраженный антиколониальный характер, проходило под лозунгами газавата, «священной войны». Последнее было отчасти обусловлено некоторыми просчетами, допущенными русской колониальной администрацией с момента завоевания Коканда. Как пишет в одной из своих работ современный узбекистанский исследователь Б.М. Бабаджанов¹, местное

¹ *Бабаджанов Б.М.* Дукчи Ишан и Андижанское восстание 1898 г./Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе/Сост.: С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. – М.: Вост. лит., 2003. – С. 251–277.

исламское духовенство после падения ханства заняло двойственную позицию. Большинство его представителей формально смирились с неизбежностью.

Причем, скорее всего, священнослужители не стали бы настраивать паству против новой власти, если бы не ряд обстоятельств, оскорбляющих чувства магометан. По данным Бабаджанова, например, в пятничных и праздничных хутбах (молитвах. – **Прим. В.П.**) по приказу колониальной администрации после обычных славословий в адрес Пророка и первых четырех праведных халифов приходилось вставлять имя «Всемилютейшего Государя императора»¹.

Подобным же образом с молчаливого согласия этой части духовенства ущемлялась не только свобода вероисповедания мирян, но и права клира. По мнению советского исследователя К. Касимбекова, именно благодаря начатому в 1895 году частичному секверу вакфного имущества медресе и мечетей и введенным с ведома колониальной администрации ростовщическим кредитам под будущий урожай, вкуче с отменой шариатских налогов и заменой их общеимперскими, произошло массовое обезземеливание крестьян, разорилось немало мелких ремесленников и торговцев².

Судя по ряду сохранившихся документов, возможный трагический поворот событий предвидел ряд должностных лиц местной государственной администрации.

В архивах находится немало писем и прошений, указывающих на негибкую и недалновидную политику царизма³. Впрочем, единичные трезвые оценки тонули в море восторженных публикаций того времени по поводу русской колонизации

¹ Бабаджанов Б.М. Дукчи Ишан и Андижанское восстание 1898 года... – С. 251.

² Касимбеков К.Ф. Из истории народных движений в Фергане в конце XIX – начале XX в. – Ташкент, 1978. – С. 13.

³ Напр., ЦГА РУз, ф. и. 1, оп. 31, д. 3, л. 17 (Из докладной записки военного прокурора Ферганы, 1885 г.); Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. – СПб., 1882. – С. 229–230.

Средней Азии, «более мягкой и либеральной по сравнению с британской колониальной политикой в Индии»¹.

Впрочем, вышеназванные причины восстания составляли, можно сказать, лишь «видимую часть айсберга». Поскольку в числе организаторов смуты было немало представителей духовенства, не сумевших (либо не пожелавших) интегрироваться в систему новой власти и составивших ей оппозицию. Особенно много недовольных было среди тех, чье материальное положение с приходом россиян резко ухудшилось².

Очевидно, консолидация двух группировок представителей местного клира была бы маловероятной, если бы их не сподвигли сплотиться грубые административные просчеты новой власти. Впрочем, подготовившее почву для восстания трагическое стечение обстоятельств является скорее закономерностью для Средней Азии, что неоднократно подчеркивал ряд российских и советских историков³. По их мнению, отсутствие конвергенции культурно-мировоззренческих позиций колонизаторов и наиболее образованных представителей местного населения всегда служило на исламском Востоке детонатором для религиозных войн.

Таким образом, подспудно зревшее в течение нескольких лет недовольство мусульман некоторыми новшествами и просчетами колониальной администрации было подогрето радикальными лозунгами маргинального слоя духовенства. Для начала газавата – священной войны против «неверных» – не хватало лишь лидера, наделенного харизмой. И тот не заставил себя долго ждать...

¹ См. *Сальков В.П.* Андиджанское восстание в 1898 году. – Казань, 1901. – С. 92, 100–101.

² См. *Бабаджанов Б.М.* Дукчи Ишан и Андиджанское восстание 1898 года... – С. 251.

³ См. *Смирнов Е.* Дервишизм в Туркестане// Материалы по мусульманству. Вып. 2. – Ташкент, 1898. – С. 22–24; *Бобобеков Х.Н.* Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVII – XIX вв.). – Ташкент, 1990. – С. 90–91.

КЛИЧ ВЕРЕТЕНЩИКА

Восстание возглавил некий Магомед Али Халиф Мухаммед-Сабир Оглы – ишан из кишлака Мин-Тюбе. Прозвище Дукчи, под которым он вошел в историю, указывает на вероятную профессию этого человека. Для наиболее полного раскрытия и объективного суждения о причинах Андижанского восстания 1898 г. необходимо исследовать личность непосредственного руководителя. Чтобы решить вопрос, можно ли толковать Андижанское восстание как религиозное суфийское, антиколониальное или национально-освободительное движение, проще и логичнее обратиться к идеям самого Дукчи Ишана.

Надеялись ли организаторы восстания на помощь извне? Скорее всего, да, о чем есть свидетельство: сохранилось письмо ишана турецкому султану. Там подробно изложено, как оказались лишены доходов вакуфные учреждения и было запрещено паломничество в Мекку. Автор послания просил султана «ходатайствовать пред нашим Государем о принятии мер к восстановлению жизни по шариату, опасаясь, чтобы уклонения от шариата не вызвали гнева Божьего на русские власти»¹.

А теперь немного об облике и о привычках ишана. Восстановить эти данные не составляет труда, основываясь на отчете генерала Королькова по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 г. и некоторых других материалах. По их данным, Дукчи было 45 лет, но на вид он казался моложе. Предки его были родом из Кашгара, сам же он родился в кишлаке Мин-Тюбе Маргеланского уезда, где постоянно и проживал. Одиннадцать лет тому назад он совершил хадж в Мекку, после чего его влияние на народ стало особенно прочным, хотя и до того, судя по некоторым сведениям, было велико и началось уже давно. По мере возрастания этой славы росло и благосостояние ишана, которое путем доброхотных приношений его почитателей стало давно уже настолько значительным, что он мог принимать у себя и кормить массу народа, как постоянно у него жившего, так и временно его посещавшего. Число тех и других

¹ ЦГА ВМФ РФ. Ф. 565, оп.1, д. 3193, л. 10–12.

доходило иногда до тысячи, а ежедневно собиралось по несколько сот человек. В обширной усадьбе ишана находились громадные котлы для варки пищи, вместительность которых вполне соответствовала указанному числу посетителей. При ишане постоянно было до 30 суфиев, 40 шакирдов и несколько человек, давших различные обеты, по-видимому, нечто вроде аскетов.

Приближенные люди и ученики своими рассказами о святости ишана привлекали к нему народ, среди которого твердо держалась вера в творимые им чудеса, так, например, говорили, что он варит плов без огня. Как люди делались приверженцами ишана, можно видеть из показания одного киргиза, данного на следствии. Он показал, что три года тому назад, наслышавшись о святости и чудесах ишана, пошел вместе с несколькими знакомыми киргизами в Мин-Тюбе и «подал руку» (вступил в число учеников) ишану, причем внес в его пользу пять тилей, а от него получил черную тюбетейку и благословение. После того киргиз этот стал бывать у ишана каждый год два по два, по три и оставался дней по шести, а наконец, и окончательно поселился в его усадьбе. Значение ишана было настолько велико, что он три года тому назад начал назначать в ближайšie к Мин-Тюбе местности раисов. Эти воскрешенные им цензоры нравов были вооружены, как и в ханские времена, плетями и били ими народ за неисполнение требований шариата. Таким образом, рядом с нашей властью жили и действовали ставленники ишана¹.

Здесь, как мы видим, говорится, что люди становились приверженцами ишана благодаря вере в то, что он умеет творить чудеса. Последнее весьма характерно для последователей суфизма как мистико-аскетической ветви ислама. Предполагалось, что Дукчи Ишан должен был обладать сверхъестественными способностями и, кроме того, вести аскетический образ жизни.

Многое об облике Дукчи, его харизме говорит так называемая легенда об упавшем минарете, весьма популярная при жизни ишана, а впоследствии изложенная в одном из его жизнеописаний.

¹ Отчет генерала Королькова по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 г.// ЦГИА РФ, ф. 396, оп. 2, д. 240.

Речь идет о рухнувшем минарете, возведенном в 1890-м. Несколькоими годами позже по причине роста числа молящихся в мечети и муридов возникла необходимость реконструировать мечеть. Мастера решили разобрать ее старый минарет из сырцового кирпича и возвести новый, из жженого. Однако Дукчи Ишан велел, чтобы только нарастили старый, надстроив верхнюю часть из жженого кирпича. «Довольно скоро основание минарета из сырцового кирпича, естественно, стало трескаться, и минарет наклонился. Вновь некоторые из служащих *ханака* предложили разобрать его, но большая часть *муридов* заявила, что «минарет будет стоять так до Судного дня благодаря *карамату* господина Ишана; он сказал, что [ангел смерти] Азрайил будет трубить в свою трубу, стоя на вершине этого минарета». И все же вопреки *карамату* Ишана минарет вместе с поднявшимся на него *му'аззином* рухнул на построенную у его подножия школу. Погибли 23 ученика, учитель и *му'аззин*, еще 15 детей получили увечья¹. Следует отметить, что значительная часть муридов и после описанного случая продолжала хранить веру в карамат Ишана, а многие родители погибших детей сочли счастливым знамением, что их детей «придавил минарет хадрат Ишана»².

Добавим, что приверженность культу бедности, отрешение от всего земного, отказ от сотрудничества с властями, стойкое перенесение страданий и лишений, как и ранних суфиев, отличали и Дукчи Ишана от официального мусульманского духовенства. Что же касается самого восстания, то в Анониме жития Дукчи Ишана – предводителя Андижанского восстания 1898 г. Манакиб-и Дукчи Ишан³ – обозначается критическое отношение ишана к высокопоставленным религиозным и светским родственным кланам, которое привело в итоге к негативному

¹ Бабаджанов Б.М. Дукчи Ишан и Андижанское восстание 1898 года... – С. 173.

² Там же. – С. 174.

³ Манакиб-и Дукчи Ишан (Аноним жития Дукчи Ишана – предводителя Андижанского восстания 1898 г.). – Ташкент – Берн – Алматы, 2004. – С. 24.

отношению официального духовенства и к нему, и к руководимому им восстанию. «Дукчи Ишан явно различал «их религию», «их понимание шариата», носителем которого он, очевидно, считал себя и всю «паству»¹. Такое отношение вполне объяснимо, так как известно, религиозная этика истекает из интересов различных слоев общества, формально исповедующих одну религию. Нескрываемая оппозиционность и противопоставление себя «высшим», т.е. духовным и светским аристократам (по выражению Дукчи Ишана, потерявшим «истинную веру»), лишили восстание возможной поддержки большинства чиновников местной администрации, кланов и богатых людей².

КАК БЕДА МИНОВАЛА АЛАЙЦЕВ

Идеи и настроения повстанцев находили сочувствующих и в кыргызских кочевьях, о чем есть соответствующее свидетельство, приведенное современным исследователем Б. Бабаджановым. По его данным, один из приближенных людей ишана, Фозил-бик, еще в конце 1895-го – начале 1896 года сообщил Дукчи о том, что кыргызы из Восточной Ферганы, жители селения Кетмон-типа в Кугарте, недовольные захватом пастбищ и земель русскими переселенцами, на одном из своих собраний приняли решение через несколько дней «побить мужиков»³.

Надо полагать, и на Алае нашлось немало желающих поддержать андижанского веретенщика. Причем сторонники восстания наверняка надеялись найти в лице своей родоправительницы, Курманджан, надежного союзника: свежа была в ее душе рана обиды за своего младшего сына Камчыбека, казненного царскими властями 3 марта 1895 года в Оше по ложному обвинению. Реакция Алайской царицы на призывы к смуте была, по меньшей

¹ Манакиб-и Дукчи Ишан (Аноним жития Дукчи Ишана – предводителя Андижанского восстания 1898 г.)... – С. 55.

² Там же. – С. 56.

³ *Бабаджанов Б.М.* Дукчи Ишан-и Андижанское восстание 1898 года... – С. 265.

мере, неожиданной. Вот как описаны действия датки в одном из ее популярных жизнеописаний, изданных уже в суверенном Кыргызстане. По словам автора, Курманджан собрала большой совет аксакалов, на котором спросила присутствующих:

– Кто такой Дукчи Ишан и чего он хочет? Он задумал посадить ханом в Коканде племянника покойного хана Мадали! И для этого он поднимает народ против белого царя! Этот веретенщик надеется победить падишаха орусов, против которого бессильны великий султан Турции и государи других сопредельных стран!

– Веретенщик погубит народ... Он поведет людей на пули, штыки и пушки орусов. Пока я жива, этого не допущу! Те, на кого я имею влияние, не пойдут за безумцем из Мин-Тюбе...¹.

Но «царица Алая» не ограничилась лишь тем, что оградила своих соотечественников от участия в мятеже. Она посчитала своим долгом предупредить о готовящемся восстании русских, послав к военному коменданту Оша своего приемного сына Карабека. Он, как никто из сыновей Курманджан, воспринял ее убеждения о недопустимости пролития человеческой крови.

После отъезда гостя подполковник тотчас отправил денщика в воинские казармы с приказом вызвать к нему всех офицеров.

Сообщение действительно оказалось чрезвычайной важности и не терпело отлагательства – требовалось действовать немедленно...»².

А теперь о финале восстания. Мятеж под предводительством Ишана Дукчи начался 18 мая 1898 года. Рано утром толпа повстанцев атаковала бараки двух рот дислоцированного в Андижане 20-го Туркестанского линейного кадрового батальона. Атаке подверглись и многие правительственные учреждения в Ошском уезде. По данным узбекского историка Турсунова³, численность восставших составляла около двух тысяч человек. В результате их нападения на гарнизон было убито

¹ Горная царица Курманджан и ее время... – С. 121.

² Там же. – С. 122.

³ Турсунов Х.Т. История Узбекской ССР. – Ташкент, 1968. – Т. 2. – С. 115.

22 и ранено 18 солдат русской армии. Данные о точном числе жертв со стороны гражданского населения, по всей видимости, не сохранились.

По сведениям Б. Бабаджанова, Ишан Дукчи был арестован со своими сподвижниками. Причем «у одного из схваченных, Субханкули 'Араб-бая, при обыске был найден Коран, в котором оказался документ, представляющий собой выданное Мухаммад-'Али фальшивое свидетельство в том, что он назначается халифом турецкого султана Абдул-Хамида II»¹. Движение было быстро и жестоко подавлено, 383 повстанца были осуждены царскими властями. Восемнадцать из них повешены, в том числе и Ишан Дукчи. Остальные отправились на каторгу и поселение. По данным кыргызстанских историков, среди осужденных было 257 кыргызов,² в числе которых оказался впоследствии знаменитый акын советской поры Токтогул Сатылганов. Разумеется, численность осужденных на смерть и каторгу представителей кыргызского народа могла быть намного большей. В том, что этого не произошло, – заслуга Алайской царицы.

¹ Бабаджанов Б.М. Дукчи Ишан и Андижанское восстание 1898 года... – С. 252.

² См.: Горная царица Курманджан и ее время... – С. 124.

Глава XVII

АЛАЙ И ЕГО ЦАРИЦА В ПУТЕВЫХ ЗАПИСЯХ КАРЛА МАННЕРГЕЙМА

Нередко пересекаются пути выдающихся политиков разных стран, каждый из которых играет ключевую роль в судьбе своего государства. Подобные встречи, особенно если им сопутствуют занимательные истории, обычно не проходят даром, оставляют заметный след в памяти потомков. Именно такой случай произошел в начале XX века на юге Кыргызстана. Аудиенции у родопрavitельницы Алая, Курманджан датки, удостоился военный путешественник, разведчик, полковник Генерального штаба российской армии, потомок шведских аристократов, барон фон Маннергейм. Впоследствии, в период с 4 августа 1944 года по 11 марта 1946 года, он стал шестым по счету президентом Финляндии. Ушел из жизни 27 января 1951 года в возрасте 83 лет, был почетным маршалом и национальным героем своей страны, кавалером многих орденов.

В истории Кыргызстана этот финский государственный деятель и военный интересен прежде всего тем, что запечатлел на своих фотоснимках несколько мгновений жизни Горной царицы, ее окружения. Впоследствии выяснилось: сделанные этим человеком фотографии – едва ли не единственные из сохранившихся документов, достоверно передающие внешность главной героини нашей книги, многие детали быта кыргызской аристократии начала

прошлого века. Но не только снимки оставил путешественник кыргызстанцам. Ему принадлежат путевые заметки, в которых немало бесценной информации о жизни туркестанцев того времени, живых картинок описания быта алайских кыргызов и, что самое для нас важное, – записок о встречах с Курманджан даткой.

Немного фактов биографии этой яркой фигуры нашей истории. Карл Густав Эмиль фон Маннергейм – гражданин России, затем Финляндии, швед по происхождению. Получил блестящее образование и опыт службы в имперской армии. Был участником таких важных событий, как коронация Николая II, Русско-японская, Первая и Вторая мировые войны. Но пик славы ждал этого политика после гибели Российской империи. В 1919 году Маннергейм стал регентом короля Финляндии, в 1939 – 1945 годах – маршалом и главнокомандующим, а затем – президентом Финляндской Республики. Прекрасный гвардейский офицер, впоследствии признан национальным героем и занял достойное место в истории многих стран. Одной из наиболее ярких страниц его биографии является экспедиция в Центральную Азию 1906–1908 годов, предпринятая по заданию Генштаба Российской империи. За два года на лошадях отважный путешественник преодолел более 14 тысяч километров от Самарканда до Пекина.

Наряду с военными сведениями барон собрал немало этнографических и археологических материалов. Они и поныне служат прекрасным источником по истории и культуре Центральной Азии. Повторюсь, особый интерес для историков представляют его заметки о жизни и быте алайских кыргызов начала XX века, его встреча с Алайской царицей Курманджан даткой, уникальная коллекция фотографий, сделанная К.Г. Маннергеймом.

В записной книжке этого военного под кратким заголовком «Дополнительные сведения» зафиксированы и собственные исследовательские наблюдения. В их основной части есть информация о каменных изваяниях с руническими надписями, о китайском гражданском и военном законодательствах. Не ускользнуло от взора пытливого исследователя множество деталей быта местных жителей, например цвета глазурированных кирпичей, покрывавших мечети Самарканда, руководство по лечению болезней, украшения юрт и изготовление женщинами войло-

ка, спортивные скачки мужчин. В записной книжке содержится также список книг о Средней Азии и Китае, насчитывавший сто наименований. А исписанные убористым почерком 15 страниц представляют собой шведско-китайский словарь, содержащий в общей сложности 1200 слов...

В качестве подарков местным жителям Маннергейм взял с собой лупы, финские ножи, иглы, катушки ниток, музыкальные шкатулки, часы, ожерелья, томики изданий Корана, ножницы и прочие приятные мелочи. Например, помимо тысячи открыток с изображением пейзажей и портретов, в арсенале гостя было 500 фотокарточек эротического содержания, так называемое «ню», образцы «обнаженных натур». В записной книжке находим и рассказ о том, что некий калмык сделал кровопускание заболевшей вьючной лошади Маннергейма, а также о том, как сарты вылечили его взбесившуюся черную конягу при помощи особой хирургической операции.

В путешествии по городам Кашгару и Яркенду Маннергейму помогали шведские миссионеры, российский консул Сергей Колоколов и его близкий друг, британский агент Джордж Маккартни (наполовину китаец). Не раз выражали свою готовность оказывать поддержку и китайские мандарины, представлявшие без всяких колебаний различную ценную информацию. Повсюду путешественник обретал друзей как среди кыргызов с алайских гор, так и в числе калмыков Юлдузской долины, уйгур и дунган из провинции Ганьсу. Жизнерадостность и своенравие последних Карл отмечал особо. К слову, нередко представители этих народов были единственными, у кого путник мог приобрести свежее молоко.

В пространном дневнике барона мы встречаем множество восхищенных отзывов о величественных пейзажах Тянь-Шаня, Алая и Гималаев. При случае он всегда отправлялся поохотиться на горных козлов, антилоп и птиц для пополнения однообразного и скудного рациона – в записной книжке отмечены имена нескольких рекомендованных ему английских проводников для охоты на диких животных. Поскольку официальным поводом для экспедиции Маннергейма были этнографические исследования (а отнюдь не военные интересы), он посылал в Хельсинки Финно-Угорскому обществу и совету коллекций Антелля экспонаты для музея; помимо этого, ему удалось переправить на родину и охотничьи трофеи для своего собрания.

Рапорт – дневник Маннергейма, насчитывавший 173 страницы, был издан в 1909 году, то есть сразу после окончания его двухлетнего путешествия по Азии. На обложке этой книги значится: «Не подлежит оглашению», что, разумеется, свидетельствует о секретном характере содержания. Только три экземпляра этой серии попали в коллекцию Славянской библиотеки Хельсинкского университета, которая формировалась обязательными экземплярами всех издававшихся в России книг...

Добавим, у Маннергейма не было достаточного запаса времени на то, чтобы вникнуть во все тонкости научных методик, которые понадобились бы ему для проведения исследований в полевых условиях. Между тем запросы и научные задания Финно-Угорского общества и совета коллекций Антелля были чрезмерными, например, совет хотел получить как можно более полную этнографическую коллекцию. Скорее всего, этим объясняется скрупулезность заметок. Каждый сделанный им фотокадр путешественник точно фиксировал в приложении к своей записной книжке. Помимо места съемки, темы и координат снимавшегося объекта, автор не забывал указывать характер облачности, дальность, выдержку и экспозицию. Всего было сделано 1355 кадров, 58 из них не удалась. Коллекция фото Маннергейма включает в себя и сюжеты военной тематики. Главной же целью фотографа было отобразить жизнь народов, в среде которых он собирал свои материалы.

Находясь еще в экспедиции, барон успел отправить в Хельсинки весьма разноплановую коллекцию. В ней содержались этнографические образцы, собранные среди коренных жителей русского и китайского Туркестана, у кыргызов Алая, Кара-Теке и Музарта. В районе Хотана и других местах он получил от местных жителей археологические находки, добытые ими из руин старых буддистских храмов. Он и сам изредка затевал с помощью своих сотрудников пробные археологические раскопы для отвода глаз, но, к его чести, нужно сказать, что он никогда не занимался скалыванием с древних памятников образцов настенной живописи. Получить какие-либо предметы из того небольшого, что хранилось у кочевников, было очень сложно даже за большие деньги. Китайские экспонаты не интересовали финских заказчиков Маннергейма, хотя сам путешественник планировал массивный сбор и этого мате-

риала. Некоторые предметы он привёз с собой и передал их лично интенданту археологического управления А.О. Гейкелю.

В течение поездки Маннергейм пытался учить китайский и кыргызский языки. Удивительна способность этого человека фиксировать наречия малоизвестных народов. Например, в 1911 году вышла его объемная статья, изданная на основе заметок о двух народах тюркско-монгольского происхождения. В ней содержится немало образцов употребляемой местными жителями лексики. Вследствие публикации этой работы личность исследователя упоминается в истории изучения Алая как одного из пионеров в этой области.

Помимо всего, путешественник проявил живой интерес к народу абдалов, загадочному по происхождению и почти поголовно занимавшемуся нищенством. Внимание автора заметок привлекли и жившие в горах к югу от Хотана представители этносов шихшу и пахту, а также широко расселившиеся дунгане, исповедовавшие ислам китайцы, евреи Кай-Фына и некоторые другие народы. Добавим, что российский офицер Маннергейм стал пятым по счету европейцем, удостоившимся аудиенции у духовного лидера тибетцев Далай-ламы XIII. Встреча произошла в монастыре Утай-Шань, как пишет автор дневника, в Иванов день 1908 года.

Из всего пройденного экспедицией маршрута Карл Маннергейм нанес на карту 3 087 километров пути. Во второй части его дорожного дневника, изданного в английской редакции, опубликованы вычерченные набело уже в Финляндии отрезки 92 маршрутов, выполненные на 14 листах карт. Этот топографический материал чрезвычайно важен для ознакомления с географией региона. К сожалению, не сохранились подлинные, сделанные рукой автора, зарисовки маршрутов. Досадно и то, что опубликованные в шведской и финской редакциях дорожного дневника карты маршрутов содержат в себе ошибки. Общая же карта, приложенная Маннергеймом к его рапорту, местами показывает маршрут слишком приблизительно...

К слову, еще перед началом Первой мировой войны Маннергейм собирался сам обработать некоторые части добытого им научного материала с целью подготовить к публикации, но уже в 1939 году он писал врачу-миссионеру Густаву Ракету: «Когда

я пришёл к простой мысли, что вряд ли когда-либо найду время обработать дневниковые записи моей экспедиции 1906–1908 годов, я подарил их вместе с картами и другим материалом Финно-Угорскому обществу. Однако теперь, как ты, возможно, узнал от профессора Хилдена, Финно-Угорское общество, к моему ужасу, решило издать дневник необработанным и в английском переводе. С моей точки зрения, эта затея выглядит слишком смелой, но ученые мужи думают иначе, и уж коль скоро я подарил им весь материал, мне больше нечего сказать по этому поводу».

В начале нелегкого и занимательного пути по Центральной Азии произошла встреча Маннергейма с Курманджан даткой. Первая аудиенция родоправительницы с офицером состоялась 13 августа 1906 года. К тому времени Алайская царица была уже своего рода живой легендой XIX века. Потому вполне естественно, что встреча с нею была для исследователя чрезвычайно интересной. Много повидавший за время своего путешествия, он понимал значение данной встречи и решил запечатлеть на память ее облик для истории. Разумеется, как записи, так и фотографии ценны нам как историко-этнографический материал, собранный современниками.

Справедливости ради заметим, что первые сведения о Курманджан путешественник, видимо, получил еще в Оше. Поэтому, не задерживаясь долго в этом городе, он отправляется сразу в Алай, где в это время доживала свои последние дни Алайская царица. Еще не доехав до Алая, Маннергейм встретился с одним из сыновей Курманджан – дружелюбным и учтивым Асанбеком (Хасанбеком). Путника прежде всего заинтересовала трагическая судьба старшего сына Курманджан Абдуллабека, и он оставил о нем следующую запись: «Абдуллабек, брат Хасанбека, командовал войском в битве против двенадцатитысячного русского войска под командованием Скобелева. Храбрые киргизы, вооруженные старинными винтовками, не могли продержаться против современных винтовок русских и вернулись в Алайскую долину, преследуемые Скобелевым. В этой битве у Хасанбека была маленькая команда»¹.

¹ Горная царица Курманджан и ее время... – С. 127–128.

Прежде чем перейти к рассмотрению заметок Маннергейма и описания его встречи с Курманджан даткой, позволим себе небольшое отступление, касающееся совсем недавнего прошлого. Эта история продолжилась неожиданным образом, спустя 90 лет. В ноябре 1997 года тогдашний министр экологии Кыргызстана профессор Кулубек Боконбаев посетил Хельсинки с целью проведения тендера на осуществление экологического проекта в Кыргызстане. В настоящее время этот проект успешно реализуется – на грантовой основе финансируется Азиатским банком развития и правительством Финляндии.

Как вспоминает этот ученый и политик, финны в один из дней организовали для кыргызских участников посещение дома-музея Маннергейма – замечательный по количеству сохранных в нем личных вещей маршала.

«Мы открыли для себя удивительной судьбы незаурядного человека, талантливого военачальника и государственного деятеля. Национальный герой, первый и единственный маршал Финляндии происходил из древнего шведского дворянского рода, служил в кавалергардском полку императора России, куда отбирались офицеры из знатных семей, отличающиеся, помимо прочего, замечательными внешними данными. Его государственная дальновидность, мудрость проявилась, в частности, в том, что он, будучи в то время авторитетным царским генералом, отказался возглавить борьбу белофиннов против большевиков. Конечно же, не потому, что разделял их идеологию. Он точно просчитал падение царизма и политические выгоды для Финляндии от невмешательства в российскую «заваруху». Его политика, как известно, дала блестящие результаты – Финляндия получила независимость из рук большевистского правительства»¹, – пишет К. Боконбаев в своих воспоминаниях о поездке.

По мнению автора вышеприведенного текста, просматривается некоторая аналогия с главным принципом политики Курманджан датки. Она, понимая бессмысленность военного сопротивления огромной Российской империи, пошла на мирные

¹ Боконбаев К. Курманджан датка была гостеприимной // Слово Кыргызстана. – 2011. – 4 февраля.

переговоры, а для успеха в них в качестве весомого аргумента тайно поддерживала вооруженное сопротивление отрядов своего старшего сына Абдуллабека. Как известно, эта хрупкая и уже пожилая женщина добилась своей самой большой в жизни победы – почетного мира и спасла тем самым тысячи жизней кыргызов и их земли от сплошной колонизации.

«И в этом факте – факте возраста – есть какая-то аналогия с Маннергеймом. В музее его мы узнали, что наибольших военных и политических успехов Маннергейм добился уже после шестидесяти лет, будучи, так сказать, военным пенсионером: когда он ушел на покой и, по собственному признанию, собирался писать мемуары, его ждали блестящие военные кампании, дважды президентство и пожизненное кресло сенатора», – дополняет в своем воспоминании К. Боконбаев¹.

Теперь же последуем за страницами дневника путешественника, опубликованного в Каталоге выставки фотографий, прошедшей в 2006 году в Историческом музее Кыргызстана². Как пишет автор, вскоре после отправки из Оша К. Маннергейм и его группа проследовали через деревню. Дальше уже не встречалось строений, кроме одной–двух кыргызских юрт на берегу реки или на склонах холмов. Время от времени путешественники видели кочующую семью кыргызов с юртой, лошадьми и скотом. Как подметил исследователь, у кочевников женщина обычно едет на коне впереди и тянет за уздечку животное, груженное разобранной юртой. На седле спереди нее находится колыбель, задрапированная в разноцветные ткани, в которой спит самая молодая надежда семьи. Далее следует хозяин, охраняющий всю процессию. Остальные члены семьи едут верхом то тут, то там среди свободно бредущего скота.

По описанию автора заметок, кыргызки в то время, как правило, одевались в красивые разноцветные платья преимущественно красного и желтого цветов. Обувались в высокую обувь и кожаные калоши, а свои головы и шеи горные красавицы обычно перетягивали несколько раз полосами белой ткани. Молодые

¹ Боконбаев К. Курманджан датка была гостеприимной...

² «Центральная Азия глазами К. Г. Э. Маннергейма»: Каталог выставки. – Бишкек, 2006.

женщины прикрывали лица при встрече с незнакомцами. Обвязки на ногах из грубой белой ткани с разноцветными вставками заставляют их держать ноги далеко впереди, и потому очень часто они сидят на лошадях в элегантной английской манере. Мужчины одеты в халаты серых, черных или темно-синих тонов. Юрта часто грузится на спину безрогого вола. Такая кочующая семья, безусловно, производит самое живописное впечатление.

А вот как описывает Маннергейм свой приезд в лагерь Алайской царицы: «Молодой человек, представившийся Хасанбеком, приветствовал меня, пояснив, что отец его поехал в Гульчу, чтобы встретить меня там. Просторная юрта, украшенная внутри великолепными коврами и красочными настенными коврами, выглядела гостеприимной».

Как продолжает автор заметок: «На следующее утро я узнал, что мать Хасана – Курманджан датка – жила в соседней большой юрте. В сопровождении двух пожилых слуг она пришла сейчас в мою юрту, одетая в богатый, расшитый шелком и отороченный мехом халат – подарок генерал-губернатора Туркестана. Слегка вздыхая, она опустила на колени и села по-киргизски на мех, расстеленный для нее. Наша беседа состояла из обмена комплиментами, переведенными ее внуком, и прошла при легком наклоне всего туловища друг к другу».

Так произошла встреча двух незаурядных личностей, оставивших заметный след в истории. К сожалению, имя маршала Маннергейма долгие годы употреблялось в СССР лишь в негативном аспекте – как «лидера группы белофиннов, которые выступили против Советского Союза». В этом отношении барон разделил участь и своей визави – Курманджан. Ее, как известно, тоже не особенно жаловали советские историографы. Сегодня, после обретения независимости, кыргызский народ получил возможность ознакомиться с истинной историей, многогранной деятельностью финского полководца и ученого. И эти скромные воспоминания будущего президента Финляндии о Курманджан датке и ее сыновьях являются в определенной степени историческим фундаментом для установления новых дружественных взаимосвязей двух народов – кыргызов и финнов.

Глава XVIII

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДАР АЛАЙСКОЙ ЦАРИЦЫ

Представим себе иной, благополучный исход жизни родоправителя Алая XIX века Алымбека датки. Допустим, он не погиб в зените славы, а дожил до преклонных лет, завещав свой титул наследнику. Осталась бы тогда в памяти народной жена этого политика Курманджан? Безусловно. Поскольку была она еще и непревзойденным поэтом. В том уверены многие кыргызстанские и зарубежные знатоки литературного творчества. Какое же поэтическое наследие оставила нам Алайская царица?

Оно сравнительно небольшое, если исходить лишь из количества и объема сохранившихся произведений. Но здесь уместна известная поговорка «мал золотник, да дорог». Поскольку строки нашей героини могут на равных соперничать с творениями наиболее талантливых стихотворцев Ферганской долины. А ведь этот регион Туркестана с середины и до конца позапрошлого столетия славился своими самобытными, весьма богатыми поэтическими традициями.

Словом, талант стихосложения Алайской царицы возрос не на пустом месте. В частности, наш современник, узбекский историк Х. Бобобеков, указывает: «Если обратиться к литературно-художественному творчеству датки, то оно относится к лучшим образцам литературы того времени, равным

по сравнению с самыми известными работами ее современниц – Надиры, Увайси, Анвар, Атын, Дильшод, Махзуны, Бегим Муштар, Зебунисы и ее младших современников Махмуда, Мукуми, Фурхата. В ее творчестве выражены чувства стремления к свободе и дружбе народов»¹.

А кыргызстанский литературовед Сатыбалды Мамытов считает, что «в последней трети XIX века поэтическая культура населения Ферганского региона была исключительно высокой»². Курманджан вращалась в кругу таких светил кокандской поэзии, как Надира Бегим, Самар Бану. Она пользовалась среди таких авторов большим авторитетом. Такого мнения, в частности, группа узбекских ученых, обнаруживших в конце 1960-х – начале 1970-х годов рукописный поэтический сборник на персидском языке поэтессы по имени Зыйнат (Зиннат), что в переводе с фарси означает «красавица».

Как предполагает ряд исследователей в Кыргызстане и ближнем зарубежье, имя Зыйнат – не что иное как тахаллус (литературный псевдоним) Курманджан: в хранящемся в Казани архивном каталоге «Женщины – поэтессы Кокандского ханства» указано, что Зыйнат имела звание генерала – датка. Этот факт, в частности, подчеркивает Х. Бобобеков. Он и его кыргызстанский коллега В.М. Плоских в свое время имели возможность подробно ознакомиться с хранящимся в архиве Института востоковедения Академии наук Узбекистана диваном (сборником стихов) Зыйнат. По словам Бобобекова, «в моей библиотеке хранится около 100 экземпляров рукописей старых авторов. Среди них газели, рассказы, анекдоты и воспоминания на узбекском и персидско-таджикском языках. Среди этой многочисленной антологии есть газель, написанная под псевдонимом Зиннат, о которой я много думал»³. Далее автор

¹ Бобобеков Х. Поучения Курманджан датки //Женщины Кыргызстана. – № 12. – 1989. – С.20–21.

² См. Газиев А. На берегах Иссык-Куля. Горная царица Алая. Пржевальский буреветник: Исторические повести /Ред.-сост. проф. В. Воропаева. – Бишкек: Илим, 2010. – С. 198.

³ Бобобеков Х. Поучения Курманджан датки...

¹⁶ Том III. В. М. Плоских

делает следующий вывод: «За 175 лет существования Кокандского ханства только одна женщина была удостоена звания датка – Курманджан. Поэтому можем обоснованно считать ее автором песен Зиннат»¹.

Узбекский ученый также ссылается на изданную в 1886 году в Казани книгу российских историков В.П и М.С. Наливкиных, в которой «...есть упоминание о том, что в Коканде есть две поэтессы: первая – Зыйнат, вторая – Махзуна. По разговорам одна из них бывала в мужской одежде в ханском дворце, красива лицом и имела звание датки – генерала. Песни этих поэтесс включены в составленный и приведенный в порядок в период правления Умархана «Сборник акынов»².

Но вернемся к эпохе, в которую появился псевдоним, предположительно Курманджан датки. Нелишне напомнить и о том, что приближенный к ханскому двору местный литературный бомонд того времени существенно отличался от привычной для европейца культурной среды. Достойны внимания читателя условия, в которых родился феномен кокандской поэзии.

ЧЕМУ БЫЛА НЕПОКОРНА ЗЫЙНАТ

Приподнять завесу тайны формирования самобытных поэтических талантов Ферганы невозможно без понимания специфического духовно-нравственного климата в придворном кругу Кокандского ханства второй половины XIX века.

Начнем с того, что этот период – время правления Хакимхана – был зенитом блеска и славы этой империи. Именно тогда в Коканде наиболее полно проявились характерные для многих восточных тираний черты роскоши и ... разврата. Известный узбекистанский историк Б. М. Бабаджанов в одной из своих работ³ приводит характеризующую ту среду ремарку одного из хан-

¹ Бобобеков Х. Поучения Курманджан датки...

² Там же. – С.126.

³ Бабаджанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика, религия... – С. 601.

ских летописцев того времени Аваза-Музаммада Хуканди. Вот что пишет этот автор: «Каждый человек – и ученый, и неведающий, и праведник, и грешник – все радовались по-своему. Одни при этом пили чистое вино, другие радовались любви друг друга, кто-то хлопотал о кукнаре¹, кто-то курил кальян с анашой² ... Другие же отдалялись от греха и осваивали книги с науками, занимались стихами»³.

Что характерно для того времени и региона, причем не только в Кокандском ханстве, моральный ригоризм шариата причудливо сочетался со свойственной для придворных вельмож распущенностью нравов. Б. Бабаджанов в указанной нами работе приводит данные из сочинения «Китаб ал-фусул» средневекового богослова и знатока шариата ил-Имама ал-Уструшани. Согласно приведенным автором прецедентам и их решениям, «правовой статус человека, употреблявшего хмельные напитки, «уполовинен» как в смысле доверия к нему, так и в смысле участия его в торговых сделках, брачных контрактах и пр.»⁴.

Впрочем, как видно по многим примерам, этот запрет не распространялся на владык и сильных мира сего. Кроме того, есть немало теоретиков мусульманского права, которые легитимизируют явно запрещенное Кораном удовольствие. В частности, по словам того же Б. Бабаджанова, один из видных богословов Волго-Уральского региона Ахунд Фатхаллах бил ал-Хусайн ал-Оруви в своем трактате «О запрете напитков»⁵ настаивает на том, что «изречение Пророка следует понимать так: «Все, что опьяняет, запрещено».

К «разрешенным» же шариатом алкогольным напиткам, по данным узбекского историка, автор трактата причисляет

¹ Опиум, подвергшийся только первичной обработке.

² Марихуана, *Canabis*.

³ *Бабаджанов Б. М.* Кокандское ханство: власть, политика, религия... – С. 603.

⁴ Там же. – С. 595.

⁵ Полное название «Рисала фи-т-тихад аш-шариба». – Прим. Б.М. Бабаджанова.

финиковое вино и т. н. мусаллас – выпаренный на две трети виноградный сок. Причем то, что они якобы официально не считаются вином, Оруви обосновывает ссылками на ханафитские труды¹. Впрочем, есть письменные свидетельства употребления даже крепких спиртных напитков среди правоверных мусульман ханства не только из числа приближенных ко двору вельмож. Например, по данным Б. Бабаджанова, знаменитая поэтесса эпохи Умар-хана и Мадали-хана Дильшод, описывая свои злоключения, упоминает о том, что во время бегства из дворца она случайно наткнулась на группу бродячих суфиев (каландар), которые сидели в топке бани, распивая бузу (алкогольный напиток из ячменного солода)².

Впрочем, помимо возлияний спиртного, кокандские владыки не чурались и опьяняющего высокие чувства нектара поэзии. Притом поэтические вечера порой вполне могли сочетаться с развратом. Например, по данным Б. Бабаджанова, у Мадали-хана «в неофициальном штате находились сводницы, которые под видом «поэтических собраний» для молодых девушек устраивали вечера, превращавшиеся в тайные смотрины для очередной кандидатки в гарем хана в качестве наложницы»³.

Здесь нелишне напомнить, что в Кокандском ханстве, как и во всем исламском мире той эпохи, женщины играли далеко не однозначную роль. Порой они могли обладать значительным влиянием в обществе, но зачастую были просто предметом наслаждения, своего рода вещью для удовлетворения плотских потребностей, оставаясь «лишь наложницей, удовлетворяя похоти своего хозяина»⁴.

В таком контексте участие женщин в поэтических вечерах, причем нередко на равных со стихотворцами-мужчинами,

¹ Бабаджанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика, религия... – С. 595.

² Там же. – С. 601.

³ Там же. – С. 580.

⁴ В частности, Б. Бабаджанов рекомендует читателю ознакомиться с примерами, приведенными узбекским историком М. Кадыровым в своей работе «XIX аср узбек шоиралари». – С. 4–7 и далее.

уместно рассматривать как гражданский подвиг, компенсирующий гендерное неравенство. Причем среди поэтесс были как жены ханов, так и выходцы из низших слоев общества, например, Нодра, Дильшод, Увайси, Ниса и Ханым¹.

Подобным же подвигом нонконформизма поэтессы Зыйнат стал эпизод ее жизни, давший своего рода «путевку» в мир большой поэзии. Вот как передает эту историю С. Мамытов со слов одного из потомков Алайской царицы Шермата Салибая уулу². Как гласит пересказанное им семейное предание, юную Курманджан сосватали по обычаю и увезли в город Гульчи, в Кашгаре. Невеста тосковала вдали от своей родины. В чужом для нее окружении она сочинила арман – плач о своей горькой судьбе. Вот фрагмент из этого произведения:

*Солнце выйдет – зной такой,
Что нет под ивой тени.
И весеннюю порой
Нет в саду цветенья.
Не восьмая ли звезда
Среди семизвездья я?
Горемыка Курманджан,
Разве муж тебе ровня?³*

После чего не прошло и полгода, как Курманджан совершила отчаянно смелый для женщины поступок, – сбежала от нелюбимого: тайно ночью оседлала коня и направилась по горным тропам обратно домой, на Алай. В тоске по милой сердцу местности Жапалак, где поэтесса провела детство и юность, она сложила следующие стихи:

*Сорока летит в Кары-Ой,
Жапалак представляю родной.
Летит куропатка в Кен-Ой,*

¹ Каюмов А. Кузон адабий мухити. – Ташкент, 1961. – С. 220–303.

² Там же. – С. 202.

³ Здесь и далее стих. в пер. проф. М.А. Рудова.

*Жапалака простор предо мной.
В грусти я по тебе, Жапалак,
И тоску не развеять никак.
Хоть бы каши «кёчо»
пригубить,
Грусть развеялась бы,
может быть.*

Так, вернувшись к родному очагу, непокорная своей судьбе невеста впоследствии вошла в круг поэтесс Кокандского ханства.

ГОРЬКИЙ ПОКОЙ КУРМАНДЖАН

Представим себе, что мы, совершенно не зная о Курманджан датке, прочитаем следующие строки одного из ее произведений:

*Вдали взлетит скакун – и всадник держит лук,
Сплошным ковром цветов покрыт зеленый луг,
Райхон и мальва спорят с пламенем тюльпана,
Счастливым хор цветов внимает им вокруг¹.*

Безусловно, автор таких строк обладает, как минимум, чутким художественным вкусом. А знаток творчества алайской поэтессы добавит – «и высоким, по меркам жителей Коканда позапрошлого века, образованием». По данным Х. Бобобекова, «кроме родного языка, Курманджан свободно говорила на восточных языках – персидско-таджикском и узбекском, писала на этих языках свои произведения»².

Приведенное выше стихотворение, как и многие другие творения Зыйнат, написаны на персидском – одном из традиционных литературных языков Центральной Азии того времени. Курманджан владела фарси в совершенстве, как и арабским. Вдохновляли же поэтессу в основном две традиции поэзии – богатое наследие кыргызских акынов и классическая поэзия Ближнего и Среднего Востока.

¹ «Пейзажный фрагмент». Стих. в пер. В.И. Шаповалова. Опубл. в газете «Слово Кыргызстана» 11 марта 2011 г.

² Бобобеков Х. Поучения Курманджан датки... – С. 601.

Говоря о национальных корнях поэтического творчества Алайской царицы, нелишне добавить следующую ремарку Бобобекова: «Благодаря крепости здоровья, богатырской силе, уму и прозорливости слава Курманджан, берущейся самоотверженно за любое мужское дело, быстро разнеслась далеко. С малых лет она сама пасла скот, на праздниках принимает участие в кок-бору, участвует в конных состязаниях, в соревнованиях против мужчин побеждает и получает призы. Так продолжается до ее 18-летия, когда ее выдали замуж»¹.

Словом, творчество поэтессы представляет собой самобытный сплав обеих культур, удивлявший ее современников и продолжающий радовать потомков. С. Мамытов приводит интересное свидетельство своего узбекского коллеги Р. Таджибаева о поэтическом состязании датки с местными сочинителями и певцами на свадьбах, устроенных в Коканде Худояр-ханом и Уразали-баем².

От Курманджан на свадьбе ждут приветственного слова, которое не заставляет себя долго ждать. В жанре «мактоо» – восхваления – поэтесса обращается к Уразали-баю с такими словами: «Будь у меня беркут на руке, будь у меня верблюд на привязи, не было бы утешения. Но был бы моей опорой такой богатырь, как Вы, – в сердце не было бы грусти».

Восхищенный Уразали ответил: «Открылась тайна, милая Курманджан, потерял я покой, увидев Вас. Да бережет Аллах Вашу красу!». Так началось состязание.

Перед присутствовавшими выступали все новые стихотворцы. Среди них был и известный узбекский поэт Молдо Тойчу, чьи песни впоследствии, в 1905 году, были записаны на грампластинку. К слову, впоследствии с Тойчу состязался и кыргызский акын – в то время еще юный Токтогул Сатылганов.

Сохранился до наших дней айтыш (поэтическое состязание) Курманджан с акыном Амирбеком:

¹ Бобобеков Х. Поучения Курманджан датки... – С. 601

² Газиев А. На берегах Иссык-Куля. Горная царица Алая... – С. 199–200.

Курманджан:

*– Имя мое – Курманджан,
должен знать.
Плетку с земли мою
надо поднять.
Будешь достойным,
доверья заслужишь.
Шапку при мне
полагается снять.*

Амирбек:

*– О свадьбе прослышав,
приехав незван
На этом гнедом
длинношерстном коне.
Здесь нет никого,
кто знаком был бы мне.
Приехал Бог мой,
ради Вас, Курманджан.*

Курманджан:

*– Думаю я,
что акын предо мной,
И в состязанье
вступаю с тобой.
Рвешься вперед,
как скакун Алымбека,
Не уступлю,
как скакун мой лихой.*

Амирбек:

*– Курман, Курманджан –
это имя твержу.
И сердце трепещет,
я словно в жару.
Щедротам безмерным
воздам похвалу,
О том, что всегда
верна делу, скажу¹.*

¹ Стих. в пер. проф. М.А. Рудова.

А Молдо Тойчу так воспел красоту и обаяние Курманджан:

*Облаченная в красную накидку
С яркими бусами
В несколько рядов.
Повязанных поясом,
Украшенным монетами,
Искусно прошитыми золотыми
И серебряными нитями.
В косы, ниспадающие с плеч,
Искусно вплетены монеты.
На золотистом скакуне,
Рукоять камчи золотая,
Седло с отделкой из золота
И хоросанских камней,
Сама в кашемировой шали,
И глаза, горящие, как звезды.*

В одной из своих работ упомянутой нами выше узбекский историк Х Бобобеков пишет и о назидательном характере некоторых произведений Зыйнат.

В частности, исследователь обнаружил интересное в этом контексте литературное творение поэтессы – ее «поучения». Вот что сообщает автор редкой находки: «Написанное под псевдонимом Зиннат на персидско-таджикском языке поучение является образцовым и посвящено религиозной воспитанности, отзывчивости, справедливости.

Во втором поучении поэтесса изложила близкую ей идею о необходимости дружеских отношений, терпимости между разными по конфессиональной и национальной принадлежности людьми.

В третьем поучении сказано: «Я обращаю внимание на одно – будет буран, ветер, ливень, я стремлюсь в строках своих песен показать силы природы»¹.

Впрочем, как остроумно подмечает кыргызстанский литературовед Вячеслав Шаповалов, народный поэт КР, великолепная

¹ Бобобеков Х. Поучения Курманджан датки... – С. 598.

Курманджан – не леди Макбет Коканда, а скорее его леди Годива (героиня английской истории, жертвовавшая собой во имя своих сограждан)¹.

Поскольку поэтический гений Алайской царицы окрашен скорее в трагические тона. Например, написанию наиболее значительных произведений поэтессы предшествовали личные трагедии ее как жены и матери. Первая из таких драм произошла, когда Курманджан была в возрасте пятидесяти лет.

Как указывает Бобобеков, «... в 1861 году Алымбек стал жертвой дворцовой борьбы ... «Кокандский хан сказал: Алымбек сам нашел свою смерть», – гласила ложная весть. В этот трагический момент Курманджан находилась вместе со своими четырьмя сыновьями в родном селе Мады.

В это время шла борьба за ханскую власть в Коканде. В 1862 году в ней победил Худояр-хан. Бухарский эмир Музаффар видел в Оше Курманджан и удостоил ее высшего звания – датка. С этого момента слава Курманджан сделала ее признанным лидером кыргызов Алая и Гульчи. Худояр-хан с целью привлечь ее на свою сторону прислал ей грамоту о присвоении звания датки. Таким образом, Курманджан была дважды удостоена титула датки»².

Второй удар судьбы настиг Алайскую царицу в преклонном возрасте, когда, казалось бы, была уже обеспечена ее спокойная старость в качестве подданной Российской империи. Как известно, сын Алайской царицы Камчыбек был арестован и казнен на площади в Оше – как одна из ключевых фигур на пути контрабандистов через границу России. Но показательна реакция на это событие Курманджан. Она не стала помышлять о мести, прекрасно понимая, что это может усложнить и без того непростые отношения местного населения с колониальной администрацией. Своего рода реваншем убитой горем женщины стал сочиненный ею по случаю скорби кошок – поминальный плач по сыну:

¹ См. Датка еще писала стихи // Слово Кыргызстана. – 2011 – 11 марта.

² Бобобеков Х. Поучения Курманджан датки... – С. 598.

Сила и надежда моя,
Ты покинул мир свой навек,
Улетел в чужие края,
Ястреб мой, сын мой,
Камчыбек!
Жил ты, свой народ веселя,
Как тебя любила земля,
Как тебя душила петля,
Сокол мой, сын мой Камчыбек!
По сердцу прошелся клинок –
Рвется мое сердце, сынок!
Не победив храбреца,
Изверги казнили тебя.
Был ты смел и тверд
до конца –
Пытки не сломили тебя,
Не дрожат такие сердца! – Как
мы пережили тебя...
Про себя я плачу, сынок,
Слезы свои прячу, сынок,
Бедные ресницы мои
Ни за что не дрогнут от слез,
Чтоб не рад был горю
наш враг,
Чтобы горя нам не принес.
Белый траур нынче на мне,
Только кто поймет в тишине,
Как горит в груди молоко,
Которым я вскормила тебя!
Лишенный надежд и сил,
Глаз своих ты не опустил!

Утратив все, что хранил,
Голову ты не уронил!
Веревкою волосяной
Стянута шея твоя –
Словно мне на грудь заползла,
Душит меня злая змея,
Нету сил – спасенья искать,
Кончился мой круг бытия.
Руки на груди я сложу,
Слова никому не скажу,
Во имя своей земли
Врагу я не пригрожу,
За поруганную нашу честь
Я не стану лелеять месть,
Ибо пострадает народ,
Лишь о мести услышит весть:
Мир не загорится войной,
Мое горе будет со мной,
Не спадет эта тяжесть
с плеч,
Жребий мой – людей убережь.
И за этот горький покой
Да станешь ты жертвой,
сын мой!
Мой невозвратный, мой
Утраченный, мой родной,
Достоинство сам сохрани
В свои последние дни,
В памяти нашей пребудь! –
Безгрешен оставшийся твой
Недолгий, горестный путь...¹

¹ Стих. в пер. В.И. Шаповалова.

Так, совершив свою мирную «мечь», не нарушившую и без того непростые в то время отношения кыргызов с администрацией Российской империи, автор строк осталась в памяти своего народа более рельефно, чем иные мстители с их многочисленными военными трофеями. Горький от материнских слез кошок Курманджан взывает к миру и спокойствию, чем не мог вызвать и недовольство колониальных властей. Поистине соломоново решение, предотвратившее, казалось бы, неминуемый конфликт. История знает немало примеров, когда слово поэта и мудреца заставляло противоборствующие стороны сложить оружие.

И если бы не последовавшие после Октябрьской революции десятилетия забвения доброго имени Курманджан, кто знает, возможно, ее поэтическое наследие было бы более объемистым. Но, как справедливо подметил почти полвека спустя после смерти датки другой классик кыргызской литературы Аалы Токомбаев, «поэты вопреки, а не благодаря». Так, именно вопреки непростой судьбе Алайской царицы ее звезда ярко горит на поэтическом небосклоне. Жаль только, что написанные на фарси стихотворения Зыйнат по этой причине пока что недоступны широкому кругу кыргызскоязычных читателей. Полагаем, этот пробел в ближайшее время будет восполнен, учитывая интерес и всенародную любовь к этой самобытной поэтессе.

Если же исследователи придут к окончательному выводу о том, что авторство стихотворений Зыйнат действительно принадлежит Курманджан, без сомнения, эти шедевры займут свое достойное место в хрестоматиях и прочих анналах кыргызской поэзии. Но пока все это только увлекательная гипотеза, так как имеются и возражения некоторых кыргызских историков.

Глава XIX

КОММУНИСТ КАДЫРБЕК, ВНУК АЛАЙСКОЙ ЦАРИЦЫ, И ДРУГИЕ ПОТОМКИ КУРМАНДЖАН

Старая как мир истина, что наши дети и внуки – продолжение нас самих, верна и на изломе эпох, когда одна историческая формация сменяет другую. Жизнь меняется, возводя новых людей на политический Олимп. Среди них бывают и потомки прежних героев. Как, например, внук родопрavitельницы Алая Курманджан датки, Кадырбек Камчибеков. Красноармеец, участник Гражданской войны, гроза басмачей...

Вот такой неожиданный поворот. Наследник Алайской царицы – хранительницы патриархальных устоев – стал борцом за обновление общества. Понять логику столь радикальной смены ориентиров можно лишь с учетом нюансов эпохи, в котором жил этот потомок рода Курманджан.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Представим на минуту, что на дворе сейчас начало 1920-х годов. В Туркестане полным ходом идет борьба с басмаческим движением. Советская власть прочно укрепилась лишь в крупных населенных пунктах и вдоль железных дорог. А за бандами стоит мощь Британской империи, давно

имеющей виды на этот край. Через границу на помощь басмачам британцы направляют военных инструкторов и диверсантов, обозы с оружием. Бандиты нападают на айылы, хозяйничают на дорогах, жгут хлопкоочистительные заводы. Разоренное население голодает и учится ненавидеть.

Это уже потом, десятилетия спустя, большевистская пропаганда стала именовать всех басмачей поголовно классовыми врагами пролетариата. Для очевидцев же тех далеких событий дело обстояло не столь однозначно. Разумеется, против новой власти выступило немало бывших манапов, низвергнутых волостных управителей и прочих «эксплуататоров». Но ведь под их знамена встали и выходцы из беднейших слоев населения... Та же картина наблюдалась и в стане большевиков, к которому примкнул и ряд представителей местной знати.

Как отмечает историк Александр Пылев, «интересно проследить ... характер взаимоотношений басмачей и коренного населения. Участники борьбы с басмачеством часто говорят ... о «двойственном» отношении к басмачам местного населения. С одной стороны, население, заинтересованное в мирном труде, организует при посредничестве Красной армии добровольческие дружины, и с помощью таких отрядов было ликвидировано множество басмаческих формирований. ... Известно, что местное население часто помогало отрядам Красной армии сведениями о передвижении басмаческих отрядов. Однако нередко такую же помощь от местного населения получали и басмачи»¹.

Причина столь странного, на первый взгляд, отношения мирных жителей к противоборствующим сторонам проста. Коммунисты, свергшие царизм, в глазах кыргызов выглядели избавителями от ига колониального режима. Вполне естественно, что этим «освободителям» симпатизировали мечтавшие о суверенитете потомки знатных родов. Вот как выглядело это с точки зрения одного из старожиллов Оша, Рэма Габитовича Музипова, лично знавшего К. Камчибекова. Ошанин в своей трилогии

¹ Пылев А. Война с басмачеством на юге Киргизии (1920-1930-е гг.) и ее региональные особенности (по материалам Ошского областного архива. – <http://www.analitika.org>

«Русские в Синьцзяне» пишет: «Спустя годы на Алай пришли вести о низложении белого царя Николая II. Весь род баргы готов был вспомнить старые обиды и отомстить за несправедную смерть своего сородича. Но события развернулись не в ту сторону и не так, как хотелось бы. И бывший волостной управитель Кадырбек Камчибеков, человек умный и дальновидный, выдержал натиск своего рода, не повел его против русских. А когда появились басмаческие банды, Кадырбек стал одним из организаторов первых отрядов самообороны»¹.

А вот для бедноты, нищета которой еще не говорила о ненависти к «эксплуататорам», большевистские реформы воспринимались как попытка подорвать вековые устои жизни. Страх перед неизвестностью, а то и явная несправедливость нового порядка, толкали местных дехкан в ряды басмачей. По словам А. Пылева, «...значительная часть населения продолжала воспринимать прежнюю традиционную киргизскую аристократию как законную власть (из числа тех же манапов и биев). К примеру, последние, являясь предводителями басмаческих отрядов, обязывали трудовое население поставлять им лошадей, продовольствие»².

Но вернемся к судьбе нашего героя. 1920 год. Декретом ТуркЦИКА и РВС от 15 мая было введено военное обучение трудящихся для отпора басмаческим отрядам. Буквально через месяц в Оше, на площади Свободы, началась подготовка первых групп добровольцев. Среди них оказался Кадырбек Камчибеков – большевик, доказавший своей жизнью и смертью преданность делу революции.

«КРАСНЫЙ БЕК»

Около двадцати лет жизни отдал К. Камчибеков борьбе с врагами революции. Одержав ряд славных побед, он доказал своими действиями преданность ленинской партии, в состав которой вошел в первые годы советской власти. Но интересен следующий факт. В 1917-м, когда прогремел выстрел «Авроры», для 35-летнего

¹ Габитов Р. Русские в Синьцзяне. – www.literatura.kg

² Пылев А. Война с басмачеством на юге Киргизии...

Кадырбека не существовало вопроса «С кем быть?». Отношение к царскому режиму определили казнь отца и жестокое подавление восстания в 1916 году. Так потомок великой датки оказался в центре революционной борьбы на юге Кыргызстана.

Разумеется, новая власть отобрала у Кадырбека богатства. Но лишить авторитета не смогла. К слову, современники Алайской царицы, судя по историческим данным, считали, что Курманджан датке удалось привить любимому внуку много добродетелей, в том числе благородство и отвагу. Эти качества помогли внуку алайской властительницы заслужить авторитет в среде дехкан и представителей советской власти. В том одна из причин, по которой впоследствии южане выбрали его главой волостного совета. Основным направлением работы Камчибекова стала организация милиции. Так, потомок властителей вступил в компартию. И как коммунист взялся укреплять власть Советов весьма рьяно. Вскоре милицейский отряд Камчибекова успешно громил басмачей в горах. Приведем одно из ранних письменных свидетельств подвигов внука датки, относящихся к тому периоду. Эти достаточно скудные сведения записаны неким Адылбеком Кадырбековым со слов жителя одного из населенных пунктов близ Оша Досматова и хранятся в настоящее время в Бишкеке, в фонде Никишова в архиве кафедры истории, культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета¹.

По словам автора вышеупомянутых записей, вскоре после Октябрьской революции внук Алайской царицы был назначен председателем сельсовета Мады близ Оша. Будучи в этой должности, поздней осенью 1917 года Кадырбек Камчибеков инициирует поимку двух достаточно влиятельных фигур местного антибольшевистского сопротивления – басмачей Калхожо-Эшена и Райымберды. Они были арестованы в местечке Балбанташ неподалеку от Аравана и посажены в ошскую городскую тюрьму. Арест обоих главарей басмаческого движения не прошел даром: весной следующего года Калхожо бежит в Фергану, убив охран-

¹ Архив кафедры истории, культурологии и рекламы КРСУ. – Фонд Никишова П. – № 19.

ника и постового милиционера. Добравшись до Ферганы, беглец связывается с главой местных басмачей Мадаминбеком. Получив от него поддержку, смутьян собирает бандформирование и захватывает земли близ Оша, где «обирает народ, забирает скот и ворует девушек». Эти бесчинства, как дополняет автор записок, длились без малого полтора года, пока подразделения красноармейцев под предводительством Сапанова не оттеснили банду от сил Мадаминбека. Тогда, отступив к исходным позициям, в Ош, Калхожо-Эшен продолжает там притеснять местных жителей. По словам А. Кадырбекова, он «грабит села Озгон, Куржан, издевается над кыргызами, узбеками, русскими, над детьми, убивает русских женщин, вспарывает животы беременных женщин, убивает детей»¹. Как дополняет автор записок, в тот момент Камчибеков был пленен отрядом приближенного к Калхожо-Эшену басмача Чырмышы Жусупбаева. Красного командира наверняка бы казнили, не приди на помощь местные сельчане: «Аксакалы народов баркы, токе, сабай, какал собрали у народа 2 мешка денег и выкупили Кадырбека у басмачей»². Так красноармеец был выкуплен у неприятеля и избежал смерти.

Финал походов Калхожо был следующим: однажды Кадырбек подкараулил его близ снежного перевала Казык, где спустил на врага снежную лавину. Предводитель шайки и его приближенные погибли подо льдом и снегом. Часть оставшихся в живых рядовых членов бандформирования вошли в состав подразделения Камчибекова. Далее наш герой служил на южных рубежах страны, неподалеку от Нооката, где успешно сражался с басмачами в Кок-Жаре. В 1922-м был награжден орденом Красного Знамени и золотыми часами. А два года спустя красный командир инициировал открытие в Ошской области школы-интерната для сирот Алай-Гульчинского района.

Как видим, «красному беку» активно помогали местные жители. Дехкане и горцы выходили против вооруженных бандитов с палками и камнями. Басмачей такая сплоченность пугала.

¹ Фонд Никишова П. – № 19.

² Там же.

Поддержка действий отряда Камчибекова южанами стала настолько массовой, что главари грабителей в конце концов просто отказывались вступать с внуком датки в бой, боясь морального разложения в собственных шайках.

Чтобы понять накал политизированной атмосферы того времени в «южной столице» и на Алае, обратимся к исследованию историка Александра Пылева. По его данным, «... Ош являлся важным центром советской власти в Ферганской долине и организационным центром по борьбе с басмачеством ... Воспоминания участников содержат важные свидетельства и о так называемом горном басмачестве (басмаческом движении в Алайской долине и горах Памиро-Алайского хребта, в региональном плане также относящемся к ферганскому очагу басмачества). Басмаческие лидеры Ферганы часто переносили свои базы в Алайскую долину, отделенную от советских центров Ферганы труднопроходимыми горными хребтами. Памиро-Алай имел для басмачей и иное значение: он был связан с другим важным региональным центром Средней Азии – Бухарой, а также с колониальной Индией и Кашгаром, откуда английская разведка и дипломатические представительства ряда стран нелегально оказывали басмачам помощь оружием и боеприпасами. Избрав Алай своей базой, басмачи сгоняли туда скот кочевых киргизов, свозили фураж и продовольствие¹».

На следующий год после мобилизации внука Курманджан, осенью 1921-го, отряд добровольческой милиции под командованием Кадырбека Камчибекова разгромил воинов курбаши Юлдаш-Палвана в урочище Бий-Мулла. В том же году красноармейцы с участием подразделения Камчибекова успешно завершили операцию против другого предводителя басмачей – Джаныбека-казы. За что Кадырбек был награжден именованным оружием.

А в январе 1922-го этот герой был назначен делегатом IV партийной конференции Ошского уезда. Весной того же года снова активизировались полчища басмачей. Их полевым командиром на этот раз был Муэтдин, считавшийся «ляшкарбаши», – предводителем всего местного басмачества. Человеком он слыл

¹ Пылев А. Война с басмачеством на юге Киргизии...

чудовищно жестоким. Вот один из примеров творимых при его участии зверств: «13 мая 1921 г. Муэтдин произвел нападение на продовольственный транспорт, шедший по куршабо-ошской дороге в город Ош ... Истребление мирных жителей проводилось с применением невероятных жестокостей: отрезались груди у женщин, вскрывались животы у беременных, разрубались дети на части, разбивались о колеса арб, устраивались скачки с разрыванием детей на части ...»¹.

Изощренная жестокость сочеталась у Муэтдина со столь же изворотливым умом. Не раз этот полевой командир избегал, казалось бы, полного разгрома, начиная переговоры с противником о добровольной сдаче. Выигрывая в результате дипломатических уловок время, он пополнял ряды своего войска новыми бойцами. После чего с удвоенной жестокостью терроризировал местные айылы. Под угрозой расправы заставлял дехкан вступать в ряды басмачей.

В итоге многочисленных безуспешных попыток обезвредить опасного противника командование Туркестанским фронтом издало 5 июня 1922 года приказ разгромить врага, не вступая с ним ни в какие переговоры.

Вот как обстоял успешный исход операции, по данным современного исследователя: «В целях конспирации отряд Кадырбека выступил из Гульчи в сторону Оша. Пройдя перевал Чигирчик, отряд под покровом ночи резко повернул влево и по труднопроходимым тропам Амантау двинулся к месту назначения. Совершив необычайный по своей смелости переход через горные кручи и вечные снега, бойцы народной милиции оказались в тылу противника и заняли господствующие высоты над долиной Кичик-Алая. Это произошло настолько неожиданно для противника, что несколько застав басмачей оказались в тылу отряда и были очень быстро обезврежены»².

Попав в окружение, противник сдался лишь через две недели после начала операции. Самого же «ляшкарбаши» взял в плен

¹ Горная царица Курманджан и ее время... – С. 139.

² Там же. – С. 140.

отряд К. Камчибекова. А через год этот доблестный командир разгромил на Алае и в окрестностях басмачей Тохта-пансата, Курмана-минбаши и других. Так Кадырбек победоносно служил революции вплоть до 1927 года, когда на территории нынешнего Кыргызстана были ликвидированы последние отряды Джаныбека-казы и нескольких его соратников. Предводители бандитских формирований по причине массового дезертирства подчиненных сдавались на милость советской власти. Гибель басмачества ныне неразрывно связана с именем потомка великой властительницы юга.

НЕ СПАСЛИ НАГРАДЫ И ЗВАНИЯ...

После разгрома басмаческих банд Кадырбек активно включился в начатый большевиками процесс обновления общества. Но прав был Робеспьер в том, что революция пожирает своих героев. Справедливость таких слов подтвердила судьба К. Камчибекова. В 1937 году его расстреляли в застенках НКВД как «врага народа». Не спасли ни членство в КПСС, ни подвиги на милицейском посту. «Вина» подсудимого, по сути, состояла в том, что он был благородного происхождения. Дом Кадырбека сотрясали частые обыски. Его постоянно подозревали в пособничестве врагам социалистического строя. Сажали, выпускали, сажали снова. Он был чист, но поверить в это чекисты оказались неспособны. Близилась массовая чистка советского народа в лагерях... Официальная история стыдливо умалчивает о том, как и где погиб внук великой царицы.

Лишь в конце 1950-х началась медленная и на первых порах малоэффективная работа историков по реабилитации К. Камчибекова. Увы, даже сейчас историкам пока известно далеко не все о подвигах бойцов Гульчинского отряда красноармейцев, которым командовал Кадырбек. Тогда же, в середине прошлого столетия, приходилось восстанавливать эту память буквально по крупичкам. Приведем один из примеров такой кропотливой работы, которую довелось совершить уже на исходе века сотрудникам Кыргызско-Российского Славянского университета. В уже упомянутом нами фонде Никишова, в архиве кафедры истории, культурологии,

информатики и общественных наук КРСУ, сохранились несколько писем одного из соратников Кадырбека, писателя Миргияза Садыкова. Написаны они весной 1960 года. Автор посланий, который в то время проживал в городе Намангане Узбекской ССР, передает своему адресату, фрунзенцу Юсупу Усманбекову, ценные сведения о своих однополчанах.

ДРУГИЕ ПОТОМКИ

А теперь – вкратце о других потомках родопрavitельницы. Праправнук Курманджан Муса Мырзапаязович Адышев стал крупным ученым-геологом. Много лет он возглавлял академический Институт геологии, в 1978 году был избран президентом Академии наук, покинул этот мир 1 января 1979 года. Что характерно, этот человек никогда не скрывал, что являлся потомком Алайской царицы, и каким-то чудом избежал ярлыка «врага народа». Добавим, что Муса – участник Великой Отечественной войны, которую завершил на Дальнем Востоке. Далее, в 1947 году окончил Среднеазиатский университет и начал работать сначала в Киргизском филиале Академии наук СССР, а затем в АН Киргизской ССР. Был ее научным сотрудником, а затем президентом этой структуры.

Будучи ярким специалистом в области геолого-минералогии и литологии ядерной геохимии, Адышев много лет работал над проблемами прогнозирования и использования в народном хозяйстве горнорудного минерального сырья, в том числе редкоземельного и уранового.

Младший сын Мусы, Жаныш Адышев, является представителем уже четвертого поколения потомков Алайской царицы. Он специалист в области генной инженерии, видный генетик, профессор Чикагского университета. В настоящее время гражданин США, живет там со своей семьей.

Другой ближайший родственник Курманджан, ее праправнук и сын Мырзапаяза, – бишкекчанин, подполковник медицинской службы. Он и на пенсии не знает покоя, защищая пенсионеров и малоимущих. Проживают в столице Кыргызстана еще два правнука Алайской царицы – кандидат экономических наук Адылбек

Султанбеков и общественный деятель Чыныбек Абдыкапаров. А в Оше работает в Южном отделении Национальной академии наук республики праправнучка Курманджан – кандидат исторических наук Турсунай Омурзакова. Не так давно она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Курманджан датка. Эпоха. Личность. Деятельность», опубликовала брошюру на кыргызском языке «Алымбек датка», используя в этой работе не только документальные источники, но и шедевры прозы, поэзии, а также материалы фольклора и устные воспоминания ряда ныне проживающих в Бишкеке и Оше потомков родоправительницы.

Завершая наш рассказ о Кадырбеке Камчибекове, добавим, что род Алайской царицы не прервался, несмотря на трагические перипетии революции, Гражданской войны и репрессий 1930-х годов. В настоящее время живы и здравствуют немало потомков родоправительницы. Помимо отца Кадырбека – Камчыбека, прямыми наследниками Курманджан были, как известно, по мужской линии сыновья Абдуллабек, Асанбек, Мамытбек и Батырбек, не считая двух дочерей, десятка внуков и правнуков. По данным современников Алайской царицы, к моменту смерти Курманджан из 183 ее потомков оставалось в живых 98 (два сына, две дочери, 31 внук, 57 правнуков и 6 праправнуков). Так течет, словно река, сквозь теперь уже два столетия славный род Курманджан – духовной матери кыргызского народа.

Глава XX

ОН ВОССОЗДАЛ КУРМАНДЖАН НА ВЕКА

История шедевров монументального зодчества порой не менее интересна, чем судьбы их прототипов. Заслуживают внимания и эпопея создания в суверенном Кыргызстане памятника Курманджан датке, а также личность его творца.

Недаром издревле на Востоке относятся с почтением, а порой и с опаской, к скульпторам, умеющим увековечить облик человека. В исламе и иудаизме такое искусство считается даже попыткой соперничать с Создателем, отмерившим каждому срок его дней на Земле. И ведь, действительно, красота и величие былых героев остаются с нами в скульптурах. Так же повезло после векового забвения и Курманджан датке. В Кыргызстане есть несколько памятников легендарной родоправительнице. Символично, что первым, кто в столице «воскресил» ее в камне и бронзе, стал уроженец Казахстана, кыргызстанец русско-украинского происхождения Виктор Арнольдович Шестопал. Скульптор с мировым именем. Сын политзаключенного, родившийся в КарЛАГе. Такая вот история с географией... Воскресить облик Алайской царицы, воспетый при царизме и ошельмованный коммунистами, судьба поручила человеку, на ком тоже лежали печать сталинских репрессий и благословение вечной дружбы России с Кыргызстаном. Каким же путем художник пришел к осуществлению этой своей миссии?

РОЖДЕНИЕ МАСТЕРА

Приведем автобиографию этого человека, написанную им в 2003 году: «Я родился в 1936 году 1 октября в Казахстане, в г. Петропавловске. Отец в то время находился в заключении в КарЛАГе, располагающемся в селе Долинка. Исполняя в управлении лагеря обязанности бухгалтера и часто бывая в командировках в Петропавловске, познакомился с моей матерью, которая работала в аптеке. Мама стала гражданской женой отца, т.к. брак не был зарегистрирован, поскольку он был заключенным. После моего рождения отец обратился к М.И. Калинину с ходатайством. Удивительно ... но освобождение произошло, и семья переехала в г. Одессу. В 1941 г. началась Отечественная война. Фашисты подходили к Одессе, родители были уверены, что врага остановят, и не хотели уезжать из города до последнего момента. И когда враг уже был на подступах к Одессе, с последним пароходом мы эвакуировались на Кубань¹.

Как продолжает художник, «под натиском фашистов» его семья уходила все дальше на восток, пока не попала в Казахстан – в Петропавловск, родной город матери Виктора Арнольдовича. По его словам, способности к рисованию у будущего скульптора проявились рано: зрительная память развилась у него с раннего детства, так же, как и любовь к рисованию. Когда семья будущего скульптора эвакуировалась, из своих детских вещей мальчик взял лишь фарфоровую статуэтку и карандаши.

Что же касается таланта скульптора, он проявился у будущего зодчего-монументалиста следующим образом: «Голод и нищета заставили нас переехать из города в деревню. И в этой казахской глубинке я впервые стал лепить из глины. Под деревней была балка. А в ней прекрасная белая глина, пластичная, как воск. Это и была моя первая в жизни глина. Сначала делал для себя игрушки, которые сушил и играл потом с ними»², – поясняет

¹ Воронаева В.А. И сеет разумное, доброе, вечное: Российские подвижники в истории культуры Кыргызстана / Под ред. А. Какеева. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2005. – С. 335–337.

² Там же. – С. 336.

ваятель. Недаром бытует поверье, что каждого, кому предстоит определенная миссия, готовит к ней его «ангел-хранитель». Очевидно, в задачу последнего входит не только оберегать своего подопечного, но и создавать трудности, в которых могут быть отточены навыки, требуемые для выполнения особой задачи. Кто знает, состоялся бы впоследствии скульптор Виктор Шестопал, окажись у мальчика Вити в казахской глубинке достаточно игрушек, чтобы не приходилось лепить их из глины... Впрочем, военное детство будущей знаменитости отличалось дефицитом не только игрушек. Вот как вспоминает о том времени художник: «Скоро «началась» школа. Учебников не было, тетрадей тоже. Чернила делали из печной сажи. Писали между строк на довоенных бухгалтерских книгах, которые нам в школу передавала колхозная контора»¹.

Казахская эпопея детства Виктора Арнольдовича завершилась в 1944-м с освобождением родного города скульптора. После того как 9 апреля того года войска Красной армии освободили Одессу, родители мальчика переехали туда. Профессиональное же обучение Шестопала началось в 1947-м, когда отец привел его в детскую художественную школу при художественном училище. Так будущий мастер впервые сел за настоящий мольберт. Виктору где-то достали настоящие акварельные краски и кисти, и он стал самым счастливым мальчуганом на свете: впервые начал рисовать с натуры. А в 1951 году, окончив художественную четырехлетнюю школу и 7-й класс обыкновенной школы, подал документы в Одесское художественное училище на отделение живописи. Отец ребенка мечтал, чтобы он был живописцем.

Увы, не суждено было сбыться мечте Арнольда Шестопала. Как пишет его сын, «на экзамене по живописи я выполнил экзаменационное задание не в традиционном акварельном исполнении, а в локальных ярких, контрастных цветах. И приемная комиссия решила, что я обладаю декоративными задатками, и предложила мне поступить на керамическое отделение. Я расстроился до слез,

¹ Воронаева В.А. И сеет разумное, доброе, вечное... – С. 336.

и тогда скульптор И.Ф. Чувакин предложил комиссии взять меня к себе, так как мой рисунок отличался качествами, присущими скульптору. Комиссия согласилась, и я, разумеется, согласился. Так начался мой путь к скульптуре, уже осознанный и выбранный на всю мою последующую жизнь. Это был июль 1951 г.»¹.

Затем началось непростое поэтапное восхождение скульптора на Олимп художественного творчества. Причем этот путь не прервало и обязательное для советских юношей послевоенных лет прохождение воинской службы. О том периоде художник делится воспоминаниями. После завершения учебы в училище в 1956 г. Виктор был призван в Советскую армию. Но где бы он ни был – на целине летом 1956-го или все три года в армии – старался рисовать и лепить. Службу проходил в г. Душанбе – долго этот город назывался Сталинабадом. В свободное от службы время, вечерами, во время увольнительных, я рисовал и «лепил» своих товарищей и различные композиции.

Первая слава пришла к скульптору следующим образом: «... в 1957 г. мне довелось участвовать в 1-й выставке таджикского портрета, а также во Всесоюзной художественной выставке военных художников в г. Москве. Впервые, хотя и кратко, мои работы были отмечены в прессе, в газете «Красная Звезда». После службы в армии, в 1959 г., для продолжения образования поступил в Ташкентский театрально-художественный институт им. А.Н. Островского. Все годы обучения я совмещал с практической творческой работой. Мои работы стали приобретаться Министерством культуры Узбекистана. По окончании института, в 1965 г., я установил свой первый памятник – К. Марксу – в Янги-Юльском районе Узбекистана. ... С тех пор участие в выставках становится регулярным: республиканские и всесоюзные, региональные и международные. Мои работы приобретены и находятся в музеях и частных собраниях Москвы (Третьяковская галерея и собрания Министерства культуры), Магнитогорска, Южно-Сахалинска, Ташкента»².

¹ Ворopaева В.А. И сеет разумное, доброе, вечное... – С. 337.

² Там же. – С. 34.

Немало работ В. Шестопала хранится и в бишкекском Музее изобразительных искусств им. Г. Айтиева, в Историческом музее, в Музее им. М.В. Фрунзе, как и в частных коллекциях кыргызстанской столицы. Добавим, что монументальные композиции скульптора украшают немало улиц Бишкека, например, памятники К.И. Скрябину, С. Ибраимову, многие другие, а также мемориал «Ата-Бейит» в Чон-Таше, выполненный совместно с коллегами К.М. Алымкуловым и С. Ажиевым.

Талант Виктора Арнольдовича проявился и на педагогическом поприще. Монументалист, член Союза художников СССР и Кыргызстана с 1970 года, он прошел путь от преподавателя до профессора, заведующего кафедрой, стал одним из основателей кыргызской архитектуры, воспитав немало мастеров зодчества.

Вклад В. Шестопала в отечественное искусство отмечен следующими званиями и наградами:

- Почетная грамота Президиума Верховного Совета Киргизской ССР (1983 г.);
- «Заслуженный художник Киргизской ССР» (1985 г.);
- «Народный художник Кыргызской Республики» (1997 г.);
- медаль А.С. Пушкина за вклад в развитие русской культуры;
- лауреат Государственной премии им. Токтогула (2002 г.);
- профессор (2003 г.).

А вот некоторые из высказываний самого художника и реплик о нем. Как-то раз другой гений кыргызского изобразительного искусства, требовательный и строгий Гапар Айтиев, сказал: «Вы, Шестопал, я думаю, в скульптуре не лишний». А вот оброненные как-то мастером слова, говорящие о его отношении к работе: «Скульптор, как пианист, если не работает каждый день, может взять не ту ноту, сделать неверно. Идея сначала вертится в голове, леплю медленно, пока не бросит в озноб. Потом делаю зарисовки в альбоме, эскизы в пластилине. Когда что-то вырисовывается, начинаю собирать материал». Многие объясняют в биографии и творчестве мастера следующие его слова: «... Не выношу тех, кто цедит свысока «Работяга». Ведь на рабочем классе и крестьянстве все и держится»¹.

¹ Воронаева В.А. И сеет разумное, доброе, вечное... – С. 338.

Веским подтверждением сказанного может стать простой статистический анализ произведений скульптора. Подавляющее большинство его работ представляют собой скульптурные портреты, причем в основном тех самых «работяг», представителей трудового народа. Может, оттачивая в творчестве этого художника талант отображать простые, подчас суровые лица тружеников, тем самым его «ангел-хранитель» готовил необходимую для создания памятника Алайской царицы способность увековечить наиболее яркую черту характера родоправительницы – естественность?..

Но вернемся к рассказу о нашем герое. Нелишним будет добавить к предыстории создания памятника Курманджан еще одну символическую деталь. Перед тем как запечатлеть родоправительницу в камне и бронзе, Виктор Шестопал силой своего таланта почтил память гения русской поэзии – Александра Сергеевича Пушкина.

От Пушкина до Курманджан

Речь идет о монументе великому поэту возле главного корпуса Кыргызско-Российского Славянского университета в Бишкеке. Как пишет в одном из своих воспоминаний Виктор Шестопал: «Пушкин вошел в мою жизнь с детских лет». Далее скульптор добавляет: «Сначала его сказки мне читал отец, а когда я подросток, он наизусть рассказывал мне некоторые главы из поэмы «Евгений Онегин», дореволюционная гимназия дала моему отцу весьма прочные знания по русской словесности. Когда я стал читать самостоятельно, то часто иллюстрировал произведения Пушкина. На четвертом курсе Одесского художественного училища я исполнил свое первое скульптурное произведение. Одесса была для меня городом, где многие места дышали Пушкиным, его увлечением графиней Воронцовой, прогулками у моря. Одесса, море, Пушкин – все это произвело на меня незабываемое впечатление и подтолкнуло к работе над темой «Прощай, свободная стихия...»¹.

¹ Воронаева В.А. И сеет разумное, доброе, вечное... – С. 338.

В конце 1970-х годов В. Шестопал снова возвратился к образу Пушкина и создал его портрет, в котором старался передать творческий взлет и романтику поэзии. Эта скульптура, выполненная в бронзе, хранится в настоящее время в фонде КГМИИ имени Г. Айтиева.

Далее мастер возвращается к теме классика русской поэзии уже в преддверии 200-летия со дня рождения поэта. Тогда скульптор задумал изобразить Пушкина, стоящего на последней ступеньке одного из спусков к Неве в Санкт-Петербурге, где волны плещутся о гранит набережной. Эту композицию намечалось перевести в мрамор в надежде на предстоящее открытие художественной выставки к юбилею поэта.

Однако на исходе 1990-х был объявлен конкурс на лучший памятник А.С. Пушкину, который должен украсить место близ фасада главного корпуса Кыргызско-Российского Славянского университета в Бишкеке. Так идея перевоплотилась, и автор погрузился в работу над монументом.

Здесь нелишне упомянуть о том, что в мире установлено более 370 памятников Пушкину. Представляете, сколько существует интересных подходов в теме его творчества, раскрытию многогранного образа классика русской и мировой поэзии!..

Как вспоминает Виктор Шестопал, «... я решил трактовать образ поэта через конфликт между окружающей средой и его творческим мировоззрением. Поэт отрешен от окружающей его суеты, он погружен в свой, созданный им мир. Он не хочет жить по законам существующего в его время общества, хотя вынужден был быть его частью, но внутренне не приемлющим его ценностей ...Познавая окружающий мир под сильным влиянием простого народа, поэт постепенно осознавал демократические тенденции. Творческие интересы поэта вскоре противопоставились миру царского двора. Эту идею я положил в основу своего памятника А.С. Пушкину»¹.

Памятник Александру Сергеевичу В. Шестопала выглядит следующим образом. Пушкин одет, как денди, по моде тех лет, что

¹ Воронаева В.А. И сеет разумное, доброе, вечное... – С. 338.

представляет собой неизбежную дань традициям его времени. Руки на груди скрещены, как замок, закрывая поэта от внешнего мира. Голова повернута на восток, в сторону восходящего солнца, – символа Свободы и Жизни. Классик спокоен, уверен в своих силах, мысли его устремлены в далекое будущее.

ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА КУРМАНДЖАН

История первого в суверенном Кыргызстане воплощения образа Алайской царицы в камне и бронзе происходила следующим образом. В мае 2001 года кыргызстанский Благотворительный фонд имени Курманджан датки объявил конкурс на лучшую разработку эскиза ее памятника.

Была сформирована конкурсная комиссия. В нее, помимо руководителя фонда Жылдыз Жолдошовой, вошли тогдашний первый вице-премьер-министр республики Курманбек Осмонов, ректор Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына Аскар Какеев, академик Владимир Плоских, а также прямой потомок родопрavitельницы Чыныбек Абдыкаев и ряд деятелей культуры.

Искушенным знатокам искусства предстояло решить, кто же из конкурсантов может сполна воплотить образ великой Курманджан. На рассмотрение было подано несколько эскизов. В числе предложенных сюжетов скульптурной композиции были следующие: «царица Алая» восседает на троне, пьедестале и на коне. После достаточно продолжительных прений члены комиссии пришли к мнению, что именно Виктору Шестопалу удалось в полной мере воплотить характер и харизму легендарной женщины. Почему же комиссия остановилась именно на его варианте?

Напомним об облике скульптурной композиции. Величавая женщина как будто стоит у входа и приглашает войти. Курманджан датка – Алайская царица, как величали ее современники в конце XIX века. А вот для знающих историю она – Мать-покровительница. И получается, что пьедестал, а тем более трон, не раскроет в полной мере ее образ как мудрого и прозорливого политика позапрошлого столетия. Скорее всего, художественная

интуиция тонких знатоков изобразительного искусства позволила членам комиссии не совершить досадную ошибку. Верно угадав уникальность творческой находки Шестопала, деятели искусства тем самым способствовали воплощению сложившегося в народном сознании кыргызов образа Курманджан именно как «матери» этноса. В ее поступках и чертах нет и не должно быть никакого нарочитого официоза, который ставил бы преграду между политиком и людьми.

Так комиссия отдала предпочтение работе Виктора Арнольдovichа. Произошло это осенью 2002 года. А через полгода был одобрен макет памятника в гипсе. И в центре кыргызстанской столицы вскоре появился один из шедевров современного зодчества и скульптуры – памятник легендарной родоправительнице.

В довершение подчеркнем, что немногие женщины удостоены великой чести быть увековеченными в камне. Среди них – «железная леди» Маргарет Тэтчер, гордость Пакистана Беназир Бхутто, духовный лидер индийцев, символ освобожденной от колониального гнета Индии Индира Ганди. Достойное место в этой плеяде политиков занимает Курманджан датка...

Часть вторая

**НЕКОРОНОВАННАЯ
ЦАРИЦА АЛАЯ
(эссе)**

*Четыре отличья – сей книги основа.
Одно из них – правда стези справедливой.*

Юсуф ал-Баласагуни

Вместо предисловия

Еще совсем недавно трудно было представить, что якобы бесписьменный до революции кыргызский народ может иметь свои исторические хроники, художественные произведения, что существовали кыргызские поэты-письменники и что в среде кыргызского населения в далекие времена имели хождение рукописи на арабском, персидском языках и чагатайском наречии тюркского языка. Нигилистическое отношение к кыргызским письменным памятникам задержало их поиск. Но появляющиеся сведения о памятниках дореволюционной письменности внушают оптимизм и призывают к целенаправленным поискам.

Руководитель киноэкспедиции на Памир в 1928 году В. Ерофеев упоминает о летописи, которая велась в одном из родоплеменных подразделений местных кыргызов с 70-х годов XIX века. В середине прошлого столетия академик Б.М. Юнусалиев на юге Кыргызстана обнаружил рукопись-санат рифмованных четверостиший нравоучительного характера Молдо Нияза, изложенных на ичкиликском диалекте кыргызского языка. До нас дошли имена и отдельные произведения дореволюционных кыргызских акынов-письменников: Молдо Кылыча, Исака Шайбекова, Баимбета Абдрахманова (Тоголока Молдо) и др.

Археографической экспедицией Института истории АН Кыргызстана в 1976–1985 годах (руководитель В. Плоских) в среде кыргызского населения собраны десятки рукописных книг на восточных языках, что говорит об определенной читательской аудитории.

В своих поездках по Кыргызстану автор записывал истории о дореволюционном прошлом Алая, встречался с ближайшими родственниками и наследниками легендарной Курманджан датки – некоронованной «царицы Алая», собирал рукописи древности. В одном из айылов посчастливилось обнаружить рукопись, но первые и последние страницы ее были порванными, испорченными. Оказалось, что перед нами сочинение какого-то безымянного местного автора, написанное арабской графикой на ичкиликском диалекте кыргызского языка. В рукописи отражены отдельные эпизоды из жизни Курманджан датки.

Оригинал рукописи сразу приобрести не удалось. Во второй же приезд мы не нашли ни рукописи, ни хозяина. Землетрясение – не столь уж редкое явление в этих местах – разрушило глиняную хибарку владельца. Не смогли мы выяснить и его дальнейшую судьбу.

Сюжет рукописи, с трудом разобранный в период первого и, к сожалению, последнего знакомства с ней, нам очень понравился. Было решено восстановить его по памяти. А если память подводила, автор обращался за помощью к прямым потомкам Курманджан – Сардарбеку Исмаилову и Дженишбеку Адышеву – хранителям семейных преданий.

Это скромное сочинение и представляется на суд читателя.

Как вышла замуж Курманджан

В месяце тэке (июль) через пыльный Ош проезжал хаким Андижанского вилайета знаменитый родоправитель южных кыргызов Алымбек из рода баргы племени адыгине. Хаким спешил на пастбища Алая. Несмотря на середину лета и жаркое солнце, там, на высокогорье, не чувствовалось той изнуряющей духоты, которая делала жизнь внизу, у подножия гор, сущим адом.

Долина, по которой бежала шумная и прохладная река Ак-Буура, благоухала запахами цветов, зеленела пышными травами. Едва выехали из города, как впереди показался айыл Жапалак. Юрты скотоводов издали казались нарядными, как невесты. Глинобитные дувалы скрывали пышные ветви урюка и ореха. Алымбек изъявил желание отдохнуть в этом райском уголке – и вперед поскакали джигиты.

Видно было, как задвигались между юртами фигурки, как злобных волкодавов сажали на веревки и уводили прочь, – лай сторожевых собак не должен раздражать слух высокого гостя. И когда бек подъехал, встречал его весь айыл.

Белобородые аксакалы с поклоном пригласили правителя от имени всего рода жапалак в самую богатую юрту. Однако гость, осмотревшись, выбрал юрту попроще – самую ближнюю. Ибо он заметил, как мелькнуло из-за дверной занавески удивительное девичье лицо: чем оно так поразило, бек и сам не понял.

Хозяин юрты Маматбай от счастья и гордости чуть не потерял голову. В то время как джигиты расседывали коней и разбрелись по соседним жилищам, бек шагнул в прохладный сумрак и сел на приготовленное для него почетное место. Двумя полукругами – слева и справа – уселись старики-аксакалы. Сноровистые женские руки быстро накрыли дасторкон с питьем и яствами (для угощения бека постарался весь айыл). Бек все поглядывал: нет ли среди женщин той, с чудным лицом...

Хозяева потчевали гостя и почтительно задавали обязательные вопросы: здоров ли бек? здорова ли его семья? плодится ли скот? и т. д.

В свою очередь и бек задал такие же вопросы – он всегда соблюдал этикет, когда это ему ничего не стоило.

Долго ели, насыщались, потом айылный комузчу исполнил хвалебную песнь в честь бека. Он превознес его доблести, действительные и мнимые, восславил его дела и несуществующие подвиги, при этом сравнивал его с героями прошлого. Сравнения оказывались в пользу бека. Еще бы! Сам Мадали-хан кокандский – око Аллаха в этом краю – утвердил родоначальника адыгине хакимом лучшего своего вилайета и пожаловал ему титул датки – своего полномочного наместника.

Словом, все шло, как предписано обычаями. Когда все насытились и удовлетворенный Алымбек, важно отдуваясь, откинулся на подушки, перешли к степенной беседе о насущных делах. А как же иначе! Ведь бек – «отец народа», и к нему приходят со своими жалобами и сомнениями родичи-подданные. Так велит закон, принятый от века. Старики, оглаживая бороды, поверяли ему свои заботы и разногласия, а бек выносил непререкаемые решения. Так оно и шло, пока один из аксакалов не проговорил:

– Великий бек! Случилось у нас одно неслыханное дело... Стыдно признаться, но сказать об этом надо – мы не можем сами найти выход... И на памяти дедов наших не бывало такого...

– Какое же это дело? – спросил заинтересовавшийся бек.

– А вот какое. Три года назад хозяин юрты почтенный Маматбай выдал свою дочь за человека из рода жоош по имени Кулы-Сад. И взял хороший калым...

– Что же тут удивительного?

– Удивительное состоит в том, что Кулы-Сад так и не получил жены...

– Значит, Маматбай обманул зятя? – бек, нахмурившись, взглянул на хозяина. Тот приложил руки к груди и низко поклонился.

– Нет, великий бек! Я отдал свою дочь в юрту Кулы-Сада...

Бек недоумевающе посмотрел на присутствующих.

– Но она в тот же день вернулась назад...

– Понимаю! Муж отослал ее к отцу...

– Нет, великий! Он приехал следом и умолял новобрачную вернуться.

Алымбек сел на подушки.

– И что же дальше?

– Она отказалась.

Бек-датка не верил своим ушам.

– А что же сделал отец?

– Я бил ее камчой и таскал за косы. Ничего не помогло, великий. В этой девчонке сидит шайтан.

От возмущения у бека покраснели даже белки глаз.

– А что же сделал муж? Забрал назад калым?

– Я предложил ему вернуть его имущество, но Кулы-Сад отказался. Он сказал, что ему нужна жена, а не овцы.

– И чем же дело кончилось?

– Оно до сих пор не кончилось, великий. Дочь живет у меня, а Кулы-Сад ходит без жены. И мы не знаем, что делать.

– Велик Аллах! – закричал разгневанный бек. – Да разве можно после этого назвать вас мужчинами? И что за девица такая, что с ней не в силах справиться ни отец, ни муж? Или она великанша с Тенгри ростом? Позвать ее сюда!

Тотчас за стенкой юрты послышались крики: «Курманджан! Где Курманджан? Требуется бек!».

Старый Маматбай плакал и сморкался, он трепетал при мысли, что гнев бека сейчас падет на голову его непокорной, но такой любимой дочери.

Привели Курманджан. Она скромно поклонилась беку и стала у входа. Бек глядел во все глаза: это было то самое лицо. Красота

и юность девушки несколько смягчили «карательное» настроение бека. Рассмотрев ее как следует, он громко, начальнически, откашлялся и произнес совсем не так грозно, как только что собирался:

– Ты и есть та самая непослушная Курманджан?

Вместо ответа девушка опять поклонилась. Ее черные косы змеями скользнули на высокую грудь. Бек расправил усы.

– Совсем небольшая росточком, а? – шутливо обратился он к аксакалам. – А я-то представил ее по вашим рассказам страшной, как жезтырмак!

Аксакалы смешливо затрясли длинными бородами и прыснули в кулак: ой-е шутник великий Алымбек датка! Они понимали шутки.

– Говорят, ты уже три года как замужем. Правда ли это? – обратился он к девушке.

– Правда. Три года назад меня выдали замуж, – ответила она.

– Почему же я не вижу на тебе элечека?

– Потому что я никогда не была женой...

Старики-аксакалы сокрушенно покачали головами: сколь велико бесстыдство этой девчонки!

– Жена должна находиться в юрте своего мужа, – назидательно сказал бек, приняв поднесенную пиалу с прохладным кумысом. – Почему же ты не следуешь предписаниям адата? Разве обычай отцов не требует от женщины повиноваться мужчине? Брак – дело священное.

– А разве Кулы-Сад – мужчина брачного возраста? – смело спросила девушка.

Старики ахнули. Бек чуть не поперхнулся.

– Женщина! – сказал он важно. – Ты задела мужскую честь и достоинство. Осознаешь ли ты всю цену сказанного? За длинный язык голова в ответе.

– Осознаю, – отвечала Курманджан. – Кулы-Сад втрое старше меня. Он старше моего отца. Разве мы с ним пара?

– Но ты же знала, за кого шла?

– Я впервые увидела его в день свадьбы, хотя меня и просватали с самого детства. Когда я была ребенком, Кулы-Сад уже был стариком. Я охотно взяла бы его в дедушки...

– Что ж, если Аллах даровал его тебе в мужа, надо терпеть, девица...

– Не вини Аллаха в этом деле, великий бек! Это все устроил мой отец за двадцать баранов и кисет с кокандскими серебряными таньга. Аллах же установил на земле другой порядок: каждому возрасту свое: молодым джигитам – отражать врага, зрелым мужам – растить сыновей, старикам – учить мудрости молодых и править родом. Что получится, если этот порядок нарушат люди? Юнцы станут править, старики рожать детей...

– Ой-бой! – опять ахнули аксакалы.

– Может быть, Кулы-Сад и стар на вид, однако душой – молодец, – сказал бек, забавляясь. – Не суди по внешнему виду, девушка.

– Но, если я вижу, что конь хромает, стоит ли отправляться на нем в дальнюю дорогу? Даже лучший скакун с годами становится клячей.

Аксакалы злобно зашипели, засверкали из-под мохнатых бровей гневными взглядами на дерзкую. Бек засмеялся, обнажив великолепные зубы: он находился в расцвете сил, и уязвленное самолюбие стариков мало его трогало. Он уже был женат. И жена родила ему славного сына. Но эта девчонка рассуждает очень, очень забавно...

– А что говорит по этому поводу сам Кулы-Сад?

– Аллах даровал людям по два глаза, чтобы правым они замечали все хорошее, левым – все плохое. Кулы-Сад в пору своей молодости потерял правый глаз и теперь смотрит на мир одним левым...

Пиала задрожала в руках Алымбека датки от едва сдерживаемого смеха (видать, он любил едкие шутки). Старики же не находили себе места от возмущения, их едва сдерживало присутствие важного гостя. Тот решил не подбрасывать сучьев в огонь и отпустил девушку со словами:

– Мы подумаем, как поступить с твоим отцом и с Кулы-Садом. А с тобой мы еще продолжим разговор.

В тот вечер бек решил заночевать в айыле. Опять начался пир, опять резали баранов. Наездники показывали чудеса джигитовки, силачи боролись друг с другом, акыны соревновались в пении

песен, молодежь устроила игры... Той в честь великого гостя шумел на берегу реки Ак-Бууры до самой поздней ночи.

Алымбек улучил момент и оказался рядом с Курманджан. Не беда, что вокруг теснился народ и десятки глаз горели любопытством, а чужие уши ловили каждое слово, – разве это помеха для разговора, если бек того хочет?

Комузчу в это время исполнял лирическую песню «Күйгөн» («Сгоревший от любви»).

Бек сказал:

– Нравится ли Вам эта песня?

– Да, – ответила Курманджан. – Если бы Кулы-Сад исполнил ее для меня, то я, пожалуй, стала бы его настоящей женой...

– А если для Вас ее исполню я?

Курманджан вскинула глаза:

– Не к лицу беку такая песня. Разве не волен он приказывать, повелевать?

– Возможно ли приказом добиться любви? И разве бек не может страдать, как обыкновенный человек?

– Бек всегда должен оставаться сильным, – отвечала Курманджан. – Не жаловаться под бречание струн, а завоевать он должен любовь! Как и все остальное.

На другой день празднество продолжалось, и опять бек остался ночевать в айыле.

Опять резали баранов, и бедняки переговаривались между собой:

– Если датка со своими джигитами останется и на третий день, зимой нашим семьям нечего будет есть.

... А вечером он опять говорил с Курманджан:

– Нравится ли Вам песня, которую исполняет комузчу?

– Всем девушкам нравится «Секетбай» («Любимая»), – отвечала Курманджан.

– А если бы Вам пропел ее я?

– Не к лицу беку песня. Каждому свое: комузчу – напевы, беку – власть.

– Так знайте: комузчу исполняет ее по моему приказу для Вас.

Семейное предание гласит, что Алымбек далеко не случайно оказался в юрте Маматбая, как это хочет представить читателю автор безымянной рукописи. Не прост, ой, не прост был

андижанский хаким, вершитель многих славных дел в Кокандском ханстве. Да и зачем было Алымбеку отдыхать в айыле Жапалак, который находился рядом с Ошем? И могучий бек не успел устать, и у коня не запотела грудь...

Историю Курманджан рассказал Алымбеку в Андижане его джигит, который был двоюродным братом Маматбая. Смелость девушки сначала возмутила, а затем заинтересовала всесильного вельможу. Эта история крепко засела в его голове, и сколько бы ни отмахивался от нее Алымбек, она каждый раз всплывала в памяти. В общем, бек решил посмотреть своими глазами, что там за шайтан в юбке. Видно, правду люди говорят: «Свою судьбу и на коне не объедешь».

На третий день бек вершил суд. Он решил несколько спорных вопросов, но главное – освободил Курманджан от мужа. Развод – дело пустяковое, если за это возьмется бек. Признано было справедливым вернуть отвергнутому мужу калым. Кулы-Сад, печально щуря левый глаз, погнал два десятка овец в сторону своего айыла. И кисет с серебром позвякивал у него на поясе – эти деньги вручил ему сам датка.

– Не горюй! – сказал датка Маматбаю. – Я возьму тебе убытки из своих отар. И пусть твоя дочь живет у тебя в юрте, не слыша упреков.

Все втайне удивились мягкости, добросердечию и мудрости бека, ведь правитель Алая был известен как человек с железной хваткой, решительный и жестокий.

На третий день к вечеру бек со своими джигитами уехал. Его ждал соседний айыл. Род жапалак провожал своего главу и господина со слезами на глазах – наверное, от радости...

Через два месяца золотой осенью на берег реки Ак-Бууры в айыл Жапалак пришел богатый караван. Правитель племени адыгине великий Алымбек датка, наместник самого кокандского хана на Алае, хаким Андижана, прислал щедрые подарки простому скотоводу Маматбаю из рода жапалак. Алымбек устами своих сватов просил почтенного отца отдать свою дочь, строптивую Курманджан, ему в жены.

Как все были довольны в айыле Жапалак! Лишь самые дряхлые старики, верные почитатели и хранители старины, сокрушенно покачивали головами:

– Слыханное ли дело! Непокорная девчонка нарушила адат, пренебрегла житейскими правилами, наплевала на обычай отцов... И вместо того чтобы понести заслуженное наказание, она становится

женой бека! Страшные настают времена – тар заман (времена бед), зар заман (времена скорби), акыр заман (конец мира)...

Маматбай в новом бухарском халате, в лисьем малахае и новеньких канибадамских сапогах надулся от спеси и сделался таким важным, что не считал более возможным взбираться на лошадь сам, – два джигита подсаживали его в седло. Не узнать человека! Раньше он балагурил, теперь – изрекал. Раньше по необходимости бегал, переваливаясь на кривоватых ногах прирожденного наездника, теперь – шествовал, почтительно поддерживаемый под локти самыми уважаемыми людьми айыла. И на разные просьбы сородичей о будущем покровительстве неизменно отвечал только одной фразой:

– Мы подумаем!

Свадебный той длился много дней. Долго помнили потом его старики от Гульчи и Науката до Кетмень-Тюбе и верховий Нарына. Передают, что об этой свадьбе говорили даже в Коканде, Бухаре и Кашгаре.

Когда кожаный сундук с приданным Курманджан погрузили на крепкого верблюда и он тронулся со двора, лохматый пес Акжолтой заскулил и стал рваться с привязи. Когда Курманджан, взмахнув юбками, птицей взлетела в седло и ударила камчой белого мерина, пес взвыл, оборвал крепкую веревку и бросился за молодой хозяйкой. «Вот и все, – сказал Маматбай и вытер мокрые глаза. – Ушло мое богатство к Алымбеку». Что он имел в виду, осталось тайной.

Словом, все получилось, как в сказке.

Но это было только начало...

Серебряная камча

Крепка власть Алымбека датки! Богатый Андижан и просторный Алай в его могучем кулаке. Южнокыргызские родоправители, вожди кипчаков, самые знатные вельможи Кокандского ханства заигрывают с ним и почтительно слушают голос Илбирса – властелина гор.

И сам Алымбек преисполнен сознания своей силы. Его честолюбивым помыслам тесно на Алае. Он теперь подумывает о верховной власти на всем Тянь-Шане, о месте первого приближенного в ханстве. Он мечтает объединить всех кыргызов и самому стать их ханом.

Для этого плетутся хитроумные интриги, заключаются союзы с другими феодалами, вербуются сторонники.

Все эти дела вынуждают его надолго покидать родные кочевья. Однако Илбирс уверен в своих тылах. Ибо управлять родом остается его жена – преданная и мудрая Курманджан.

Молва об этой необыкновенной женщине уже давно распространилась в горах, достигла Ферганской долины.

Курманджан еще сравнительно молода – ей чуть больше тридцати. Красота ее расцвела – ведь жене бека не приходится надрываться на черной работе, как жене бедняка. Судьба у нее иная! Она всеми уважаемая «байбиче», мать сыновей. Авторитет ее чуть ли не такой же, как у родоправителя.

В отсутствие мужа она ведет большое и сложное хозяйство, вникает во все мелочи. Налаживает торговлю с купцами из Ферганы и Синьцзяна. Вершит суд и разбирает жалобы. И может поступать решительно и круто, если того требуют обстоятельства.

Вот почему знаменитый родоправитель спокоен за свои тылы.

* * *

Сегодня в очередной раз Алымбек датка покидает родной Алай. На прощание он подал жене камчу с серебряной рукояткой:

– Не пристало владычице гор погонять коня обыкновенной плеткой. Это камча – от моего прадеда. Держи ее крепко.

По лицу Курманджан сразу было видно – оценила подарок.

Бек продолжал, довольный:

– Держащий камчу повелевает народом. Помни: народ – это дети, которых иногда требуется наказывать, чтобы не избаловались, были послушными.

И добавил шутливым тоном:

– Камча также поможет тебе не забывать мужа. Глянешь на нее – вспомнишь меня.

Курманджан ответила торжественно и серьезно:

– Сознаю ответственность, возлагаемую тобой на мои слабые плечи. И принимаю подарок.

Бек одобрительно слушал.

– Но с одним условием...

Бек насторожился.

– С одним маленьким условием... Без этого я не приму подарка.

Бек нахмурился и проворчал с досадой:

– Что еще за условие?

– Сначала дай нерушимое слово бека, что выполнишь. Бек нетерпеливо дернул плечом:

– Да говори же ты, женщина!

Курманджан ласково коснулась его руки, заглянула в глаза:

– Любовь моя к тебе безгранична, ты это знаешь. Но как бы я не хотела удержать мужа подле себя, понимаю: большие дела

призывают его в долину. Дай же слово не забывать и меня, малую, в круговороте больших дел!

Бек облегченно вздохнул:

– Только-то?

– Я помню о тебе всегда, близко ты или далеко. Когда ты далеко, иной раз бывает очень трудно. Я терплю. У тебя столько важных дел, от которых зависят судьбы мира. Однако может случиться, что присутствие твое станет необходимым. Если нагрянет беда. Если нависнет черная туча гибели над твоей семьей, твоими сыновьями, твоим народом. И тогда...

Курманджан остановилась.

Бек слушал и смотрел ей в глаза. На лице его все больше и больше отражалась тревога, будто он и впрямь увидел воочию опасность.

– ... И тогда ты получишь с посыльным вот эту самую камчу. Она послужит тебе сигналом. Помни: я не позову без самой крайней нужды! В тот же миг садись на коня и скачи в родные горы. Не мешкая! Не откладывая! Не размышляя!

Голос Курманджан звенел, щеки покраснелись, глаза сверкали... Сейчас она казалась провидицей – у бека даже похолодело внутри. Он стремительно встал с подушек. Волнение жены захватило и его.

– Поклянись в этом духами предков, – сказала Курманджан.

– Клянусь! – ответил взволнованный бек.

Она приникла к его груди. Надменный правитель Алая обнял ее и погладил по голове с нежностью, какой сам от себя не ожидал:

– Мой длинноволосый мудрец...

Курманджан подняла к мужу раздумавшееся лицо и прошептала:

– И пусть об этом уговоре будем знать только мы двое...

* * *

Большие дела совершились в ханстве за последние годы! Ушел в небытие Мадали-хан (1822–1842 гг.). На престоле теперь восседает Шералы (1842–1845 гг.) – воспитанник таласских кыргызов. Однако первую роль в государстве играет не Алымбек, а вождь

кипчаков минбаши Мусульманкул и его ближайшее окружение. Алымбек оттеснен на третьи роли.

Это никак не устраивает честолюбивого алайского датку. И когда в городе Оше восстал народ, доведенный ханскими поборами до отчаяния (1845 г.), датка оказывается причастным к нему вместе с другими недовольными феодалами – Саидбеком даткой и Пулатом даткой. Они решили сыграть в большую игру, ставка в которой – власть.

Когда известие об этом дошло до Мусульманкула, он сразу начал действовать. «Великий кипчак» был жестоким, коварным, хитрым и честолюбивым, то есть обладал всеми данными для блистательной политической карьеры.

Хорошенько подумав, он велел своим юзбаши бить в барабаны – созывать войско. Потом кликнул писца–дабира и продиктовал ему три письма – все в город Ош. В ошском окружении Алымбека было много шпионов и тайных сторонников Мусульманкула. Им он послал приказ: «Убейте врага. Если не можете, приложите все усилия, чтобы задержать алайского волка в городе. Усыпите его подозрительность, пока мой беспощадный меч не обрушится на его толстую шею».

Второе письмо было адресовано единомышленникам Алымбека, влиятельным среди кыргызов феодалам Саидбеку и Пулату: «Алымбек алайский хочет все взять себе. Он подомнет вас, наступит сапогом на ваши головы. Подумайте и взвесьте!»

Самому Алымбеку многоопытный временщик написал: «Брат мой! Если человек однорукий, он уже не джигит. Мы с тобой – как две могучие руки государства. Без одного из нас оно станет калекой».

Расставив таким образом смертельные ловушки своему сопернику, Мусульманкул сказал соратникам:

– Время! Теперь самое драгоценное – это время! Оно скачет быстрее тулпара, но мы должны опередить алайского смутьяна и уничтожить его, пока он не причинил нам непоправимого ущерба.

И «великий кипчак» выступил в поход на Ош. Он уже предвкушал, как разделит Алымбека на две неравные части: в одной – голова, в другой – все остальное.

Ошские сторонники Мусульманкула, получив его послание, тоже начали действовать.

Шпионы и тайные сторонники не решились пойти на убийство и стали усыплять подозрительность алайского владетеля. Саидбек датка и Пулат датка «подумали и взвесили». Весы перетянули на сторону Мусульманкула. У того – власть, а у Алымбека – лишь амбиции. Что весомее?

Таким образом, над головой предводителя адыгине нависла черная туча гибели, но он пока этого не замечал. Верно говорят: излишняя самоуверенность никому еще не приносила добра...

...Душное летнее утро. Алымбек только что проснулся и, накинув шелковый халат на голое тело, вышел из покоев, где досматривала сны молодая наложница. Он велел подать себе зеленого чая. Взгляд лениво скользил по Сулайман-горе, окутанной, не смотря на ранний час, знойной дымкой. Роскошный ханский сад, тянувшийся вдоль речки Ак-Бууры, стоял неподвижно-тяжело, как бы придавленный жарой и пылью.

Скучно с женщинами! Надоели. У них ничего, кроме рабской покорности. В это утро почему-то вспомнилась жена. Давно уже нет от нее известий. Как там сейчас на Алае? Сладостная прохлада, чистый воздух... Среди разнотравья бродят матки с жеребятами. Из-за пригорка доносится бляенные овец... Алымбек вздохнул.

И как будто providение откликнулось на мысли бека. Перед его взором предстал знакомый джигит в запыленной одежде. Он приветствовал своего родопрародителя глубоким поклоном.

– Давно приехал? – отрывисто спросил бек.

– Только что, великий. Я очень спешил.

– Все ли в порядке дома?

Джигит полез за пазуху и подал беку свернутую камчу – вместо ответа.

Он сразу узнал ее. Эта была та самая камча с серебряной ручкой. Он вспомнил уговор. За все эти годы жена прислала ее в первый раз. Значит, случилось что-то серьезное.

– Все ли живы-здоровы? – взволнованно спросил бек. – Да отвечай же толком!

– Все живы, – сказал оробевший посланец. – Но больше я ничего не знаю. Госпожа дала мне камчу и сказала: «Датка знает, как поступить». И еще добавила: «Пусть он сделает это тайно». Я слово в слово запомнил.

– Разве враги напали?

– Нет! Кто осмелится?

– Я не могу сейчас ехать в Гульчу, – бек рассуждал сам с собой. – Меня задерживают важные дела!

– Госпожа отсюда в одном переходе. Она спустилась с гор.

Ветерок прошлого, ветерок молодости вдруг повеял на бека из далекого далека. В памяти всплыли слова: «Не мешкая! Не откладывая! Не размышляя!».

Он хлопнул в ладоши:

– Коня!

И, мчась впереди джигита-посланца, думал: «В конце концов, пусть этот кипчакский каранар подождет! Давно ему пора уразуметь, кто в ханстве правая рука, а кто лишь левая»...

В большой кишлак у подножия гор они прискакали поздно ночью. Джигит провел датку в усадьбу знакомого купца, обязанного своим благосостоянием алайским правителям. Во дворе белела юрта. Встреча супругов состоялась...

...Проголодавшийся Алымбек уплетал боорсоки, привезенные женой, и восклицал на манер поэтов:

– Вкусны ханские блюда, а пища родины вкуснее!

Он пил холодный кумыс из бурдюка:

– Разве наш кумыс сравнить с тем, что в долине?

И пьянящего напитка бозо он отведал.

А потом они проговорили всю ночь. Захмелевший бек хвастался перед женой:

– Скоро, скоро ты увидишь своего мужа на том месте, которое принадлежит ему по заслугам!

– А если те, кто окружает тебя, предатели?

– Кого ты имеешь в виду?

– Хотя бы того же Саидбека и Пулата...

Датка засмеялся:

– Они у меня здесь! – он показал могучий кулак – Только мной они сильны. Что могут шакалы?

– И шакал, если он бешеный, опасен для непобедимого льва. От укуса маленькой змеи иной раз погибает великан.

Датка начал сердиться:

– Что ты смыслишь в этих делах, женщина? Я вижу людей насквозь!

– Темную душу не сразу разглядишь и при свете солнца...

– Недаром говорится: ум женщины короче ее волос. Я оказываю тебе уважение, как хозяйке... Но разве может овечка научить горного козла прыгать через пропасти? Занимайся лучше хозяйством. Орлице – стеречь гнездо, орлу – летать в поднебесье. Утром я возвращаюсь в Ош!

Нелегко сладить с Алымбеком даткой! Но Курманджан это умела. Она давно уже изучила характер своего упрямого и самолюбивого мужа – бек терпеть не мог, когда его уличали в ошибках. Без лишних слов она подала ему самаркандскую пиалу с горячим чаем – к этому напитку бек пристрастился в Оше. В чай был подмешан опиум.

Когда бек заснул, Курманджан стала действовать. Джигиты завернули спящего в кошму и погрузили на арбу. В простой одежде госпожа уселась рядом и хладнокровно проехала по улочке селения под огнем сотни любопытствующих глаз. Кто мог догадаться, что на арбе, среди горшков, бурдюков и прочего скарба в большом куле безмятежно спит сам алайский правитель, один из вершителей судеб ханства?

А передовые отряды шахристанского хакима кипчака Кур-Оглы уже подходили к селению. Они должны были отрезать Алымбеку пути бегства в горы – так приказал Мусульманкул. Сам он быстро двигался с войском на город Ош.

Когда бек очнулся, он долго не мог понять, где находится. Глаза его блуждали по белому потолку юрты, по голубому отверстию в нем – во дворе был ясный безоблачный день. Он перевел взгляд на стены и увидел знакомый ковер – калым, вытканый когда-то руками его юной любимой жены Курманджан...

Бек приподнялся и сел. Растерянность отразилась на его лице – чувство, не свойственное беку. Он позвал хриплым голосом:

– Эй, кто-нибудь!

И так как никто не откликнулся, бек поднялся, откинул полог и вышел наружу.

Знакомая, родная до дрожи в сердце Алайская долина раскинулась перед ним во всей своей летней красе.

Было сказочно-прекрасное утро. Высокогорные изумрудные луга пестрели мириадами цветов. Белые юрты казались нарядными, как березки в горном распадке. Вдалеке бродили матки с жеребятками. Из-за пригорка слышалось приглушенное блеяние овец – лучшая музыка для слуха кочевника. Все так, как виделось в тесном и душном Оше. Потом раздался тихий металлический звон. В двадцати шагах пылал летний очаг, где что-то булькало во вместительном казане. Около него хлопотала Курманджан: она подняла крышку и помешивала большим черпаком. Ее прекрасное лицо смешно морщилось от дыма. Увидев мужа, она приветливо улыбнулась ему.

Алымбек мучительно соображал, как он попал сюда? Вот что значит пить много бозо и хмельного кумыса! Ай-ай-яй, как нехорошо получилось! Чтобы скрыть смущение, он обратился к жене:

– Разве, кроме тебя, некому глотать дым у казана?

– Я хочу приготовить обед мужу собственными руками.

– Я, кажется, долго спал...

– Сон освежает человека. Теперь ты в родных местах, вдали от смерти.

– О какой смерти ты говоришь?

– О той, которая преждевременно уводит неразумных в чертоги Аллаха...

– Ты изъясняешься загадками, – сказал бек с досадой.

Курманджан положила ему руки на плечи:

– Сегодня для меня великий праздник: ты со мной. А еще – вспомни, какой сегодня день?

– Пятница...

– Сегодня, – торжественно сказала Курманджан, – исполняется ровно четырнадцать лет с того дня, когда мы впервые увидели друг друга. Так высчитал наш эсепчи¹.

¹ Эсепчи – метеоролог и хронолог в тогдашнем кыргызском обществе.

– Это, действительно, праздник, – пробормотал бек.

Был большой той. Наутро бек собрался уезжать, но Курманджан остановила его:

– Разве может отец народа уезжать, не поговорив с аксакалами? Я управляюсь в твое отсутствие, но хотя бы раз в году нужен твой мужской хозяйский глаз.

Бек, скрепя сердце, согласился.

– Но завтра я должен уехать! – предупредил он. А когда пришло завтра, она попросила:

– Остайся еще на день...

– Нет! – решительно возразил бек. – Меня призывают ханства!

– Любимый! – сказала Курманджан. – Я приготовила тебе подарок, который дороже всех дел в ханстве. Ты знаешь: я не бросаю слов на ветер!

Бек очень заинтересовался, но на все его расспросы она ответила:

– Узнаешь завтра.

Пришлось беку остаться. «Ничего, – думал он. – Я успею возвратиться в Ош вовремя».

А на следующий день появились измученные гонцы-джигиты. Некоторые из них были ранены. Они принесли страшные вести! Кур-Оглы и Мусульманкул взяли Ош и устроили кровавую резню! Всюду искали алайского датку! За его голову кипчак обещал большую награду. Многие сторонники датки перебиты, иные бежали. А те, кому великий бек верил, теперь сидят за дасторконом самого минбаши и жалеют, что не удалось им разрубить Алымбека на части.

Известный кокандский историк, разменявший талант на лесть придворного летописца, – Мулла Нияз-Мухаммад Хоканди – позже так опишет Ошское восстание в своей книге «Тарихи Шахрухи» («История Шахруха»): «Смятение и тревога, овладевшие сердцами кыпчаков, были вызваны тем обстоятельством, что сведения о кыргызском восстании в окрестностях Оша, [охватившем район] до Уч-Кургана и до границ Алая, и об осаде Оша дошли до кыпчаков Шахрихана, которые оповестили Мусульманкула.

После получения этого устрашающего известия [кыпчаки], отложив ташкентские дела, занялись отражением кыргызов. Не имея иного средства и вынужденные к тому необходимостью, они собрали кошун и стали наступать на кыргызов. Кыпчак по имени Кур-Оглы, который был правителем Шахрихана, выступив с кошуном этого вилайета на два дня раньше войска столицы и встретившись с кыргызами, обратил их в бегство.

Алымбек был потрясен. Оставшись наедине с женой, он сказал:

– Ты знала?

– Я знала о заговоре против тебя. Но как мне было убедить в этом самого упрямого мужа?

– Но откуда?!..

– В твое отсутствие я веду торговые дела с купцами из Оша и Коканда. Им очень выгодна дружба с нами. И других верных людей у нас немало в долине. Все они – глаза и уши великого датки.

– Почему же эти «глаза и уши» не предупредили меня самого, то есть «голову»?

– А разве бы ты поверил? Да и не каждый посмеет обратиться к такому блистательному и великому... Иное дело я, дочь простого скотовода. Меня они понимают – я их понимаю.

– Ты спасла мне жизнь! – воскликнул бек.

– Я же обещала тебе подарок...

– Мой парваначи¹... – сказал бек, нежно обняв жену.

– А ты для меня – хан ханов, джахангир...

Как хорошо говорить друг другу приятное! Взаимные похвалы только укрепляют отношения...

* * *

Алымбек недолго предавался печали о погибших сторонниках. Что значат человеческие жизни в большой игре? Несколько сотен! Даже тысяч! К тому же большинство из них – «черная кость». Главное – жив сам игрок, он, Алымбек датка, сын Асан-бия. Его «кость» белее снега, драгоценнее ханских сокровищ...

¹ Парваначи – главнокомандующий.

А тут вслед за горестными вестями пришла и радостная. Явились гонцы из Коканда с письмом от знатных беков, находившихся в опале: датки Рахматуллы-мирзы и исфаринского хакима Сатыбалды. Они призывали высокочтимого алайского правителя срочно прибыть в Коканд: пока ненавистный кипчак палачествует в Оше, есть возможность в столице, оставшейся без войска, совершить переворот и посадить на трон своего человека.

– Видишь, жена, еще не все потеряно! Готовь коней и оружие! Я отправляюсь в Коканд.

– Зачем торопиться? – заметила осторожная Курманджан. – Не лучше ли все разузнать, взвесить на весах мудрости...

– Время не ждет! Разве ты не понимаешь, женщина, чтобы выиграть в кости, надо вовремя сделать удачный бросок!

Курманджан поняла: мужа не удержать. Тот, кто давно отравлен ядом власти, уже не восприимчив к противоядию...

Она собрала его в дорогу.

И лишь сказала на прощание с грустью:

– Оставь серебряную камчу. Я чувствую, она еще пригодится...

Курманджан становится даткой

Не сидится Алымбеку в своей резиденции в Гульче! Честолюбивая натура не дает ему покоя. Авантюры следуют одна за другой. Он ввязывается в кокандские распри, свергает и сажает на престол ханов (Шералы, Мурад-бек). С единственной целью – править, разумеется, самому.

После неудачного противоборства с кипчакской группировкой Мусульманкула, когда только решительные действия жены спасли его от гибели, алайский родоправитель на несколько лет уходит с кокандской политической арены.

Однако неумная энергия ищет выхода. В 1847 году он отправляется в Синьцзян. Там поднял восстание против цинских властей некий Ходжа-Тюре, наследник бывших теократических правителей Кашгара. Ходжа-Тюре – честолюбивый авантюрист: пользуясь недовольством народных масс китайским господством, он задумал восстановить государство своих предков.

Но цинские власти, получив подкрепление, разгромили восставших. Алымбек и Ходжа-Тюре благополучно спасаются бегством и находят укрытие все в тех же кочевьях Алая. (Крепки тылы у родоправителя адыгине.) А рядовые повстанцы – уйгуры, кыргызы, брошенные вождами, гибнут тысячами. Часть их, спасаясь от голода, потянулась в Фергану. На перевале Терек-Даван их застигла

снежная буря. Замерзло множество детей, женщин, стариков. Уцелевшие достигли Оша, где вынуждены были продавать дочерей за два тилля, чтобы не умереть с голоду.

Затем наступает пора примирения с кокандским ханом Худояром, жестоко расправившимся с надоевшим ему тестем Мусульманкулом и кипчаками. Алымбек становится влиятельным придворным, защитником ханских интересов.

В этой роли он требует от северокрыргызских племен подчинения Коканду. Кыргызские манапы жаловались русским властям: «... хокандский Алымбек прислал нам письмо с угрозой, что если мы не будем иметь с ним свойство, то он придет к нам и накажет нас оружием».

Однако дружба с Худояр-ханом длилась недолго. В 1858 году алайский родоправитель организует переворот и возводит на престол брата хана Малля-бека (1858–1862 гг.). Худояр спасается бегством в Бухару.

Власть в ханстве практически переходит в руки Алымбека и поддерживавших его кыргызских феодалов. Наконец-то цель жизни достигнута! Он становится аталыком – главнокомандующим и «отцом народа». Успех кружит ему голову. Советы осторожной Курманджан теперь только раздражают его. Он даже отобрал у жены знаменитую серебряную камчу, чтобы больше не посылала в неурочный час.

Однако торжество длилось недолго. Наступила неизбежная развязка. Этому способствовало соперничество Алымбека и Канаат-шаа, ташкентского наместника. По указанию Малля-хана летом 1860 года Алымбек с андижанским ополчением, в основном состоящим из кыргызов, и Канаат-шаа с ташкентским ополчением узбеков выступили против русских войск, закрепившихся в крепостях Верный (Алма-Ата) и Кастек.

Все тот же придворный историк Мулла Нияз-Мухаммад Хоканди, явно не симпатизировавший Алымбеку, писал: «Войско ислама окружило кяфиров и, взяв их в кольцо, построилось к бою. В это время Алымбек кыргыз и Канаат-шаа таджик, предъявив друг другу претензии на главенство и право распоряжаться войском, начали вражду и ссору. По причине распри Алымбек забрал андижанское войско и кыргызов, удалился с ними в сторону,

а дело битвы и все, что влечет за собой честь или позор, оставил Канаат-шаа; ухватившись за подол бесчестия, Алымбек полу славы и мужества выпустил из рук».

Алымбек не стал воевать с русскими и вернулся в Коканд, попав в очередной раз в немилость к хану. Нужно было плести новые интриги, чтобы возвести на престол Коканда более послушного правителя. Кыргызы Алымбек и Кадыр, тюрк Худай Назар «в согласии» с кыргыз-кипчаком Алымкулом организовали заговор и 24 февраля 1862 года убили Малля-хана. На престол они возвели одного из внуков Шералы малолетнего Ша-Мурада. Но недолго пришлось торжествовать Алымбеку при своем новом ставленнике.

В 1862 году при очередном дворцовом перевороте Алымбек датка, носивший к тому же титул парваначи, погиб в Коканде. Много раз он расставлял западню врагам, а теперь сам попал в такую же. На этот раз не оказалось рядом осторожной и мудрой жены-спасительницы и не было у нее серебряной камчи под рукой.

Однако алайские кыргызы фактически сохранили независимость. Власть в горном крае по-прежнему крепко держала в своих маленьких женских руках Курманджан.

Придворная клика долго скрывала от нее истинную причину смерти мужа, опасаясь массового восстания горцев и мести их предводительницы.

В 1862 году, чтобы поддержать Худояр-хана, бухарский эмир Саид-Музаффар Эддин прошел с войском до Оша и осадил крепость Мады.

Тут ему и представилась Курманджан.

... Эмир Музаффар был толстым и очень добродушным на вид. Но дочь гор понимала, что внешность обманчива; еще никто не достигал власти и не удерживал власть при помощи добродушия. В дружеской доверительной беседе эмир задал «коварный» вопрос:

– Ты мусульманка, о Владычица гор. А наши обычаи требуют, чтобы женщина прятала лицо от взоров мужчин. Ты же ходишь открыто. Как это объяснить?

Она ответила:

– Пристойность обязывает скрывать от посторонних взоров срамные места. Неужто женское лицо принадлежит к числу таких мест? Да, я мусульманка. Однако, когда я спросила ученых мулл, они не смогли отыскать в Коране указаний Аллаха на то, чтобы женщины носили чачван.

Эмир изумился ответу. Его свита зашептала. Он думал некоторое время, потом задал второй вопрос:

– В трудах мужей, прославленных ученостью, не приводится ни одного примера, где бы в далеком прошлом или в прошлом недалеком, на краю земли или на ее пупе власть над племенами держала в своих руках женщина. Как ты это объясняешь?

– Все в этой жизни бывает когда-нибудь в первый раз. Кроме того, пусть Опора ислама не забывает и такое соображение: мужчины-предводители вечно готовы к войне и бунтам против тех, кто над ними. А женщины всегда стремятся к миру. Они любят вести хозяйство, растить детей. Если бы государи ставили в своих вилайетах хакимами женщин, бунтари перестали бы докучать царственным особам.

Она показала на стены крепости, в степь:

– Вон там стоят десять тысяч моих джигитов. Они готовы идти в поход, сразиться с любым врагом. Но разве женщина – мать и жена – пошлет на гибельное дело своих близких? Нет! Только для защиты своего очага она даст им в руки меч и поможет надеть боевую шапку! Если же юрте ее не угрожает опасность, соседи могут спать спокойно...

* * *

На придворном совете, где решался вопрос о Курманджан, мулла Ибрагим, фанатичный представитель кокандского духовенства, сказал подобострастным голосом, в нотках которого, однако, вскипала злоба:

– Пусть великий эмир, да славится его имя в семи мирах, не забывает: кыргызы-кочевники – плохие мусульмане.

– Об этом должны радеть муллы, – отвечал эмир.

– Горцы – вечный источник смут в государстве. В Коране сказано: «Их хитрость велика».

Главный визирь шепнул эмиру:

– Этот чванливый мулла ненавидит кыргызов из-за своей жены-кыргызки, которая убежала от старого мужа в горы.

Заплывшие глазки эмира превратились в щелочки – от удовольствия: «Опора ислама» считал лишь одного себя неотразимым мужчиной и втайне радовался, когда слышал о семейных бедах других мужей. Он ответил:

– В Коране говорится не о кыргызах. И не могу же я уничтожить целый народ! Кто тогда станет платить подати брату нашему Худояру? Народ – это стадо баранов, ему нужен лишь хороший пастух. Я слышал, с этим делом вполне справлялся их родоправитель Алымбек.

– Он был главным сеятелем раздоров и разрушителем спокойствия в ханской орде! – воскликнул мулла.

– Алымбек уже наказан. Его нет. А его вдова, как утверждают, пользуется великим уважением в среде этих темных, но храбрых людей. Не призывает ли нас благоразумие оставить ее у власти? Заготовьте фирман, мы поставим на нем свою печать!

Главный визирь поклонился. Никто не осмелился возразить солнцеподобному владыке.

Один лишь упрямый мулла пробубнил довольно громко:

– Небывалое дело! В Коране сказано: «Воистину берегитесь жен своих».

Эмир почувствовал раздражение. Однако он не хотел ссориться с влиятельным кокандским духовенством. Поэтому обратил все в шутку:

– Именно: «жен своих»! Но Курманджан не наша жена. Стоит ли ее бояться?

И, как бы оправдываясь в глазах придворных, добавил:

– Все в этой жизни приходится делать когда-нибудь в первый раз...

В 1865 году Худояр-хан, в третий раз занявший кокандский престол, встречал в своем дворце алайскую родоправительницу. Она прибыла с внушительной свитой. Весь кокандский базар

забросил торговлю и сбежался посмотреть на стройные ряды конников, впереди которых на гнедом мерине ехала маленькая женщина в парчовой шубейке.

Предание гласит, что обитательницы ханского гарема пытались сквозь узкие щелочки разглядеть «сестру», сумевшую так возвыситься над многими тысячами мужчин. Немало затаенных вздохов слышали ханские евнухи в тот знаменательный день!

Жестокий, надменный и мстительный Худояр-хан встретил Курманджан как самого знатного бека. Он подтвердил ее звание датки специальным ярлыком и подарил со своего плеча роскошный халат.

Итак, женщина была официально утверждена правительницей народа двумя «опорами ислама». Случай единственный в истории ханства и редчайший во всем мусульманском мире!

Фактически Курманджан датка была независимой правительницей. «Однажды... – читаем в одной из русских корреспонденций, – жадный Худояр-хан сделал попытку обложить податью алайских кочевников, но Курманджан датка не только не допустила до этого, но еще принудила хана подписать льготную грамоту».

Русские пришли

Имя Курманджан – Алайской царицы, как называла ее русская пресса, еще при жизни стало обрастать легендами. Они передаются из поколения в поколение. Вот одна из них.

Крупнейший сарыбагышский манап Шабдан Джантаев надумал распространить свою власть не только на Северный, но и Южный Кыргызстан. Господствуя в Кеминском бассейне, он решил прибрать к рукам и Алай.

Что для этого нужно? Лучше всего породниться с Алайской царицей. И он в сопровождении джигитов отправился на Алай.

Слухи об этом дошли до Курманджан. Она помнила попытку мужа Алымбека объединить под своей властью, кроме Алая, и весь Тянь-Шань. Но видеть в этой роли Шабдана?.. Что могло принести ей новое замужество?..

И далее легенда как-то перекликается с известной сказкой Шарля Перро про Кота в сапогах.

...Едет Шабдан с джигитами. Навстречу – огромная отара овец в несколько тысяч голов.

– Чьи это овцы? – спрашивает он чабанов.

Те отвечают:

– Собственность датки. У нее еще сто таких отар.

– Богата овцами Курманджан! – восклицает Шабдан и едет дальше.

Навстречу – громадный табун коней: красавицы-матки с жеребятами, а вокруг косяков бегают, раздувают ноздри жеребцы с огненными глазами.

– Чьи эти прекрасные кони?

– Хозяйка им – Курманджан датка, – отвечают пастухи. – У нее еще сто таких табунов.

Едут дальше. Видят огромную белую юрту, а вокруг нее – целый айыл.

– Чей это айыл?

– Это наша датка поставила для путников. Входите, дорогие гости, угощайтесь! У нее еще сто таких айылов.

Наконец, встречают Шабдана три сотни джигитов – молодец к молодцу, в нарядных одеждах, на горячих скакунах.

– Чьи это джигиты?

– Нас послала Курманджан датка сопровождать дорогих гостей. И таких отрядов выслано сто по разным дорогам: ведь неизвестно, с какой стороны появятся гости...

Вот подъезжают к ставке датки. Сопровождающие джигиты заспорили между собой: кому выпадет честь сообщить хозяйке радостную весть о прибытии гостей и получить суюнчу (а за добрую весть иногда одаривали целым состоянием).

– Я! – кричит один.

– Нет, я! – кричит второй.

– Уступите мне, – просит третий, безбородый. – Мне нужно калым большой платить – к дочери наманганского хакима свататься собираюсь.

Скоро стал виден огромный айыл – нарядные, как жены бека, белые юрты. А навстречу уже безбородый едет, гонит овец и коней:

– Датка за радостную весть подарила мне сто баранов и десять скакунов! Теперь можно свататься к дочери наманганского хакима!

Встречает датка гостей у своей юрты – из уважения к прибывшим. По левую руку ее стоят десять биев, а по правую – десять беков. Сто аксакалов опираются на посохи.

Устроили той. Шабдану показалось, люди со всей земли собрались сюда. Народу – больше, чем на конском базаре в Андижане.

А угощение!.. И нежные барашки! И молочные жеребята! И горячий бешбармак! И прохладный кумыс, от которого голова делается молодой, как у безусого юноши! Даже собаки целых три дня после тоя ходили сытые, ленивые.

А какие игры были на том празднике! Вышел один силач – всех поборол. Вышел стрелок – всех метче оказался. А козлодрание! А!.. А!.. Да разве все перечтешь!

Поглядел на все это Шабдан, и робость закралась ему в душу: как богата, как влиятельна датка! Однако виду не подает и приступает к главному разговору:

– Карындаш! Если Кемин и Алай породнятся, заживут одной семьей...

Конечно, Курманджан выглядела еще очень моложаво, но все-таки солидный возраст, а также наличие шести взрослых сыновей никак не давали оснований называть ее девушкой. Но Шабдан, околдованный собственной идеей, разливался, как соловей по весне:

– Породниться! Обязательно породниться!

«Карындаш» в понимании северных кыргызов – просто почтительное обращение к молодым девушкам. У южных кыргызов в обращении «карындаш» есть оттенок родственности. На этом и сыграла Курманджан:

– Кайын¹! Раз я ваша карындаш, мы и так родственники! О каком еще породнении может идти речь? Ведь я вас принимаю как уважаемого старшего брата. (Хотя «брат» был на тридцать лет моложе!)

– Эжеке², я хотел сказать...

И осекся. Смутился. Замолчал храбрый манап. Обращением «эжеке», вырвавшимся невольно, он признал старшинство Курманджан. Какое там теперь сватовство!

Так всенародно было отказано в сватовстве: тонко и без обиды. Куда было тягаться Шабдану – обыкновенному мужчине с этой необыкновенной женщиной.

Вдумчивый читатель, особенно знаток истории, может задать закономерный вопрос: мог ли вообще Шабдан свататься к Курманджан? Их разделяли тридцать лет, и Курманджан была отнюдь не Екатерина II. Родилась «невеста» в 1811 году, а «жених» – в 1841 году. В 1876 году ей было шестьдесят пять лет, а Шабдану – тридцать пять!

¹ Кайын – родственник по мужу (или жене).

² Эжеке – почтительное обращение к старшей женщине.

Однако народное предание именно таким образом соединило в одной легенде двух наиболее известных кыргызских феодалов второй половины XIX столетия.

Легенда есть легенда. А пути-дороги Курманджан и Шабдана действительно один раз пересеклись.

Шабдан со своими джигитами представлял отряд в войске генерала М.И. Скобелева при продвижении его в 1876 году на Алай. Скобелев шел за последними повстанческими отрядами, не желавшими подчиняться России и выступавшими под лозунгами газавата. Возглавлял их после гибели предводителя повстанцев («кыргызского Пугачева») самозваного Пулат-хана (Исхака Хасан улуу) и предательства Афтобачи кокандского, перешедшего к русским, старший сын Курманджан датки Абдылдабек. С ним были два его брата Мамытбек и Асанбек. В горах пряталась и Курманджан.

Джигиты Шабдана вышли на Курманджан и окружили ее. Зная большое влияние «царицы» на алайских кыргызов, капитан Ионов, возглавлявший передовые летучие отряды, проводил Курманджан с почетом, а не как пленницу в Гульчу, в ставку Скобелева. Не исключено, что Алайскую царицу как раз и сопровождал Шабдан со своими джигитами.

Впоследствии в своей автобиографии Шабдан Джантаев так вспоминал об этой алайской эпопее: «... Скобелев предпринял Алайский поход против Абдылда-бека. По незнанию местности русским во время завоевания кокандского края нельзя было обойтись без помощи джигитов. Скобелев взял 25 джигитов из аргынов, но все были перерезаны Абдылда-беком, который, заманив их и истребив, загородил русским войскам дорогу. Лишившись таким образом всех джигитов, Скобелев позвал меня. Собрал я опять 40 джигитов, в том числе Баяке, и прибыл к Скобелеву в Ош. Отсюда на другой день двинулись к ущелью Шут, которое впятеро страшнее Боомского. На противоположном выходе из этого ущелья находилось войско Абдылда-бека... Когда мы вошли в ущелье, Скобелев послал меня с 20 джигитами вперед. Выезжая из ущелья, я увидел, что Абдылда-бек бежал, оставив свою мать (Курманджан датку. – *Прим. В.П.*), жен, детей и народ. Послал я одного джигита донести об этом Скобелеву и получил от него приказание сделать

набеги на ближайшие айылы. Сделав несколько набегов, я взял в плен около 40 человек, много скота и имущества. Скобелев предложил нам взять все отнятое у неприятеля, но я отказался и сказал, что пришел служить русским, а не грабить. Тут Скобелев сделал представление о награждении меня чином».

На самом деле обстоятельства задержания Курманджан, согласно семейным преданиям, выглядели несколько иначе, чем их описывал Шабдан. Засевшие в пяти – шести километрах к югу от современного Кызыл-Коргона в неприступном и узком ущелье с романтическим названием Джанырык (Эхо) сыновья Курманджан чувствовали себя в безопасности. Нашел выход Шабдан. Он отыскал местного пастуха по имени Сулайман Кочкорчу, который знал горы лучше, чем свою юрту. Кочкорчу и провел русский отряд в тыл Абдылдабеку. Сам Абдылдабек с братьями с боем прорвались, а Курманджан задержал капитан Ионов.

Капитан Ионов оказался весьма тактичным человеком, к тому же неплохо разбиравшимся в обычаях местных жителей. Он с большим пониманием и чуткостью отнесся к перепуганной «царице», впервые увидевшей в родных краях чужих воинов.

Генерал Скобелев, будущий герой Шипки, первый ферганский военный губернатор, тогда еще не был знаменитостью – все это ожидало его в ближайшем будущем, а пока он являлся представителем могущественного «белого царя», возглавлял победоносные русские войска, завоевывающие Кокандское ханство.

Генерал принял даму со всей обходительностью, на какую только был способен, и проявил при этом недюжинный дипломатический талант.

– Передай, братец, княгине, что своим посещением она оказала мне большую честь! – сказал он переводчику. – Да смотри, переведи точно!

Курманджан неловко поклонилась – очень уж неудобно было сидеть на непривычном стуле! Она во все глаза смотрела на стройного подтянутого генерала, на его сверкающий белоснежный мундир, на пышные усыщи с бакенбардами и веселое лицо.

²⁰ Том III. В. М. Плоских

– Скажи еще, что сыновья ее храбро дрались против нас. Богатыри! Молодцы! Такими сыновьями я и сам бы гордился!

Датка опять поклонилась. Лицо ее порозовело от приятного смущения: такая неожиданная похвала! Этот большой начальник орусов – удивительный!

Долгая беседа оказалась весьма результативной. Скобелев убедительно просил Курманджан датку написать сыновьям: пусть возвращаются в айылы со всеми бежавшими джигитами. Теперь наступает пора мирной жизни.

Датка обещала.

По окончании беседы генерал оказал гостье особую честь: лично проводил за порог своей палатки. Глубоко тронутая всем этим, Курманджан собралась было сесть на своего мерина, как вдруг протянула поводья генералу:

– У меня сейчас ничего нет, уважаемый, возьми хоть эту лошадь в подарок!

Скобелев, хлопая глазами, вопросительно обернулся к переводчику. Тот объяснил. Генерал был ошарашен.

– В-вот и-история, господа! – сказал он свите. – Что прикажете делать? Мне – и сесть на этого конька? На котором ездить только старым бабам? К тому же, поглядите: ведь он совершенно апельсиновой масти! На таком, помнится, д'Артаньян въезжал в Париж – из сочинения господина Дюма!

Но Скобелев недаром был Скобелевым. Он все-таки нашелся:

– Переведи уважаемой княгине: русские обычаи не позволяют мужчине принимать подарок от женщин. Только наоборот! Эй! Кузька! Принеси мой бухарский халат!

Под рукоплескания русской половины присутствующих и восторженный шепот кыргызской половины накинул парчовый халат на худенькие плечи датки.

– О, мать стольких храбрых сыновей! Считаю и меня своим сыном, – сказал он и учтиво расшаркался.

Генерал в своем рапорте о так называемой военно-научной экспедиции на Алай доводил до сведения туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана об успешном ее завершении. Кауфман отреагировал немедленно, и 12 октября 1876 года отправил

в столицу телеграмму следующего содержания: «Алайская экспедиция окончена благополучно, все отряды возвратились, войска молодецки вынесли все трудности похода в снеговых горах, весьма доволен результатом... Экспедицией снято топографически до тридцати тысяч квадратных верст, определено одиннадцать астрономических пунктов».

* * *

Курманджан выполнила обещание. Сыновья ее вернулись. Приехавший к тому времени туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман назначил их волостными управителями.

И с тех самых пор «царица Алая» навсегда связала свою судьбу с Россией. Со многими из представителей военной и гражданской администрации у нее сложились хорошие отношения. А с Ошским уездным начальником, теперь уже майором Ионовым, завязалась дружба. И когда Ионов стал генералом и военным губернатором Ферганской области, датка неоднократно обменивалась с ним подарками и фотографиями. Ее сын Мамытбек хранил целую пачку писем – свидетельство их переписки... Вот бы сейчас найти эти бесценные документы – прямое свидетельство наличия письменности у кыргызов до революции, что еще некоторые исследователи отрицают!

Ионов был довольно образованным человеком и понимал огромное значение Средней Азии, и Кыргызстана в частности, для Российской империи. Поэтому он старался внушить Алайской царице веру в справедливость России, вызвать почтительное отношение к ее мощи.

Как-то в одной из бесед он рассказал ей о великой древнеримской державе, о сменившей ее Византии и о том, что Россия – это «новый Рим». Курманджан запомнила.

Царское правительство учитывало огромную роль феодалов в жизни тогдашнего кыргызского общества, оценивало и влияние Курманджан датки на своих соплеменников. Специальным императорским указом от 1881 года ей была назначена пожизненная пенсия в 300 рублей.

Письмо

В самом начале декабря 1885 г. в горах разразилась снежная буря. Маленький караван из шести человек и десятка лошадей терпел бедствие в одном из ущелий Южного Тянь-Шаня.

И люди, и кони выбились из сил. Напрасно зывали о помощи.

Один из путников с обледеневшими усами сказал устало:

– К чему кричать? Кто услышит нас в таком аду?

– Аллах, он знает, – пробормотал второй, по-старше, с облепленной снегом бородой.

– Просто надо было выбирать лучших проводников.

– Надо было выбирать хорошую погоду..

– Эй! – раздраженно крикнул усатый.

Подошли четверо проводников – кашгарских кыргызов.

– Ставьте лошадей в круг, накрывайте попонами. Переждем здесь вьюгу.

Проводники переглянулись.

– Нельзя, господин! Буран может продлиться и два дня, и четыре. Все мы замерзнем.

– Что же делать?

– Надо пробираться вперед.

Караван опять медленно двинулся, проводники снова начали кричать.

Внезапно почудился крик. Лошади наострили уши, потом громко заржали.

Сквозь пелену снега проступили силуэты всадников. Проводники радостно загалдели.

Это оказался небольшой отряд из местных жителей. После коротких переговоров они вывели караван из ущелья; в устье его стояли две юрты. Тут же виднелись навесы для коней, огражденные от ветра плетеными стенками. Все было залеплено снегом.

Двоих путников поместили в одну из юрт. Посреди горел костер, распространяя благодатное тепло. Дым, время от времени загоняемый ветром внутрь, ел глаза, но это после пережитого ужаса на перевале было даже приятно.

Вскоре старший проводник принес горшок с горячим бараньим бульоном – шорпо.

– Кто эти люди, да благословит их Аллах и да приветствует? – спросил бородатый.

– Джигиты почтенной Курманджан датки, – ответил проводник. – По ее приказу они несут здесь караульную службу и спасают путников, попавших в беду.

– Женщина-датка? Не слыхал о такой нигде и никогда.

– Это потому, что вы приехали издалека, почтенный молдоке! Ее знают все не только в этом краю, но и далеко за его пределами.

– Кем же управляет эта датка?

– Вот уже более полувека она правит Алаем и племенем адыгине. О ее мудрости и благородстве молва бежит впереди ее коня.

– В чем же проявилась ее мудрость? – спросил усатый, держа кесе с горячим шорпо обеими руками.

– Об этом можно рассказывать сто один день! – воскликнул проводник.

– А в чем благородство?

– Разве сегодняшней случай – не подтверждение? И это делается с тех пор, как восемь лет назад наши братья – кыргызы и дунгане Кашгара, спасаясь от воинов-цинов, бежали в Фергану с женщинами, стариками и детьми. Тогда на них тоже обрушился буран. Они погибли бы, если бы не благородство Курманджан датки и ее друзей – орусов. Орусы-аскеры отогнали цингов, а датка послала голодным и обмороженным юрты, топливо и баранов, продовольствие.

Услышав о русских, усатый нахмурился, а бородатый спросил недовольно:

– Значит, эта самая датка примирилась с властью орусов?

– Большие начальники оказывают ей всяческое почтение и шлют дорогие подарки. Слово ее на Алае имеет большой вес, как и прежде.

Путники переглянулись, усатый что-то сказал бородатому на незнакомом языке, и тот отпустил проводника:

– Передай начальнику джигитов нашу благодарность. А утром у нас будет к нему важный разговор.

Проводник ушел. Бородатый посмотрел на сотоварища:

– Что думает почтенный Ахмед-хан по этому поводу?

– Нам следует ближе познакомиться с правительницей Алая.

– А наша миссия к эмиру бухарскому?

– Задержимся – только и всего. Я беру ответственность на себя.

– Ну что ж, сэр Артур, вам виднее, – сказал бородатый.

– Что такое?! Я раз и навсегда запретил вам...

– Кто нас услышит? Темные неграмотные кыргызы?

– У вас на Востоке говорят: «И скалы имеют уши». Помните об этом, мулла Маджид!

В долине лежал пушистый снег. Он сверкал под лучами утреннего солнца. Путники разглядели поселок, обведенный глинобитной стеной, внутри – постройки и множество юрт. Дымки ровными струйками поднимались к небу в морозном воздухе.

– Гульча! – сказал проводник.

... Прибывших сначала повели в баню. Баня!.. Конечно, она не могла сравниться с тегеранскими, стамбульскими или даже гератскими. Однако и здесь дюжие банщики умеючи размяли усталые тела, выпарили простуду.

После бани повеселевшие гости были отданы в руки брадобрею.

Затем их осмотрел лекарь – таиб – и нашел вполне пригодными для аудиенции, которая была назначена после настойчивой просьбы гостей.

Но перед этим Курманджан датка основательно расспросила старшего проводника.

– Что за люди, которых ты привел? Знаешь ли ты их?

Проводник ответил с готовностью:

– Знаю, датка! Того, что с бородой, зовут мулла Маджид. Ученый человек! Наизусть Коран знает. Второй, с усами, – ходжа Ахмед-хан. Тоже ученый, говорить может на непонятном языке.

– Откуда они?

Проводник подумал, помялся, сказал почему-то шепотом:

– Ходят слухи: из Индии, от ангрезов...

– Куда направляются?

– Дальнейший их путь сокрыт от меня...

Аудиенция была назначена в огромной белой юрте. Войдя, гости были неожиданно поражены роскошным убранством. На полу ковры–ширдаки создавали впечатление весеннего луга. Стены юрты покрывали тоже ковры – туш кийизы. Ковров не было только на потолке. Он не сиял первозданной белизной, а был основательно закопчен дымом очага.

Датка оказалась старушкой лет семидесяти, небольшого роста, худенькой. Одета, как и подобает владычице: на ней была распашная юбка – бельедемчи – из бархата с вышивкой и оторочкой из меха куницы. Поверх – халат-безрукавка с отделкой из фазаньих перьев. На голове – белоснежный элечек. Но больше никаких украшений: все эти браслеты, серьги, кольца, перстни, ожерелья приличествуют молодым.

Ее лицо сохранило следы замечательной красоты, как бы эхо живого голоса, давно отзвучавшего...

Слева и справа от хозяйки сидели самые уважаемые аксакалы.

По специально постеленному узорчатому ширдаку гостей провели и усадили на почетные места.

Курманджан задала обычные вопросы вежливости: о здоровье, о скоте и т. д. Потом осведомилась, что заставило почтенных людей совершать столь опасное путешествие? Может быть, интересы торговли?

Мулла многозначительно ответил, поглаживая бороду:

– Нет, мы не купцы, мы – паломники на этой земле. Мы ищем.

Хозяйка сказала:

– Понимаю, многие ищут в чужих землях то, чего не могут найти в своей...

Заговорили о погоде. Бородатый пожаловался:

– Мы едем в Бухару. Да вот погода... Неизвестно, когда угомонится...

Хозяйка хлопнула в ладоши:

– Сейчас узнаем. Позовите Кыдыра.

Явился старичок.

– Это наш эсепчи: он ведет счет времени и предсказывает погоду.

Старичок сообщил:

– Если шайтан не вмешается, погода ожидается хорошая.

Заговорили о делах. Мулла сказал:

– Молим Аллаха послать нам удачу в дороге. Но кто знает свой завтрашний день?

Хозяйка опять хлопнула в ладоши.

– Позовите Мамбета.

Явился другой старичок – в вывороченном тулупе.

– Это наш бакши: он предсказывает будущее.

Старичок поглядел вверх, поглядел вниз, пронзительно сверкнул глазами на гостей, раскинул бобы, побормотал и сообщил:

– Хорошие дела кончатся хорошо. Плохие – плохо. Человек сам выбирает или то, или другое...

Датка заметила, открыв в улыбке ослепительные зубы, которым позавидовала бы иная молодая:

– Вот видите, все будет хорошо.

... После приема усатый Ахмед-хан сказал бородатому мулле:

– Сдается мне, эта зубастая старушка все время смеялась над нами.

– Откуда такие мысли?

– Эти старички-предсказатели!.. И вообще... Она не так проста, как на первый взгляд кажется...

Во время второй аудиенции сэр Артур, то есть Ахмед-хан, решил идти напролом:

– Я прибыл из далекой страны. Там правит женщина-падишах Виктория. Она – самая могущественная на свете.

– Сильнее белого царя?

– Да, датка! В ее владениях никогда не заходит солнце! Все стороны света блестят в ее короне-элучеке! Ближе всех к вам

лежит огромная Индия. Но она – всего лишь бекство в государстве моей правительницы...

Мулла Маджид добавил:

– Великий халиф правоверных султан-падишах османов и королева Виктория – два могучих союзника, перед которыми весь мир – ничто!

– Даже государство цинов? – удивилась датка.

Ахмед-хан ответил:

– Богдыхан цинов ест из рук моей повелительницы! Он лишь покорно выполняет ее волю!

На совете аксакалов Курманджан сказала:

– Нет предела хвастовству этих людей! Я много слышала об Индии: там тысяча и один князь! А они говорят: бекство. И даже если действительно ангрезы повелевают богдыханом цинов, то нам с ними не по пути: цины угнетают наших братьев в Синьцзяне!

– Правильно, – сказали аксакалы.

– Они предлагают мне союз против белого царя. Но страна султана очень далеко. Аял-падыша ангрезов еще дальше. А кошуны орусов – рядом. И у них пушки. Зачем подставлять под удар наших джигитов? Наши айылы? Зачем воевать с белым царем? Он зла не делает. Мы живем, как жили. Да еще мне платят каждый год целых триста «рупь»!

Аксакалы кивали: истинная правда! Они всегда соглашались с даткой, как же можно иначе? Курманджан добавила:

– И думается мне слабым умом женщины: не так уж сильны их повелители, если ищут союзников против белого царя здесь, в наших горах, в такой дали от своих юрт.

На прощальной аудиенции Курманджан сказала:

– Прошу извинения у гостей. Но мне сначала придется ответить на письмо большого начальника орусов: письмо это прибыло раньше вас. Читай ответ, Садык!

Писарь откашлялся и начал читать с листа: «Многоуважаемому высокостепенному ферганскому областному губернатору от служителя Ошского уезда Курманджан датки. Заявление.

Уважаемый, прошу извинения. При этом заявляю Вам, что, когда Ферганское мусульманское государство не признало еще

Россию, я воевала и спорила с Вами... В это время на Алай прибыл Ошский начальник Ионов с генералом (имеется в виду М.Д. Скобелев. – *Прим. В.П.*). И представил меня генералу. Генерал встретил меня приветливо, отнесся с уважением. Я осталась довольна.

По величине Россия равняется Риму. Возможно, в настоящее время она еще увеличивается...».

Гости заерзали. Писарь остановился.

– Читай! – приказала Курманджан датка.

«Никогда раньше мы не видели такого государства. Испокон веков к ойратам ни одно государство так хорошо не относилось. Как со своими родными, всем народом вместе будем жить в таком государстве. Если вдруг его авторитет не признаем, изменим государству, тогда, я считаю, на нас ляжет несмываемый позор...

В это мирное время я заявляю: весь мой народ, я сама и мои родные никогда не выступим против вас. От нас никакой неприятности не будет. Если мой народ сделает плохо и станет изменником, тогда накажу виновного самой тяжкой мерой, буду вечно мучиться до конца дней своих. В заверение ставлю свою печать – дочь Маматбека Курманджан датка»

– Подать печать!

Писарь смущенно зашептал ей что-то.

– До сих пор не нашли?! – рассердилась Курманджан. – Тогда пиши: «В связи с потерей печати подписываюсь».

Датка взяла перо и медленно подписалась, старательно выводя арабскую вязь в конце письма¹. Судя по всему, это было для нее привычным делом.

***Краткое отступление.** Много позже, столетие спустя, узбекский, а затем и кыргызский женские журналы (см.: Кыргызстан аялдары. – 1989. – № 12) опубликовали информацию, которая (если ее подтвердят специальные исследования ученых) может стать поистине научной сенсацией: Курманджан датка под псевдонимом Зейнат (наши информаторы – потомки*

¹ Оригинал письма мы видели в архиве Узбекистана (ф. и. 19, оп. 1, д. 1629, л. 1). Перевод опубликован в книге: Галицкий В., Плоских В. Старинный Ош: Очерки истории. – Фрунзе, 1987. – С. 55–57.

Курманджан считают, что более правильно Зыйнат) писала стихи, которые современники ставили в один ряд с произведениями признанных поэтесс Средней Азии, таких, как Надира, Дильшод, Махзуна и др. По инициативе Омар-хана стихи двух поэтесс – Зыйнат и Махзуны – были включены в диван «Сборник акынов». Стихи написаны на фарси. В них Зыйнат красочно описывает родную природу, цветущие долины: усыпанные яркими тюльпанами, поросшие благоухающими травами, звенящие прозрачными ключами. Свои стихи она сравнивает с силами природы: как ураган и ливень, все могут снести на своем пути, так и стихи могут бушевать в душах людей. И еще немаловажное: произведения Зыйнат – это своего рода воззвание: будь ты мусульманин, иудей, буддист, христианин, невзирая на веру, живи в мире и дружбе. Отнюдь не праздный призыв к современникам в беспокойной жизни деспотического ханства, полезный совет и потомкам. Однако вернемся к своим героям.

* * *

На следующее утро путешественники-агенты отбыли в Бухару. А может быть, к шайтану на рога...

Во всяком случае, через несколько лет английский агент мулла Абдул Маджид в Калькутте публикует свой отчет о путешествии в Коканд и описывает «любезный» прием, оказанный путникам Курманджан даткой¹.

¹ Данное событие несколько смещено хронологически: оно фактически произошло в 1861 году, а отчет был опубликован в 1863 году.

Трагедия, достойная Шекспира

Счастливая Курманджан! – может подумать читатель, а скорее, читательница этих строк. Действительно, на первый взгляд, так оно и есть: сумела избавиться от постылого и выйти замуж за любимого, родила сыновей-джигитов – один лучше другого, всегда жила в достатке и почете. Да в каком почете! Что еще нужно женщине, жене, матери? Но, когда говоришь или думаешь так, всегда нужно постучать по дереву или, что гораздо более «полезно», – сплунуть через левое плечо, на котором, как известно, постоянно сидят враг рода человеческого – шайтан и его тощая, тонкогубая сестра – черная зависть.

На старости лет накатила на счастье Курманджан туча. Да такая черная и страшная, что громы оглушили ее, а молнии поразили в самое сердце. Правду говорят люди: «Маленькие дети – маленькие заботы, а большие дети...».

Да кто же не знает, что могут натворить большие дети?

... Это случилось в далеком 1893 году. В пограничной полосе пропали объездчик и два стражника. Власти не на шутку встревожились. На розыск были обращены все силы, подняты войска, подкуплены осведомители. Русский путешественник И.П. Ювачев писал: «...Следствие выяснило, что они (стражи границы. – *Прим. В.П.*) встретились с партией киргизов-контрабандистов, которые не успели скрыться от них. Чтобы избавиться от ареста и суда, киргизы убили объездчиков и сожгли их трупы».

Шила в мешке не утаишь. Кто-то донес. По этому делу были взяты под стражу Камчыбек и с ним – совсем еще «зеленый» внук датки Арстанбек как организаторы шайки контрабандистов. Взяли и другого сына датки – Мамытбека и его племянника Мырзапаяза. Этих – за укывательство. А всего по делу арестовали двадцать одного человека.

Тот же И.П. Ювачев писал: «Горные орлы – киргизы Алая – с давних пор жили хищничеством... Они зорко следили за добычей в окрестностях. С востока от них китайский Кашгар, с запада – бухарский Дарваз и Каратегин, с севера – плодородная Ферганская долина. Есть где пожить барымтою! Но с приходом русских волей-неволей пришлось им сдерживать себя. Отряды солдат и казаков строго оберегали караванные пути. Тогда удалство киргизских баатыров вылилось в занятие контрабандой.

Камчыбек сосредоточил в своих руках всю перевозку контрабандных товаров через границу Кашгара. Давно его подозревала в этом администрация, но изловить не могла. И вот случай с объездчиками...».

Семейное предание, защищая честь Камчыбека и рода, повествует, что инцидент спровоцировали сами стражники. Они предложили кыргызам развьючить животных и открыть сундуки. Жена Камчыбека, которая была в караване, защищая добро, вступила в спор со стражниками и никак не соглашалась добровольно отдать ключи. А они висели у нее на конце длинной косы. Камчыбек и другие мужчины только посмеивались, глядя, как одна расвирепевшая женщина яростными криками и бранью теснила трех вооруженных русских. По своему богатому опыту мужчины знали, что со стражниками всегда можно договориться. Чего не делают деньги? Наконец, одному из стражников надоели крики и проклятия. Он схватил женщину за косу и отрезал ее вместе с ключами. Разве может быть больший позор для мужчины, если с его женой на его глазах творят такое?

... И случилось то, что случилось. Восьмидесятидвухлетняя Курманджан датка бросилась спасать сыновей и внуков. Она сама поехала в Маргелан к военному губернатору Повало-Швуйковскому. Ничего не помогло. Следствие тянулось долго. И вот 2 марта 1895 г. Камчыбека и его друга Палвана повесили на базарной площади в Оше. Мамытбека, Арстанбека и Мырзапаяза отправили на каторгу в Сибирь.

Курманджан датка присутствовала при казни любимого сына. Внешне она выглядела невозмутимой. Но оказалось, что даже она, которая могла вынести все напасти, была лишь матерью. А какая мать вынесет такое?

Вот тогда-то и наплыла черная туча.

Служил на Памире в конце прошлого века блистательный русский офицер Б. Тагеев. История не сохранила его ратных подвигов. Литература же отметила его своим вниманием. Тагеев выпустил несколько книг с рассказами и очерками о жизни народов далеких окраин Азии. На обложках этих книг стоит имя Рустамбек. Таков был литературный псевдоним офицера, посвятившего перо описанию не своих военных подвигов, а обычаев, языка и культуры полюбившихся ему азиатов.

Сохранили его книги и воспоминания о встрече со знаменитой Курманджан. Ее судьба показалась Рустам-беку сходной с трагедией шекспировского короля Лира.

Но все по порядку.

... Лето 1896 г. В одном из многочисленных ущелий Алайского хребта под отвесною высокою скалою приютился айыл из десятка юрт. Местность и айыл назывались Яга-чарт. Когда-то здесь царил особый порядок: юрты щеголяли красотою и роскошью, ласкали глаз высокая сочная трава и живописно разметавшаяся арча. Многочисленны были стада баранов и рогатого скота, громадные табуны лошадей и верблюдов оживляли суровый пейзаж. Несколько в стороне, у самого подножия одной из гор, недалеко от айыла, обычно стояла юрта, выделяющаяся среди прочих богатством убранства. Здесь жила Алайская царица. Здесь вершились дела Алая. Сюда на поклонение и решение споров съезжался народ.

Теперь же и ущелье, и айыл как бы вымерли. Стояла необыкновенная тишина, так не характерная для давнего Яга-чарта. «Базар стал мазар», – говорят кыргызы в таких случаях.

Двое пожилых мужчин в черных бараньих шапках молча прошли мимо офицера, бросив суровый, исподлобья взгляд, и скрылись за пологом одной из юрт. Рустам-бека никто не встречал. Не было и намека на прежнее радушие. Наоборот, встречные старались поскорее проскочить мимо и спрятаться в юрте.

Увидев сидевшего поодаль аксакала, путник подъехал к нему и по-кыргызски попросил проводить его в юрту Курманджан

датки. Старик пробормотал что-то невнятно себе под нос и укоризненно покачал головой. Нехотя поднявшись, он не спеша двинулся вперед, показывая дорогу.

Подошли к прокопченной, отдельно стоящей юрте. Аксакал отдернул кошму, закрывавшую вход в юрту. Пахнуло чем-то кислым, прелым. Офицер удивленно посмотрел на своего проводника, думая, что тот не понял и привел к какой-то другой юрте. Старец, угадав мысль посетителя, указав рукой внутрь, сказал:

– Мына датка! (Вот датка!)

Рустам-бек нагнул голову и вошел в юрту.

Мрак, царивший внутри ее, резкий переход от света к темноте не позволили сразу рассмотреть внутренность юрты и ее обитателей. Когда глаза привыкли к темноте, офицер буквально остоленел от представившейся картины.

На голой земле, в страшном рубище, сквозь дыры которого просвечивало сухое черное тело, сидела маленькая жалкая старуха. Ее реденькие седые волосы какими-то жидкими хвостиками свешивались на сморщенное, похожее на печеное яблоко лицо. Она устремила на вошедшего свои слезящиеся глаза и, шамкая беззубым ртом, бормотала непонятные слова.

Рустам-бек присел около нее на корточки и произнес приветствие. Старуха дико глянула на него и вдруг засмеялась старческим дребезжащим смехом. Холодок пробежал по спине гостя.

И это – датка! Это – бывшая «царица Алая», перед которой заискивали кокандские ханы, одного слова которой было достаточно, чтобы казнить и миловать? Это – та самая датка, которая несколько раз, окруженная сыновьями, принимала его с непритворной радостью? Которая еще два года тому назад верхом, без отдыха проезжала 70 верст и была совсем бодрой и здоровой!

Датка была раздавлена трагедией детей, ее здоровью был нанесен страшный удар. Она раздала все свое имущество и скот, уединилась в родном айыле, никого не принимала и никого не хотела видеть. Отрешилась от жизни, почти не принимала пищу. Она умирала, всеми брошенная и забытая. «Боже мой! Во что она превратилась теперь! Мне стало необыкновенно тяжело, и я быстро выбежал из юрты и, вскочив на лошадь, отправился к ожидавшим меня спутникам, вспоминая о датке и ее жизни, полной

глубокого трагизма» – так записал позже в своем очерке «Царица Алая» русский офицер Б. Тагеев, он же писатель Рустам-бек.

Казалось, что даже Всевышний не спасет великую женщину. Но она сумела побороть тяжкий недуг. Она вылечила себя сама, вернее, ее материнская любовь и прежняя неутомимая энергия, прежний глубокий ум.

С момента ареста Камчыбека и до самой его казни она не сидела сложа руки. Откуда только силы брались обивать пороги малого и большого начальства, диктовать бесконечные письма-прошения, нанимать лучших юристов. А бакшиш, которым она умащивала множество чиновничьих рук?

Очень помогли старые связи. Верный друг – теперь уже генерал – Ионов писал и лично обращался во все инстанции. И свершилось чудо: громоздкая, сложная машина российского правосудия со скрипом и скрежетом повернула в сторону, угодную ей, этой крошечной старушке...

В 1897 г. осужденные были возвращены с иркутской каторги. Как только умирающая больная Курманджан узнала эту весть, произошло еще одно чудо. Она поднялась, позвала верную служанку, вымылась с ее помощью в горном ручье, оделась в бедные, но чистые одежды, которые тут же собрали в айыле, и начала отдавать привычные распоряжения по хозяйству.

Когда сын и внуки прибыли в родной айыл, гласит семейное предание, их встретила прежняя радушная, но сдержанная в проявлении своих чувств родная мать и бабушка. Она смахнула слезы с глаз и тихим, но твердым голосом отчитала детей за недостойное поведение. (Дело в том, что каторжные пригнали с собой целое богатство – большой табун лошадей. Нет, они не отбили его у зазевавшихся пастухов. Коней дарили знатным потомкам Алымбека и Курманджан семиреченские казахи и кыргызы чуть ли не в каждом айыле, который лежал на их долгом пути на Алай.)

– Совесть есть? Вы что, сарты, приехавшие на базар? Негоже бекам брать лишнее. Нужно будет – люди все нам дадут.

Седобородый сын и усатые внуки опустили глаза...

Ничто больше не напоминало об ужасной болезни Курманджан. Только в поведении ее наблюдалась маленькая странность: она ни на шаг не отпускала от себя внука Кадырбека, который был очень похож на своего отца Камчыбека.

Царский дар

Ранней весной 1898 года во многих кишлаках Ферганы стали распространяться тревожные слухи...

Будто в каком-то селении появился святой человек, отмеченный печатью Аллаха... И будто этот человек обличает и пророчествует конец света, если нравы не будут исправлены. Призывает покарать виновников. Предсказывает всеобщее благоденствие, если те, кто развращает мусульман, будут изгнаны, уничтожены.

Особенно будоражили людей эти слухи в Андижанском, Наманганском и Ошском уездах. Наконец, они приобрели определенность и осязаемость. Святым человеком оказался Магомед-Али Халиф Мухаммед-Сабир Оглы (сокращенно Мадали), ишан из кишлака Мин-Тюбе. У него было и другое прозвище – Дукчи Ишан, т. е. «веретенщик», что указывает на его профессию.

Он говорил на тайных собраниях:

– Братья! Пришло время освободить наш край от неверных! Посмотрите: оруссы распахивают наши земли. Оруссы строят себе дома в наших тысячелетних городах. На священной земле мусульман они возводят нечистые молельни и водружают на куполах кресты! Их женщины ходят с открытыми лицами. Они принесли с собой разрушение нравов! Их большие и малые начальники распоряжаются у нас по праву хозяев. Их зякетчи вытрясают с нас налоги, эти налоги идут не в казну наместников

Аллаха, не на нужды мусульманской общины, а уплывают из наших краев неведомо куда! Доколе все это терпеть?

Вскоре у него появилось множество учеников-мюридов. Они распространяли идеи имама в самых отдаленных кишлаках. Семена падали на благодатную почву.

К концу XIX в. общественные отношения в Средней Азии вообще и в Южном Кыргызстане в частности сложились следующим образом. Местные феодалы и царская администрация после присоединения края к России быстро нашли общий язык и даже частично объединились в клан: баи и мананы, заняв должности волостных управителей, айылных старшин, биев и казиев, сами стали царскими чиновниками. Интересы у них были общие: выжать из народа как можно больше средств для собственного обогащения. Поэтому-то царизм всегда и везде поддерживал власть имущих против «черной кости».

Безжалостная эксплуатация, поборы и вымогательства, произвол и насилие, чинимые местными феодалами с благословения царской администрации, – все это неизбежно должно было закончиться стихийным возмущением угнетенных. Дукчи Ишан и поддерживавшая его клерикально-феодалская верхушка из числа недовольных воспользовались тяжелым положением трудового народа и направили его гнев не на истинных виновников, а вообще против «капыров».

Решение Курманджан

Призывы Дукчи Ишана достигли и Алая. В кыргызских кочевьях нашлось немало горячих голов, загоревшихся новой идеей. И, конечно же, обо всем этом узнала и Курманджан. Люди «святого» клана понимали, насколько увеличат они свое влияние и силы, если Алайская царица поддержит их.

Они рассчитывали, что казнь ее сына Камчыбека, повешенного на ошской площади в 1895 году, породила в ней ненависть к русским.

И вот тут-то Курманджан повела себя совершенно неожиданно.

Она собрала большой совет аксакалов и знати, на котором произнесла целую речь:

– Кто такой Дукчи Ишан и чего он хочет? Он задумал посадить ханом в Коканде племянника покойного хана Мадали! И для этого он поднимает народ против белого царя! Этот веретенщик надеется победить падишаха орусов, против которого бессильны великий султан Турции и государи других сопредельных стран!

– Но царь орусов и его чиновники грабят народ, – подал кто-то голос.

Курманджан возразила:

– Нет в мире народов, не имеющих правителей, и ни один правитель не пашет, не лепит горшки, не пасет овец. На то есть земледельцы, ремесленники, пастухи. Каждому в этой жизни – свое дело и свое предназначение. У белого царя много аскеров, много чиновников, поддерживающих порядок.

И всех их надо кормить. Так стоит ли хвататься за оружие, если и приходится платить налоги? Разве кокандские зякетчи были милосерднее? Или вы забыли времена Худояра?

– Но Дукчи Ишана поддерживает народ, – робко возразил еще один «храбрец».

– К этому веретенщику присоединяются базарные лодыри и бездельники без роду-племени. Им бы только убивать да грабить. И терять им нечего – нет у них ни своей юрты, ни имущества, ни совести. А мы? Неужели уважаемые люди должны уподобиться вора и нищим? Пока я жива, этого не будет!

Все согласно кивали головами: Курманджан, как всегда, рассуждает мудро. Даже самые отчаянные прикусили языки. Родоправительница закончила так:

– Веретенщик погубит народ... Он поведет людей на пули, штыки и пушки орусов... Пока я жива, этого не допущу! Те, на кого я имею влияние, не пойдут за безумцем из Мин-Тюбе.

Опасная тайна базара

В конце XIX в., несмотря на богатое прошлое, Ош оставался обыкновенным уездным городком. И, пожалуй, главными его достопримечательностями были знаменитая Сулайман-гора и базар.

О, этот ошский базар! Инжиро-виноградный! Арбузо-дынный! Абрикосово-миндальный! Изюмогранатовый! Здесь продают и покупают, уговаривают и спорят – водоносы, погонщики, торговцы халвой, зазывалы, арбакешы, дервиши, нищие и просто неопределенного рода люди, которым нечего продавать и не за что покупать, но ради удовольствия все толкутся здесь от восхода до заката, пока не ударит барабан, возвещающий закрытие торга.

Тут можно было купить все: от горшков и тюбетеек местного производства до индийских пряностей и арабских благовоний. А каких только наречий здесь не услышишь! Узбеки, татары, кыргызы, таджики, казахи, каракалпаки, дунгане, уйгуры, даже выходцы из далекой Индии!...

Изредка мелькнет в толпе европейская одежда – жители русской части города тоже ходят на базар.

Вот и сегодня, чудесным солнечным утром 17 мая, военный врач Аркадий Иванович Воронков с видимым удовольствием пробирался вдоль базарных рядов. Он представлял себя путешественником-европейцем на экзотическом Востоке. Ему только что исполнилось 25 лет, поэтому он носил пробковый шлем – будто англичанин в Индии. Следом за ним кыргыз-слуга Джаныбек тащил корзину с зеленью. Какой-то нищий назойливо пялил глаза на доктора, он даже два раза забежал

вперед, чтобы лучше рассмотреть. Доктор ничего не замечал, зато Джаныбека это вывело из себя.

– Что уставился? – сказал он сердито.

– Интересно поглядеть на живого человека, который сегодня будет мертвым, – ответил нищий.

– Пусть собаки сожрут твой лживый язык! С чего ты взял?

– Эй, глупый! Разве ты ничего не знаешь?

– А что я должен знать?

– Сегодня ночью будут резать всех орусов. Так повелел святой ишан Мадали. Газават, брат!

Тут какой-то богато одетый прохожий, наверное, бек, ударил нищего камчой и закричал:

– Да поразит проказа болтуна! – затем обернулся к Джаныбеку, сурово сдвинул брови:

– А ты, джигит, помни: молчание – золото. Если проговоришься орусом, тебя ждет смерть.

Подошли еще трое, настороженные, злые. Джаныбек немного обрел, однако сказал:

– Оруса не надо резать... Он – табиб... Он спас моего сына от смерти. Сынок совсем помирал. Орус – добрый...

– Ты продался неверным! – злобно зашипел бек. – В Коране сказано: «Не принимайте помощи от шайтана»... Или ты не считаешь Коран?

– Дай клятву молчания! – грозно сказали те трое.

Джаныбек переводил взгляд с одного на другого – он был не на шутку испуган.

– Я не скажу никому... Но его все-таки заставили поклясться.

В это время доктор, тщетно пытавшийся найти общий язык с толстым сартом – продавцом изюма, беспомощно оглядывался: куда запропастился слуга-переводчик?

Он был обескуражен, когда по дороге домой нагруженный покупками Джаныбек вдруг сказал:

– Дохтур! Езжай из города! Езжай сегодня. Ты спасал моего сына. Ты хороший человек. Езжай, пожалуйста!

– Да что с тобой? – изумился Воронков. – Можешь ты объяснить толком?

– Не могу объяснить толком, – отвечал слуга взволнованно. – Ох, езжай! Смерть может быть.

Чрезвычайное сообщение

Южнее Старого города, вверх по реке Ак-Буура, раскинулся Новый город, заложенный солдатами четвертого туркестанского линейного батальона еще в 1876 году.

В Старом городе улочки были кривые и узкие, нередко заканчивающиеся тупиками. В Новом – европейская планировка: широкие, перекрещивающиеся под прямым углом, с хорошим покрытием улицы. По обе стороны главного проспекта, обсаженного тополями, стоят офицерские дома, казармы, почта, соборная церковь, различные военные и гражданские учреждения. Население в основном русское, «туземца» встретишь здесь нечасто. Тем более вызвал у прохожих удивление всадник-кыргыз, проезжавший в полдень 17 мая 1898 г. по центральному проспекту, под ним прекрасный армак, седло отделано серебром. Парчовый халат, белоснежная шапка, холеное лицо – все говорило о том, что это – важная птица.

Всадник проехал через парк, тянувшийся от православной церкви до самой реки, по деревянному мосту перебрался на другую сторону. Здесь тоже раскинулся обширный парк, принадлежавший уездному начальнику и огороженный высоким глиняным дувалом.

Не слезая с коня, всадник постучал рукояткой камчи в тесовые ворота. Затявкали пес, выглянула бородатая физиономия.

Холеный всадник сказал по-русски:

– Срочно нужен госпадын началнык.

Дворник Емельян вызвал дежурного.

Гость повторил:

– Важный новость.

Спустя некоторое время его впустили. Мощеная аллея привела к большому каменному дому, стоявшему на возвышении. Отсюда, с широкой террасы, просматривался весь Старый город: скопление желто-серых глинобитных домиков среди высоких тополей. Между ними торчали башни минаретов.

Гостя встретил сам уездный начальник подполковник Зайцев:

– А-а-а! Господин Карабек Асанов! Милости просим! Какими судьбами? Как поживает ваша уважаемая матушка госпожа Курманджан?

Согласно семейному преданию, Карабек был приемным сыном Курманджан. Рассказывают, что однажды она шла мимо одной из юрт своего айыла и увидела бешик (колыбель) с грудным младенцем. И от младенца, и от колыбели исходило едва видимое сияние. Это настолько потрясло мудрую, но суеверную женщину, что она упросила родителей отдать ребенка, и Алымбек усыновил его. Карабек воспитывался наравне с родными сыновьями Курманджан. Он рано проявил склонность к учебе и был образованным человеком. Его сын Джамшидбек окончил гимназию в Петербурге, поступил в Казанский университет, но был отчислен с третьего курса «за вольнодумие». Карабек, как никто из сыновей Курманджан, воспринял ее убеждения о недопустимости пролития человеческой крови.

Беседующие остались наедине, разговор длился полчаса. После этого гость уехал, а подполковник тотчас отправил денщика в воинские казармы с приказом вызвать к нему всех офицеров.

Сообщение действительно оказалось чрезвычайной важности и не терпело отлагательства – требовалось действовать немедленно.

В этот момент явился военврач Воронков. Вид у него был недоумевающий. Он кратко рассказал о странном предостережении своего слуги.

– Так я и не мог добиться от него вразумительного объяснения. Может, вы...

– Да, да, может, я объясню, – нетерпеливо прервал Зайцев. – В городе назрел бунт. Разбойники готовятся к резне сегодняшней ночью. Во имя Аллаха, как они говорят.

– О, господи! – воскликнул доктор. – Что же делать?

– И это говорите вы, военный врач?

– Но ведь их такая масса!.. Мы окружены со всех сторон.

– Не так страшен черт, как его малюют, – возразил уездный начальник. – Основная, как вы говорите, масса туземцев – «рабочая скотинка». Ей не до бунтов. А мутят воду всего несколько десятков фанатиков. Может быть, несколько сот. Мы их быстро переловим. На всякий случай приготовьте свои корпии. И чудодейственные мази.

Зайцев действовал решительно. Прежде всего он послал срочную телеграмму военному губернатору в Маргелан. Затем был поднят по тревоге четвертый туркестанский линейный батальон. Роты, сверкая штыками, вышли из казарм. Дежурная рота заняла все входы и выходы из Нового города. Все другие стояли в полной боевой готовности. На улицах патрулировали наряды полиции и караульные. Вооружили даже офицерскую прислугу. На Сулайман-гору для наблюдения за Старым городом была послана охотничья команда.

После этого Зайцев с усиленным конвоем выехал из резиденции по направлению к Тамчи-Булаку – именно этот адрес указал Карабек Асанов.

А через несколько минут из Старого города через Андижанские ворота вылетел всадник, поднял клубы пыли и скрылся вдали. Он скакал в том же направлении – в Тамчи-Булак, только по короткой малоизвестной тропе.

Повстанцы

Селение Тамчи-Булак было расположено в 20 верстах от города, вблизи границы между Ошским и Маргеланским уездами. После полудня 17 мая 1898 г. на здешней небольшой площади собралось около 300 человек из Наукатской волости.

Люди были вооружены палками, ножами, самодельными пиками, кетменями.

Возбуждение толпы все время поддерживали несколько главарей – мюридов Дукчи Ишана. Верховодил некий Оморбек Алимов. Он взобрался на арбу, чтобы его лучше видели, и говорил с жаром:

– Знайте, братья: люди святого ишана сегодня в ночь нападут на орусов в Андижане и Маргелане. То же самое мы сделаем здесь, в Оше. Если собаки набросятся на волка со всех сторон, ему – конец. Пусть же еще до рассвета Азраил и самые черные шайтаны унесут души капыров в преисподнюю!

Толпа ответила одобрителем шумом. Во многих местах слышались гневные выкрики – многие из присутствующих на собственной шкуре убедились в несправедливости царских чиновников.

Но кое-где были и другие разговоры:

– Чего ты кричишь, Адыл? При хане ты платил девять раз по девять налогов: и за хворост, и за курай, и за переход через реку, и за соль, и за свадьбу, и за похороны, налог за наследство и за каждую перекочевку... А пришли орусы – и за все это ты ничего не платишь.

– Но разве я не плачу за землю? За место на базаре? За судебное разбирательство... за любую жалобу?

– За что-нибудь да надо платить. Зато из того, что при Худояре отбирали зякетчи, половина остается тебе...

Эти речи услышал стоявший неподалеку мулла.

– Не принимайте милостей от шайтанов, – закричал он. – Этот человек проданся капырам! Бейте его, мусульмане!

Говорившего тотчас начали избивать соседи. Он закрывался руками и кричал:

– Неправда! Я верю в Аллаха и поклоняюсь ему! Бисмиллах! Аллах акбар!

Когда его оставили в покое, он долго потирал бока, рассматривая синяки и шишки, и горестно бормотал себе под нос:

– Этому мулле хорошо: он и Худояру ничего не платил, и орусам не платит... А каково мне, бедному дыйканину!..

Шум поутих. Оморбек Алимов продолжал:

– Когда мы захватим эти города, а также и Наманган, Фергана будет в наших руках! А затем поднимем весь народ, с помощью Аллаха возьмем Ташкент и Самарканд и выгоним всех орусов из нашего края!

Он выхватил дедовскую саблю и потряс ею в воздухе:

– Пришло время начинать газават!

– Газават! Священная война! – кричала толпа.

Солнце уже клонилось к вечеру, а повстанцы никаких действий не предпринимали. Иные спрашивали у предводителей:

– Чего ждем? Не пора ли начинать?

Оморбек Алимов отвечал:

– Должны подойти еще наши люди. Чем больше, тем лучше. Кроме того, пусть немного стемнеет. Мы нападём неожиданно, ночью.

Однако неожиданность пришла совсем с другой стороны. Солнце уже садилось, когда по единственной улице кишлака проскакал бешеным аллюром всадник и затормозил лишь у входа на площадь, – здесь толпа было слишком плотной.

Конь весь в пене тяжело поводил боками. Всадника многие узнали: это был пятидесятник Сатыбай Раимбеков. Он пробился к предводителю, облизнул пересохшие губы и сказал:

– Оморбек! Все пропало! Сейчас здесь будет сам уездный начальник с войском.

– Что ты болтаешь?! – закричал Алимов.

– Говорю тебе, я опередил их на собачий лай.

Притихшая, жадно слушавшая толпа сразу пришла в движение. Люди испуганно глядели друг на друга:

– Скверные дела! Надо бежать.

– У начальника солдаты с ружьями, казаки с саблями, а у нас? Только палки да старые ножи.

И уже пронесся над площадью чей-то панический крик:

– Спасайтесь, правоверные!

– Эй вы, трусы! – кричал Оморбек Алимов. – Чего испугались?

Он сам идет к нам в руки! Проявите же доблесть во славу Аллаха!

Но толпа начала быстро растекаться.

– Ты обещал нам неожиданное нападение! А начальник все знает! Горе нашим семьям!

– Стой! Куда?! Подлые собаки, так-то вы боретесь за веру!

Люди не слушались, разбегались.

– Ему легко говорить: у него семья и пятьсот баранов далеко в горах упрятаны. А мне каково? Если меня убьют, дети погибнут с голоду. Ведь они кормятся моими трудами.

Последствия

В ту трагическую ночь с 17 на 18 мая повстанцам удалось совершить нападение на русский гарнизон лишь в Андижане.

Были жертвы с обеих сторон. Напрасные жертвы. Ибо восстание с самого начала было обречено на неудачу.

Трудовые массы, задавленные нуждой, разоряемые поборами, поддались на агитацию клерикально-феодалных элементов и понесли основные потери, так как в решительный момент были преданы своими «вождями».

Итак, восстание было подавлено. Дукчи Ишан повешен. Жестокое наказание понесли и его ближайшие сподвижники. Но главный удар обрушился на «черную кость» – на букару. Властями по этому делу было привлечено 257 кыргызов, не считая представителей других национальностей. Решением военного суда в Оше были осуждены на смертную казнь 106 человек. Правда, боясь нового возмущения, всем им казнь заменили многолетней каторгой.

...И зазвенели кандалами осужденные. Дальняя дорога, страшная дорога в Сибирь.

Среди обреченных шагал и Токтогул Сатылганов – гордость кыргызского народа. Свободолюбие Токтогула, смелое разоблачение эксплуататоров вызвало их жгучую ненависть к поэту. Сыновья манапа Рыскулбека, давно таившие злобу на непокорного певца, получили возможность в это

смутное время расправиться с ним. По их доносу Токтогул был ложно обвинен как активный участник Андижанского восстания и приговорен к смертной казни через повешение. Казнь заменили ссылкой на 7 лет в Сибирь.

Вернувшись из ссылки, Токтогул многое понял. Он с презрением отверг оголтелый национализм реакционных феодально-клерикальных кругов. Он тепло вспоминал и благодарил в своих песнях русских друзей – Семена и Харитона, которые организовали ему побег с каторги, указали дорогу, помогли продуктами и деньгами.

Общение с русскими политзаключенными помогло Токтогулу понять многое. Не межнациональная рознь, но борьба против всяческих угнетателей должна стать целью борцов за правду:

*Вижу: рядом казах,
Русский, кыргыз, узбек.
Вижу: стоят вокруг,
Несчастные, как и я.
Каждый мне брат и друг.
Узники, как и я.*

В Царском Селе

Как-то осенью 1901 года в Царском Селе (двор как раз собрался переезжать в Петербург) состоялась беседа. Участниками ее были сам государь Николай II, его супруга-царица и несколько важных придворных чинов.

Царю докладывали о делах в Средней Азии. Попутно была отмечена большая роль Алайской царицы Курманджан датки в пресечении мятежных настроений среди кочевников Алая. Вспомнили также утверждение генерал-лейтенанта Н.А. Королькова, исполнявшего дела туркестанского генерал-губернатора, что во время пресловутого Андиганского восстания три года назад лишь благодаря Курманджан в Оше сохранялась спокойная обстановка и были предотвращены беспорядки в Оше и на Алае.

Выслушав, государь-император сделал глубокомысленное замечание:

– Инородческую аристократию следует поощрять. Но что пожаловать сей горной княжне? Может быть, пятьсот рублей?

Он выжидательно посмотрел на супругу.

– Деньги – не памятный подарок, – возразила императрица. – К тому же княгиня, хоть и старуха, все-таки женщина. Подарим ей лучше перстень.

На том и остановились. Специальным решением от 1 декабря 1901 года Николай II пожаловал Курманджан ценный подарок.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. По прошествии некоторого времени кто-то из приближенных, более прочих знакомый с нравами Востока, подал другой совет:

– Перстень для них – слишком буднично. Нужен необычный дар. Тут главное – поразить императорским подарком воображение этих невежественных детей природы...

К совету прислушались. Были призваны лучшие мастера по части точной механики и ювелирного дела. В январе царский подарок со специальным фельдъегерем переслали туркестанскому генерал-губернатору, оттуда 29 января 1902 года – военному губернатору Ферганской области, а последний в сопровождении казачьей охраны направил его начальнику Ошского уезда с предписанием организовать торжественную церемонию вручения подарка Курманджан.

Ошский уездный начальник преисполнился сознанием собственной значимости. В сопровождении конной стражи он 15 февраля 1902 года отбыл в селение Мады, что в тринадцати верстах от г. Оша. Здесь в окружении многочисленных родственников доживала свои дни 90-летняя Курманджан.

В присутствии всех должностных лиц кыргызской администрации Алая, почетных аксакалов, под восторженный гомон огромной толпы сам начальник с глубоким поклоном вручил «царице» императорский дар: золотые дамские часы с изображением государственного герба империи с цепочкой и брошью, украшенные бриллиантами и розами.

Курманджан датка разругалась от волнения. Она беспрестанно вытирала рукавом слезящиеся глаза и чуть слышно благодарила «ак-падыша» и уездного начальника за высочайшее внимание.

Члены рода жоош племени адыгине с чувством превосходства поглядывали на представителей других племен, а их было много в толпе. Еще бы! Кто из манапов, беков, родоправителей удостоился личного царского подарка?!

... А потом начался той, как в добрые старые времена, когда сама Курманджан не была еще такой старой... Даже самый несчастный бедняк, наевшись на три дня, уходя, получал две большие лепешки, между которыми повара щедро накладывали жирный плов и кусочек чучука.

Кончина

1 февраля 1907 года в селении Мады, что в тринадцати верстах от г. Оша, умирала 96-летняя Курманджан датка – Алайская царица.

Она лежала в своей любимой белой юрте на гряде ватных одеял, устремив неподвижный взгляд в потолок. Слабые старческие пальцы беспокойно шевелились поверх одеяла, словно перебирали что-то... О чем думала она в эти последние часы?..

В просторной юрте было достаточно света и воздуха, однако грудь умирающей вздымалась тяжело, дыхание было прерывистым и хриплым.

У ее постели в благоговейном молчании стояло множество людей – часть ее многочисленного потомства. Даже самая большая юрта не смогла бы вместить всех внуков, правнуков и праправнуков датки. Неподалеку от изголовья сидел дряхлый белобородый старик – ходжа Ибрагим, знаменитый ошский таиб, но что он мог поделать? Пришел конец срока, отпущенного датке Аллахом в этой жизни.

Старший сын Мамытбек то осторожно приближался к ложу, горестно всматривался в лицо матери, то выходил отдать очередное распоряжение, встретить очередного родственника или уважаемого гостя. Слух о болезни датки распространился по всему Алаю и Ошскому уезду.

Еще бы! Женщина, сама выбравшая себе мужа! Женщина, наследовавшая ему в управлении Алаем!

Женщина-генерал! Получившая высокое звание из рук правверного эмира Бухары, закрепленное за ней и кокандским Худоярханом! Ходил слух, что она и известная поэтесса, слагавшая стихи под псевдонимом Зыйнат!

Умирала Алайская царица – основательница огромного клана.

Эта сухонькая крошечная старушка занимала сейчас умы и сердца огромной толпы. На обширном дворе у коновязи стоял не один десяток лошадей. Люди расположились группами, и у всех в глазах тревога. Кое-где слышались всхлипывания, приглушенный женский плач. Она еще пока жива, но все понимали: надвигается страшное. Ведь датка никогда не болела и не пользовалась услугами табибов. А теперь...

...Тонкие бескровные губы зашевелились...

Внук Мырзапаяз наклонился, стараясь уловить...

Бабка шептала чуть слышно:

– Халат... Камчы...

Внук догадался и сделал знак. Скоро принесли нарядный шелковый халат: он хранился в семье как реликвия. Когда-то его носил Камчыбек, любимый сын датки. В последний раз он надевал его 14 лет назад...

Теперь все догадывались, о чем думает датка в эти последние минуты.

Мырзапаяз уловил чуть слышное шевеление губ:

– Кадыр...

Тотчас к ложу подошел крепкий парень в простом темном халате. Лоб его страдальчески морщился: он с видимым усилием сдерживал слезы.

Бабка долго смотрела на него:

– Похож...

Парень сглотнул. Да, он похож на своего отца Камчыбека...

Она задышала тяжело, выгнулась. И – затихла. Глаза ее, широко открытые, стали стекленеть. В них отражался Кадырбек, с рыданием припавший к ее руке.

Кто-то закричал:

– Бабушка умерла!

И горестные голоса повторили:

– Умерла... Умерла...

На обширном дворе начался великий плач. Скорбные восклицания потрясли, кажется, небеса. Это страшно, когда громко рыдает сразу тысяча человек...

Весть о ее смерти мгновенно разнеслась по округе. Отовсюду ехали конные, шли пешие. Мамытбек на правах хозяина встречал наиболее почетных прибывающих. Перед входом в юрту в два ряда стояли внуки и правнуки покойной. И каждый раз по приезде нового гостя усиливались плач и скорбные причитания.

Явился из Гульчи и представитель администрации капитан Авров, старый друг Мамытбека. Добрался из Оша и торговец красным товаром на Ошском базаре Худан-хулы: на его дочери был женат четвертый сын датки, Асанбек. Все смотрели на гостя с почтением и плохо скрываемым любопытством. Еще бы! Ведь он под именем Бель-бакчи-хана когда-то целых четырнадцать дней занимал Кокандский престол.

Покойница лежала не на полу (как это было принято), а на столе под парчовым покрывалом. Рядом с нею – подарки государя-императора, а также подношения восьми генерал-губернаторов, которых пережила датка, не говоря уж о бесчисленных дарах от уездных начальников и прочих чинов. Русская администрация вся без исключения с большим почтением относилась к Курманджан и во всех официальных бумагах именовала ее не иначе как «датка» – правительница.

И.П. Ювачев по рассказу очевидца капитана Аврова описывал события так: «Покойницу вынесли в сад на площадку. В это время вывели верблюда с подарками для имама, который тут же совершил краткое моление. Затем носилки с покойницей поставили на арбу. Около нее поместился младший ее сын Асанбек, а старший, Мамытбек, следовал за нею верхом на лошади в сопровождении большой свиты родных и знакомых. Похоронная процессия медленно направилась к городу Ошу, где на главном кладбище Сары-Мазар приготовлена была могила для датки рядом с могилой казненного ее сына Камчыбека... С каждым шагом процессия увеличивалась прибывающими со всех сторон...

Впереди ехали внуки и громко причитали.

– Ты была зеркалом нашим! – выделяется голос одного из плачущих родственников.

Тут же ехал мулла и нараспев читал стихи из Корана, относящиеся к погребению.

При входе на кладбище арба остановилась. Носилки с покойной подхватили на руки. Впереди шел один из сыновей и разбрасывал серебряные монеты. Мамытбек сам залез в приготовленное место погребения и внимательно осмотрел его. После нового краткого моления покойницу опустили в могилу. Все присутствующие бросили по горсти земли, как это делается в России. Почетным лицам разносили землю в поле халата. Они брали ее в руки и снова бросали в халат. Затем всю эту землю сразу высыпали в могилу...».

И далее: «Еще долго потом приезжали кыргызы из дальних аулов в Мады выразить свое соболезнование детям усопшей».

А после нее остались два сына, две дочери, тридцать один внук, пятьдесят семь правнуков и шесть праправнуков. И сохранилось еще два дивана – сборника стихов поэтессы Зыйнат. Может быть, в них слова и мысли великой дочери кыргызов из рода жапалак, обращенные к современникам и потомкам?

Курманджан датка глами художника
(картина С. Чокморова)

میرزا یوزتیرا بموده استه جو امان دفتریه عجب اندیکه او خوزه خود او خوزه
سفت کتایه نجی یک نامی انجا در علقش ششباشیه عاریک تلف کس مهادق کبرنج کتایه
کیمینا یک تلف یوسن اتورد و دوشا کیم عاریک تلف ایز علی دیونه جبار قش تلف فوز یک
باتور کیم قش عاریک تلف در زو یک اتورد و دوشا کیم عاریک تلف خرمه بقوس نجی یک
تلف میرزا قش اتورد کیم قش عاریک تلف کیم او یک و دوشا تلف فانی یک اتورد کیم
عاریک یک بوده نسه کیم زمین از منس خودها باشد از رو نعل ارباله و نعل نایه

Тарханная грамота об освобождении от налогов угодий
киргизского феодала Абдуллы-бека и его воинов.
Из архива кокандских ханов. – ЦГА РУз., ф. и. 1034, оп. 1, д. 1710

معتمدانما رفاضل پیرکی را نمودن آنکه حیدر قلو
در آلائی بود دست جاریک حواریان شامان نمودیم
بر سیدتمه بلا توقف جواب گویدر شوهر ما کید

Распоряжение бека о доставке зерна в алайскую крепость.
Из архива кокандских ханов. ЦГА РУз., ф. и. 1034, оп. 1, д. 831

Титульный лист
рукописной книги
(из архива
палеографической
экспедиции НАН КР)

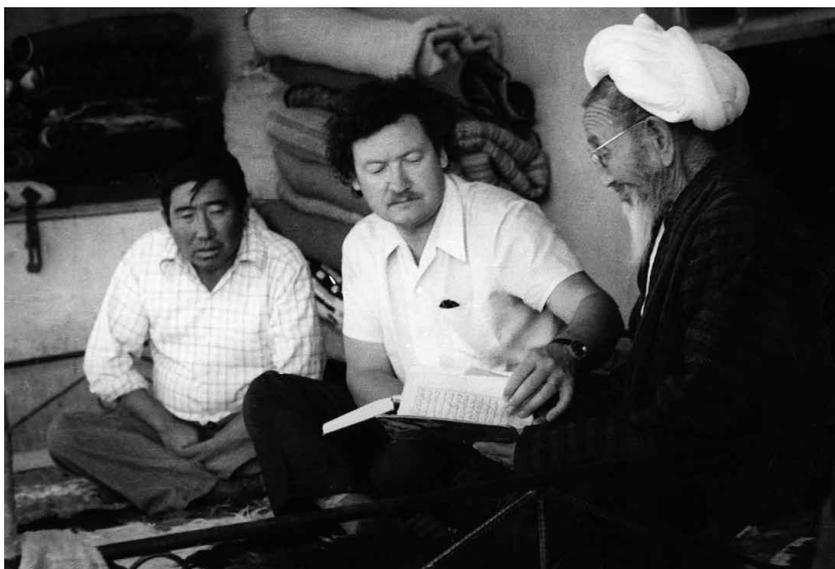

Фрагмент родословной рукописи кыргызов
(из архива палеографической экспедиции)

Академик М.М. Адышев

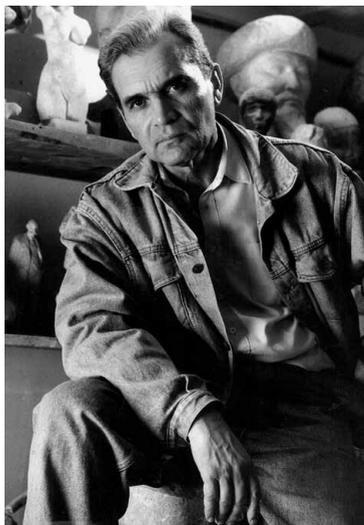
Встреча
с одной из внучек Курманджан
(Алай, археологическая
экспедиция 1962 г.)

За сбором старинных рукописей и книг на юге Кыргызстана
(палеографическая экспедиция 1976 г.)

Варианты памятника
Курманджан датке

Скульптор В.А. Шестопал

В скульптурной мастерской
В.А. Шестопала

Курманжан датка
(в изобразительном
искусстве, на марках,
на денежной купюре)

Потомки

Наши краткие заметки о «царице Алая» закончим несколькими словами о потомках датки.

Два ее внука – Джамшидбек Карабеков и Кадырбек Камчибеков – стали участниками Великой Октябрьской революции, сражались на стороне трудового народа.

1920 год. Декретом ТуркЦИКа и РВС Туркфронта от 15 мая вводится военное обучение трудящихся (всеобуч) для отпора басмаческим шайкам, бесчинствовавшим тогда в Средней Азии. В Оше на площади Свободы уже в июне началось обучение первых групп, состоявших в основном из кыргызов. И среди них – Кадырбек Камчибеков и Джамшидбек Карабеков, внуки Алайской царицы, ставшие членами большевистской партии, преданными делу революции, доказавшими эту преданность всей своей жизнью.

1921 год, осень. Отряд добровольческой милиции под командованием Кадырбека Камчибекова разгромил банду курбаши Юлдаш-Палвана в урчище Бий-Мулла.

Немного времени спустя, в том же 1921 г., проведена операция красных войск против курбаши Джаныбека-казы. В ней также участвовал отряд Камчибекова. За боевые заслуги Кадырбек Камчибеков награжден именованным революционным оружием.

Январь 1922 года. Общее собрание большевиков Гульчинской волости посылает К. Камчибекова

делегатом на IV Ошскую уездногородскую партконференцию. Весной 1922 года вновь активизировалась банда Муэтдина, считавшегося «ляшкарбаши» – «главнокомандующим» всеми басмаческими шайками на территории Кыргызстана. Муэтдин творил неслыханные зверства. Вот лишь один из примеров: «13 мая 1921 г. Муэтдин произвел нападение на продовольственный транспорт, шедший по куршабо-ошской дороге в город Ош...

Истребление мирных жителей проводилось с применением невероятных жестокостей: отрезались груди у женщин, вскрывались животы у беременных, разрубались дети на части, разбивались об колеса арб, устраивались скачки с разрыванием детей на части...».

Отряды Красной армии в течение 1921–1922 гг. нанесли несколько ударов по банде Муэтдина, но изворотливый «ляшкарбаши» каждый раз уходил от окончательного разгрома. Неоднократно он начинал переговоры о добровольной сдаче, а сам тем временем пополнял свои формирования за счет других разгромленных шаек, совершал разбойные нападения на кишлаки, насильственно загонял дыйкан в свою банду под угрозой расправы с семьями. Наконец, командование Туркфронтом издало 5 июня 1922 г. приказ: разгромить противника, в переговоры не вступать.

В операции по уничтожению банды принял активнейшее участие и Гульчинский отряд добровольческой милиции под командованием К. Камчибекова.

Вот что пишет современный историк: «В целях конспирации отряд Кадырбека выступил из Гульчи в сторону Оша. Пройдя перевал Чигирчик, отряд под покровом ночи резко повернул влево и по труднопроходимым тропам Амантау двинулся к месту назначения. Совершив необычайный по своей смелости переход через горные кручи и вечные снега, бойцы народной милиции оказались в тылу противника и заняли господствующие высоты над долиной Кичик-Алая. Это произошло настолько неожиданно для противника, что несколько застав басмачей оказались в тылу отряда и были очень быстро обезврежены. Банда оказалась в кольце. Через две недели операция закончилась. Сам «ляшкарбаши» был взят в плен отрядом К. Камчибекова».

1923 год. Гульчинский отряд добровольческой милиции под командованием Кадырбека Камчибекова громит банды Тохтапансата, Курмат-минбаши и другие, скрывавшиеся в Алайской долине и окрестных горах.

1927 год. Ликвидация басмачей Джаныбека-казы и нескольких более мелких шаек.

После разгрома басмаческого движения К. Камчибеков, награжденный орденом Красного Знамени, активно включается в проведение преобразований в Кыргызстане.

1937 год. Жизнь его оборвалась в застенках НКВД.

Праправнук Курманджан – Муса Мырзапаязович Адышев стал крупным ученым-геологом. Институт геологии Национальной академии наук Кыргызской Республики носит его имя. В 1978 году он был избран президентом Академии наук Кыргызстана. 1 января в 1979 г. смерть настигла академика в возрасте шестидесяти трех лет.

Потомкам Курманджан не суждено было стать долгожителями.

Часть третья

**СОВРЕМЕННОКИ
О КУРМАНДЖАН**

А.П. Федченко

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТУРКЕСТАН

Том I, часть II.

В КОКАНДСКОМ ХАНСТВЕ.

СПБ., М., 1875. – С. 57–60.

... Обращаюсь к жителям Алая: они исключительно киргизы и притом кочевники. Я видел всего два–три небольших кургана, т.е. обнесенных глиняной стеной пространства с кое-какими постройками. Они служат укрытием для киргизов, остающихся на зиму в Алае. Но таких сравнительно немного; большинство приходит в Алай только на лето из долины Ферганы, на зиму же возвращается обратно и пасет свои стада на степных невозделанных пространствах, во множестве находящихся близ самых многолюдных оседлых поселений. Эта-то необходимость для кочевников приходить на зиму вниз и составляет главную силу сартов, оседлой партии, благодаря этому-то обстоятельству они и держат их в руках. Сарты предоставляют киргизам кочевать в горах без всякого надзора и полиции, они знают, что если киргизы и задумают бунтовать, то зимой все-таки будут у них в руках и притом со всеми стадами. Приходят киргизы в Алай в мае, а оставляют его в течение августа, причем кочующие в верхней части Алая уходят раньше. Уже в начале августа я видел аулы, которые шли из Баш-Алая. Утренники бывают иногда в Баш-Алае уже очень чувствительные. Другие киргизы

не переходят через водораздел, а спускаются с высоких летовок к реке; виденная мною часть Алая вся служит как зимнее пастбище – кстау. Остаются на зиму киргизские роды таит и киргизкипчак: прежде в Алае кочевали еще кадырча, которые теперь откочевали в Шугнанские горы...

...В Алай, как говорили мне, приходят на лето и киргизы из Кашгара, т.е. подчиненные Якуб-беку; это выставлялось также причиной, почему нам нельзя ехать в верхнюю часть Алая. Но и вообще в верхней части Алая власть кокандцев должна быть не сильна. Там главным авторитетом считается киргизка Мармаджан-датха. Она вдова: муж ее был известный Алим-датха, игравший большую роль в последних междуусобиях в Кокандском ханстве, прославившийся, между прочим, зверским убийством в Оше.

Потом он и сам погиб, власть его перешла в руки к его жене, которая самостоятельно правит родом, пользуется огромным авторитетом, наши джигиты не говорили о ней иначе, как с великим уважением. Сам хан очень почитает ее и в случае приезда в Кокан принимает ее как важного бека.

Зиму ее киргизы проводят в Гульше и соседних зимовьях. Занятие киргизов в Алае, как и везде, скотоводство. За ним идут некоторые ремесла, исполняемые женщинами и не идущие далее потребностей семьи. Земледелие очень не развито, да и то сосредоточено в самой низкой части Алая, начиная от кургана...

Н.А. Аристов

УСУНИ И КЫРГЫЗЫ, ИЛИ КАРА-КЫРГЫЗЫ

БИШКЕК, 2001. – С. 512-515.

АВТОБИОГРАФИЯ ШАБДАНА

... Здесь для удобства соображения с датами военных действий в Фергане помещаю я составленную в 1885 году, по моему желанию, автобиографию кара-киргиза рода сарыбагыш войскового старшины Шабдана Джантаева, значительную часть которой составляет его участие в этих военных действиях; участие это им наивно преувеличено, тем не менее эта часть биографии не лишена своего рода интереса.

В тот год, когда коканский кушбеги, появившись с войском в наших местах, разграбил известного в роде бугу Шопака вместе с подвластными ему кыргызами, родился я, Шабдан, на Туюкбулуне, близ Кунгей-аксу, на Иссык-Куле, в мае 1840 года. Так как у отца моего от разных жен было много других сыновей, то по достижении пятилетнего возраста он отдал меня одному бедному человеку, у которого я получил небрежное воспитание. Девяти лет я опять перешел жить к моему отцу и служил ему три года.

В те времена главным делом кыргыз и казаков были набеги и грабежи, и даже влиятельные и богатые кыргызы для приобретения славы занимались ими.

Чтобы сделаться известным между кыргызами, я начал участвовать в набегах. Пришлось в первое время перенести много неудач, но я не унывал и не бросал своей деятельности. Наконец мне удалось достичь известности не только у кыргызов рода тынай, которые начали выбирать меня своим предводителем во время набегов, но сделался влиятельным и в других родах кыргызов и казаков. Те и другие в это время подчинены были сартам (коканцам), которые не запрещали кыргызам набеги, а, напротив, доносили своему хану в Кокан с похвалою о предводителях набегов.

Бек пишпекский Атабек выбрал из кыргызов меня и Байсеита Тойчибекова из казаков и отправил нас в Кокан к хану в качестве депутатов. Малля-хан принял нас благосклонно и щедро наградил позолоченными саблями, ружьями и другим оружием, а также шелковыми халатами. Он отправил нас обратно со своим военным министром Канаатом, который шел с войском против русских. Бой произошел на Узун-агаче, где сарты были разбиты и бежали в Пишпек. Устроив в Пишпекке крепость, Канаат поехал в Ташкент. Меня он взял с собою, Байсеит же пожелал остаться дома. Служил я в Ташкенте при Канаате два года. Он хотел отправить меня беком в Пишпек, но я не пожелал.

В бытность мою при Канаате, царедворцы Малля-хана, родом кипчаки, Алимбек, Кыдыр, Шабдан-ходжа с пятью товарищами, убили Малля-хана в его спальне за то, что он поручал Канаату высокие должности. Услышав об этом, Канаат послал в Бухару человека за младшим братом Малля-хана Худояр-ханом и по прибытии последнего провозгласил его ташкентским ханом. Коканцы и кыпчаки возвели на коканский престол Ша-Мурат-хана, сына Сарымсак-хана. По избрании хана коканцы предприняли поход на Ташкент, чтобы взять в плен Худояр-хана и Канаата и предать их казни.

Держали они Ташкент в осаде 53 дня и, наконец, чтобы ворваться в город, подступили к ташкентским воротам, именуемым Карасарай. Боясь, чтобы коканцы не разбили ворота, Канаат дал приказание войскам сделать вылазку и отбить неприятеля. Никто из сартов не решался выйти первым. Тогда я со своим

джигитом Баяке влез на стену по лестнице и прыгнул на землю; сартовские солдаты не отстали от меня, боясь своего хана. За стеной произошел рукопашный бой, пало с обеих сторон много людей, но мы взяли перевес, и коканцы обратились в бегство. Через десять дней происходило сражение на Шилбинин Иляби, где под моей командой находилось пятьсот пеших воинов, данных мне Канаатом; я напал с ними на одно крыло неприятеля и обратил его в бегство. После этого неприятель отступил к Кокану.

За оказанные мною в двух сражениях услуги Худояр-хан по представлению Канаата назначил меня беком в Азрет-Султан (г. Туркестан), когда я возвращусь из отпуска, так как я просился домой. При отъезде моем Худояр-хан поручил мне известить о победе над коканцами всех беков в восточных городах, принадлежащих Ташкенту, и манапов кыргызов и казаков. В Пишпек я узнал, что (ген.) Колпаковский взял уже Мерке (?) и что наши кара-киргызы, во главе которых был мой отец, отложились от сартов и подчинились русским. Рахматулла, бек пишпекский, будучи зол на меня за отца, велел джигита моего Баяке высечь розгами, дал ему сто ударов и обоих нас посадил в зиндан. Нам, однако, удалось бежать из тюрьмы, и мы прибыли домой. Рахматулла потом присылал Доссарыка, своего человека, передать мне, что хочет со мной мириться, но я, помня его обиды, убил посланного и разошелся таким образом с сартами, передавшись окончательно русским. Вскоре Колпаковский взял и Пишпек.

Через некоторое время, услышав, что родственника нашего Сарымсака, рода багыш, осаждают сарты и хотят его разграбить, я собрал отряд кыргызов и пошел освобождать его. Мне удалось нанести сартам поражение, причем два их предводителя Пасимкулак и Алишир были убиты: первый мною, а второй – джигитом моим Баяке.

Возвратившись через год домой, я вскоре с сорока джигитами предпринял набег на калмыков, обитавших в Суашу, на кульджинской стороне Текеса. Хотя набег наш был удачен и мы забрали много лошадей, но времена были уже не те: мы должны были, по приказанию Колпаковского, возвратить отбитый скот калмыкам.

Когда назначен был к нам начальником уезда Загряжский и отправился он по родам кыргызов переписывать их, то на Тогуз-Торау напал на него кыргыз Осман со своими людьми и взял в плен многих его джигитов, сам же Загряжский спасся в ближайшем лесу. Услышав о нападении Османа на уездного начальника, я собрал 200 кыргызов и устремился на Османа, потеряв в бою двух джигитов и убитых подо мною двух лошадей, я освободил уездного начальника с его джигитами. За это я получил от русских золотую медаль с почетным халатом второй степени.

(В 1875 году) когда я находился с сорока джигитами на границе сартовских (коканских) и русских владений при сотне казаков (барона) Штакельберга, за мною послал ген. Кауфман, чтобы отправить за кыпчакским ханом Автобачи, который бежал после взятия Махрама.

Я поехал со своими джигитами на зов Кауфмана по направлению к Андижану (из Нарына, где находилась сотня бар. Штакельберга). Когда мы доехали до Сузака, то услышали, что Пулат-хан загородил нам дорогу с селения Аим-кишлака по сю сторону Андижана. Посланного мною к Кауфману джигита перехватили и повесили. Пробриться не было возможности, и мы должны были дожидаться Штакельберга, соединившись с его сотнею, повернули к Намангану, так как услышали, что Кауфман ушел туда. Около городков Батакара и Спискена Пулат-хан опять загородил нам дорогу, но был отбит. Мне удалось при этом с двумя джигитами вогнать в городские ворота до тысячи неприятеля.

На другой день я с десятью джигитами обратил в бегство пятьсот человек, чему свидетелями были Штакельберг и (казачий офицер) Дубровин. Отбив неприятеля, мы проехали к Кауфману в Наманган. Отсюда отправились с Кауфманом к Андижану, который в это время осаждал Скобелев.

Взять Андижан ему не удалось и он, преследуемый неприятелем, встретился с Кауфманом на Джанабате. Вечером, заметив около 200 человек неприятеля по ту сторону Сыра, Скобелев, Штакельберг, я и еще трое казаков переправились через реку и обратили неприятеля в бегство.

В Намангане по ходатайству офицеров Кауфман дал мне с семью товарищами по Георгиевскому кресту за нашу службу при Батакаре и Спискене. Из Намангана я сопровождал Кауфмана со своими джигитами в Ходжент, где получил от него 300 рублей денег и почетный халат, а также все мои джигиты одарены почетными халатами, что в сложности составит 1 т. руб. Из Ходжента я отпросился у Кауфмана домой, где и прожил около года.

Через год Скобелев предпринял Алайский поход против Абдулла-бека. По незнанию местности русским во время завоевания коканского края нельзя было обойтись без помощи джигитов. Скобелев взял 25 джигитов из аргынов, но они все были перерезаны Абдулла-ханом, который, заманив их и истребив, загородил русским войскам дорогу. Лишившись таким образом всех джигитов, Скобелев позвал меня.

Собрал я опять сорок джигитов, в том числе Баяке и прибыл к Скобелеву в Ош. Отсюда на другой день двинулись к ущелью Шут, которое впятеро страшнее Буамского. На противоположном выходе из этого ущелья находилось войско Абдулла-бека. По приходе к ущелью Скобелев взял у меня 20 джигитов: 10 послал за Штакельбергом в Кызыл-курган, а одного отправил в ущелье для разведки о неприятеле. Когда мы вошли в ущелье, Скобелев послал меня с 20 джигитами вперед. Выезжая из ущелья, я увидел, что Абдулла-бек бежал, оставив свою мать, жен, детей и народ.

Послал я одного джигита донести об этом Скобелеву и получил от него приказание сделать набеги на ближайшие аулы. Сделав несколько набегов, я взял в плен около 40 человек, много скота и имущества. Скобелев предложил нам взять все отнятое у неприятеля, но я отказался и сказал, что пришел служить русским, а не грабить. Тут Скобелев сделал представление о награждении меня чином. Отдохнув три дня, двинулись мы к Кызыл-кургану через селение Гульча.

Из Кызыл-кургана Скобелев послал меня с 21 джигитом к Абдулла-беку для переговоров. Когда я прибыл в Кызыл-Арту, где находился Абдулла-бек, то последний бежал с народом своим в Афганистан, боясь, что я его предам русским.

Мне не хотелось вернуться к Скобелеву ни с чем, поэтому я отправился за Абдулла-беком в погоню. Захватить его я не мог,

но пленил у него 8 человек и захватил одно знамя, которое передал князю Витгенштейну, нагнавшему меня с двумя сотнями казаков. Сюда же подошел и Скобелев с пехотой. Он дал моим джигитам 30 берданок, 6 револьверов и велел мне догнать Абдулла-бека. Он послал с нами, по моей просьбе, (капитана) Куропаткина. Гнались мы за Абдулла-беком двое суток до Каракола, где к нам присоединился князь Витгенштейн. Отдохнули здесь и двинулись дальше, но не могли догнать Абдулла-бека и с Ташкургана возвратились к Скобелеву.

С ним мы отправились вниз (по Кызыл-су) по направлению к Каратегину. Когда мы доехали до Карамука, составлявшего границу каратегинцев, Скобелев остановился и отправил меня с 15 джигитами послом к шаху каратегинскому для переговоров о границе. Шах принял меня и отпустил со мною к Скобелеву своего младшего брата, с которым Скобелев и провел границу между владениями русских и каратегинцев.

Отсюда мы двинулись к Кокану. Узнав на пути, что против русских возмущались кочевые роды в окрестностях Кокана – нойгуты (?), джаукесек, дулат, бостон, Найман и др., Скобелев с перевала Кара-казык послал усмирить их князя Витгенштейна с двумя сотнями казаков и меня с джигитами. Мы поручение исполнили и взяли большую добычу. При стычке были ранены кн. Витгенштейн, (подполк.) Церпицкий, я и еще один офицер, фамилию которого теперь не помню. Сдав свою добычу в Кокане, я явился к Кауфману и получил от него 2 т.р. и почетный халат, каковыми были награждены и все джигиты.

Из Кокана Кауфман и Скобелев поехали в Гульчу. Возвратившись отсюда в Ош, услышали, что между кочевниками в окрестностях Джалал-Абада появился вождь Джетым-хан, собирающийся воевать. Кауфман послал на него Скобелева с сотнею казаков. По приказанию Скобелева я выехал со своими восемью джигитами вперед и разбил войско Джетым-хана, взял у него 20 чел. и одно знамя, которое поднес к подъехавшему в это время Скобелеву.

За службу мою Скобелев представил меня к чину войскового старшины. Но Кауфман не согласился, потому что я неграмотный. Он советовал мне поучиться грамоте и обещал, что тогда он постарается выхлопотать мне этот чин.

В Намангане я получил от Кауфмана 2 т.р. и все мы по халату, после чего отправились домой, где Кауфман выслал мне по почте еще 1600 р., так как в походах алайском и коканском я содержал джигитов за свой счет.

Прожив год дома, я отправился на Атбашу против китайцев в отряд (полковника) Гринвальда. Зимой вернулся домой и получил за этот поход золотую медаль.

Летом следующего года я посылал племянника с 15 джигитами на Атбашу же с отрядом (полк.) Щербакова. В оба похода джигиты содержались за мой счет.

В следующем (1880) году снова выставлялся на Атбашу отряд под начальством (полк.) Принца; при нем находился я с 100 джигитами по приказанию Кауфмана. В этом походе я и джигиты получали содержание и жалованье из казны, как казаки.

В 1883 году я был назначен ген. Колпаковским представителем от кыргызов и казаков на коронацию Государя Императора и получил чин войскового старшины. За то, что Колпаковский не забыл моих заслуг, приношу ему глубокую благодарность.

Наград от русских я получил без счету. Кроме вышеупомянутых, я получил еще от Колпаковского почетный халат первой степени и красный крест за пожертвования лошадьми в турецкую войну.

Б.Л. Тагеев

ЦАРИЦА АЛАЯ

НИВА. - 1898. - №4. - С. 68-71, 74.

В одном из многочисленных ущелий Алайского хребта, носящих название Яга-чарт, под отвесной высокою скалою уютится небольшой аул, состоящий не более как из десятка юрт. Но не похож этот аул на прочия киргизския кочевки. Какой-то особенный порядок царит здесь, да и сами юрты (кибитки) щеголяют красотою и роскошью. Приятно ласкают глаз высокая сочная трава и живописно разметавшаяся арча (смолистое дерево в роде пихты). Многочисленные стада баранов и рогатого скота, громадные табуны лошадей и верблюдов оживляют этот красивый, хотя немного суровый пейзаж, придавая ему более мягкий оттенок. Около самого подножия одной из гор, недалеко от аула, стоит старая, маленькая юрта, резко выделяющаяся среди прочих богато убранных кибиток. Несколько лет тому назад посетив этот уголок грозного Алая, я застал там кипучую жизнь. Целые толпы веселых киргизов обступили меня, скаля свои белые зубы. Теперь, в 1896 году, когда я, по обыкновению путешествуя в Алайских горах, заехал в это уютное ущелье, меня сразу поразила необыкновенная тишина, царящая в Яга-чарте.

Те же юрты, серенькими грибочками выглядывающие из ковра зеленой травы, те же стада баранов, те же киргизки, бегающие с турсуками

для приготовления кумысу, все это было, как прежде, но я не видел более того радушия, с которым, бывало, встречали меня хозяева этого аула, я не видел их добродушных скуластых лиц, и мне стало необыкновенно грустно. Два киргиза в черных бараньих шапках прошли мимо меня, бросив исподлобья сердитый взгляд, и скрылись в дверях одной из кибиток; никто даже лошади моей не принял, а прежде со всех сторон сбегались люди, чтобы взять ее.

Увидя сидевшего подле юрты старика, я подъехал к нему и попросил по-киргизски, чтобы он проводил меня в юрту Курбан-Джан-датхи.

Киргиз что-то пробормотал себе под нос, укоризненно покачал головою и двинулся вперед, указывая мне путь. Подойдя к маленькой, отдельно стоящей юрте, он отдернул кошму, заслонявшую входное отверстие в кибитку.

На меня пахло чем-то кислым, прелым. Я удивленно посмотрел на своего проводника, думая, что он, не поняв меня, привел к какой-нибудь другой юрте, но тот как бы угадал мою мысль и, указывая рукой на дверь, сказал: “Мына Датха” (“Вот Датха”).

Я нагнул голову и вошел в юрту. Мрак, царивший внутри ея, и резкий переход от света к темноте не дали мне возможности сразу рассмотреть внутренность юрты, но предупредительный проводник оттянул кусок кошмы, закрывавшей тюнтяк (верхнее отверстие юрты), и я был поражен представившимся мне зрелищем.

В трех шагах от меня, на голой земле, в страшном рубище, сквозь дыры которого сквозило сухое черное тело, сидела маленькая, жалкая старуха; ее реденькие седые волосы какими-то жалкими хвостиками покрывали сморщенное, похожее на печеное яблоко, лицо. Она устремила на меня свои маленькие слезящиеся глазки и, шамкая своим беззубым ртом, бормотала какие-то слова. Я присел на корточки около нея и проговорил обычное приветствие. Она дико посмотрела на меня и вдруг захохотала своим старческим дребезжащим смехом. Холод пробежал по моей спине от этого хохота... И это – датха, это – бывшая царица Алая, перед которой трепетали коканские ханы, одного слова которой было достаточно, чтобы казнить и миловать? Это – та самая датха,

которая несколько раз, окруженная своими сыновьями, принимала меня с непритворной радостью, которая еще два года тому назад, будучи 90-летней старухой, без отдыха проезжала 70 верст и которую в 1985 году я видел еще совсем бодрой и здоровой...

Боже мой, во что она превратилась теперь! Мне стало необыкновенно тяжело, и я, быстро выбежав из юрты и вскочив на лошадь, отправился к ожидавшим меня спутникам, вспоминая о датхе и ее жизни, полной глубокого трагизма.

Курбан-Джан-датха была женою одного из властителей Алая, Алим-бека, управлявшего им еще задолго до прибытия русских в Туркестан. В район его владений входили тогда все горные системы Алайских гор: богатейшая подножным кормом долина Большого Алая, Заалайский хребет и обширная площадь Памиров, вплоть до владений китайских и Афганистана. Еще молодою женщиною датха овдовела. Муж ее был убит памиро-алайскими кочевниками во время сбора податей, и юная красавица-датха сделалась правительницею Алая. Отомстив убийцам своего мужа, она собрала около себя целую гурьбу преданных ей батырей (богатырей), а одного из них избрала себе в мужа, оставаясь все же полной правительницею Алайского царства.

Но недолго продолжалась замужняя жизнь правительницы. Второй муж был, спустя несколько лет после свадьбы, убит в стычке с китайцами, оставив ей трех сыновей: Абдулла-бека, Канчи-бека и Махмуд-бека. Датха сама занялась воспитанием своих сыновей, и из молодых джигитов они постепенно превратились в неустрашимо храбрых батырей. Гордилась датха своими сыновьями, постоянными победителями в улаках и байгах.

Обладая твердой волей и энергичным характером, правительница Алая сразу сумела поставить себя в независимое положение среди окружавших ее диких народов и в 60-х годах уже приобрела такое значение в Средней Азии, что даже кокандские ханы, с завистью относившиеся к ней, посылали на Алай своих послов, снабженных богатыми дарами. Однако, несмотря на это обстоятельство, ханы не хотели официально признавать ее "датхою", т. е. правительницею, но в семидесятых годах она сумела заставить кокандского хана Худояра титуловать ее царственным титулом и оказывать ей соответствующие почести.

Но вот в 1875 году всколыхнулось алайское население. Достигли и до датхи слухи, что идут на Коканд победоносные русские войска, перед которыми уже пали одно за другим кокандские укрепления. Вот слышит она, что сдан и Коканд, и, наконец, в 1876 году доносится до царицы еще одна ужасная весть, что Автобачи, этот знаменитый коновод кипчаков, взят русскими и отправлен в Россию. Весть эта с быстротою молнии разнеслась по вновь покоренному Кокандскому ханству и, переходя из ущелья в ущелье, пронеслась над всем краем. Закипело, заколыхалось горное население Алая, и шайки отважных батырей стали пополняться новыми и новыми силами. Сердце Курбан-Джан-датхи радовалось, что батыри грудью стояли за свою родину, не желая подчиниться “гяурам”.

Всеми силами старались муллы поднять мусульман на священную войну против русских, а тем временем датха, не щадя ни сил, ни средств, готовилась к походу. И вот в 1876 году огромная шайка кипчаков и кара-киргизов, имея во главе старшего сына датхи, Абдулла-бека, открыто восстали против России. Это обстоятельство заставило Россию покончить с Алаем, и в том же году из Маргелана под начальством командующего войсками Ферганской области генерал-майора Скобелева выступил отряд, состоявший из трех родов оружия.

Отряд этот во главе со своим храбрым начальником двинулся по ошско-гульчинской дороге и наконец остановился в м. Гульча, откуда были высланы конные разъезды для рекогносцировок.

Много было аулов в Гульчинской долине, но, как услышали киргизы о движении русских, они бросились все со скотом и скарбом к Кашгару, предоставив батырям защищать родную страну. Покинула свою дорогую родину и Курбан-Джан-датха. Как мать расстается со своим детищем, так и она расставалась с Алаем, поручив его всецело своим сыновьям. Не торопясь, отправляла она свои многочисленные стада в Кашгар через суровый перевал Терек-Даван и вслед за имуществом в сопровождении немногочисленных джигитов и сына своего Канчи-бека отправилась туда же и сама.

Тяжело было на сердце у царицы, но она не теряла надежды и крепко верила, что Аллах не допустит гибели ее дорогого сокровища – Алая. Между тем Абдулла-бек с братом своим Махмуд-беком и скопищем киргизов и кипчаков твердо укрепились в уро-

чище Янги-арык, построили укрепление с каменными завалами и дали клятву, что отстоят свое орлиное гнездо. Вполне был уверен Абдулла-бек, что позиция его неприступна, тем более что он надеялся на большую воду в реке Янги-арыке, которая не даст русским перейти на другую сторону.

Тщетно старался русский отряд выбить горцев из их засады, пока, наконец, Скобелев не прибег к трудным и большим обходам. План был таков. Справа, со стороны перевала Талбык (12000 ф. выс.), наступал отряд майора Ионова, который, построив через речку Белаули висячий мост, зашел в тыл Абдулла-беку. Отступление же к кургану Омар-бека отрезали две казачьи сотни под командою полковника князя Витгенштейна. Тут только Абдулла-бек увидел, что сопротивление невозможно, и бросился через большой перевал Кизил-Арт (14000 ф.) на Памир.

Летучий отряд князя Витгенштейна по пятам преследовал Абдулла-бека, но тот с ловкостью горного козла увертывался от него, завлекая таким образом князя в глубь Заалайского хребта, где весь летучий отряд чуть не погиб у озера Кара-Куль во время метели, отрезанный огромным перевалом, без провианта и фуража. Благодаря этому обстоятельству, Абдулла-беку удалось увернуться от преследования русских, и он с небольшим числом людей в сопровождении своего брата Махмуд-бека через весь Памир бежал в пределы Афганистана и, прислав оттуда заклятие из Корана, что не будет больше воевать, а также сломанный клынч (шашка) в знак примирения, ушел в Мекку, но умер в дороге в пустыне.

Между тем стада и имущество Курбан-Джан-датхи были еще на пути к Кашгару разграблены китайцами, и бедная царица принуждена была броситься по следам своих сыновей с остатками уцелевших богатств, т.е. к перевалу Кизил-Арту.

Но и эта попытка оказалась неудачною. Недалеко от перевала наткнулась она на возвращавшийся отряд князя Витгенштейна, которым и была арестована и отведена к генералу Скобелеву. Ласково обошелся с пленницею белый генерал, одарил он ее почетными халатами, обласкал бывшего с нею сына, Канчи-бека, и советовал ей воспользоваться ее безграничным влиянием на дикое население и повлиять на него в духе миролюбия.

Умная царица, поняв свое положение и не видя ничего унижительного в подчинении себя русской власти, дала обещание туркестанскому герою, что мир и тишина будут царить в долинах Алая.

После удачного дела при Янги-арыке русский отряд, перевалив Алайский хребет, через перевал Талдык наконец вышел в долину Большого Алая и, окопавшись около местечка Сары-Таш, ожидал дальнейших распоряжений. Между тем шайки киргизов не переставали показываться и, несмотря на утрату своих предводителей, сильно беспокоили отряд, производя ночные атаки. Простояв несколько месяцев на Алае, отряд прошел на запад по долине до ущелий Карамука, перевалил через перевал Кара-Казык и, спустившись в долину Шахимардана, через Вуадиль возвратился обратно в Маргелан.

Прошло долгих 17 лет со времени покорения Алая, и население его уже совершенно освоилось с жизнью под русским владычеством. Смирились и батыри, и занялись они своим скотом и охотой. Свято хранила данное обещание датха, по-прежнему поселилась она в Яга-чарте и, пользуясь своим безграничным влиянием, охраняла мир и спокойствие на Алае, а сыновья ея сделались помощниками и верными слугами русскому правительству. Были назначены они волостными управителями (минбашами), а минбаши пользуются громадною властью над туземцами в Туркестане. Всегда с необыкновенным радушием встречали беки вместе со своею матерью русских путешественников, всегда старались, чем только могли, угостить их. Сколько раз приходилось мне самому принимать участие в их торжествах и увеселениях. Во время следования памирского отряда через Алай датха угостила на славу и солдат и офицеров. Любили и русские царицу Алая.

Много лет правил Махмут-бек Гульчинской волостью, а Мирза-Паяс, его племянник, – Алаем. Много медалей и почетных халатов было у обоих управителей, и радовалась престарелая датха на своих сыновей. Только один Канчи-бек огорчал свою старуху-мать. Уж очень он был крутого нрава, и ходили слухи, что занимается он провозом контрабандных товаров. Сколько ни старались поймать его таможенные стражники, но так и не удалось им подстеречь увертливого Канчи-бека.

Вдруг тревожная весть дошла до русского начальства – весть о бесследном исчезновении таможенного объездчика и двух стражников. Все поиски оказались тщетными. Ходили кое-какие слухи, но основанные на одних предположениях. Чиновники, командированные на Алай, возвратились ни с чем, а объездчик Боровков и его два джигита так и канули в воду. Отлично знали киргизы, в чем дело, да молчали пока, боясь выдать тайну. Знал и Махмуд с Мирза-Паясом, да не хотели они выдавать виновника, тем более что косвенно в этом деле был замешан их брат Канчи-бек. Вдруг дело разоблачилось само собою. Совершенно случайно участковый пристав наткнулся на сожженный труп лошади. Приехал следователь, и началось следствие. Вскоре дело окончательно выяснилось.

Испугались Махмут-бек и Мирза-Паяс, что очень уж долго скрывали они преступление, и донесли рапортом начальнику уезда о случившемся. Да было уже поздно. Вместе с Канчи-беком они были арестованы и посажены в тюрьму за укрывательство преступления. Великое горе разразилось над головою бедной датхи, но ее материнское сердце вполне было уверено, что сыновья ее невинны в этом темном деле. Между тем следствие выяснило, что объездчик, запасный унтер-офицер Боровиков, был послан в сопровождении двоих стражников для объезда линии и около перевала Белеаулие встретил караван контрабандистов, везших анашу.

Осмотрев караван, Боровиков приказал следовать ему за собою к таможенному пункту, но контрабандисты воспротивились и предложили Боровикову взятку, которую тот сначала изъявил согласие принять, но потом раздумал и силой хотел принудить киргизов подчиниться его требованию. Произошла схватка. Револьверы объездчика и его стражников оказались без патронов, а потому киргизы, осилив таможенных, связали их и послали джигита с донесением к Канчи-беку, к которому и везли контрабанду, а сами ожидали разрешения вопроса, что делать с русскими. К несчастью, Канчи-бека не было дома: он в это время находился за 90 верст в Гульче. Вместо него на место происшествия приехал его 12-летний сын Арслан-бек и приказал крепче связать таможенных и везти их в аул, а сам уехал. Связывая Боровикова, один из киргизов веревкой содрал с его руки кожу, из которой потекла кровь, на что Боровиков и заметил, что за его кровь они ответят жизнью.

²⁴ Том III. В. М. Плоских

Киргизы испугались, тем более что по их законам за кровь мстят кровью. Подумали, посоветовались между собой и решили прикончить таможенных. Под арчою таможенные были по очереди задушены, причем Боровикова задушили последним, и он видел смерть своих товарищей. Трупы и оружие были спрятаны в пещере, а лошади съедены и кости их сожжены. Когда явился Канчи-бек, то стражников и след простыл. Узнали об этом его братья волостные, ужасно испугались и приказали всем старшинам молчать о случившемся.

В областной тюрьме Нового Маргелана в одиночных камерах сидят двадцать один киргиз, арестованные по делу об убийстве таможенных. Вот уже два года сидят они, свободные дети гор, под строгим надзором тюремного начальства. Побледнел, осунулся полный Махмут-бек, а тут еще новое горе постигло его. Ехал навестить заключенного отца молодой сын его, да по дороге сорвался и разможил себе голову о камни. Не судил, знать, Аллах увидеть сыну позор своего отца.

Мрачный, точно запертый в клетку волк, сидит в тюрьме Канчи-бек и шепчет молитвы, соблюдая строгую уразу (пост).

Приехала и датха в Маргелан, и посетила бедная мать сыновей своих. Поддерживаемая под руки двумя почтенными туземцами, вошла бывшая царица Алая в тюрьму. Дрогнуло сердце старухи при виде детей своих в арестантских халатах. Горько заплакала датха. Не думала бывшая царица дожить до такого позора, что дети ее попадут в тюрьму наравне с ворами и мошенниками. Уж лучше задушила бы она их собственными руками.

Настали дни суда. Дело разбиралось при закрытых дверях. Несколько дней длились прения, и наконец наступил день объявления приговора.

С восьми часов утра до семи вечера сидели арестанты в ожидании своей участи, и вот наконец вошел суд... Девять киргизов были приговорены к смертной казни и в их числе Канчи-бек с сыном Арслан-беком, а Махмуд-бек и Мирза-Паяс приговорены к каторжным работам; остальные же оправданы за недостатком улик.

В неописанное отчаяние пришла Курбан-Джан-датха. Несмотря на свою дряхлость, поехала она к губернатору генералу Повало-Швейковскому, валялась в ногах у него и молила о смягчении участи сыновей. Но было уже поздно. Велико было горе матери,

у которой судьба на глазах отнимала детей. Уехала датха из Маргелана к себе на зимовку, как обыкновенно, верхом, и заболела там бывшая царица: не вынесла она нравственной пытки. Между тем смертный приговор был подтвержден туркестанским генерал-губернатором только над Канчи-беком и киргизом Палваном, остальным казнь заменена каторгой. Махмуду же, Мирзе-Паясу и Арслан-беку наказание заменено ссылкой.

По ошской дороге движется сотня казаков 6-го Оренбургского полка. На арбе в оковах сидят с мрачными лицами два киргиза. Один с красивым разбойничьим лицом, не лишенным величия, другой маленький с черной бородкой, с узкими прорезями глаз представляет собою заурядный тип киргиза племени адычин. Это Канчи-бек и Палван, осужденные на смерть, конвоируемые сотнею, отправляются в город Ош, где и должны быть повешены у подножия Алая. Алай, на котором родились они, провели детство и юность, дорогой их Алай, с которым два года назад они расстались в надежде скоро увидеть его, – опять перед ними, такой же грозный, такой же суровый, с теми же снежными вершинами, на которых, бывало, с радостью смотрели осужденные, любясь их красотой и величием. Какое же теперь производит он на них впечатление? С каким чувством приближаются осужденные к своей родине? С какими мыслями всматриваются они в темные, чернеющие впереди ущелья.

Вдруг кто-то дернул Канчи-бека за плечо; вздрогнул он и очнулся от своей задумчивости...

“Айда слазь!” – слышит он голос конвойного казака, и снова действительность во всем своем ужасе развертывается перед ним... Солнце уже совсем почти спряталось за серебристый хребет большого Алая, красиво озарив его снежные вершины. Холодный мрак ночи уже окутал кишлак Араван, в котором остановились на ночлег осужденные на казнь преступники. Мрачный покой царит над небольшим бивуаком, и только мерные шаги часового казака раздаются среди гробовой тишины.

2-го марта 1895 года состоялась казнь над осужденными. На большой площади в г. Оше была приготовлена виселица с двумя железными кольцами. Целое море пестрых халатов уже наводнило все улицы. Прибыл из Маргелана и военный губернатор генерал

Повало-Швыйковский присутствовать при казни Канчи-бека. В 10 1/2 часов вдруг толпа заволновалась, и пронесся шепот “везут”. Вскоре показались медленнодвигающиеся две черные арбы, окруженные конвоем. Впряженные в них черные лошади и арбакеши во всем черном тяжело действовали на окружающих. Спокоен, но мрачен сын царицы Алая, часто поднимает он руки к небу и громко читает молитву. Мерно движутся, блистая на солнце штыками, конвойные солдаты, не веселы их лица, шаг за шагом идут они за арбами. И вот наконец печальная процессия подошла к эшафоту.

Гордо, с достоинством держал себя Канчи-бек во время чтения смертного приговора, смело готовился он встретить смерть. Не раз уже приходилось ему встречаться с нею лицом к лицу, только видно было, как досадно горному орлу, что подрезаны его крылья, что не может он в бою сложить свою буйную голову. Не так вел себя Палван. Растерялся бедный киргиз и упал на колени, прося помилования. После прочтения приговора воцарилась гробовая тишина.

“Можно мне еще раз помолиться?” – спросил генерала Канчи-бек и, получив разрешение, встал на колени и, подняв руки к небу, прочел краткую молитву, затем встал и, промолвив: “Довольно молиться”, снова повернулся к генералу, сказал: “Я готов” – и сам подошел к палачу. Вот уже крепко связаны его руки, и белый саван, казалось, сейчас скроет представительную фигуру Канчи-бека. Вот уже надевают его на голову батыря. Поднял глаза Канчи-бек и увидел ряд синеющих гор со снежными вершинами, и показалось ему, что кивают оне своими седыми головами. «Прощай, Алай», – прошептали его губы, и белый саван, как страшная завеса, закрыл навсегда его от всего живого, светлого. Быстро подвели осужденного к скамье, и он сам встал на нее. Палач начал возиться около его шеи... прошло еще мгновенье, и палач сильно толкнул скамью.

Канчи-бек погиб. Распалась семья бывшей царицы Алая, осталась она одинокая. Отдала она все имущество родичам и поселилась в Яга-чарте в старой, дырявой юрте, и сидит она в ней в рубище, все плача о своих погибших детях. Не выдержал мозг старой датхи, лишилась она рассудка, и ждет несчастная мать возвращения своих батырей. Но стара датха, недолго проживет она, и со смертью ее навеки погибнет владетельный род Алая, и лишь предания о ее былом могуществе будут передаваться из рода в род.

Б.Л. Тагеев

РУССКИЕ НАД ИНДИЕЙ

ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ ИЗ БОЕВОЙ ЖИЗНИ

НА ПАМИРЕ. – СПБ, 1900. – С. 32–46.

Ольгин луг. В гостях у царицы Алая. Киргизская Тамаша

Я проснулся довольно рано. Товарищ мой, поручик Баранов, сладко спал еще, прикрыв голову кавказской буркой. В воздухе царила необыкновенная нега. Палатка чуть-чуть колыхалась от легкого ветерка, по временам налетавшего из ущелья на наш лагерь...

...Полотнище палатки поднялось, и в нее вошел капитан П.

– Чайку не прикажете ли? – спросил я.

– Нет, спасибо. А вот я, господа, к вам с предложением. Завтра дневка, и, следовательно, мы свободно можем преприятно провести эти два дня.

– Каким же образом? – спросили мы.

– Да вот хотя бы съездить верст за 12 отсюда на летовки Алайской царицы в Яга-чарт. Мы, наверное, застанем и саму Курбан-Джан-датху, так как она на лето всегда перекочевывает из Гульчи сюда. Интересная старуха, – сказал он, – тем более мне бы хотелось ее видеть, так как я не встречал ее с 1876 года, когда она была захвачена отрядом князя Витгенштейна и доставлена Скобелеву, который принимал ее в ляангарском домике.

Это предложение было радостно принято нами, и мы решили немедленно отправиться с визитом

к царице Алая. Приказав седлать лошадей, мы допили чай и затем отправились, к компании нашей присоединились еще трое офицеров. Мы поехали вдоль широко раскинувшегося Ольгина луга.

– Странное название носит эта местность, наверное, оно дано ей кем-либо из русских, – сказал Баранов.

– Совершенно верно, – ответил П., – и я вам могу сейчас же пояснить, откуда оно взялось. Видите ли, в 1876 году несколько дам сопровождали своих мужей в Алайский поход, и из них были четыре Ольги, в числе которых была и супруга нашего начальника отряда полковника Ионова. 11 июля, во время дневки, здесь праздновался Ольгин день, и в честь этих смелых именинниц название «Ольгин луга» осталось навсегда и теперь нанесено на карту.

– Значит вы, Николай Николаевич, знакомы с Алайской царицей? – спросил я. П., желая навести разговор на эту интересную личность.

– Как же, и даже очень хорошо, я сопровождал ее до самого города Оша по окончании Алайского похода.

– Ну расскажите же нам что-нибудь про нее, – пристали мы к П., который, видимо, только и ждал этой просьбы, так как был большой охотник до рассказов о былом своем житье и совершенных походах.

– Извольте, господа, с удовольствием. Видите ли, – начал он, – Курбан-Джан-датха была женою известного Алим-бека, прославившего свое имя в Туркестане целым рядом диких набегов и зверскими убийствами в городе Оше. Алим был предательски убит одной киргизкой. Оставшись вдовой, датха приняла власть мужа и начала деятельно управлять Алаем, избрав из среды батыров мужа, которому не позволяла вмешиваться в управление страной. Долго благополучно царствовала датха, и слава о ее мудром управлении разнеслась далеко за пределы Коканда и Каратегина.

После смерти Алим-бека, воспользовавшись безцарствием на Алае и вступлением в управление им Алайской царицы, кокандский хан объявил алайских кочевников своими подданными и обложил их податью, но датха стряхнула с себя это иго и наконец принудила кокандского хана Худояра подписать грамоту, в которой он признавал в ней законную правительницу Алая.

Бухарский эмир, кашгарский хан Якуб-бек и другие относились к ней с уважением и даже раз в год присылали на Алай своих послов, снабженных богатыми подарками.

Сыновья датхи были ей помощниками в управлении, и каждый из них заведовал известной частью Алая. Старший Абдулла-бек, прославивший себя потом в борьбе с нами, Махмуд-бек, Канчи-бек, Хасан-бек и племянник датхи Мирза-Паяс были верной опорой Алайской царицы и любимцами кочевого населения. Об этих беках разнеслась слава далеко за пределы Алая как о храбрых батырах и лучших джигитах.

После плена Автобачи, известного коневода кипчаков, когда Кокандское ханство было завоевано нашими войсками и город Андижан пал перед всепобеждающим «белым генералом», на Алае вспыхнуло восстание. Закипело, заколыхалось горное население Алая, и шайки отважных батыров стали пополняться новыми силами. Из покоренной Ферганы бежали узбеки и киргизы, и все это стекалось на громкий клич Абдулла-бека, раздавшийся с высот снежного Алая. Огромные шайки лихих джигитов стали разбойничать, производя беспорядки среди русского населения области, и разбои эти всегда сопровождались обильным кровопролитием. Тогда-то для ограждения Ферганской области был двинут полубатальон пехоты через Исфайрамское ущелье к крепости Дараут-кургану под командой капитана Исполад-Бога, который был встречен огнем засевшего в неприступных скалах со своими батырами Абдулла-бека и, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, принужден был вернуться в г. Маргелан.

Вот после этого эпизода и был объявлен Алайский поход и на Алай послан отряд, во главе которого находился Скобелев.

Мы выступили другой дорогой через Ош и перевал Талдык и не были встречены неприятелем до урочища Янги-арык, где казаки доставили нам сведения, что киргизы заняли это ущелье, сожгли мосты и готовятся под предводительством самого Абдулла-бека дать отпор нашему отряду. Генерал Скобелев, думая скоро кончить с киргизами, приказал пехоте “прогнать халатников”, но не тут-то было! Позиция киргиз оказалась неприступной, они, скрываясь за каменными завалами, сильно поражали нас, так что Скобелеву скоро пришлось убедиться в невозможности атаковать

горцев, и он решил произвести обход. Для этого кавалерия была послана на рекогносцировку, а мы в ожидании дальнейших действий оставались около Кизил-кургона.

Вот тогда-то я и был отозван от постройки домика в Ляангаре. Через пять дней были собраны самые точные справки о путях, могущих служить обходом. План наступления был составлен, и мы двинулись вперед. Справа, со стороны перевала Талдык, двигался отряд под командой майора Ионова, в котором находился и я. Мы зашли в тыл Абдулла-беку и под его огнем, выбивавшим из строя много жертв, восстановили сожженный мост через реку Белаули и, пройдя по нему, заняли позицию. Путь отступления же к кургану Омар-бека отрезали две казачьи сотни под командой полковника князя Витгенштейна. Тут только Абдулла-бек увидел, что сопротивление невозможно, и ночью ушел к Заалайскому хребту через перевал Кизил-Арт (14000 ф.), а оттуда на Памир. Летучий отряд князя проследовал по пятам Абдулла-бека, но тот с ловкостью горного козла увертывался от него, завлекая князя в глубь Заалайского хребта, где весь отряд чуть-чуть не погиб около озера Кара-Куль во время метели, отрезанный огромным перевалом от главных сил, без провианта и фуража. Таким образом, Абдулла-бек с братьями своими Махмуд-беком и Хасан-беком и большинством из своей шайки ушел от преследования русских через Памир в Афганистан, завещав остающимся батырам не сдаваться гуярам, после этого мы двинулись к Алайской долине, где и остановились, тревожимые все время шайками горцев.

Весть о неудаче на Янги-арыке дошла и до царицы Алая, и она со всеми стадами и имуществом бросилась в Кашгар, но по дороге была ограблена шайками китайских разбойников, и несчастная датха была вынуждена направиться по следам своих сыновей, т. е. на Кизил-Арт. В сопровождении сына своего Канчи-бека и племянника Мирза-Паяса она отправилась без имущества на плохоньких киргизских лошадях к Кизил-Арту и около местечка Борда-ба наткнулась на возвращавшегося князя Витгенштейна, которым и была захвачена и доставлена в отряд. В это время генерал Скобелев был в Гульче, и мне было поручено доставить к нему арестованную царицу Алая и ее двух батыров. Я очень обрадовался этому поручению. Вой-

дя в юрту, где помещалась пленная, я увидел сидевшую на ковре по-азиатски киргизку небольшого роста, хотя немолодую, но красивую, одетую в парчовый халат, отороченный каким-то мехом, – это была датха. Она грустно сидела, опустив голову. Перед нею стоял поднос, на котором лежали фисташки, кишмиш и другие туземные сладости. Царица Алая, видимо, находилась в размышлении о той метаморфозе, которая происходила с нею, и вся была погружена в свое горе. Она сразу даже не заметила моего появления и, только спустя несколько секунд, вскинула на меня своими умными, выразительными глазами и слегка вздрогнула.

Я через переводчика сказал ей, что назначен сопровождать ее до Гульчи, где находится теперь генерал Скобелев, она отнеслась совершенно равнодушно к моему заявлению.

– Я теперь раба русских, которые могут делать со мною что угодно, такая, значит, воля Аллаха, – ответила она через переводчика, и крупные слезы блеснули на узких прорезях ее глаз.

Я сказал ей, что мы едем завтра.

– Хоп, хоп¹, таксыр², – сказала она мне и кивнула головой в знак согласия.

Вышел я из юрты и под тяжелым впечатлением, навеянным на меня безотрадным горем царицы, направился к себе.

Наутро мы были уже на лошадях. Казаки конвоировали пленных. Датха бодро сидела в седле, одетая в бархатную шубейку с галунами и шапочку с парчовым верхом, отороченную мехом.

Подъезжая к Ляангару, я заметил около домика большое собрание киргиз и казаков, и мне сообщили, что генерал едет на Алай и остановился для отдыха на станции. Я приказал доложить о себе и тотчас же был принят. Сообщив о цели своего приезда, я получил приказание ввести в дом пленных.

Датха в сопровождении Канчи-бека и Мирза-Паяса вошла в комнату. Оба батыра отвесили низкий кулдук, пленная же царица стояла молча, низко наклонив свою голову.

¹ Хоп, хоп – хорошо, хорошо.

² Таксыр – ваше благородие.

Скобелев встал, подошел к ней и протянул свою руку. Датха, по-видимому, растерялась, она не ожидала такого приема, и радостная улыбка озарила ее лицо. Она пожалала руку героя и сказала ему что-то по-киргизски.

– Скажите датхе, – обратился Скобелев к стоявшему здесь переводчику–киргизу, поручику Байтакову, – что я очень рад видеть ее в добром здоровье и надеюсь, что она, пользуясь своим огромным значением на Алае, повлияет и на кочевое население склониться к миру и подчиниться требованиям России. Я много слышал о ее мудром управлении и том значении, которое заслужила она у соседних ханов, а потому уверен, что датха поймет бесполезность враждебного отношения к русским. Передайте ей, – сказал генерал, когда переводчик перевел часть его речи, – что она, как мать, может гордиться своими сыновьями. Абдулла-бек свято исполнил свой долг и ушел лишь тогда, когда бороться уже было невыносимо.

Но пусть она знает, что русские умеют ценить храбрость врагов. Если она сумеет склонить своих сыновей покинуть Афганистан и возвратиться на Алай, то я награжу их, как подобает награждать героев, а теперь я прошу датху принять дастархан, – и генерал приказал принести, по туземному обычаю, огромный поднос, на котором целой горой возвышались туземные угощения; вслед за тем он собственноручно надел на пленницу парчовый почетный халат и обратился к батырам, увещевая их верно служить России.

Умная царица сразу поняла положение и тут же дала обещание генералу, что мир и тишина будут царить в долине Алая, пока живет она на свете. По ее требованию из Афганистана возвратились ее сын Махмуд-бек и много других батыров, только один Абдулла-бек не послушался увещаний матери и не вернулся на Алай, а ушел в Мекку. Но не суждено было сыну царицы Алая поклониться там великому пророку. Он не вынес тяжести пути по безводной пустыне, раны его открылись, и он по дороге умер.

По-прежнему поселилась датха в Яга-чарте, продолжая пользоваться безграничным влиянием на Алае, а ее сыновья были назначены управителями алайских волостей и приносили огромную пользу нашему правительству.

Таким образом присоединен был Алай к Русской империи, и мы, простояв в долине Большого Алая, направились вверх по реке Кизил-Су и через перевал Кара-Казык спустились в долину Шахимардана и через Вуадиль возвратились в Маргелан. Вот и все, господа, – заключил П., – что я могу вам сообщить о датхе, которую, наверное, мы сегодня увидим, и о той роли, которую она играла в этих местах.

– Спасибо, Николай Николаевич, теперь мы, получив подробные сведения о датхе, еще с большим удовольствием жаждем увидеть эту интересную женщину, – сказал Баранов.

– Ну, господа, рысью! – скомандовал П., – а не то поздно будет, уж очень долго я заболтался.

И действительно, слушая длинный и интересный рассказ капитана, мы и не заметили, что солнце уже было совсем на полуденной линии, и лошади, опустив головы, лениво ступают на собственные тени, поминутно отмахиваясь хвостами от докучливых мух, не дававших им покоя.

Мы поехали рысью и втянулись в узкое ущелье, миновав которое, очутились в широкой долине, окруженной горами, сплошь покрытыми арчой, и направились к показавшемуся большому аулу, юрты которого были украшены пестрыми палацами и коврами. Громадные табуны лошадей бродили поодаль, наслаждаясь здоровой сочной травой. Со стороны аула к нам приближалась группа всадников с головами, обмотанными большими белыми чалмами. Пестрые халаты их, ярко освещенные заходящим солнцем, красиво выделялись среди суровой природы горного ландшафта. Впереди на великолепном гнедом жеребце ехал полный, дородный киргиз с сытым, загорелым и добродушным лицом, обрамленным небольшой черной бородкой. Вся фигура его выражала полное довольство жизнью. Одет он был в костюм, отличавшийся от прочих джигитов своей простотой и изяществом. Белый бешмет, перетянутый в талии широчайшим серебряным, украшенным насечкой и чернью, поясом, белая, как снег, чалма, азиатская, с серебряной рукояткой шашка красиво блестела на солнце. Грудь его была украшена медалями, придававшими его костюму еще более величественный вид. Вслед за ним ехали трое джигитов, вооруженных мултуками и шашками.

За несколько шагов до нас все туземцы слезли с лошадей и встали в почтительную позу, сложив руки на животе, как приято у них при выражении особенного уважения.

П. соскочил с лошади и подошел к белому всаднику с медалями на груди.

– Здравствуй, Махмуд-бек! – сказал он.

– А, таксыр, селам алейкум, калай-сыз?¹ – радостно улыбаясь своим широким ртом, проговорил киргиз.

– Что датха, как здорова? – спросил П.

– Спасибо, таксыр, слава Аллаху, здорова, она послала меня встретить дорогих гостей, – ответил Махмуд, – она очень рада будет видеть тюру, милости просим, – сказал он, обращаясь к нам.

– Господа, позвольте представить вам, это гульчинский волостной управитель Махмуд-бек, сын Алайской царицы, с биографией которой я вас только что познакомил, – сказал П.

Мы соскочили с лошадей, и каждый пожал руку симпатичному киргизу.

– Ну едем, Махмуд-бек, – сказал П., и мы тронулись в путь.

Несколько кучек туземцев в праздничных халатах, тубетейках и чалмах, поджав ноги, сидели, образуя на ярко-зеленом фоне как бы венки, сплетенные из пестрых цветов. Разодетые киргизки в необыкновенно больших чалмах, скрывающих их смуглые лица, озабоченно сновали из юрты в юрту, оживление в ауле было всеобщее. Очевидно, нас ждали. Но кто мог предупредить здесь о нашем приезде, – право, не знаю. Я спросил П., не он ли уведомил киргиз о своем намерении побывать у датхи, но он отрицал совершенно, уверяя, что не посылал никого сказать, что мы будем.

– Вы не знаете киргиз, у них на этот счет особенное чутье, – сказал он, – прекрасно знали они, что мы непременно заедем к датхе, ну и приготавились.

Около одной богатой юрты мы остановились, толпа мальчишек бросилась к нашим лошадям, взяв за поводья, они стали водить их взад и вперед.

¹ Здравствуйте, как поживаете?

Махмуд-бек приподнял дверь юрты, мы вошли в нее, и я увидел датху. Она сидела по-азиатски на ковре, поджав под себя ноги. Это была уже немолодая киргизка с сильно сморщенным лицом, с маленькими, слезящимися глазами, добродушно улыбавшимися нам. Она отдала какое-то приказание сыну, и в ее жестах я уловил привычку повелевать.

Она одета была в парчовую кацавейку, отороченную мехом, а голова ее была обмотана огромною кисейной чалмой. Мы по очереди подошли к сидящей старухе и пожали ей руку. Она узнала П. и очень ему обрадовалась.

– А Скобелев ульды (умер), – сказала она, причем лицо ее выразило сожаление, и покачала головой.

– Давно уже, – сказал П.

– А Ионов приедет ко мне? – спросила она.

– Да, я думаю, – ответил капитан, – полковник часто вспоминает вас и, наверное, не проедет мимо ваших аулов.

– Да, он хороший человек, – сказала датха, – и жена его, и дети хорошие, им Аллах пошлет счастье. А теперь на Памир идете? – спросила датха.

– Да, на Памир.

– Плохо там, ни корму для лошадей, ни достаточного количества баранов, ничего нет, – сказала она, – киргизы живут там бедные, тяжело вам будет; я и то приказала Махмуду и Мирза-Паясу, чтобы они вам немедленно все доставляли.

Она говорила с П. по-киргизски, а он нам переводил ее речь. После этого аудиенция наша у датхи окончилась. Вошедший Махмуд-бек объявил, что плов подан, и мы, пожав руку царицы Алая, вышли из ее юрты.

Так вот она, эта датха, о которой я так много слышал и которую так жаждал увидеть, – самая обыкновенная киргизка с виду, даже трудно себе представить, чтобы эта старуха могла когда-то играть такую важную роль...

...Отдыхая в своей палатке, под впечатлением радушного приема у Алайской царицы я и не помышлял о том, что через три года буду свидетелем ужасного горя, разразившегося над датхою и ее сыновьями. В 1893 году сыновья ее были вдруг арестованы и посажены в тюрьму, а по Алаю стали ходить тревожные

слухи о задушении русского таможенного стражника, погибшего с двумя джигитами во время задержания контрабанды. Началось следствие, которое выяснило, что нашá¹, которую везли Канчи-беку контрабандисты, была задержана таможенным досмотрщиком; последний сначала соглашался пойти на компромисс с контрабандистами, но затем раздумал и был задушен ими, не имея возможности защищаться, так как револьверы его и его джигитов оказались без патронов.

Говорили, что в этом деле участником был Канчи-бек, но точных улик не было, и дело было отложено областным судом для дополнительного следствия.

Великое горе охватило сердце старухи-матери: сыновья, ее гордость и надежда, опозорены, замешанные в гнусном убийстве, и посажены в тюрьму наравне с мошенниками и ворами. Лучше бы убила она их своими руками, если бы предвидела такое позорное дело, но все же она надеялась и глубоко верила, что сыновья ее не причастны к этому преступлению. Между тем, пока длилось дополнительное следствие, военный губернатор Ферганской области генерал-майор Повало-Швыйковский усиленно хлопотал о переводе этого дела из-под ведения гражданского суда в полевой военный, ходатайство его было уважено: беки преданы полевому суду.

Я навещал в Маргеланской тюрьме несчастных и долго беседовал с ними. Трудно было представить себе, чтобы эти люди, столько лет беспорочно служившие русскому правительству, были участниками преступления. Мне от души было жаль, глядя на похудевшие, грустные лица Махмуд-бека и Мирза-Паяса, которые судились за укрывательство преступления.

Я утешал их, сколько мог, но они и сами понимали, что значило предание их военному суду. Мрачный сидел в одиночной камере Канчи-бек и все лишь молился Аллаху, соблюдая строгую уразу (пост). К нему никого не допускали. Его сердце испытывало двойное горе: в числе арестованных был и его един-

¹ Нашá – наркотическое средство для курения, сделанное из выжимок стеблей конопли.

ственный сын Арслан-бек, сидевший тоже в тюрьме, в которой томился 21 киргиз, обвиняемый в убийстве таможенных.

Судопроизводство происходило при закрытых дверях, несколько дней длились прения, судьями были командиры батальонов под председательством генерала Корниловича, которые вынесли смертный приговор девяти человекам и в числе их Канчибеку и его сыну, 12-летнему мальчику, а Махмуд, Мирза-Паяс и другие присуждены к ссылке на каторжные работы.

В неописуемом отчаянии приехала в Маргелан царица Алая, несмотря на дряхлость свою и измученную горем душу, явилась к военному губернатору и валялась в ногах у него, вымаливая помилование сыновьям и внуку...

Да, велико было горе матери, у которой судьба на глазах отнимала всех сыновей. Все русские и туземцы были озадачены приговором суда: ожидали полного оправдания беков, и вдруг – смертная казнь. Всколыхнулось алайское население, и стали ходить слухи, что киргизы намерены освободить осужденных батыров.

Военный губернатор понял, что ему грозит опасность со стороны киргиз, и усилил караулы. Вокруг тюрьмы ходили патрули, а около его дома дежурили солдаты. В течение всего времени суда войска спали не раздеваясь, дежуря поочередно и имея при себе боевые патроны, но все эти предосторожности были напрасны. После подтверждения смертного приговора над Канчи-беком и киргизом Палваном они оба были отвезены в Ош, где и повешены 2 марта 1895 года, в виду своей родины, дорогого им Алая.

На казнь из города Маргелана за 90 верст приехал и генерал Повало-Швуйковский и руководил приведением в исполнение приговора суда. Принимая во внимание беспорочную службу Махмуда и Мирза-Паяса и несовершеннолетие Арслан-бека, каторжные работы им и смертная казнь последнему были заменены ссылкой в Сибирь...

После этого печального события датха пережила новую метаморфозу: мозг ее не выдержал тяжелого горя, помешалась бывшая Алайская царица, и теперь в рубище, не подпуская к себе никого, сидит она и молится Аллаху о спасении души

своего сына. Таким образом угас царственный род на Алае, и со смертью датхи только рассказы о ее былом могуществе и силе будут ходить из ущелья в ущелье, разносимые батырами по аулам.

Жестокую ошибку сделал новый военный губернатор Повало-Швыйковский, исходатайствовавший предание полевому суду всеми любимых беков. Как говорил губернатор, он это сделал для поднятия русского престижа, будто бы упавшего. Жестоко ошибался генерал, сарты и киргизы привыкли уважать русские власти, и упадка значения русских в крае не замечалось.

Случайное убийство контрабандистами русских объездчиков, как выяснилось следствием, хотевших взять отступное с киргиз, было, несомненно, совершено без ведома волостных управителей. Они только испугались за ответственность и донесли позже, чем следовало, быть может, проверяя факт убийства. Да, они заслуживали наказания, но не казни же.

Как хлопотали за несчастных беков и генерал Корольков, и генерал Ионов, и все русское население Ферганы, это доказывает, какой симпатией пользовались осужденные. Некоторые дамы собирались даже послать телеграмму о смягчении участи осужденных Государыне Императрице, но Повало-Швыйковский зорко охранял намеченный им план, он и против этого принял меры, запретив на телеграфе передавать подобные депеши. Таким образом, датха не могла дать телеграмму на Высочайшее имя с мольбой о помиловании ее сыновей.

Но недолго остался верен себе новый губернатор. После рокового приговора совесть начала мучить его, он стал бояться озлобившегося населения, и вот галлюцинации преследуют его, ему кажется, что скопища киргиз идут освобождать заключенных беков, он в ужасе за свою безопасность торопит казнь. Караулы усиливаются, около губернаторского дома сосредоточивается главная охрана – все негодуют.

Видя свою ошибку и что первый блин вышел комом, он после казни Канчи-бека сразу переменяет свою политику и начинает действовать в угоду туземному населению, унижая значение русского и развращая в этом отношении население до того, что оно, бывшее в полной покорности, во время его

управления областью решилось поднять вооруженную руку на русских солдат.

Достойное наказание понес генерал¹, но еще большим наказанием будет служить ему память, которую он оставил о себе в области, да 21 убитый, зверски зарезанный сартами солдат 18 мая 1898 года в Андижане².

¹ Генерал-майор Повало-Швуйковский был по Высочайшему повелению отрешен от должности и затем уволен в отставку за то, что «среди глубокого мира допустил нападение туземцев на русские войска».

² В ночь на 18 мая 1898 г. в г. Андижане вооруженные скопища сартов напали на роты 20-го Туркестанского линейно-кадрового батальона, когда все люди спали, утомленные знойным днем и учебной стрельбой. Туземцы, руководимые ишаном, объявившим газават (священную войну), стали резать сонных солдат. 21 линеец был зарезан на месте и, кроме того, многие были ранены.

К счастью, в лагере находился офицер – подпоручик Карселадзе, он быстро собрал людей, разломал пороховой погреб, добыл патроны и отбил нападавших, за что и награжден орденом св. Владимира с мечами и бантом, а 10 нижних чинов – георгиевскими крестами.

Е. Марков

РОССИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

**ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЗАКАВКАЗЬЮ,
ТУРКМЕНИИ, БУХАРЕ, САМАРКАНДСКОЙ,
ТАШКЕНТСКОЙ И ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТЯМ,
КАСПИЙСКОМУ МОРЮ И ВОЛГЕ**

В 2 томах и 6 частях.

СПБ., 1901. – С. 129 – 138.

VII. В Кочевьях Черных Киргизов

За три версты до Гульчи встретил нас верхом толстый и важный Мухамед-бек, сын знаменитой в этих местах киргизской ханши, или по здешнему датхи, которую кара-киргизы Алая считают своего рода вождем всего их кочевого племени.

Датха эта была почти независимой владетельницей во времена кокандских ханов, и хотя муж ее получил свое звание бека от Худояр-хана, но эта ханская инвеститура была скорее условием приличия, чем действительным правом хана, так как алайские киргизы высоко чтили родовитую «белую кость» своих беков и беспрекословно шли за ними, куда они их вели, даже без освящения их прав ханской властью. Все Кокандское ханство уже покорилось русскому воинству, все кокандские города и крепости давно были взяты, когда смелая датха со своими удалыми сыновьями подняла свои горные кочевья против русской армии. Она отчаянно билась со Скобелевым на недоступных кручах

Малого Алая, и недалеко от Гульчи произошла решительная битва при Янги-кургане, в которой были окончательно сокрушены шайки киргизской воительницы. Сыновья датхи бежали в Кашгар, и она покорилась необоримой силе. Русские отнеслись к храброй киргизке с подобающим уважением, не тронули ее богатств и позволили вернуться в Россию всем ее сыновьям. Только старший сын ее, Абдулла-бек, наследник родовых прав своего отца, не захотел вернуться и умер в изгнании. Теперь сыновья датхи – волостные правители в разных соседних местностях – и датха продолжают оказывать на кочевников прежнее влияние...

...Арба остановилась среди целого становища кибиток, разбитых на самом берегу Гульчи, в уютной пазухе слегка отодвинувшихся гор.

Это был аул датхи.

Нас тут ждали, и для нас были разбиты парадные шатры.

Белая войлочная кибитка, расшитая красными узорами и обвязанная красными тесьмами и убранный внутри коврами, была поставлена недалеко от другого белого шатра самой датхи для ночлега наших дам.

В нескольких шагах от нее приготовлен был просторный шатер для столовой, а еще дальше наша кибитка – спальня.

Вход в столовую был широко раздвинут на обе стороны наподобие ширм, так что снаружи можно было хорошо видеть все, что делалось в шатре. Полотняная наружная покрывка его была подбита всякими яркими и пестрыми материями, одрясом и ситцем с нашитыми на них фигурами других цветов. Стол накрыт был по-русски скатертью, и вокруг стола стояли стулья. На огромном подносе ждал нас обильный дастархан – фисташки, миндаль, изюм, урюк, разные слоеные пирожные вроде нашего старинного хворостика, лепешечки и всякие мелкие сдобные печенья, колечки из леденца – и вдобавок ко всему чай и сахар, которыми мы почти исключительно и занялись...

...После ужина наших дам пригласили к датхе. В белой кибитке ее, заставленной сундуками, заваленной матрацами

и подушками, был приготовлен такой же дастархан. Сама датха беседовала с ними через джигита-переводчика, сидя на полу, на ковре, между двух больших медных подсвечников с сальными свечками. Низенькие поддонники этих подсвечников – величиною с доброе блюдо. Нам тоже принесли потом в спальню такие оригинальные подсвечники.

Киргизские беки, очевидно, хотели поразить нас своей цивилизацией. В кибитке нашей оказались кровати, постланные совсем так, как стелют у нас, с матрацами и канаусовыми одеялами. Это было несколько огорчительно для фантазии художника, мечтавшего, что он заехал на самый край света, Бог знает в какую дикую дичь, но зато очень отрадно для разбитых косточек бедного путешественника.

Я подробно осмотрел искусное устройство киргизской кибитки. Снаружи она вся плотно укрыта войлоками, увязанными тесьмой, под войлоками идут таким же сплошным кольцом кругом всех стен сплетенные из тростника барданки, а под барданками – целая сеть гнутых деревянных дуг, ловко прикрученных друг к другу и составляющих остов кибитки...

...Встали мы ярким и ясным утром и, напившись чаю, вышли посмотреть на окрестность.

В тихом береговом ущелье царствовала удивительная тишина. Влажный воздух дышал теплом и ароматами весенних трав. Лошади на приколах, не расседланные во всю ночь, мирно фыркали, отдуваясь от сочного корма. Киргизы бесшумно бродили между разбросанных по берегу кибиток, занятые разной домашней суетой утреннего часа.

Несколько поодаль от становища датхи и ее домочадцев торчали на почтительном расстоянии, как гнезда огромных черных грибов, кибитки киргизского аула. За аулом, как раз против восходившего солнца, на зеленом ковре береговой низины, паслись стада верблюдов, характерно выделяясь на ярком фоне травы своими угловатыми громоздкими силуэтами...

...Между тем датха прислала сыновей просить нас к себе. Нам и самим необходимо было поблагодарить ее за гостеприимство как главную хозяйку кочевья.

Она встретила нас около своей кибитки.

Датха – женщина уже очень старая, но высокого роста, костистая и сильная, как мужчина, строгого и твердого взгляда. Монгольская кровь ее резко проглядывала и в желто-смуглом цвете ее лица, и в грубости его черт, крупных, широких, слегка приплюснутых, с явным преобладанием скул, челюстей и носа, всего того вообще, что бывает сильно развито у хищных животных, – над более человеческою областью глаз и чела...

По эстетическим понятиям киргиза, такое лицо и такой цвет лица именно и составляют верх красоты.

«Недаром Бог сотворил монгола с выдающимися скулами. Он уподобил его этим лошади, а лошадь – венец создания», – с наивной искренностью говорят эти степные наездники, которые родятся и живут на лошади и, можно сказать, срослись с нею в одно существо, как кентавры греческой мифологии, несомненно списанные с природы с таких же точно кочевников азиатских пустынь.

Датха стояла перед нами в зеленом шелковом халате по пятки с меховой опушкой, в высоком тюрбане из белого шелка, обвязанном концами кругом всего ее лица.

Обвязка эта называется по-киргизски «джаулук», а шапочка, вокруг которой она навертывается наподобие чалмы, называется элечек. Сверху девушки спускают еще шелковую фату (джелек), но старуха властительного рода не считала нужным прибегать к этому прикрытие, принимая у себя иностранцев.

Оба сына ее, тоже одетые в парадные шелковые халаты, стояли по бокам датхи.

Когда мы с Г-м приблизились к ней, датха приветливо протянула нам обе свои руки, предварительно обернув их, однако, концом красного шерстяного платка. Делала ли она это из особенного уважения к нам или, напротив того, предохраняла свои правозерные длани от нечистого прикосновения гяуров, насланных гневом Аллаха на ее кочевье, этого мы с Г-м так и не решили.

Мы тем не менее тоже подали ей каждый по две руки, даже и не завертывая их ни во что, желая выразить наиболее киргизским способом свое нарочитое почтение к именитой киргизской воительнице.

– Передайте вашей достоуважаемой матушке, что мы пришли поблагодарить ее от всего сердца за ее любезное гостеприимство и извиниться, что причинили ей столько беспокойства... – попросили мы перевести по-киргизски толстого Мухамед-бека.

Старуха, не поднимая глаз и сохраняя свой величественный вид, ответила нам через него:

– Прошу извинить, что в нашем бедном кочевье мы не можем принять и угостить вас так, как бы подобало для таких высоких гостей... Хорошо ли вы спали? Покойно ли вам было?

– Благодарим вас очень, мы спали превосходно, у вас в кибитках летом еще приятнее спать, чем в наших городских домах.

– Простите, чем богаты, тем и рады, – отвечала через сына датха. – После больших городов, в которых вы живете, здесь у нас, должно быть, показалось вам очень нехорошо... Прошу вас сделать мне честь – войти в мою кибитку.

Она распахнула войлок своей кибитки и властным движением руки пригласила нас войти.

Мы уселись налево, на ковре, она направо, против нас, на меховой шкуре. Два сына тоже вошли с нами, но не сели, а стали по сторонам матери...

Кибитка была, по-видимому, нарочно убрана по-праздничному к нашему приходу. Везде развешаны были разноцветные атласные покрывала, ковры, отделанные в бархатные рамки. Пол был тоже устлан новыми коврами и мехами. По стенкам стояли оригинальные кожаные сундуки с кожаными же на них рисунками местной работы, сложены были опрятными ярусами матрацы, подушки, шелковые одеяла.

Около датхи очутились откуда-то два глазастых черномазых мальчугана в халатиках.

– Старший сын мой Батыр-бек живет не со мною, далеко отсюда, а это мои внуки, – сказала нам датха. – С одним из них у нас большое горе. У него растет кривая нога, и никто здесь не может его вылечить...

– Вы бы повезли его в Ташкент или хоть бы в Маргелан, там есть хорошие доктора, – посоветовали мы.

– Мне говорили, что нужно везти в Москву, что только там могут его вылечить. Правда ли это? И ведь это очень далеко?

– В Москве, конечно, отлично вылечат, только это действительно очень далеко, – сказал я. – Вот я с женою еду теперь из Москвы. Чтоб только доехать оттуда сюда, нужно ехать, не останавливаясь, целых три недели.

– О, это слишком далеко, нам нельзя об этом думать. А зачем вы сами приехали сюда из таких далеких мест?

– Хотели посмотреть на здешний народ. Слышали, что киргизы храбрые и честные люди и что они верно служат нашему царю.

– Да, это правда. Мы прежде воевали с белым царем, а теперь его верные слуги. Мы благодарим его, что он не обижает киргизов, оставил нам наши земли и стада и забыл нашу вину. Белый царь ведь живет в Москве?

– В Москве и в Петербурге, у него много городов и много дворцов.

– Белый царь – самый большой царь, сильнее и богаче его нет никого. Мы это знаем, – подтвердила датха.

Когда мы встали, чтоб проститься, она подала знак сыну, и он принес ей какой-то сверток.

– По нашим обычаям, дорогих гостей одаривают, чем Бог послал, – сказала датха, подходя ко мне. – У нас, киргизов, нет никаких хороших вещей, а примите от меня на память этот мех. Это дети мои убили здесь в горах.

Она подала мне при этом две мягко выделанные шкуры горной рыси.

– А вот это передайте вашей жене! – прибавила она, вручая мне еще две связанные головками куньи шкурки.

Я поблагодарил киргизскую ханшу, извиняясь, что нахожусь тут случайно в пути и прошу у ней позволения прислать ей свой подарок из Оша с ее сыном.

Возвратясь в Ош, я действительно купил для нее парчовый халат и отослал ей в Гульчу через обязательного Н.Г. Г-го...

ЦАРИЦА АЛАЯ

(некролог)

ТУРКЕСТ. ВЕДОМОСТИ. - 1907. - 16 ФЕВРАЛЯ (1 МАРТА). -
№ 2834. - С. 135-137.

На днях в 12 верстах от города Оша умерла знаменитая «царица Алая» Курбанджан датка. От жизни этой «царицы» так и веет царским простором киргизских степей и долин, образ ее, изукрашенный цветами восточной фантазии, долго будет служить темой заунывных песен приалайских номадов.

В старое время, еще во времена независимости кокандских ханов, кара-киргизы считались почти самостоятельным племенем. Вассальное отношение их к кокандскому царству выражалось лишь в том, что правители их, или датхи, утвердились ханами Коканда. В середине прошлого столетия таким датхой был Алымбек, который влюбился в одну киргизку по имени Курбанджан, отличавшуюся необыкновенной красотой, хотя Курбанджан была уже в то время замужем за сородичем киргизом, но устроить развод было для Алымбека, конечно, нехитрым делом, и он женился на Курбанджан. После смерти мужа в 1863 г., который, как полагают, был отравлен, Курбанджан со своими пятью сыновьями, батырами, перекочевала в свои родовые становища на Алае.

Там с течением времени Курбанджан удалось до такой степени подчинить своему влиянию степняков, что тогдашний кокандский хан Худояр-хан дал ей титул «датхи», или царицы. Так и прожила

бы Курбанджан свой век, окруженная всеобщим почетом, не ведая жизненных испытаний, если бы не случилась в восьмидесятих годах война России с кокандскими правителями, которая, в конце концов, закончилась присоединением к России в 1876 г. всех земель Кокандского ханства. Вполне естественно, что сочувствие Курбанджан в этой борьбе было на стороне кокандцев, и поэтому, когда было объявлено, что независимость последних, а в том числе и ее, была потеряна навсегда, Курбанджан решила не подчиниться власти русских и отстоять свободу своих киргиз. Она втайне питала надежду вернуть самостоятельность Кокандского ханства с помощью их. Во время возникших затем волнений кара-киргизами было сделано нападение на капитана Куропаткина, ехавшего в Кашгар с конвоем из казаков. Двинувшемуся в поход на Алай для укрощения строптивой датхи генералу Скобелеву ею было приказано преградить дорогу. В горах Малого Алая произошло несколько столкновений, в которых кара-киргизы дрались с отчаянным упорством. Наконец весной 1876 г. противники сошлись для решительного боя близ Гульчи, у урочища Янги-арык. Еще и теперь там можно увидеть полуразрушенные укрепления или массивные каменные завалы, устроенные с оборонительными целями. Здесь Абдуллабек, старший сын датхи, решил дать отпор русским. Абдуллабек считал себя недоступным в своих кругах, но, к ужасу своему, скоро убедился в своем заблуждении: справа от него, с Талдыка, продвигался отряд генерала Ионова, а слева, со стороны кургана Оморбека, угрожали две казачьи сотни полковника князя Витгенштейна.

Видя себя окруженными со всех сторон, киргизы без боя бросились в бегство по направлению к Алаю, растеряв по дороге свой стада. Абдуллабек бежал на Кызыл-Арт. Тщетно князь Витгенштейн со своим летучим отрядом старался догнать лихого батыра. Абдуллабек увертывался от него с чисто киргизским проворством и, наконец, успел с небольшим числом людей бежать через Памир в пределы Афганистана. Витгенштейн в увлечении погоней сам еле не погиб около озера Кара-Куль.

Услышав о поражении сына и приближении русских к Алаю, Курбанджан со всем своим имуществом бросилась в Кашгарию. Однако ее многочисленное стадо приглянулось тамошним властям

и она была ограблена нападшими китайцами. Тогда датха с младшим сыном Камчибеком повернула народ, стараясь пробраться по следам Абдуллабека в Афганистан, но была захвачена князем Витгенштейном и отправлена в Гульчу, где тогда находился Скобелев. Последний встретил ее на пути, когда она ехала туда, в Лянгар. Встреча эта описывается таким образом.

Датха в сопровождении Камчибека и одного из своих внуков вошла в комнату и стала молча, опустив голову. Скобелев встал, подошел к ней и протянул руку. Курбанджан, не ожидавшая такого приема, растерялась, но улыбка заиграла на ее лице. Скобелев сказал пленнице через переводчика, что он очень рад видеть ее в добром здоровье и надеется, что она, пользуясь своим влиянием на Алай, убедит свое кочевое население склониться к миру и подчиниться России.

Скобелев затем сказал, что Курбанджан может гордиться своими сыновьями, так как они исполняли только свой долг. Если они вернутся, обещал он, то будут награждены. Затем Курбанджан был предложен дасторхан и подарен почетный парчовый халат, одетый на нее Скобелевым собственноручно.

С этого момента Курбанджан поняла, что и ее самостоятельность, и самостоятельность Кокандского ханства были навсегда потеряны. Она затем приложила все усилия, чтобы удержать киргиз от напрасных кровавых столкновений, и постаралась уговорить своих бежавших сыновей вернуться на родину. Все они, за исключением старшего Абдуллабека, не поверившего обещаниям русских и до смерти оставшегося их врагом, так и сделали.

Небезынтересна их дальнейшая судьба.

Абдуллабек в 1876 г. отправился из Афганистана на богомолье в Мекку и по дороге туда умер. Батырбек и Хасанбек, вернувшиеся из Кашгара в 1877 г., были назначены волостными правителями. Махмудбек, также волостной управитель, вместе с младшим братом Камчибеком был замешан в убийстве в 1893 г. пограничников. Камчибек был казнен в Оше два года спустя, а Махмудбек был сослан в Сибирь на каторжные работы, из которых он был в 1897 г. возвращен по случаю помилования. Этот Махмудбек сослужил русским большую службу в 1898 г., сообщив нака-

нуне андижанской резни о замыслах мин-тюбинского ишана. За это ему был возвращен почетный халат, который был отобран у него при ссылке.

Со времен восстания прошло 30 с лишним лет, и Курбанджан добросовестно выполняла данное ею обещание, ее авторитет до последнего времени не утратил своего значения, что видно, между прочим, из того, что сыновья ее из руководителей восстания превратились в мирных волостных старшин, аккуратно собирающих кибиточный сбор для русской казны.

Обитатели Алая вообще не приучены историей рассчитывать на жалость победителя, и, ошеломленные великодушием недавнего врага, они из чувства благодарности готовы действовать в его интересах с рвением добровольного рабства.

Курбанджан удостоена посещением различных туркестанских генерал-губернаторов во время их проезда через Ош, а в 1901 г. она была представлена в Андижане военному министру, для чего нарочно приехала туда из своих алайских кочевий.

В том же году она получила перстень из кабинета Его Величества.

В последнее время Курбанджан представляла собой бодрую старушку лет 88, одевавшуюся при представлениях или в парчовую шубейку с меховой оторочкой – единственным остатком от прежнего величия, или в черный шелковый халат с большим белым тюбаном на голове. Лицо у нее по обыкновению всех киргизок было открытым. Но такой вид у нее лишь в торжественные дни: обычно же ее место было в седле, конь и степи были ее стихией.

**Х. Бобобеков, докт. ист. наук, проф.
(Республика Узбекистан)**

КУРМАНДЖАН – ЗЫЙНАТ: ГЕНЕРАЛ И ПОЭТЕССА?

**ЕЩЕ ОДНА ИНТЕРЕСНАЯ, НО НЕИЗВЕСТНАЯ ЛИЧНОСТЬ –
Зиннат (Зыйнат)**

Зиннат (псевдоним), настоящее имя пока точно не установлено, однако есть предположение: киргизка Курманджан дадхох или узбечка из потомков Бабуридов. Известно, что она была поэтесса, государственная деятельница, генерал (додхох). В.П. Наливкин и М.С. Наливкина в книге «Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы» (Казань, 1886) писали, что «в Коканде существовало две поэтессы, писавшие одна под псевдонимом Зиннат, а другая – под псевдонимом Махзуна. Уверяют, что одна из них являлась ко двору хана в мужском платье с открытым лицом и имела (генеральский) титул додха. Произведения обеих вошли в «Маджмуи – Шуара» – сборник стихов, написанных самим Омар-ханом, так равно и его придворными поэтами».

История Кокандского ханства пока знает только одну женщину Курманджан (1811–1907 гг.), которая имела титул «дадхох», который приравнивали к чину генерала. Однако она не могла в период Умархана быть известной поэтессой, так как Курманджан тогда была совсем маленькой девочкой.

Имеются еще некоторые сведения, что сестра знаменитой поэтессы Зебиниссо тоже писала стихи

под псевдонимом Зиннат, но я не располагаю данными, имела ли она титул «дадхох». А может быть, Ходбиби?

Курманджан дадхох по национальности киргизка, а сестра Зебиниссо – узбечка.

Что касается литературной деятельности Зиннат, то можно предположить, что она, находясь в высших кругах, имела возможность часто встречаться с талантливой поэтессой Надирой, а через нее, а скорее всего и сама, была в дружеском контакте с другими поэтессами Коканда. С учетом того что она была дадхохом, то есть генералом, в ее поэзии должна была звучать тема борьбы за свободу и независимость, дружбы между народами, мира и любви. Доказательством этому может служить ее стихотворение, начинающееся словами «Бахру одабки...». Это стихотворение включено в баяз, который находится в моей личной библиотеке. В этом стихотворении Зиннат пишет, что вежливость есть родник верности, красота – тень человека. Далее она пишет о лугах, колосьях, философски рассуждая о жизни, действительности, о человеке, ищущем счастье. Она также говорит: «Есть воздух, да будет он! Есть в пруду вода, придет ведь конец противоречиям». По ее мнению, «полное солнце – есть многочисленный народ» и так далее.

Разумеется, что делать вывод из одного стихотворения нельзя. Надеемся, что в дальнейшем будут найдены новые стихи поэтессы Зиннат и специалисты дадут более полную оценку ее литературной деятельности.

Как видно из вышесказанных примеров, в городе Коканде было много замечательных, талантливых и одаренных поэтесс. Пока история не знает аналогов в других городах мира. Это говорит о том, что город Коканд в XIX веке вышел по своему культурному уровню, в том числе и по грамотности, на передовую линию мирового уровня¹.

¹ Наш современник, доктор исторических наук, профессор из Узбекистана, специалист по истории Кокандского ханства, опубликовал на эту тему несколько статей и считает, что проблема заслуживает самого пристального внимания и глубокого научного исследования (*сост.*).

Часть четвертая

**АРХИВНЫЕ
ДОКУМЕНТЫ**

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДЮГАМЕЛЯ С МИЛЮТИНЫМ

КОМАНДИР СИБ. КОРП. ВОЕННОМУ МИНИСТРУ

1861 г., июля 8-го, г. Омск

Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что мною получены следующие известия из Заилийского края:

Андижанский парваначи Алимбек, бывший со своим отрядом в составе войск, вторгнувшихся в наши пределы под начальством Канаат-Ша осенью прошлого года, был коварно вызван в Коканд. По наветам сераскира Канаат-Ша хан обвинил Алимбека в бегстве войск из-под Узун-Агача и приговорил к смертной казни. Узнав об этом решении от своих приверженцев, Алимбек бежал из Коканда и скрылся у дикокаменных киргиз своих родовичей. Разжигая там мятеж против хана, он успел поднять весь род крыла сол-адигене и отправился с ними на р. Нарын с намерением оттуда враждовать с ханом. В настоящее время Алимбек находится в верховьях Нарына, где к нему присоединились сарыбагышские манапы: Умбед-Али, Аджи, Адиль и Тюрегельды.

Известясь об этом восстании, кокандский хан вызвал к себе из Пишпека Канаата и отправил 40 человек из своих приближенных к Алимбеку уговорить его, но Алимбек всем посланным отрубил головы. Высланный впоследствии для усмирения его отряд был также истреблен поголовно.

Донося об этих известиях, доставленных пришедшими в Верное караванами, а также манапом Дикокаменной орды Сарпеком, начальник Алатавского округа и киргизов Большой орды присовокупляет, что Алимбек будто бы намерен остаться среди дикокаменных киргиз, кочующих в верховьях Нарына, между озером Иссык-Кулем и Мало-Бухарской равниной, и сделаться независимым правителем этого народа, вступив предварительно в дружеские с нами сношения.

Имея в виду, что сближение с Алимбеком полезно для нас в том отношении, что может благоприятствовать безопасному следованию караванов в Кашгар, я предписал полковнику Колпаковскому: в случае если Алимбек действительно откроет

с ним сношения, то, не отказывая ему в нашем расположении, стараться поддерживать дружеские с ним отношения.

Ген.-лейт. Дюгамель.

Резолюция: «Доложено Его Величеству. Если в Министерстве иностр. д. не получено такого же донесения, то передать туда...»

Ген.-ад. Милютин.

Горная царица Курманджан и её время. – Бишкек, 2002. – С. 38.

**ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ХОДЖЕНТСКОГО УЕЗДА
БАРОНА Н. НОЛЬДЕ ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ
СЫРДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ
П.К. ЭЙЛЕРУ ОБ ОБРАЩЕНИИ КОКАНДСКИХ КИРГИЗОВ**

1873 г., ноября 2-го, г. Ходжент

Ваше Превосходительство Петр Константинович!

Вчера приехали сюда два киргиза депутатами от восставших киргизских родов Кокандского ханства.

Они привезли мне письмо без подписей, печати и т.д., которое вместе с переводом, сделанным у меня, и представляю Вашему Превосходительству. Кроме того, киргизы эти просили меня на словах сообщить им о положении, которое примет наше начальство в случае открытого восстания и военных действий с их стороны против Худояр-хана. Я им сказал, что на все воля представителя Государя нашего, туркестанского генерал-губернатора, а мы только исполняем его приказания. Но что помогать хану усмирять своих бунтующих подданных нашими войсками генерал-губернатор, по всей вероятности, не будет.

Барон Н. Нольде.

*Скрепил: с подлинным верно:
начальник отделения Д. Корин.*

*С копией верно: заведующий путевой канцеляриею
Генерального штаба полковник Щетинин.*

ПЕРЕВОД: ПИСЬМО ИНСУРГЕНТОВ, КИРГИЗОВ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА, НАЧАЛЬНИКУ ХОДЖЕНТСКОГО УЕЗДА

Хан начал поступать против шариата, за это мы, не вынося несправедливости, ограбили его зякетчи. Худояр послал к нам войска свои, от которых мы и убежали в горы, оставив наши кочевки.

Но ханский военачальник успел захватить у нас 270 человек в плен, привез этих людей в город Ассакке и по приказанию хана всех их велел посадить на кол. Тогда мы все собрались и объявили себя врагами хана. Вы прислали к нам человека, и мы все очень были этому рады и сделались с вами тамырами. Теперь же, обращаясь к Вам, как к тамыру, Вы большой начальник и можете нам посоветовать и приказать, и все, что Вы скажете, мы исполним. Если прикажете драться, ибо от всяких притеснений и обид мы потеряли всякое терпение. Мы посылали наших киргизов Кульмахмета и Камбар-Саркера к токмакскому старшине Шабдану Джантаеву с просьбой быть нам другом и просили его также передать токмакскому майору, что мы желаем быть ему друзьями.

Просим мы также майора, чтобы он дал нам совет, что нам делать и что мы будем поступать так, как он нам скажет. Майор велел нам передать, что если мы хотим войска, то они нам дадут. Потом сам Шабдан-батыр к нам приехал и сказал нам, чтоб мы делали начальником над собой Яйчий-бия. Мы так и сделали. Затем он нам сказал, чтоб мы взяли Андижан, поэтому мы дрались с войсками хана. Вот все наши действия.

*С подлинным сверял
начальник отделения Д. Корин.*

*С копии верно: заведующий путевою канцеляриею
Генерального штаба полковник Щетинин.*

ЦГА РУз, ф.и. 1, оп. 1, д. 320, л. 6–7.

**РАПОРТ ИСПОЛНЯЮЩЕГО ДОЛЖНОСТЬ ТУРКЕСТАНСКОГО
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Г. А. КОЛПАКОВСКОГО
ТУРКЕСТАНСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ К.П. КАУФМАНУ
1873 г., НОЯБРЯ 12-го**

Господину туркестанскому генерал-губернатору

Рапорт

Исполняющий должность военного губернатора Сырдарьинской области генерал-майор Эйлер телеграммою донес мне, что к ходжентскому уездному начальнику явились депутаты от кокандских киргиз, недовольных Худояр-ханом, и спрашивают его, какое положение примет наше Правительство в случае открытого их восстания, и при этом присовокупили, что они находятся в близких отношениях с токмакскими киргизами через Шабдана Джантаева.

Генерал-майор Эйлер, находя неудобным иметь переговоры с этими депутатами, приказал переговоры прекратить и депутатов, несомненно, удалить из Ходжента. Со своей стороны, одобрив распоряжения генерал-майора Эйлера, я предложил и [сполняющему] д[олжность] военного губернатора Семиреченской области проверить заявление депутатов о сношении их через Шабдана Джантаева с токмакскими киргизами и, буде это окажется справедливым, немедленно их прекратить, и если у Шабдана Джантаева есть какая-либо переписка с депутатами, то отобрать ее и представить ко мне.

Докладывая о вышеизложенном Вашему Высокопревосходительству, присовокупляю, что по получении мною более подробных сведений, разъясняющих дело, я буду иметь честь донести дополнительно.

*И [сполняющий] д [олжность] генерал-губернатора
генерал-лейтенант Колпаковский.*

*Заведующий путевою канцеляриею Генерального штаба
полковник Туткин.*

**СВИДЕТЕЛЬСТВО О НАГРАЖДЕНИИ
ЗА ОСОБЫЕ ЗАСЛУГИ МАНАПА ТОКМАКСКОГО УЕЗДА
ШАБДАНА ДЖАНТАЕВА**

1875 г., октября 24-го, г. Ходжент

Во внимание особых заслуг Ваших, засвидетельствованных начальством, я, по предоставленной мне власти, награждаю Вас халатом первого разряда и надеюсь, что Вы всегда будете отличаться усердием. Дано в г. Ходженте октября 24-го дня 1875 года.

*Туркестанский генерал-губернатор,
генерал-адъютант фон Кауфман.*

Семейный архив потомков Шабдана-батыра.

**УКАЗ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ
О ЛИКВИДАЦИИ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА
И ОБ ОБРАЗОВАНИИ ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

1876 г., февраля 19-го

Указ Правительствующему Сенату

В видах упрочения спокойствия и безопасности на юго-восточной границе Туркестанского края, признав за благо присоединить к империи вновь занятую нашими войсками территорию, составляющую до прошлого 1875 года Ханство Коканское, повелеваю: образовать из нея область Ферганскую со включением в состав Туркестанского генерал-губернаторства и Туркестанского военного округа. Сообразно сему главное управление новой области возложить на туркестанского генерал-губернатора, а местное областное управление — на военного губернатора с подчинением сему последнему и расположенных в области войск с званием командующего войсками области.

Частное управление Ферганской области предоставляется туркестанскому генерал-губернатору ввести, применяясь

к настоящим обстоятельствам и местным условиям в виде временного положения, впредь до утверждения онаго в установленном порядке.

Правительствующий Сенат не оставит сделать надлежащая распоряжения к приведению сего в исполнение.

*На подлинном собственною Его Императорского
Величества [рукою] написано «Александр».*

ЦГВИА. Ф. ВУА, д. 6886, д. 30–31.

**РАПОРТ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ТУРКЕСТАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА К.П. КАУФМАНА
ВОЕННОМУ МИНИСТРУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
Д.А. МИЛЮТИНУ**

1876 г., июня 11-го, г. ТАШКЕНТ

В продолжении всей Коканской войны 1875–1876 годов вопрос о подчинении кара-киргиз представлялся довольно продолжительное время невыясненным, так это племя, находясь в составе неприятельской конницы, в делах 2 декабря 1875 года под Ульджибаем, 18 января текущего года под Ассакее и 27 января под Уч-Курганом сумело избежать значительных потерь, и бедствия войны не могли склонить их к миролюбию. Напротив, естественные препятствия в ущельях и долинах первоклассного хребта, с востока и юга окаймляющего долину Фергана, и усилившие оборонительные средства кара-киргиз давали им преувеличенное понятие о неприступности их кочевков и безнаказанности за участие в войне самозванца Пулат-хана с русскими. Ввиду этих соображений некоторое промедление в конце февраля этого года в заявлении покорности кара-киргизскими родами, кочующими около Оша и Уч-Кургана, в связи с происками Абдулла-бека и матери его, вдовы Алим-бека, Мамаджан [Курманджан датка], Омар-бека, Сулайманкула, а также Абдул-Гафар-бека и Вали-хан-тюри заставили генерал-майора Скобелева действовать решительно.

Отряд, посланный генерал-майором Скобелевым под начальством полковника барона Аминова из Маргелана для занятия Оша, сдержал ошских кара-киргиз. Абдулла-бек с небольшим числом сообщников бежал по направлению к Алаю и Кашгару, а Вали-хан-тюря от Уч-Кургана к Малому Алаю.

...Эти обстоятельства побудили генерал-майора Скобелева, несмотря на еще весьма неблагоприятное время, двинуться 31 марта в 11 часов вечера в уроч. Гульчу с отрядом из 3-й и 4-й Оренбургских и 1-й Семиреченской сотен, за которыми следовала стрелковая рота 4-го Туркестанского линейного баталиона.

...Полезность занятия Гульчи вскоре выказалась тем, что встревоженные предшествовавшим смутным положением дел кара-киргизские роды в числе до 600 кибиток стали прикочевывать из горных ущелий под защиту нашего отряда; вожаки же мятежа увидели себя вынужденными к решительному образу действий.

Абдулла-бек, Омар-бек, Сулейман-удайчи, Таныкул-пансат (все кара-киргизы) и Вали-хан-тюря (сарт) стали собирать большую шайку из родов сартляр, ульджаке, кукча и из бродяг разных происхождений заняли позицию в ущелье Янги-арык в 25 верстах от Гульчи и задержали выход на Гульчинскую поляну аулов, не хотевших примкнуть к мятежному движению.

...Генерал-майор Скобелев уже имел достаточно оснований прийти к убеждению, что склонность кара-киргиз к непокорству обуславливается надеждою их в случае неудачи найти безопасное убежище на Алае.

Поэтому казалось бы целесообразным для окончательного решения кара-киргизского вопроса пройти с отрядом в Алай.

Еще накануне вечером, а также в продолжении всего 26-го числа стали приходиться с аманом представители родов, участвовавших в деле, а также и других. Ставя себе целью скорейшее успокоение края, генерал-майор Скобелев даровал им моим именем прощение...

Считая свою задачу выполненною, генерал-майор Скобелев вернулся на следующий день, 27 апреля, с большою частью отряда в Гульчу, откуда проехал в Узген, где ввел управление, фактически ныне подчиненное андижанскому уездному начальнику.

В нашем лагере им временно был оставлен ошский уездный начальник майор Ионов и при нем стрелковая рота 4-го Туркестанского линейного баталиона.

...Таков был результат нашего движения в горы, считавшиеся, по общему мнению в ханстве, неприступными в случае восстания кара-киргиз. Успех наш произвел тем более глубокое, благоприятное нам впечатление...

*Командующий войсками округа
генерал-адъютант фон Кауфман.*

ЦГА КР, ф.и. 75,оп. 1, д. 53, л. 20.

ПИСЬМО

М.Д. СКОБЕЛЕВА АБДУЛЛАБЕКУ

**ОТПРАВЛЕНО ИЗ УРОЧИЩА ШАТ (ВЕРХОВЬЕ ПАПАНСКОГО УЩЕЛЬЯ)
ЧЕРЕЗ БРАТА ШАБДАНА ДЖАНТАЕВА АБДРАХМАНА С ТРЕМЯ
ДЖИГИТАМИ И ДВУМЯ ПРОВОДНИКАМИ В ЛАГЕРЬ АБДУЛЛАБЕКА**

1876 г., июля 22-го

Абдуллабек Датка!

Предлагаю вам добровольно явиться к нам со своими людьми, не оставляя Абдулкаримбека.

Вы уже могли убедиться в невозможности сражаться против непобедимых русских войск, их не останавливают ни горы, ни реки, ни неприятель.

Поэтому Вам предстоит быть гонимым отовсюду беглецом, куда, рано или поздно, будете нами взяты.

Явившись к нам, придайтесь неисчерпаемому великодушию нашего знаменитого вождя – Ярым-Падши – и уповайте на его милосердие.

А, впрочем, сами лучше знаете.

Скобелев.

Горная царица Курманджан и её время... – С. 80.

ОТВЕТ АБДУЛЛАБЕКА СКОБЕЛЕВУ

Высокопочтенному начальнику генералу Скобелеву!..

...Относительно мира Вы писали письмо, и мы, получив его, очень довольны. Письмо Ваше заключалось в следующем содержании... (далее приводится текст письма Скобелева).

Уповавая на Бога и его пророка, мы до сего времени, собрав людей, принимали всякие меры сопротивляться. Это делалось нами ввиду того, что Вы сами нарушили заключенные условия.

Например, Ярым-Падша, отдав Кокандское ханство Насредину в полное его распоряжение, после отменив все это, отправил его в Сибирь. А Вы, генерал Скобелев, точно так же заключая с почетным в народе Афтобачи условия и притом обещая устроить его в Коканде, отправили тоже в Сибирь с несколькими нашими биями. Все это служило нам поводом бояться и при боязни удалиться в разные стороны, горы.

Не доверяя всем Вашим условиям, мы, решившись, были в сборе несколько человек ислама сопротивляться упорно.

Вы гордитесь своими большими непобедимыми действиями, мы же люди низкие, не питающие силы, лишь уповаем на Бога, просим его пощады. Да и немудрено, если Всевышний Создатель в конце концов дает нам помощь.

Если бы Вы держали крепко данные условия, то мы повиновались бы. Поэтому в силу вышеуказанных причин мы будем всячески стараться, пока есть душа в теле. Мы кочевники, нам не нужно никакое имущество, пропитаемся чем можем.

Начиная от Токмака, Вы покорили киргизов, кипчаков, сартов, исполняя всегда данные обещания. А когда взяли Коканд, все изменилось, и чрез это происходит волнение, которое бы не было, если бы Вы стояли на одном.

Если Вы, желая мира, будете исполнять обещание, то не откажите поручить это Шабдан-батыру, и мы со своей стороны тоже ему передаем. Пусть Шабдан решает это, как он знает. Впрочем, воля Ваша. Затем если оставите Шабдана в Ошском уезде, то он бы мог установить между нами порядок.

(Печать Абдуллабека)

Горная царица Курманджан и её время... – С. 81.

ВТОРОЕ ПИСЬМО СКОБЕЛЕВА АБДУЛЛАБЕКУ

1876 г., июля 27-го

В ответ на Ваше я пишу следующее.

...в письме своем к Вам, посланном с братом Шабдана, я уже ясно и понятно писал: явиться ко мне со своими людьми и отдаться на милость могущественного Ярым-Падша.

Больше объясняться с Вами я не буду. Если желаете себе добра, то немедленно приезжайте вместе с Шабданом и Ташбалой, которых я нарочно для этого посылаю.

Скобелев.

Горная царица Курманджан и её время... – С. 82.

ПИСЬМО КУРМАНДЖАН АБДУЛЛАБЕКУ

Достопочтенному, нами любимому сыну, наследному правителю Алая, храброму и преданному Абдуллабеку!

...Мы, хвала Аллаху, находимся в добром здравии и согласии с народом нашим. Мы, со своей стороны, уверены генералом Скобелевым в мирном расположении к кара-киргизам и всяческой помощи по скорейшему окончанию бессмысленной резни. Хватит крови, Абдуллабек. Не ищи грань у яйца. На Алае должен воцариться мир. Отпусти людей к матерям, женам и детям. Поверь мне: русский падишах непобедим. Тебе это доказали. Худояр-хан был куда сильнее тебя – и тот пал на колени, как жеребец с надрезанными жилами. При поддержке России мы обретем границы, которые заказано будет нарушать ни киданям (т.е. китайцам), ни фарсам (т.е. иранцам и афганцам). Прекратится резня между племенами. Народ будет заниматься своим исконным трудом, а не набегами и защитой своих айылов. Как ты не поймешь, что, отнимая малую родовую гордость, не даешь большую надежду на долгий мир и процветание.

По получении письма немедленно приезжай в Суфи-Курган, где примешь от старой матери титул датки и мое благословение.

Если тебе будут чинимы обиды со стороны русских, кара за это падет на мою голову.

Повинись, солнцеподобный. Мир тебе. Вернись под мое крыло.

(Печать Курманджан датки).

Горная царица Курманджан и её время... – С. 82–83.

ПИСЬМО ИОНОВА СКОБЕЛЕВУ

Начальник Ошского уезда Ферганской области
Господину военному губернатору Ферганской области

1877 г., июня 22-го, г. Ош

Рапорт

Доношу Вашему Превосходительству, что мать Абдуллабека Курбанджан датха просила моего разрешения двум ее сыновьям Махмутбеку и Хасанбеку явиться в Ош с изъявлением покорности. Я на основании приказания генерал-майора Скобелева: что всем участникам алайских беспорядков, если они не заявят себя новыми преступлениями после Алайской экспедиции, объявлялось прощение, разрешил явиться сыновьям Курбанджан датхи Хасанбеку и Махмутбеку в Ош, что ими исполнено 21 июня. После чего они уволены мною на свободу в свои аулы к матери.

Начальник отряда майор Ионов.

Горная царица Курманджан и её время... – С. 84.

ПИСЬМО КУРМАНДЖАН ДАТКИ ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ ИОНОВУ

Многоуважаемому высокостепенному Ферганскому областному губернатору от служителя Ошского уезда Курманджан датки

Заявление

Уважаемый, прошу извинения. При этом заявляю Вам, что, когда Ферганское мусульманское государство не признало еще Россию, я воевала и спорила с Вами.

Потом Абдуллабек со своими двумя братьями – Махмудбеком и Хасанбеком — через Ош бежал в Кабул. Я, бедная, с малышом Камчибеком осталась на Алае. В это время на Алай прибыл ошский начальник Ионов с генералом [М. Д. Скобелевым]. И представил меня генералу. Генерал встретил меня приветливо, отнесся с уважением. Я осталась довольна.

По величине Россия равняется Риму. Возможно, в настоящее время она еще увеличивается...

Теперь сыновья вернулись ко мне. Без надежды и с мучениями. Они боялись царя, но я приказала через одного посланца, чтобы они возвратились сюда. По воле Бога Абдуллабек там умер. Махмудбек и Хасанбек вернулись здоровыми.

Затем я встречалась с туркестанским генерал-губернатором Кауфманом, когда он приезжал в город Ош. Он тоже с уважением относился ко мне и говорил: если вы прислушаетесь к моим словам, вам будет полезно и хорошо, как будто были на приеме у царя-императора. Покойный генерал-губернатор с согласия царя ежемесячно выплачивал мне пенсию в 25 рублей. Жаль, что не могу лично выразить ему признательность.

Благодаря Богу я сейчас имею троих детей.

Никогда раньше мы не видели такого государства. Испокон веков к сиротам ни одно государство так хорошо не относилось. Как со своими родными, всем народом вместе будем жить в таком государстве. Если вдруг его авторитет не признаем, изменим государству, тогда, я считаю, на нас ляжет несмыслимый позор...

Я считаю, что если относиться со всей душой, всем сердцем и уважением к этому государству, тогда Бог простит все, что мы совершили против него раньше.

В это мирное время я заявляю: весь мой народ, я сама и мои родные никогда не выступим против вас. От нас никакой неприятности не будет. Если мой народ сделает плохо и станет изменником, тогда накажу виновного самой тяжелой мерой, буду вечно мучиться до конца дней своих.

*В заверение ставлю свою печать.
В связи с потерей печати подписываюсь.*

Дочь Маматбека Курманджан датка.

ЦГА РУз., ф.и. 19, оп. 1, д.1629, л.1.

(Оригинал и перевод)

ИЗ РАПОРТА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ М.Д. СКОБЕЛЕВА КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ТУРКЕСТАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА К. П. КАУФМАНУ

1876 г., октября 23-го, г. Коканд

...Оседлое население его [т.е. Кокандского ханства], а также и часть кочевого (кипчаки), убедившись в своей бессилии против русского оружия, легко и относительно прочно подчинились нашей власти. Вопрос же об умиротворении многочисленного кара-киргизского населения бывшего ханства, вследствие совокупности политических и исторических условий, остался еще нерешенным.

...Для успокоения населения посланы были аманаты по окрестным аулам с обещанием помилования, но с условием выдачи виновников последних беспорядков...

...По показанию захваченных накануне людей, неприятель от Кара-Куля разделился на две партии: одна из них, под начальством Суранчи, Муллы-ашира и Бута-бека, бежала через перевал Альтенды в Каратегин, другая партия, состоявшая из горстки

приверженцев Абдулла-бека, бежала по ущелью реки Чон-Су. Флигель-адъютант князь Витгенштейн решился преследовать последнюю с 20 конными стрелками и джигитами Шабдана, возвратив остальные силы на бивуак Гульчинской колонны, близ Кызил-Арта. Князь Витгенштейн ущельями Кур Чак и Чон-Су прибыл со своею командою 1 августа в 3 часа дня до конца последнего ущелья, в 70 верстах от Кара-Куля. Неприятель бежал так поспешно, имея заводных лошадей, что князь Витгенштейн на Чон-Су его уже не застал; мятежники бежали в ущелье Туук-Су, ведущее пустынную местностью в Кашгарские и Шугнанские владения. След их был потерян, но бий рода мунгуш Пулат с письмом от матери Абдулла-бека¹ поехал разыскивать его дальше...

...Из тех родов, кочующих на Большом и Малом Алаях², мунгуш и адигине в лице своих представителей 31 июля явились ко мне с изъявлением покорности.

...Алайским походом достигнуты следующие результаты:

1. Кара-киргизы, населяющие горную полосу, приведены в покорность, между ними учреждено русское управление, они обложены зякетом и обязаны выстроить гульчинско-алайскую военную дорогу. Отныне эти кочевники, не признававшие ничьей власти, русские подданные.

2. Выяснилось положение на Кашгарской границе.

3. Покончены недоразумения с Каратегинном.

4. Открыты совершенно неведомые европейцам страны, причем нанесено на карту около 25 тысяч квадратных верст.

5. Положено твердое основание картографии новых стран определением одиннадцати астрономических пунктов.

6. Произведена барометрическая нивелировка от Кокана до перевала Уч-Бель-Су и обратно, посредством которой определена высота сорока двух пунктов над уровнем моря.

¹ Курманджан датха.

² Адигине – 3145 кибиток, мунгуш – 1225 кибиток и ичкилик – о них сведения весьма неопределенны; этот род очень разбросан, до сих пор малодисциплинирован. О ферганских ичкиликах говорят, что они в три раза более многочисленны, чем мунгушцы и адигине вместе взятые (примечание документа).

7. Определено магнитное склонение на пяти пунктах.
8. Произведены естественно-исторические исследования и собраны коллекции из царств животного и растительного...

*Подлинный подписал командующий войсками Свиты
Его Величества генерал-майор Скобелев.*

ЦГА КР, ф.и. 75, оп. 1, д. 53, л. 34–81.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ФЕРГАНСКОГО ВОЕННОГО ГУБЕРНАТОРА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА М.Д. СКОБЕЛЕВА КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ Г.А. КОЛПАКОВСКОМУ

1876 г.

Во время правления бывшим Коканским ханством самозванца Пулат-хана многочисленное кара-киргизское население приобрело относительно оседлого сартовского первенствующее значение. Большая часть приближенных Пулата были кара-киргизы, вместе с тем в центрах, где зимою рядом с сартами живут кара-киргизы, почти все общественные должности были переданы последним.

Когда успехи нашего оружия в зимнюю экспедицию склонили население ханства к изъявлению безусловной покорности, то наряду с вполне открытым и не возбуждающим сомнения поведением кипчаков и оседлых сартов вопрос о подчинении кара-киргиз представлялся довольно продолжительное время невыясненным.

Были весьма веские обстоятельства, по которым можно [было] ожидать, что скомпрометированным сообщникам Пулата удастся поднять кара-киргиз на открытую борьбу с нами.

В продолжение всей Коканской войны 1875–1876 годов кара-киргизы ни разу не попадали под наши удары: они были в составе неприятельской конницы в делах 2 декабря под Ульджибаем, 18 января под Ассаке и 27 января под Уч-Курганом, но избежали при этом значительных потерь.

Кара-киргизы, не проверив еще на себе, как выше сказано, что действительно наша военная сила не может быть оценена ни в каком отношении по бывшей ханской, могли рассчитывать, что

неприступные горы и Алай ввиду наступления весны дадут им в худшем случае надежное убежище от нашего преследования.

По этим соображениям некоторое промедление в конце февраля этого года в заявлении покорности кара-киргизскими родами, кочующими около Оша и Уч-Кургана, в связи с известными мне происками Абдулла-бека и матери его, вдовы Алим-бека, Мамаджан, Омар-бека, Сулайманкула, а также Абдул-Гафар-бека и Валихан-тюри меня несколько озабочивало.

Своевременное занятие Оша отрядом, направленным мною из Маргелана под начальством полковника барона Аминова, сдержало ошских кара-киргиз. Абдулла-бек с небольшим числом сообщников бежал по направлению к Алаю и к Кашгару, а Валихан-тюри – от Уч-Кургана к Малому Алаю.

22 марта я прибыл в г. Ош. Личные внушения мои собравшимся здесь для моей встречи биям вместе с введенной нашей администрацией, равно и ранняя пора года, не позволявшая большинству родов, кочевавших под Ошем и Араваном, откочевать в неприступную местность, – все это обеспечило нам содействие большинства кара-киргизского населения этой полосы бывшего ханства...

Горная царица Курманджан и её время... – С. 70–71.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О НАГРАЖДЕНИИ МАНАПА ТОКМАКСКОГО УЕЗДА ШАБДАНА ДЖАНТАЕВА МЕДАЛЬЮ

1877 г., ДЕКАБРЯ 19-го, г. ТАШКЕНТ

В память перенесенных во время Коканского похода трудов и лишений я, по ВЫСОЧАЙШЕ предоставленной мне власти, назначаю манапу Шабдану Джантаеву медаль, установленную «за покорение Ханства Коканского», и надеюсь, что он всегда будет отличаться усердием и преданностью Правительству. Дано в г. Ташкенте декабря 19-го дня 1877 года.

*Командующий войсками Туркестанского военного округа
генерал-адъютант фон Кауфман.*

И. д. начальника Генерального штаба генерал-майор...

ЦГА КР, ф. 77, оп. 1, д. 1, л. 12.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО О НАГРАЖДЕНИИ
ЗА ОСОБЫЕ ЗАСЛУГИ МАНАПА ТОКМАКСКОГО УЕЗДА
ШАБДАНА ДЖАНТАЕВА
БОЛЬШОЙ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ**

1879 г., АПРЕЛЯ 14-го, г. ТАШКЕНТ

Во внимание особых заслуг его, засвидетельствованных военным губернатором Семиреченской области, я, по предоставленной мне власти, награждаю Джантаева большою золотою медалью для ношения на шее на Анненской ленте и надеюсь, что он всегда будет отличатся усердием. Дано в г. Ташкенте апреля 14-го дня 1879 года.

*Туркестанский генерал-губернатор
генерал-адъютант фон Кауфман.*

За правителя канцелярии делопроизводитель...

Семейный архив потомков Шабдана-батыра.

**ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК
ВОЙСКОВОГО СТАРШИНЫ МИЛИЦИИ
ШАБДАНА ДЖАНТАЕВА**

1888 г., янвАря 30-го

1. Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лет от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание.

Войсковой старшина милиции Шабдан Джантаев от роду имеет 48 лет, вероисповедания маго-метанскаго. Имеет знаки отличия: 5 почетных халатов 1-го разряда и 1 халат 2-го разряда, две большия золотыя медали на Станиславской и Анненской лентах для ношения на шее, медаль в память покорения Кокандскаго ханства, знак общества Краснаго Креста, знак Военнаго ордена 4-й ст., медаль в память священнаго коронования ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, ВЫСОЧАЙШЕ пожалованные золотые часы с такою же цепочкою. Содержания не получает.

2. Из какого звания происходит.

Из манапов (титул соответствует султанскому или княжескому) Дикокаменной орды (кара-киргиз) сарыбагишевского рода и волости, Токмак-скаго уезда Семиреченской обл.

3. Есть ли именование.

Неимущий.

4. Где получил воспитание и окончил ли полный курс наук в учебном заведении; когда вступил на службу; какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особых по службе действий или отличий, не был ли особенно чем-либо награжден, кроме чинов.

Нигде не воспитывался.

На действительной службе не состоял, но в качестве милиционера нес службу в следующих случаях; в июле 1868 г. при введении русского управления у нарынских кара-киргиз глава недовольных Осман с незначительною шайкою напал неожиданно ночью на токмакского уездного начальника майора Загряжского, захватив при этом в плен его джигитов и переводчика. Узнав об этом, находившийся на недалеком расстоянии Шабдан Джантаев, не занимавший никакой должности, собрал своих родовичей, напал на шайку Османа, разбил ее (причем убиты двое людей Шабдана) и освободил скрывшагося в лесу уездного начальника; шайка Османа была преследуема до Кашгарских границ, где Осман скрылся, потеряв весь свой скот и имущество. За эту заслугу Шабдан Джантаев был награжден туркестанским генерал-губернатором почетным халатом 2-го разряда и большою золотою медалью на Станиславской ленте... (свидетельства утеряны. Медаль и халат привез из Ташкента и выдал майор Загряжский).

Во внимание особых заслуг награжден туркестанским генерал-губернатором почетным халатом 1-го разряда... (свидетельство №142).

В 1876 г. во время похода на Коканское ханство Шабдан Джантаев состоял джигитом при отряде Семиреченского казачьего войска есаула барона Штакельберга, двинутом по распоряжению командующаго войсками округа из Нарына в Коканское ханство,

при движении сего отряда к г. Намангану Шабдан Джантаев участвовал в делах с коканскими мятежниками под предводительством Пулат-хана близ городов Батакара и Спискена, отличившись особою храбростью, за что командующим войсками округа награжден знаком отличия военного ордена 4-й ст. (копии с приказа нет) и серебряною медалью в память покорения Коканского ханства (свидетельство №9945)...

В 1877 году участвовал в экспедиции, предпринятой для усмирения алайских кара-киргиз, предводимых Абдулла-беком, отрядом под начальством ферганского губернатора генерал-майора Скобелева, принимал участие с 40 содержимыми за свой счет джигитами в преследовании Абдулла-бека до Таш-Кургана и Каратегина; за заслуги эти получил от командующего войсками 2000 р. и почетный халат 1-го разряда (свидетельство утеряно). В том же году участвовал в усмирении волнений алайских киргиз под начальством Джантым-хана.

В 1878 году Шабдан Джантаев состоял с джигитами своими при выставленном на китайской границе на р. Атбаш отряде под начальством войскового старшины Гринвальда, получив за заслуги большую золотую медаль на Анненской ленте...

За заслуги по части благотворительности получил знак общества Краснаго Креста (свидетельство утеряно)...

За особия заслуги награжден туркестанским генерал-губернатором почетным халатом 1-го разряда (свидетельство №147)...

В 1883 году, будучи командированным от киргизскаго населения области депутатом на священное коронование ИХ ВЕЛИЧЕСТВА, ВЫСОЧАЙШЕ награжден чином войскового старшины милиции, золотыми часами с таковою же цепочкою и почетным халатом 1-го разряда...

В 1884 году получил ВЫСОЧАЙШЕ утвержденную медаль в память священнаго коронования ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА [Александра III] .

5. Был ли в походах против неприятеля и в самих сражениях и когда именно.

Был [в] 1876 г. при покорении Кокандскаго ханства. Участвовал в деле с кокандскими мятежниками близ городов Батакара и Спискена. В 1877 г. участвовал в экспедиции, предпринятой

для усмирения алайских кара-киргиз под предводительством Абдулла-бека. В том же году участвовал при усмирении алайских киргиз под начальством Джантым-хана.

6. *Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, когда и за что именно; по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке, не был ли оставлен в подозрении по преступлениям, влекущим за собою такие ограничения; когда, каким судом и за что именно.*

Нет.

7. *Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени; явился ли в срок, и если просрочил, то когда именно явился, была ли причина просрочки признана уважительною?*

Не был.

8. *Холост или женат, на ком; имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения детей, где они находятся и какого вероисповедания.*

Женат на четырех кара-киргизках: Шааке, Уполь, Аймухан и Меерхан, от которых имеет детей сыновей: Султанбая, родившагося в 1861 г., Ми-бая, родившагося в 1871 г., Сыддыка, родившагося в 1874 г., Мухетдина, родившагося в 1875 г., Исаметдина, родившагося в 1876 г., Камельитдина, родившагося в 1882 г., Амальитдина, родившагося в 1883 г., и дочь Айнабиби, родившуюся в 1875 г., и сына Абдулазиза, родившагося в 1886 году.

Верно:

И. об. советника [подпись]

За делопроизводителя [подпись]

Заверенная копия.

РГИА, ф.и. 1276, оп. 6, д. 712, л. 11–21.

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКА ОШСКОГО УЕЗДА ИОНОВА

1893 г., СЕНТЯБРЯ 25-го

Господину военному губернатору Ферганской области

Рапорт

Вследствие личного приказа Вашего превосходительства сделать представление о заслугах киргизки Курманджан датки для возбуждения ходатайства о награждении ее золотой медалью на Андреевской ленте имею честь донести следующее:

Курманджан датка Маматбиева, 82 года от роду, из рода япалак, играла видную роль при бывших мусульманских правителях Ферганы и в те еще времена приобрела небывалое для женщины в Азии влияние среди киргиз нынешней Ферганской области, а затем, несмотря на превратности судьбы, сумела сохранить это влияние до последних дней, справедливо пользуясь им по настоящее время.

Муж Курманджан датки – Алымбек-парваначи — последовательно был хакимом Оша и Андижана, во время же юности Худояр-хана в звании наместника правил почти неограниченно всем ханством.

В дни славы и влияния своего мужа Курманджан датка жила безвыездно в Гульче и от имени своего старшего сына Абдуллабека управляла всеми киргизами многоколенного рода утуз-огул, пока во время смуты и восстания кыпчаков муж ее, как говорят, по наущению самого Худояр-хана не был умерщвлен в Коканде.

После восстановления относительного порядка в стране Худояр-хан, желая привлечь на свою сторону Курманджан датку, а также ценя выдающиеся ее дарования по управлению киргизами и популярность, которою она пользовалась в народе, пожаловал ей чин датки (генерала) и, утвердив ее в звании правительницы всего алайского кочевого населения, старшего сына ее, Абдуллабека, назначил хакимом в Оше.

Пожалованье столь высокого звания женщине при свойственном мусульманам взгляде на них составляет едва ли не единственный пример в истории мусульманских народов.

События 1875–1876 гг. и присоединение бывшего Кокандского ханства к империи застали Курманджан датку в звании правительницы алайских киргиз.

Хорошо сознавая, что у киргиз нет шансов для успешной борьбы с русскими, она пыталась уговорить Абдуллабека подчиниться нам, но не преуспела в этом и откочевала к Улугчату в нынешние китайские пределы.

Весною 1876 г. Абдуллабек собрал огромные скопища киргиз и, несмотря на жестокое поражение под Янги-арыком, деятельно готовился к защите родных гор, рассчитывая, что русские не рискнут предпринять движение в горные труппы по неразработанным тропинкам, едва проходимым даже для киргиз.

Такое настроение киргиз и вредное влияние их на вновь покоренное оседлое население Ферганы вызвало Алайскую экспедицию. Русские войска были двинуты одновременно вверх по долинам рек Гульчи, Ак-Бууры и Исфайрама и появились на Алае, а Абдуллабек, отступив на оз. Кара-Куль, удалился в Кабул, где вскоре умер.

По прибытии русских войск на Алай Курманджан датка явилась в отряд и, обласканная бывшим военным губернатором области, покойным М.Д. Скобелевым, не только вернулась на жительство в Гульчу, но и вызвала в Россию сыновей своих, из коих Батырбек состоял на службе у Якуб-бека Бадаулета в Кашгаре, а Махмутбек и Хасанбек находились в Кабуле.

Все они явились и ввиду влияния, которое имела Курманджан датка на туземное население, назначены были на должности волостных управителей.

Прекрасно понимая, что мирное развитие и благоденствие населения возможно только при полном подчинении правительству, Курманджан датка употребила все свое влияние на поддержание спокойствия среди алайских киргиз, которые, несмотря на свойственную кочевникам склонность к удали и беспорядкам, только благодаря ее влиянию не принимали никакого участия в периодически появлявшихся толках и волнениях, охватывающих временами почти поголовно население Ферганы.

Почтенная деятельность Курманджан датки высоко ценилась всеми туркестанскими генерал-губернаторами, которые при

каждом посещении области награждали ее богатыми подарками, а покойный главный начальник края генерал-адъютант фон Кауфман в 1880 году исходатайствовал Высочайшее соизволение на пожалование ей пожизненной пенсии в размере 300 рублей в год.

Влияние Курманджан датки на кочевое и отчасти оседлое население с течением времени не уменьшилось, чему характерным примером может служить, что из семи волостей, составляющих Ошский уезд, пять из них по выборам населения управляется сыновьями, внуками и двоюродным братом ее.

Все вышеизложенное настолько определяет выдающиеся заслуги Курманджан датки, что пожалование ей вне правил золотой медали на Андреевской ленте, по мнению моему, будет только справедливым вознаграждением ее честной и в высшей степени полезной деятельности.

Начальник уезда...

Секретарь...

Горная царица Курманджан и её время... – С. 98–100.

УВЕДОМЛЕНИЕ ИОНОВА О НАГРАЖДЕНИИ КУРМАНДЖАН ДАТКИ

1893 г.

Господину военному губернатору Ферганской области

Начальник Главного штаба отношением от 2 апреля сего года за № 168 уведомил г. и. д. генерал-губернатора, что Государь Император по всеподданнейшему докладу ходатайства Главного начальника края в 1-й день апреля высочайше соизволил на назначение кара-киргизке Ошского уезда Курбан-Джан датхе пожизненной пенсии из Государственного казначейства, согласно заключению министра финансов, в триста рублей.

Канцелярия генерал-губернатора имеет честь уведомить об этом Ваше Превосходительство.

Помощник правителя канцелярии ...

Делопроизводитель ...

Горная царица Курманджан и её время... – С. 101.

**ВМЕСТО
ЗАКЛЮЧЕНИЯ**

НОВАЯ КНИГА О КУРМАНДЖАН

В книге на богатом историко-этнографическом материале, представленном множеством архивных и литературных источников, показаны биография легендарной Курманджан датки и эпоха, в которую она жила, – это период кокандской деспотии и российского колониализма.

Несмотря на обилие художественных и научных работ об Алайской царице, в ее биографии по-прежнему немало «белых пятен». Авторы проливают свет на многие из них, опираясь на большое количество малоизвестных архивных документов. Умело использован и другой материал – множество народных легенд, собранных, что называется, из первых рук у самих носителей, в ходе «полевых исследований», статьи и заметки современников героини.

Данная работа прослеживает практически весь жизненный путь Курманджан датки как политика и общественного деятеля. Показана и другая недостаточно известная грань ее личности – как поэтессы, написавшей немало талантливых произведений под псевдонимом Зыйнат. Этот дискуссионный сюжет почему-то настойчиво обходят наши литераторы и критики.

Кроме того, биография родоправительницы Алая показана сквозь призму обстоятельств ее жизни, её окружения и родственников. В ткань повествования вплетено множество сопутствующих сюжетных линий, передающих биографические сведения, например, о Худояр-хане, об Исхаке – самозваном Пулат-хане, Шабдан-баатыре, генерале М. Д. Скобелеве, многих других известных и малоизвестных исторических личностях, живших во времена Курманджан датки.

Книга рекомендована широкому кругу читателей.

**А.А. Акматалиев,
академик НАН КР, докт. филол. наук, профессор.**

ЧЕРПАЯ ИЗ ИСТОЧНИКА ПОДЛИННЫХ ФАКТОВ

Сименем Курманджан датки связано множество народных легенд и реальных исторических событий. И все же образ царицы Алая в настоящее время лишь начал становиться по-настоящему общеизвестным, поскольку прошли годы исторической амнезии, инициированной «сверху» в советскую эпоху.

За неполные два десятилетия независимости Кыргызстана приоткрылась завеса, отделяющая нас от сокрытого под грифом «секретно» богатого пласта нашей истории. Но оболящаться таким «всезнанием» пока рано: порой велик соблазн выдать желаемое за действительное. Найдется немало желающих сделать себе имя, искажая и профанируя историческую правду. Чтобы фальшь таких горе-исследователей не заглушила голос истины, необходим настоящий глашатай, который бы совместил наметанный взгляд профессионального историка с изящным пером литератора – создателя популярных бестселлеров. Именно такими качествами обладают авторы книги «Курманджан – Алайская царица. Эпоха глазами современников и потомков».

Собрав немало подчас малоизвестных сведений, авторам удалось показать в полном объеме гигантскую роль, которую сыграла Курманджан датка в весьма драматичный период кыргызской истории. Но не только интересующегося историей привлечет эта книга. С ней проведет немало приятных минут и любитель увлекательных романов. А как же иначе, если даже при жизни родоправительницы рождались яркие, порой фантастические сказы и легенды, написаны о ней книги, статьи, дневниковые записи путешественников. Притом поданы они легко и изящно, что отличает истинную литературу.

И все же изложенное на страницах издания является и научной работой. Поскольку перед нами собрание

фактов, прошедших сквозь сито компетентной проверки их достоверности. Масштаб личности Алайской царицы удачно показан на фоне всего спектра событий эпохи упадка Кокандского ханства и жизни в составе Российской империи, событий от судьбоносных до, казалось бы, малозначимых.

Ищущий истины теперь может утолить свою жажду из чистого источника.

А.А. Асанканов,

чл.-корр. НАН КР, докт. ист. наук, профессор.

Список сокращений

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
ВУА	Военно-ученый архив
ГАОО РФ	Государственный архив Омской области Российской Федерации
ИРГО	Императорское Русское географическое общество
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГВИА	Российский государственный военно- исторический архив (г. Москва)
РГИА	Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
Ф. Главн. арх.	Фонд Главного архива
Ф. И.	Фонд Исторического архива
ЦГА КР	Центральный государственный архив Кыргызской Республики (г. Бишкек)
ЦГА РК	Центральный государственный архив Республики Казахстан (Алматы)
ЦГА РУз.	Центральный государственный архив Республики Узбекистан (г. Ташкент)

СОДЕРЖАНИЕ

Вводное слово	6
Часть первая	
ВО ВРЕМЕНА КОКАНДСКОГО ХАНСТВА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
Глава I. Курманджан датка и этапы становления кыргызской государственности	16
Глава II. Как кыргызы вошли в состав Кокандского ханства	26
Глава III. Что такое Кокандское ханство и как с ним боролись кыргызы	49
Глава IV. Российско-британское соперничество в середине XIX века на Памиро-Алае	66
Глава V. Путешественник Алексей Федченко в Туркестане	76
Глава VI. Как сыновья Курманджан датки помогли Габриэлю Бонвалоту	84
Глава VII. По Средней Азии с винтовкой и блокнотом	100
Глава VIII. Летописец Курманджан датки	116
Глава IX. Эпоха Курманджан датки: закат Кокандского ханства	129
Глава X. Быт и верования кыргызов во времена Курманджан датки	139
Глава XI. Нравы и мораль ханского двора Коканда времен Курманджан датки	152
Глава XII. Ош в древности и во времена российской колонизации	160
Глава XIII. Алымбек датка и его медресе	182

Глава XIV. Абдуллабек и Пулат-хан: история гордыни	200
Глава XV. Еще раз о Курманджан и Шабдане	208
Глава XVI. Алайская царица и Андижанское восстание 1898 года	214
Глава XVII. Алай и его царица в путевых записях Карла Маннергейма	223
Глава XVIII. Поэтический дар Алайской царицы	232
Глава XIX. Коммунист Кадырбек, внук Алайской царицы, и другие потомки Курманджан	245
Глава XX. Он воссоздал Курманджан на века	255

Часть вторая

НЕКОРОНОВАННАЯ ЦАРИЦА АЛАЯ (ЭССЕ)	265
Вместо предисловия	266
Как вышла замуж Курманджан	268
Серебряная камча	276
Курманджан становится даткой	287
Русские пришли	293
Письмо	300
Трагедия, достойная Шекспира	308
Царский дар	313
Решение Курманджан	315
Опасная тайна базара	317
Чрезвычайное сообщение	319
Повстанцы	322
Последствия	325
В Царском Селе	327
Кончина	329
Потомки	333

Часть третья

СОВРЕМЕННОКИ О КУРМАНДЖАН 337

А.П. Федченко. Путешествие в Туркестан 338

Н.А. Аристов. Усуни и кыргызы, или кара-кыргызы 340

Б.Л. Тагеев. Царица Алая 347

Б.Л. Тагеев. Русские над Индией 357

Е. Марков. Россия в Средней Азии 370

Газ. «Туркест. ведомости». Царица Алая (некролог) 376

Х. Бобобеков. Курманджан – Зыйнат:
генерал и поэтесса? 380

Часть четвертая

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ 383

Вместо заключения 407

Новая книга о Курманджан (*А.А. Акматалиев*) 408

Черпая из источника подлинных фактов
(*А.А. Асанканов*) 409

Список сокращений 411

Лит. редакторы:

В. Воропаева

Р. Мукамбетова

А. Токомбаев

Владимир Михайлович Плоских

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ III

Курманджан – Алайская царица.

*Эпоха глазами современников и потомков:
исследование, эссе, материалы, документы*

Редактор: д-р ист. наук С. В. Плоских

Дизайн, компьютерная верстка: *В. Горнушкин*

Подписано к печати 16.04.2015.

Заказ № 47.

Формат бумаги 60 × 84 ¹/₁₆. Объем 27 п. л.

Тираж 250 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»

